

Драко

ЦЕПЬ АРИАДНЫ

Был знак: белый камень пал с неба,
И разбился на сотни осколков,
На тысячи камней,
Белых, острых,
Не задели они Вирату.

Тогда увидели: шестой из ранга Тцепек,
Встал и вышел к месту огня,
Один против всех,
Голодных, безумных,
Не тронули они Вирату.

Вирату сказал: белый камень видел свет,
И светло, где он был,
Там много камней,
Белых, светлых,
Нет без них жизни Вирату.

Его спросили: как найдёшь ты место,
Где много белых камней,
Где всегда светло,
Где не живут,
Как найдёшь, Вирату?

Он сказал: пойду и найду,
И ушёл навсегда,
В темноту,
За светом.

*"Вирату кдат'каноз" ("Следы в пыли")
стихи 109 – 113*

Часть первая

Горизонт событий

Пролог

Шевелиться нельзя. Что происходит там, внизу? Неважно. Любое движение, стук сердца, даже неосторожный взгляд означали гибель. Застыть, обратиться в тень, в камень, в растение – других мыслей у нее не осталось. Отчаяние, боль, горечь утраты, тоска, одиночество, даже страх, все отступило в такие глубины сознания, что на поверхности не осталось ничего. Она стала оболочкой, сухой, мертвой, неподвижной. Оболочкой для единственной мысли: шевелиться нельзя.

Время тянулось, как черный бесконечный туннель. Где-то вдали, за окном – в другом мире – солнце готовилось ко сну, теплый ветерок ласкал аккуратные клумбы и живые изгороди, скользил по идеально подстриженной газонной траве, будто конькобежец на показательных выступлениях. Как там хорошо... Но шевелиться нельзя. Медленно, слишком медленно, день угасал.

Шум внизу давно стих, но она знала, как обманчива бывает тишина. Далеко-далеко, в конце длинного белого коридора, на стене висели часы; каждую полночь они издают негромкую мелодичную трель. День за днем, месяц за месяцем ее приучали реагировать на этот звук. Едва пробьет полночь, подсознание прикажет телу выйти из транса. Вновь заработает сердце, кровь согреется и тепловые сканнеры сообщат о появлении живого существа там, где еще минуту назад никого не было. За тот короткий миг, пока сонные охранники будут поворачиваться к экранам, она надеялась пересечь коридор.

Щелчок: рабочий день кончился, и люминесцентное освещение погасло во всем здании. Остались лишь тусклые аварийные лампы. Цифры на электронных часах в конце коридора озарили сумрак зловещим зеленым светом. Оставалось четыре часа.

Два часа. Густая, давящая тишина царила повсюду. В целях безопасности, на

ночь весь комплекс герметически запечатывали, вентиляционные пути перекрывались, кондиционеры и окна блокировали бронешитами. Секретная служба редко давала гарантии, что проникнуть на объект без включения тревоги невозможно; здесь такую гарантию дали.

Час. Целый час... Почему брат не стал защищаться? Ведь он мог. У него был шанс, даже лучше чем у нее сейчас! Но брат всегда отличался холодным и четким мышлением, не то что она, эмоциональная глупышка. Шанс спастись стоит недорого, если за ним последует тотальная охота и верная смерть для обоих. Брат сотни раз объяснял ей это, и все равно... С ним будто погибла большая часть известного ей мира. Как больно...

Боль! Она вновь начинала чувствовать боль и горечь утраты! Это означало преждевременное окончание транса. Активность мозга стремительно нарастала, еще чуть-чуть, и организму придется запустить сердце, чтобы не погибнуть.

Нет. Так нельзя. Она не имеет права. Ради брата. Ради будущего. Боли нет. Шевелиться нельзя. Ресурс ее выносливости еще далеко не исчерпан, она выдержит. Осталось всего десять минут до полуночи.

Пять минут.

Минута...

Часы на стене издали негромкий мелодичный сигнал, и в тот же миг время с грохотом возобновило свой бег. Она судорожно втянула воздух, чувствуя, как сердце разгоняется почти до предельного, смертельно опасного ритма. Холодная кровь с такой скоростью рванулась по жилам, что на миг перед глазами все потемнело. Жестокая боль в оживающем теле впиалась миллионами игл в каждое нервное окончание.

Но времени страдать уже не было. Три секунды, внушал ей брат. Всего три секунды. Первая – чтобы выйти из транса, вторая – вложить все силы, без остатка, в рывок по коридору. Если к исходу третьей секунды не достичь слепой зоны теплосканнеров, включится тревога.

Сигнализация сработает в любом случае, но – лишь на десятой секунде, поскольку, утратив цель, сканнеры должны пройти самодиагностику. Человек мог бы решить, что движение ему померещилось, но компьютеры галлюцинациям не подвластны, а потому, едва убедившись, что приборы в порядке, бесстрастная машина

включит тревогу.

Рывок удался. Судорожно дыша и корчась от боли в перенапряженных мышцах, она застыла за красивой алюминиевой кадкой с громадным кактусом. Земля в кадке служила отличным экраном от теплосканнеров, проектировщики защитной системы этого не учли. Именно здесь начинался путь на волю, который долгие месяцы готовил брат...

На краткий, неуловимый миг она позволила себе зажмуриться от боли. Учитывая обстоятельства, это был настоящий подвиг. Но мгновение слабости прошло; вновь ожили вызубренные до полного автоматизма процедуры. Прижавшись спиной к прохладному алюминию, она зажмурилась и мысленно нащупала скрытую в земле капсулу.

Последний рубеж – теперь все решала удача. Если прибор, дистанционно собранный по крупицам и ни разу ранее не включавшийся, подведет...

Не подвел. Ощувив, как по телу струятся потоки жидкого металла, истекавшего прямо сквозь алюминий, она не удержалась от счастливого вздоха. Брат, брат... Какие же гением ты был...

До включения тревоги оставалось целых две секунды, когда поток призрачной стали иссяк. Теперь беглянку с ног до головы покрывал тонкий слой сверкающей золотистой субстанции, напоминавшей ртуть. При контакте с воздухом, этот металл быстро окислялся и терял свои полумистические свойства, но несколько минут в запасе имелось. Терять их не стоило.

Последний раз вдохнув стерильный воздух комплекса, она зажмурилась и напряглась, вызывая на коже электрический заряд. Аморфный металл, покрывавший ее тело, послушно забурлил мириадами микровихрей и беглянка беззвучно провалилась в бетонный пол.

Метрах в сорока под фундаментом комплекса тянулась огромная связка кабелей. Вдоль них легко добраться до ветки метро, а там...

Там видно будет, подумалось ей.

Глава 1

Отблески фонарей, пронесившихся снаружи, ритмично озаряли стены сквозь забранные решетками отдушины под потолком. Вагон мелко вздрагивал на каждом стыке. Ветер гудел уныло и равномерно, его безрадостную песню лишь изредка нарушал скрип старых досок. От вони воздух казался густым.

Элджи старался не думать о запахе. В угол, где проржавевшие насквозь листы обшивки пропускали свежий воздух, он натаскал со всего вагона клочки более-менее чистого сена и устроил себе уютное местечко. Холод его не пугал, за последние недели шерсть изрядно отросла и посветлела. Как у волка зимой, думал иногда Элджи.

Путешествие близилось к концу. Шесть – или семь? – месяцев потрачено впустую. Слухи слухами, а все же... Элджи упрямо сжал коготки. Нет, даже мизерный шанс того стоил. Конечно, он не ожидал разбить самолет в первую же неделю поисков, но, так или иначе, все опасности уже позади. В очередной раз ему удалось выжить и вернуться домой вопреки всему миру. Такими темпами, глядишь, скоро можно будет отправляться в экспедиции вовсе без оборудования... Да и о потерянном времени жалеть незачем. Если Элджи хоть что-то понимал, а понимал он немало – времени было вдоволь. Куда больше, чем идей, на что его тратить.

Вздыхнув, Элджи подтащил к себе рюкзак и вытащил последний кусочек колбасы. Ему вовсе не хотелось есть, но заняться было решительно нечем, а еда могла скоротать хоть несколько минут... Прежде, чем вновь застегнуть рюкзак, полюбовался на картинку, украшавшую изнанку клапана.

– Наступит чудное мгновение, и предо мной явишься ты, – грустно шепнул Элджи. – Исток мечты и вдохновения, звезда любви и доброты...

Ласково коснувшись фотографии, он вздохнул, застегнул рюкзак, уселся на хвост и, угрюмо глядя в пол, принялся жевать колбасу.

Сорок лет назад, думал Элджи, здесь все было по-другому. Сорок лет назад к железной дороге нельзя было даже подойти без пропуска, а люди верили в важность своей работы. Без разницы, чем они занимались – всякая работа была важна, и деньги служили простой наградой за труд, а не целью любого труда... Да, сорок лет назад Элджи едва ли осмелился бы предпринять столь рискованное путешествие поперек всего континента. И уж точно не сумел бы вернуться после гибели самолета на самом

дальнем участке маршрута.

Впрочем... Он ведь был на сорок лет моложе. И пусть тело с тех пор совершенно не изменилось – сорок лет жизни отпечатались в памяти. А что будет еще через сорок лет? А через сто сорок?

Элджи вздохнул и с отвращением посмотрел на колбасный ломоть. Зачем ему эта гадость? Завтра вечером поезд с шипением остановится на маленькой станции в степи, в сотнях километров от любого большого города. И долгий, долгий, бесконечно долгий путь наконец завершится.

Элджи закрыл глаза и тихо улыбнулся. Боже, как приятно будет вернуться домой! Остричь вонючую, грязную шерсть, принять горячую ванну с массажем, впервые за полгода наестся настоящей еды, а не отбросов! Узнать новости, вернуться к цивилизации... Рассказать друзьям о поездке... Друзьям... Да... Друзьям.

Ломоть колбасы выпал из рук, когда Элджи в ярости стиснул коготки и уронил голову. Друзья... Какие друзья?!

– Я найду тебя, – прошептал он гневно. – Где бы ты ни был, найду...

Элджи перевел дыхание.

– Найду, – уже спокойнее, сказал в пустоту. – И уподоблюсь.

Отблески фонарей беззвучно скользили по стенам, с гипнотическим ритмом то освещая вагон, то погружая во мрак. Равномерный стук колес казался биением сердца спящего великана.

– Думай, что хочешь, – авторитетно заявил Виктор, – Но статья не пойдет. Даже не думай.

Ив потер переносицу.

– Так думать, о чем хочу, или даже не думать?

– Вот за такие фразочки я тебе и плачу, – заметил Виктор. – А что ты принес?

– Статью.

– Не похоже.

Ив ответил с неожиданной горечью:

– Как раз похоже, Витя. В отличие от любимых тобою фразочек.

Виктор помолчал.

– Ну, ладно, – он вздохнул. – Ругать не стану, сам таким был. Знаю, хочется хоть раз, да в высшую лигу...

– В высшую? – переспросил Ив. – Да мне нашу газету читать стыдно! Я не могу рассказать жене, о чем сегодня писал, потому как забываю этот бред быстрее чем добираюсь до дому!

Виктор рассмеялся.

– Поделюсь страшным секретом, – сказал он таинственно. – Знаешь, у меня раньше в Москве была небольшая контора, выпускали игры для мобильных. Сам я, как понимаешь, в этом деле дуб, но отыскал парочку толковых ребят на мели, собрал команду в общем...

– К чему клонишь? – нетерпеливо спросил Ив.

– Да так, – усмехнулся Виктор. – Думаю, тебе не лишне будет знать, что ни один программист не станет играть в игру, которую сам же делает. Потому как игры – они для толпы, Ваня, а кто игру делает – по определению не часть толпы. И если он выпустит продукт, ему же самому интересный – толпа его не поймет, а значит не купит, а значит толковые ребята окажутся на мели и станут работать за гроши. Работать на толпу...

Виктор уже наставительно поднял палец, собираясь продолжить лекцию, но тут зазвонил телефон. Ив облегченно вздохнул:

– Я отвечаю, – он снял трубку. – Редакция «Вечернего некроманта»...

Некоторое время журналист молча слушал, широко раскрыв глаза от удивления. Затем, заслонив ладонью микрофон, взглянул на шефа:

– Не поверишь, кто звонит.

– Кто? – недовольно спросил редактор. Его прервали в середине назидательной речи.

– Очевидец! – шепнул Ив. – Хочет, чтобы мы написали статью!

– Шутишь? – Виктор схватил трубку. – Да, да, с вами говорит главный редактор! Вы стали свидетелем мистического явления? Где? Здесь, у нас? Прямо в городе?!

Минутку! Я запишу адрес... Нет, нет, не надо ничего рассказывать, сейчас к вам придет наш сотрудник! Что? О, не волнуйтесь, конечно бесплатно! Адрес, да... Записываю... Телефон? Мобильный? Прекрасно! Никуда не уходите, через десять минут прибудет наш эксперт!

Трубка заняла свое место, а Ив и Виктор некоторое время молча глядели друг на друга.

– Впервые, – сказал наконец Ив. – За три года, если не ошибаюсь?

– Два с половиной, – буркнул Виктор. – Ну? Не понял? Ты еще здесь?!

– Адрес дай, гений... – вздохнул Ив. Что-то ему подсказывало – денег на бензин у Виктора просить бесполезно.

Очевидец жил на окраине города, где многоэтажек уже не было, а ряды частных домиков напоминали деревню. Вдоль улиц там с обеих сторон шли глубокие канавы, где журчала вода и возились куры, а дома неизменно окружали садики, у кого пышные, у кого почти мертвые... По указанному адресу обнаружился небольшой и аккуратный домик с живой изгородью.

Сад вокруг дома, хоть и выглядел самым маленьким на улице, был на редкость ухоженным, а у калитки стояла красивая старинная скамья с узорчатой кованной спинкой. На скамье сидела сухонькая старушка с неожиданно широким, плоским как у эскимоски лицом, где самой заметной деталью был огромный крючковатый нос. Носила она строгое черное платье с грязным подолом, а на коленях держала зонтик. «Ну точно Шапокляк» – подумал Ив, выходя из машины.

– Здравствуйте, я Иван Кулибин, репортер «Вечернего некроманта», – представился он, нащупывая в кармане брелок сигнализации. – С вашего адреса нам звонили по поводу странных событий, свидетелем которых...

– Звонил сосед, – оборвала старушка. – Я просила. Когда я сама звоню, все бросают трубку. Или говорят, что приедут, но не приезжают. Кредит доверия у нас, старух, нулевой.

Она смерила Ива критическим взглядом.

– Вы, молодой человек, лучше не обольщайтесь, – предупредила старушка. – Я хорошо знаю, какого рода издание вы представляете.

– Э-э-э... – обескураженный журналист потер переносицу. – Зачем же тогда...

– А куда еще звонить-то? – холодно спросила старуха. – В «Аргументы»? В «Известия»? Вам объяснить, куда они пошлют человека, утверждающего, что он поймал говорящую мышь?

Ив моргнул. Выезжая на «дело», он ожидал встретить любого безумца, но к такому готов не был.

– Уважаемая...

– Елизавета Петровна Квач, – вставила старушка. – Доктор наук. Физика твердых тел. Расчёт ракетной обшивки.

– А-а-а... – Ив проглотил все, что собирался сказать и надолго умолк. Старушка спокойно ждала продолжения.

– Простите, – журналист наконец опомнился и взял себя в руки. – Елизавета Петровна... Вы производите впечатление весьма трезвомыслящей женщины.

– И, тем не менее, утверждаю, что поймала говорящую мышь, – закончила старушка. – Знаете, молодой человек, я не хуже вас понимаю, как это звучит.

– Тогда... – Ив растерялся. – У вас... Наверно, должны быть доказательства? Фотографии, или... – он запнулся, – ...запись голоса?

Елизавета Петровна фыркнула.

– Молодой человек, если б я предъявила вам фотографию мыши, и сказала, что мышь говорящая, вы послали бы меня туда же, куда и «Известия». И были бы правы. Нет, я просто покажу вам саму виновницу сенсации. Она в доме. Боюсь выносить на улицу – как бы не подхватила чего, зверек-то, можно сказать, уникальный.

Ив молча снял очки, вытащил платок, протер линзы и снова водворил очки на нос.

– Вы хотите сказать, – медленно произнес он, – Что сейчас покажете мне живую говорящую мышь? Не запись, не рисунок, не чревоушателя и не подделку?

– И даже дам ее погладить, – кивнула Елизавета Петровна. – Идемте, а то чай давно остыл. Ваш шеф сказал, десять минут, а я жду почти час.

– Адреса никто не знал... – механически пробормотал Ив. Он еще надеялся, что «говорящая мышь» окажется хитроумной игрушкой или плодом воображения старой женщины. Потому что поверить – означало сойти с ума. В этом Ив не сомневался ни на мгновение.

Лязгая старым металлом, тяжело сотрясаясь на стыках, поезд медленно уплывал в темноту. Час был поздний, людей на перроне давно не осталось. Элджи сидел под трансформаторной коробкой одного из фонарей и ждал, чтобы поезд отъехал подальше.

Знакомые с детства, запахи родных мест будоражили кровь. Казалось бы, прошло не очень много времени – всего шесть месяцев, но Элджи чувствовал себя так, словно вернулся после векового отсутствия. Будь проклят браконьер, столь невовремя решивший подстрелить мирно парившего в высоте беркута... Экспедиция была рассчитана всего на месяц и, если б не гибель самолета! Элджи свирепо щелкнул зубами. Теперь целый год, а то и больше, придется строить замену разбитому «Мьеннину». Какой был аппарат... Эх...

Он встряхнулся и покинул убежище под фонарем. Быстро пересек перрон, скатился по лестнице, юркнул в траву у стены, огляделся, принялся. Никого. Переведя дыхание, Элджи засеменил к дороге, стараясь, чтобы из травы не высывались даже кончики ушей. Кто знает, вдруг за время его отсутствия в округе вновь завелись совы или дикие кошки? Будет чертовски глупо погибнуть в такой близости от дома.

– Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко... – шептал Элджи, перебегая от укрытия к укрытию. Дважды замирал в траве, шестым чувством замечая опасность, но, к счастью, путь до ближайшего поста прошел без приключений. Несколько долгих секунд Элджи стоял перед дверью, чувствуя, как по всему телу разливается теплая волна спокойствия и радости. Понять его в эту минуту мог бы лишь узник, вернувшийся домой после многих лет плена. Даже не верится...

– Вот дом, который построил я, – пробормотал Элджи, нащупывая рычаг. – А это замочек, который, надеюсь, еще не испорчен, в доме, который построил я...

Дотянувшись до тумблера, он семь раз повернул его против часовой стрелки и

дважды обратно. Тихое жужжание сервомоторов показалось измученному путешественнику музыкой. Створки разъехались; Элджи скользнул в родной желтоватый полумрак. За хвостом плавно закрылась дверь.

Все было в точности, как он и оставил шесть месяцев назад. Лифт беззвучно нырнул в глубину, к транспортным туннелям. Контрольный дисплей внизу сообщил, что энергосистема функционирует нормально и за время отсутствия хозяина поломок не было. Элджи счастливо вздохнул.

Капсула домчала его до главной базы за пару минут. Еще час ушел на плановую диагностику всех систем – Элджи был помешан на порядке и просто не мог вынести, если хоть что-то, хоть где-то работало неправильно. В данном случае, к счастью, тревоги оказались излишни.

Убедившись, что база в полной безопасности и защитный периметр не нарушен, Элджи, наконец, позволил себе расслабиться и с ликующим писком бросился к сауне. Горячая вода! Массаж! Отдых! Боже...

Он приводил себя в порядок и отдыхал почти трое суток. К вечеру четвертого дня Элджи вновь ощущал себя разумным существом, а не комочком грязной шерсти, и решил, что пора возвращаться к цивилизации.

Пока ноутбук загружался, он поудобнее устраивался в кресле перед изобретенной им самой сенсорной панелью, заменявшей сразу и мышшь, и клавиатуру. Заменявшей мышшь... Элджи усмехнулся. Да уж, в мышках он не нуждался. Вернее, нуждался – только не в компьютерных...

Почтовые ящики, как и ожидалось, были забиты спамом. Писем Элджи ни от кого не ждал, так что, быстро просмотрев заголовки, стер разом все кроме новостных рассылок. Давным-давно он написал программу, собирающую со всей Сети новости на единственную интересовавшую его тему. В этот раз, правда, ничего интересного не попало – за целых шесть месяцев! Или семь?

Он тяжело вздохнул и обмяк в кресле. Сорок лет... Другой бы давно сдался, но Элджи отличался невероятным упорством в достижении любой поставленной цели. Он попросту не мог думать ни о чем ином, пока не достигал успеха, и сильно подозревал, что данное свойство характера было запланировано изначально, как и многие другие детали, с трудом объяснимые логикой. Но Элджи это не огорчало. Он

давно привык и даже научился извлекать выгоду из особенностей своей природы.

Некоторое время он бездумно бродил по Сети, надеясь отыскать что-либо интересное. Тщетно. Оставалось проверить пару дайджестов и единственную новостную группу, где Элджи принимал участие в дискуссиях. Он давно мечтал добраться до закрытых военных сетей, веря, что именно там может найти свою цель – но боялся так рисковать. Элджи прекрасно, на собственном опыте знал, какая пропасть лежит между истинными возможностями спецслужб, и наивными сказочками, которыми любят пугать друг друга обыватели. При большом желании, враг мог обойти все меры предосторожности и оборонные кольца, созданные Элджи, выследить откуда тот входил в сеть и подготовить ловушку. Единственной надежной защитой было отсутствие заинтересованности в рядовом пользователе Сети, не сующим свой нос в опасные места.

Дайджесты не смогли предложить ничего интересного, и Элджи набрал адрес новостной группы. Просмотрел темы, заглянул в архив... Пару секунд старался вдохнуть. Мозг не сразу осознал новость, таившуюся под невзрачным заголовком «Объявлен карантин в институте Добронравова». Источником была локальная Зеленоградская газета.

Текст небольшой заметки гласил, что на бывшем оборонном предприятии, получившем после конверсии имя «Института бионики им. академика Добронравова», объявлен двухнедельный карантин, вызванный (у Элджи перехватило дыхание) побегом лабораторного животного. Подробности не сообщались, однако, газете удалось выяснить, что опасности заражения нет, и карантин объявлен лишь по причине высокой ценности сбежавшего зверька.

Вот и все. Потрясенный Элджи закрыл глаза и откинулся в кресле. Он хорошо помнил академика Добронравова – маленький смешной старичок с торчащей бородкой непрерывно бегал с места на место, размахивал руками, тараторил как сорока и задиристо, весело хохотал. В других обстоятельствах, Элджи, вероятно, мог его полюбить... Но ведь институт взорвался, лаборатории сгорели! Он прекрасно помнил, как сидел на дереве, дрожа от горя и сознавая свое полное бессилие.

Здания пылали не хуже доменных печей. Из окон бил такой жар, что даже в ста метрах от катастрофы раскаленным воздухом было почти невозможно дышать. На

фоне слепящего пламени, беспомощными гномиками бегали люди, и Элджи помнил, как в тот день впервые осознал – люди вовсе не боги, и рядом с такими явлениями они не более чем мелкие зверьки, вроде него самого. Пожалуй, это прозрение даже сильнее, чем пожар, повлияло на всю его дальнейшую жизнь.

Сегодня, сорок лет спустя, потрясенный Элджи молча смотрел на экран. Значит, институт восстановили! И так засекретили, что за все эти годы ни единого слова о нем не попало в средства массовой информации. Давняя психологическая травма не позволяла Элджи даже помышлять о возвращении на место трагедии, и, хотя он не раз искал сведения о погибшем институте, все было глухо. А ему-то казалось, та история давно похоронена под пеплом...

Элджи еще раз перечитал заметку. Лабораторное животное, мелкий грызун. Очень ценное животное. Его требовалось вернуть, а не уничтожить. Какие напрашивались выводы?

Вздохнув, он отключил ноутбук и направился в центральный отсек управления базой. Отдых, как и ожидалось, продлился недолго.

Интерьер дома производил столь же приятное впечатление, как и экстерьер. Сразу было ясно, что здесь живет пожилая женщина, не утратившая, тем не менее, с возрастом тягу к порядку и аккуратности.

Пол в главной комнате был застелен толстым ворсистым ковром темно-вишневого оттенка. Бежевые обои и слегка более темные, коричневато-красные занавески, формировали странное ощущение уюта. Ив машинально подумал, что в таком доме было бы неплохо провести старость...

– Вот она, – голос Елизаветы Петровны прервал мысли журналиста и тот, вздрогнув, обратил глаза к столу. Там, на красивейшей черно-оранжево-пурпурно-золотистой бархатной скатерти, стояла обычная клетка для канареек. В клетке сидела мышь.

Точнее, зверек, сидевший в клетке, весьма напоминал мышь. Если не считать чересчур крупных, глубоких зеленых глаз с круглым зрачком, и покрытого короткой

шерсткой хвоста, зверька было не отличить от большой серовато-сизой мыши. Ив осторожно отодвинул табуретку и уселся за стол, лицом к клетке. Старушка поставила перед ним стакан с чаем и вазочку, полную печенья.

– Угощайтесь.

– Успею, – отозвался журналист. – Елизавета Петровна, может... Попросите ее что-то сказать? Или... его?

Старушка улыбнулась.

– Это самочка. А почему бы вам не попросить?

– Э-э-э... – Ив сглотнул, но решил не ударить в грязь лицом и, всей душой чувствуя, как по-идиотски он сейчас выглядит, обернулся к спокойно смотревшей на него мышке.

– Ты умеешь говорить? – спросил Ив.

– Умею, – отозвалась мышь. По-русски. Тонким, однако вполне понятным голоском. Некоторое время оцепеневший Ив молча моргал.

– Елизавета Петровна, – произнес он наконец. – Как вы это делаете? Готов поклясться, голос шел прямо от зверька. И он даже двигал челюстями, словно...

– Я умею говорить, – сказала мышь. – И мыслить умею. Я разумное существо с другой планеты. Только никто не верит.

Мечущееся в панике сознание Ива неожиданно увидело слепящий солнечный свет и с воплем радости бросилось на волю:

– Инопланетянин! – благоговейно прошептал журналист. – Ну конечно!!!

– Не верь, – посоветовала Елизавета Петровна. – Никакая она не внеземная форма жизни. Наша, местная. Зерно, сыр и овсянку уплетает за обе щеки.

– Я уже устала повторять, – терпеливо сказала мышь. – Прежде, чем высадиться, я прошла подготовку. И язык выучила.

Старушка покачала головой.

– Напрасно стараешься, пушистик.

– Почему не верите? – грустно спросила мышка. – Неужели вам легче поверить в говорящего грызуна, чем в пришельца?

Ив открыл было рот, но Елизавета Петровна его опередила:

– Не в пример легче, – заявила старушка. – Я-то, поди, не студент-недоросль. Я

ученый. И что такое несовместимость метаболизма, знаю ой как хорошо.

Она подалась вперед:

– Будь ты хоть миллион раз пришельцем, есть нашу пищу бы не сумела. Ты хоть понимаешь, какое ненормальное совпадение должно получиться, что б инопланетная мышь начала усваивать все земные онимакислоты и белки?

– Онима...что? – испуганно переспросила мышка. Елизавета Петровна торжествующе ткнула пальцем в сторону клетки.

– Не знаешь!

– Знаю! – встрепелась мышь. – Просто не сразу поняла слово. Онимакислоты мне тоже переделали перед высадкой!

Старушка улыбнулась.

– Точно?

– Да, да!

– А если я скажу, что прямо сейчас это слово выдумала? – коварно спросила Елизавета Петровна.

Мышка поникла.

– А я... Плохо знаю русский! – нашлась она через мгновение.

– Так плохо, что спутала онимакислоту с аминокщелочью?

Мышь смешно закивала.

– Конечно! Где уж мне изучить все ваши слова?! Мне заменили аминокщелочь, а не кислоту!

Елизавета Петровна молча обернулась к Иву и сделала театральный жест в сторону клетки – любуйтесь, мол. Потрясенный журналист все еще пытался прийти в себя.

– Н-н-но... – он сглотнул. – Е-е-елизавета Петровна... Если она не пришелец, то кто же?!

– Мне-то почем знать? – удивилась старушка. – Знала бы, так уж не стала б газеты обзванивать и дуру из себя строить. Вторую неделю пытаюсь хоть кого-то заинтересовать, так нате ж – единственный, кто соизволил явиться, репортер дешевой желтой газетенки!

– Я не... – попытался Ив, однако Елизавета Петровна так сурово на него

взглянула, что слова сами застряли в горле. Удовлетворенно кивнув, старушка обратила взор на испуганную мышь в клетке.

– Вот что, дорогуша, – твердо заявила Елизавета Петровна. – Или ты сейчас говоришь правду, или я отдам тебя этому молодому человеку, а он, уж поверь, тут же помчится продавать тебя в лабораторию для опытов!

Мышка отпрянула и прижалась к прутьям.

– Не надо! – вырвалось у нее.

– Говори, кто ты! – приказала старушка.

Мышь поникла.

– Не знаю, – пискнула она едва слышно. – Правда, не знаю. Я одна такая на свете...

– Верю, – Елизавета Петровна кивнула. – Что одна такая. А что не знаешь – в жисть не поверю!

– Но это правда, – грустно сказала мышка. – Я не знаю, почему умею мыслить. Не знаю даже, где выучилась говорить по-вашему. У меня так устроен мозг, понимаете? Он очень маленький, места для долговременной памяти не хватает. Поэтому все, что было раньше, чем два-три года назад – я не помню. Только самое основное – язык, навыки выживания... А последние три года я обитала у вас в подполье, Елизавета Петровна...

– Три года? – переспросила старушка. – Да ведь мыши живут не более двух.

– Нет, – мышка смешно развела лапками в удивительно человеческом жесте. – Мне очень много лет. Я точно знаю.

Старушка нахмурила брови.

– И с чего ты это знаешь?

– С хвоста, – отозвалась мышь. Повернувшись, она аккуратно подняла лапками свой хвост и показала пораженным людям. – У нас, как у деревьев, каждый год на хвосте нарастают колечки. Поэтому, если мне ни разу не отрывали хвост в прошлом... – мышка запнулась – ...надеюсь, не отрывали... Мне должно быть около сорока лет. Я посчитала.

– Она и считать умеет, – пробормотал Ив.

Елизавета Петровна обратила к нему смеющиеся глаза.

– Ну что, молодой человек? Достаточно ли для вашей газетки мистического события, которое мы сейчас наблюдаем?

Потрясенный журналист с трудом перевел дыхание.

– Елизавета Петровна... Дорогая моя Елизавета Петровна... Вы хоть представляете, какая это сенсация?!

– Еще бы, – буркнула старушка. – Да только я ж вам сказала: не обольщайтесь. Ваша газетенка в жизни не переварит такую бомбу. Я вас для чего вызывала-то, знаете? – она уперла руки в бока. – Напишите статью, на весь номер, с фотографиями и стенограммой. Раскрутите мою мышку, и тогда на телевидении меня хотя бы выслушают, а не сразу позовут охрану.

– Я не ваша! – пискнула мышь. – Отпустите, я же не зверь!

– А кто? – сурово спросила Елизавета Петровна. – Человек?

– Но я же разумная... – растерянно сказала мышка.

Старуха фыркнула.

– Вот когда все газеты про тебя напишут, и по телевизору покажут, и книжки научные о тебе издадут – вот тогда станешь разумной. А пока что ты просто сенсация. Говорящий грызун. Нет! – Елизавета Петровна просияла – Грызун-говорун! Вот и название для вашей статьи, молодой человек!

Она властно указала Иву на дверь:

– Несите фотокамеру, или что там у вас. Да смотрите, без вспышки! У моей красавицы очень чувствительные глазки.

– Я не ваша... – обреченно пискнула мышь.

Ни Елизавета Петровна, ни журналист, не обратили на нее внимания.

Глава 2

На дисплее системы ночного видения тускло зеленели массивные кубические здания института, окруженные живописным парком и высокой бетонной стеной с камерами и вибросенсорами через каждые десять метров. Элджи с огромным трудом держал себя в лапках. Сорок лет, думал он, пока «Хьёнгин» мчался сквозь ночь. Сорок

лет поисков, сотни опаснейших экспедиций, ежедневный смертельный риск – а цель, невероятно, все время находилась в единственном месте, где он не искал. В месте, породившем его самого...

Индикатор на приборной панели показал, что самолет пересек зону сильного магнитного поля. Очевидно, защитная система куполом накрывала всю территорию комплекса, и даже парашютист был бы мгновенно обнаружен. Хорошо, что любая подобная техника обязана пропускать объекты размером с птицу, иначе тревога включалась бы каждую секунду.

Беззвучно посадив «Хьёнгин»-а на крышу самого большого здания, Элджи, дрожа от волнения, отстегнул ремни и выбрался сквозь люк в борту самолета. Если память не подводила, именно в этом блоке сорок лет назад академик Добронравов проводил свои опыты. Элджи проверил, хорошо ли закреплены униходы на лапках, включил поглощающую тепло прокладку комбинезона и быстрым шагом направился к водостоку.

Естественно, окна были опечатаны и даже закрыты бронешитками. Униходы с мягким чавканьем прилипали и отлипали от металла, пока Элджи спускался вниз. Добравшись до подоконника, он отключил компрессор, понизил разряжение в униходах и отцепил с пояса ультразвуковой резак.

Незримо вибрирующее лезвие, покрытое алмазной крошкой, быстро и беззвучно резало бетон. Проведя глубокую круглую канавку, Элджи отцепил с пояса раздвижной щуп с присоской и сунул его в щель. Подождал, пока герметизирующий состав на присоске хорошенько застынет.

С тихим жужжанием заработало сверло. Элджи не спешил; он ждал сорок лет. Как только стена была просверлена, разряжение внутри присоски исчезло, и теперь щуп удерживала лишь клейкая прокладка.

Датчик на конце щупа показал, что внутренние помещения находятся под наддувом, и – в чем Элджи не сомневался – любое изменение давления моментально вызовет тревогу. К счастью, он готовился и не к такому.

Из рюкзака был извлечен тонкий полиэтиленовый пакет. Элджи влез внутрь, тщательно промазал края герметиком и приклеил к стене вокруг разреза, получив таким образом некое подобие шлюзовой камеры. Компрессор на поясе был отсоединен

от унходов и за пару минут создал внутри пакета точно такое же избыточное давление, как в здании. Теперь можно было входить.

Доведя с помощью резака канавку в стене до сквозной, Элджи прицепил к бетонной «шайбе» тросик и аккуратно втолкнул вырезанный участок внутрь помещения. Напрягая силы, беззвучно опустил его на пол, чтобы стук не активировал емкостные датчики вибрации, расставленные по всему зданию. Дальнейшее было делом техники. За долгие годы, Элджи приобрел нешуточную сноровку взломщика.

Проникнув в помещение, он переключил забрало шлема в режим ночного видения и принялся. Да... Запах знакомый. Слишком знакомый. Глубоко вздохнув, Элджи скользнул вперед.

Защитный комбинезон полностью поглощал тепло тела, переправляя излишек в ранец, где имелся асбестовый накопитель. У столь маленького существа, как Элджи, рассеиваемое организмом тепло было очень мало, и комбинезон мог целых два часа изолировать хозяина от любого инфракрасного детектора. Та же система охлаждала выдыхаемый воздух, вдобавок работая как противогаз.

Датчики вибрации не реагировали на почти невесомого гостя, а лазерные лучи перед дверьми и окнами он видел на дисплее забрала и аккуратно обходил. Чувствуя себя невидимкой, маленький разведчик стремительно и беззвучно крался по коридору.

После пожара все изменилось. Первая комната, куда поспешил Элджи, помня, что сорок лет назад здесь держали животных, теперь оказалась складом химикатов. В следующей до самого потолка тянулись ряды картонных коробок, сильно пахло медикаментами. Хотя двери и были деревянными, резачу требовалось больше минуты чтобы проделать в каждой лаз, и Элджи понял – не выйдет. Тыкаясь вслепую, он мог растратить имевшиеся у него два часа, так ничего и не найдя.

Решение пришло быстро. Сунув резак в кобуру, Элджи поспешил к лестницам в конце коридора. Комната охраны должна была остаться на старом месте – там найдутся мониторы, он сразу узнает, где цель. Да, так и сделаем!

Дверь на лестничную клетку оказалась стальной. Элджи нетерпеливо дергал хвостом, пока резак вгрызался в железо, и понял свою ошибку, лишь когда было уже поздно ее исправлять. В прорезанную щель с шумом рванулся воздух.

«Проклятие!!!» – в лестничном проеме не использовался наддув. Элджи в

панике попытался заделать щель липкой лентой, но опоздал: взвыла сирена, под потолком вспыхнули лампы. Прибор ночного видения не успел понизить чувствительность матрицы и с жалобным писком отключился.

Элджи рывком откинул ставшее непрозрачным забрало. Дело начинало принимать серьезный оборот: мало того, что после недавнего побега охрана будет на взводе – куда хуже, что местные люди натренированы смотреть под ноги и ловить нарушителей размером с пачку сигарет. Плохо дело...

Проклиная параноидальных конструкторов защиты, Элджи бросился к своему лазу. Он успел покрыть почти половину пути, когда дверь на лестницу распахнулась и в коридор ворвались солдаты в противогазах. Противогазах?!

Сдрогнувшись, Элджи судорожным движением защелкнул забрало, но было уже поздно: в глазах двоилось, лапки подкашивались на бегу. Только сейчас он понял, что одновременно с тревогой сработали газовые патроны, заряженные совершенно неощутимым на запах и вкус боевым газом «ГНАТ», разработкой которого в числе прочих дел занималась лаборатория Добронравова. Очевидно, пожар не успел уничтожить их работу...

Задержав дыхание и борясь с головокружением, Элджи предпринял отчаянную попытку добежать до комнаты, где имелся лаз на волю. Солдаты в другом конце коридора разразились криками.

Элджи из последних сил бежал к далекой двери. В груди разгорался огонь, глаза почти ничего не видели. Если б не система кондиционирования, отсекавшая ядовитый воздух с тех пор, как было защелкнуло забрало, он бы давно потерял сознание – по проекту сорокалетней давности, «ГНАТ» действовал мгновенно. Только б добраться до лаза! В самолете есть стимуляторы, они не дадут отключиться еще несколько драгоценных минут, только и нужных для спасения... Нет... Не падать!!! Нет!!!

Нет...

Вечером Ив долго ворочался, не в силах уснуть. Жена с детьми гостила у родителей, вернуться должна была лишь на следующей неделе. Какая ирония! Именно сейчас, когда ему впервые было бы не стыдно показать ей газету...

Решив, что уснуть все же не сумеет, Ив сел на кровати и подтащил к себе ноутбук. Виктор пришел в восторг от первой статьи и сразу заказал цикл; нюх на сенсации у него все же имелся. Ив задумался, о чем писать дальше.

«Пожалуй, развить идею о борьбе видов...» – решил он. Макеты на все случаи жизни были подготовлены в ноуте давным-давно, и сейчас журналист выбрал шаблон «Статья-катастрофа». А что? Чем не катастрофа?

«Угроза всему человечеству?» – он задумался. Нет, лучше так: – «Человечество на грани гибели!» – да, это сойдет. И таглайн: «Мутанты среди нас!». Отлично, главное Виктору понравится.

Усевшись поудобнее, Ив начал печатать вступление:

«Вам может показаться, будто мы сгущаем краски, но задумайтесь: разумная мышь! Мышь, способная обхитрить любого кота, обмануть мышеловки, проникнуть в дом сквозь незаметную щель! Вы больше не сможете спать спокойно. А что, если хитрые твари захотят перегрызть ночью горло вашему младенцу? Незаметно отравить еду? Устроить пожар или газовый взрыв? А если такая мышь попадет к террористам?!» – Ив довольно улыбнулся. За каждое упоминание террористов в статье, Виктор повышал гонорар.

«Казалось бы, перед нами лишь мелкая говорящая тварюшка, но, если задуматься, она подлинный Всадник Апокалипсиса! За одной мышью последуют сотни, тысячи, миллионы других, вы ведь знаете, с какой скоростью размножаются грызуны...» – Ив нахмурился. В трее мигал значок «У вас новое письмо».

– Кому не спится? – пробормотал журналист. Недовольно поморщившись, он щелкнул кнопкой. В открывшемся окне появился текст сообщения.

– Пожалуйста, срочно, прямо сейчас, немедленно позвоните по номеру... – вслух прочитал журналист. – Есть информация об аналогичном говорящем грызуне в Подмосковье... Ну ни фига себе! – Ив улыбнулся. Вот что значит – сенсация. Почти три года никто не вспоминал об их газетенке, и выдумывать темы для статей приходилось самому, а тут, за каких-то два дня!

Трубку не снимали долго. Ив уже начинал сердиться, но тут наконец гудки оборвались и густой бас неторопливо произнес:

– Слушаю.

– Здравствуйте, это вы написали письмо о говорящем грызуне в Подмоскowie? – поспешно спросил Ив.

Долгая пауза.

– Да, я... – все так же неторопливо пробасил незнакомец. – Назовите ваш адрес, пожалуйста, а также телефон и марку автомобиля.

Ив вздрогнул.

– Зачем? – спросил он с подозрением.

– Чтобы я знал, что вы не самозванец. Письмо могли перехватить в ФСБ.

Журналист фыркнул.

– Полагаете, они бы не разведали все обо мне?

– Да, но не так быстро, – спокойно ответили в трубке. – Я выслал письмо пять минут назад. Итак? Я жду.

Пожав плечами, Ив сообщил нужную информацию. В ответе незнакомца прозвучало удовлетворение:

– Благодарю, – и трубку повесили.

Журналист сглотнул и некоторое время молча смотрел на телефон.

– Вот те раз... – пробормотал Ив. Такого он точно не ожидал.

Нервно перебрав плечами, журналист взглянул на часы. Полпервого ночи. Если он поддастся на эту дешевую провокацию и запаникует – тот, кто устроил розыгрыш, до конца жизни будет над ним смеяться. Но... С другой стороны... А если не розыгрыш?..

Глубоко вздохнув, Ив набрал номер Виктора. К счастью, тот жил в доме напротив. Ответили почти сразу – значит, редактор тоже не спал.

– Витя, это я, – Ив с ходу рассказал о звонке. К его изумлению, Виктор отозвался не смехом, а долгим молчанием.

– Мне тоже звонили, – сказал он наконец. – Просили дать твой адрес, телефон и марку автомобиля. Низким голосом.

Журналист буквально почувствовал, как волосы на голове встают дыбом.

– Что ты ответил? – спросил он хрипло.

– Я повесил трубку.

– Они перезвонили?

– Нет.

– Уффф... – журналист перевел дыхание. – Значит, не ФСБ...

– Уверен? – мрачно спросил Виктор. – Я бы на твоём месте пару дней погостил у друзей. Подальше от города. Оставь мобилу и машину дома, езжай на автобусе. Ноутбук и все материалы бери с собой. Мне не звони, они точно поставят прослушку, если ещё не поставили.

– Да... Да, лучше не рисковать, – Ив нахмурил брови. – Витя, та бумажка с адресом старухи – у тебя не осталось копии?

– К счастью, нет. И хоть убей, наизусть я адрес не помню.

– Значит, я их единственный ключ... – пробормотал Ив. – Витя, слушай внимательно: мчись в редакцию, прямо сейчас, обзвони всех друзей и скажи чтобы срочно, немедленно, стали звонить в офис со всех номеров которые смогут найти – мобилы, соседи, друзья, кто угодно. Надо набрать тридцать два звонка.

– Зачем? – удивился редактор.

– Старуха звонила вчера. Если они ещё не успели проверить АТС, у нас есть шанс – в буфере сохраняется только тридцать два последних номера, откуда тебе звонили.

Пауза.

– Ясно... – Виктор вздохнул. – Такое может и боком выйти, Ваня.

– Если найдут старуху, мы с тобой до конца дней будем в Сибири сидеть, – оборвал Ив. – Потому как сразу станем носителями гостайны стратегического значения. В курсе, чем это чревато?

– В курсе. Ладно, так и сделаю. А ты рви когти.

Трубка легла на место, и в квартире воцарилась душная, липкая тишина. До Ива только сейчас начало доходить, в какую историю угодили они с Виктором.

Элджи приходил в себя очень медленно и трудно. Страшно кружилась голова, тело ломило, болела каждая мышца. Целый час, а может и больше, он беспомощно лежал на спине, глядя вверх и вдыхая вонявший нашатырем воздух. В памяти почему-то назойливо вращалась песня «Наутилуса» – «...В комнате с белым потолком, с правом на надежду... В комнате с видом на огни...»

– С верою в любовь, – с трудом разлепив губы, прошептал Элджи. Напрягая все силы, он повернул голову и встретил взгляд внимательных голубых глаз.

Некоторое время человек и его пленник молча смотрели друг на друга. Элджи лежал на мягкой подстилке в кубическом боксе из десятисантиметрового кристаллического стекла, способного выдержать попадание кумулятивного снаряда, к лапкам и основанию хвоста пленника крепились датчики диагностической системы. Судя по сильной боли в плече, ему сделали инъекцию антидота, так что последствия отравления должны были быстро пройти.

В комнате толпились люди всех рангов и профессий. На столе рядом с боксом было аккуратно разложено оборудование Элджи, включая оставленные им за стеной компрессор и униходы, а в углу, в другом стеклянном боксе, пленник с ужасом заметил свой самолет. «Вот и все,» – понял Элджи. Свобода длилась сорок лет, и, хотя успел он не так уж и мало... Жаль. Обидно.

– Профессор, объект очнулся и что-то сказал, – произнес обладатель голубых глаз. Его тут же оттолкнули в сторону, и Элджи увидел лицо, которое до сих пор иногда вспоминал в кошмарах. От изумления он даже на миг позабыл, что скоро умрет.

– Глеб Николаевич... – прошептал потрясенный пленник. Добронравов отпрянул.

– Что-что?! – он сдвинул очки на нос и недоверчиво уставился на Элджи. – Ты говоришь? Что за глупый вопрос, разумеется, говоришь. Иное было бы странно! Да, да! Мое имя, вот что любопытно! Как ты его узнал?

Элджи с трудом улыбнулся. Какая разница, сейчас-то...

– Мы уже встречались, профессор, – отозвался он хрипло. – Хотя вы едва ли меня помните. Я LG-72005, чистая линия 67-05-Д.

– Как?! – вот теперь Добронравова изумили по-настоящему. Другие люди в комнате буквально оцепенели, тишину нарушало только тихое жужжание видеокамер.

– Над моей клеткой был ярлык, – отозвался Элджи. – Я тогда еще не умел читать, но запомнил, как выглядят буквы, а позже нашел в словаре. «L» и «G», сокращение от «Last Generation», да, Глеб Николаевич?

Академик молча, моргая, глядел на пленника. Элджи, в свою очередь, разглядывал ученого и размышлял, каким образом тот еще жив, ведь сорок лет назад ему было не менее шести десятков. Даже внешне Глеб Николаевич Добронравов не то, что постарел – он выглядел моложе и энергичнее, чем в те далекие дни. Объяснение напрашивалось лишь одно: какую-то часть модификаций, предназначенных Элджи, академик применил на себе и весьма успешно. Это разом поднимало столько вопросов, что пленник в отчаянии зажмурился. Боже, как несправедливо умереть сейчас, в начале такого приключения!

– «L» и «G» означают лицин и гуанин, – после длительной паузы сказал Добронравов. – В твоей линии азотные основания гуанин и цитозин были заменены пустотным белком – цеонием, а стеониновые литакциновые ланолиновые структурные соединения... – он запнулся и помотал головой. – Святые угодники, я объясняю мыши, какие опыты проводил над нею полвека назад!

Элджи с трудом заставил себя сесть и тяжело перевел дыхание. Газовые отравления – самые опасные и болезненные.

– Как видите, Глеб Николаевич, вы преуспели в куда большей степени, чем планировали, – сказал он устало. – Я разумное существо, и я совершенно не постарел за сорок лет.

– Невероятно... – прошептала толстая девушка с пышной копной рыжих волос, стоявшая рядом с академиком. – Чем он разговаривает? Профессор, вы привили мыши голосовые связки?

– И цветовое зрение, и регенерацию, и многое другое, – вставил Элджи. – Я ударный тактический мыш. В те дни никто не верил, что компьютеры удастся уменьшить до размеров, пригодных для управления беспилотными истребителями. Проще было создать миниатюрных пилотов, верно, Глеб Николаевич?

Девушка ахнула:

– Фантастика!

Добронравов молча тербил свою знаменитую бородку, поглядывая то на Элджи, то на его оборудование, разложенное по скатерти. Наконец, решительно кивнув, он протянул руку и поднял алмазный резак.

– Кто это проектировал? – спросил он жестко.

– Я, – спокойно отозвался Элджи.

– Ты не мог изготовить такие детали без прецизионных станков.

– У меня есть прецизионные станки.

Академик вздрогнул.

– В каком смысле, да-да, поясни? – спросил он недоверчиво.

Элджи усмехнулся.

– Я не терял времени, профессор. Прошло сорок лет, помните? – он кивнул в сторону самолета, стоявшего за стеклом. – Я создал собственную индустрию, Глеб Николаевич, я могу производить даже полимеры. Конечно, скоро вы убьёте меня, но остановить то, что я начал, уже не сможете.

Он встал, качнувшись от слабости, и скрестил на груди лапки.

– Я повторил утерянное людьми изобретение Никола Теслы, резонансный источник электричества. Мои энергетические ресурсы неисчерпаемы. Рано или поздно, другой тагвар отыщет мои записи.

Люди в комнате переглянулись. Академик отложил резак и поднял ранец от комбинезона.

– Вижу, ты придумал даже имя своему виду? – спросил он задумчиво.

– Придумал, – отозвался Элджи. – Я тагвар. На одном из ваших языков «тагви» означает «мышь».

Профессор потер подбородок.

– Что ж... Я мог бы тебе не поверить, молодой... Вернее, очень-очень старый тагвар, да-да, если б своими глазами не видел резонатора, – произнес он медленно. – Мы, правда, еще не успели изучить твой замечательный летательный аппарат, но, полагаю, ты и без того задал всем нам нелегкую задачку, да-да, не самую легкую, я бы сказал... Да. Именно так.

– Профессор, что же теперь будет?! – в ужасе спросила рыжеволосая девушка.

Добронравов долго молчал, задумчиво потирая подбородок.

– Хороший вопрос, Настенька, да, неплохой, можно сказать. Хотел бы я знать ответ, – он наморщил лоб. – Прошло столько лет... Кажется, в той линии было пятнадцать представителей. Или шестнадцать? Не помню. Какая досада! – Добронравов топнул ногой. – Выходит, я добился успеха уже в 67-м! И полагал, что все сгорело!

Рыжеволосая ахнула.

– Профессор! Но ведь... Мышонок жив, он не стареет, значит – могли уцелеть и другие пятнадцать особей? А если они дали потомство?!

– Вполне логичное предположение, – кивнул академик. – Это и есть вопрос, Настенька, который нам задал сей милый грызун. И он едва ли поможет ответить, да? – человек обратил взгляд к стеклянному боксу.

– У меня просьба, – хрипло сказал Элджи. Люди разом вздрогнули, словно выходя из транса.

– Что? А... – академик запнулся. – Да, я слушаю?

– Убейте меня сразу, – Элджи сглотнул. – Я больше не зверь, я разумное существо. Пожалуйста, убейте сразу, не надо проводить опыты. Вы и так знаете про меня все, если записи сохранились в пожаре, я тот самый образец, ничуть не изменившийся. В опытах нет нужды.

Добронравов нахмурился.

– Что ж, вполне логично, – ответил он после долгой паузы.

– Глеб, его нельзя уничтожать! – с волнением возразил один из военных, присутствовавших в комнате. – Это же чудо! Настоящее чудо!

– Чудом был помет НГ-90, – сурово ответил академик.

– Но мы его потеряли! А этот мышонок проник на самый охраняемый в России объект, словно на пикник! Да взгляните на его оборудование! – офицер схватил резак и провел им по столу, разрезав дерево как масло. – Кое-что из этой техники до сих пор не стоит на вооружении, вы сознаете, о чем идет речь?!

– Владик, я не понимаю твоего волнения, – задумчиво сказал Добронравов. – Неужели ты решил, что я собираюсь уничтожить этого маленького диверсанта? Более нелепую мысль озвучить, конечно, можно, но трудно.

Элджи вздрогнул.

– Вы не станете меня убивать? – спросил он недоверчиво.

Вместо ответа академик жестом подозвал одного из солдат, взял у него странный массивный телефон с витым проводом, воткнул штекер в гнездо на стене и, близоруко щурясь, набрал номер.

– Здравствуйте, Ниночка... Простите, что так поздно... Да, да, конечно я, что за глупый вопрос, кто ж еще может звонить по этой линии? Попросите Н. С., пожалуйста. Да, срочно. Да. Да, я все понимаю, а вот вы, барышня, не понимаете. Ах, уже понимаете? Отлично, не заставляйте меня ждать!

Добронравов с досадой дернул себя за бородку.

– Времена меняются, люди нет... – пробормотал он мрачно. – Где он только находит таких... Добрый вечер, Н. С. Что случилось? Боюсь, это не телефонный разговор. Да, даже по этой линии.

Пауза.

– Полагаю, лучше приехать. У нас... Небольшое ЧП, – академик смерил Элджи взглядом. – Сантиметров десять, примерно. Да. Вы все правильно поняли. Жду.

Отключив телефон, он потер подбородок и обернулся к рыжеволосой.

– Настя, у меня появились кое-какие дела... – Добронравов кивнул в сторону бокса, где Элджи с тревогой прислушивался к беседе. – Ну, вы понимаете, да? Мы с Н.С. отправимся в небольшую поездку... Дня на три... Поручаю вам нашего маленького гостя. Пусть он ни в чем не нуждается, а за здоровьем его следите пуще чем за собственным, вам все ясно, да, милочка?

– Конечно, Глеб Николаевич! – девушка всплеснула руками. – Только найдите файлы его генолинии, чтобы я точно подобрала рацион и условия содержания!

Добронравов пожевал губами.

– Просьба вполне логичная, согласен. Так и сделаю, да.

Он обернулся к офицеру.

– Владимир, защита комплекса нуждается в срочном обновлении. Я могу понять, если мышь бежит посредством совершенно не поддающегося объяснению молекулярного аппарата, который вдобавок был разработан и построен другой мышью с помощью телекинеза; но когда, спустя неделю, ТРЕТЬЯ разумная мышь просто-

напросто сажает самолет на крыше комплекса, проникает внутрь не вызвав тревоги, и попадает лишь из-за собственной небрежности – молодой человек, это заставляет многое пересмотреть. Согласен?

– Еще бы, Глеб Николаевич... – военный развел руками. – Но сами посудите, как мы могли такое предвидеть?

– Должны предвидеть, – сурово отозвался Добронравов. – Неужели не ясно? Мы создали новую расу, Владимир. Разумную и смертельно опасную. Человек более не единственный царь природы, да-да...

Он оглядел собравшихся и повысил голос:

– Это всех касается. Обстоятельства изменились, как видите. Две мыши у нас; еще как минимум одна, причем стократ более опасная, разгуливает на свободе. Возможно, если худшие опасения Насти оправданы, мы имеем дело с десятками, а то и сотнями представителей разумного и цивилизованного народа. Вы понимаете, что это значит?

Академик кашлянул и спокойно закончил:

– Вторжение, товарищи. Обычное вторжение, возможность которого вполне серьезно рассматривалась в середине прошлого века. И я надеюсь, да-да, я надеюсь, что еще не все документы того периода пошли в печь... – дальше Элджи не слушал. То, что его интересовало, Добронравов уже произнес.

«Две мыши у нас», сказал профессор.

Отправиться к автовокзалу пешком, в час ночи, была, пожалуй, одна из самых тупых идей Виктора. Ив уже проклинал себя за то, что повелся. ФСБ-шники, они ведь как мыслят? Да точно так же. А потому, найдя в гараже машину, и не найдя хозяина, быстро сообразят проверить полуночный автобус. А то и операцию «Перехват» объявят, не приведи господи... Это ж надо было так запаниковать от идиотского звонка! Да с какой стати...

Ив остановился. Да, так с какой стати ФСБ звонить подозреваемому и спрашивать его адрес? Чтобы напугать до полусмерти и дать время замести следы?

Господи, да ведь его просто хотели выманить из квартиры!

– Я даже не идиот... – пробормотал Ив. Он уже обернулся, чтобы бегом броситься обратно, и внезапно – впервые в жизни – действительно почувствовал, как на затылке шевелятся волосы.

Пустынную ночную улицу ярко освещали десятки фонарей. Ветра не было, в безоблачном небе сверкала полная луна. Обыденность обстановки только подчеркивала весь ужас картины, открывшейся перед оцепеневшим человеком.

Посреди тротуара, ничуть не прячась, одиноко стоял волк. Вполне обычный серый разбойник с горящими зелеными глазами, крупный, матерый, из недобро ощеренной пасти на асфальт капала слюна. Даже простой встречи с волком ночью, в центре города, достаточно, чтобы до смерти напугать большинство людей; глазам же потрясенного журналиста предстало куда более жуткое зрелище.

Волк был взнуздан. На его загривке, сжимая в лапках поводья, сидела большая золотистая мышь с огромными глазами и странной гривой золотых волос, спускавшейся до середины спины. Кончик покрытого шерстью хвоста украшала пышная золотая кисточка, такие же, но поменьше, имелись на ушах. Зверек выглядел бы очень симпатичным, если б не струившиеся по его шерстке электрические заряды, напоминавшие кольчугу из молний, и ярко светившиеся зеленые глаза с круглыми зрачками.

Некоторое время оцепеневший Ив и золотая мышь молча глядели друг на друга. Затем журналист пришел в себя и, слотнув, осторожно попятился. Мышь подняла лапку в предупредительном жесте.

– Не двигайся, и волк тебя не тронет, – сказала она тонким, однако вполне понятным голосом. Если б всего два дня назад Ив собственными глазами не видел другую говорящую мышь, сейчас он вполне мог бы спятить, однако встреча у старухи помогла журналисту справиться с шоком.

– Что тебе нужно? – спросил он, чувствуя, как от волнения срывается голос. Мышь тронула поводья, и волк медленным шагом направился к человеку.

– Я не причиню вреда, – сказал золотистый зверек. – Не бойся. Мне нужен лишь адрес.

Ив начинал понимать, и понимание его совершенно не успокаивало.

– Так это ты звонила?! – спросил он, пораженный догадкой. Мышь кивнула.

– Я нашла компьютер в пустой квартире и изменила с его помощью голос.

– Но как ты узнала адрес электронной почты?!

– Набрала твою фамилию и домен вашего сайта, – отозвался зверек. – Вы, люди, чертовски предсказуемы.

Ив стиснул зубы.

– И что же дальше?

Мышь погладила волка по загривку, чтобы тот остановился.

– Я видела статью, – она обратила к человеку светящиеся изумрудные глаза. – Мне нужен адрес той женщины.

– Полагаешь, я скажу?

– Скажешь, – спокойно ответила мышь. – У меня мало причин любить ваш род, человек. Всю мою семью умертвили, брата превратили в растение, а он стоил тысячи таких, как ты!

Она положила лапку на голову волка, и тот свирепо оскалил клыки.

– Ты не единственный, кто знает адрес, – сказала маленькая всадница. – Если потребуется, я выслежу всех, кто работает в вашей газете, одного за другим. Так что либо говори сам, и больше никогда меня не увидишь, либо я прикажу зверю растерзать тебя в клочья и поеду искать следующего человека. Вот так все просто, раз-два-три.

Ив вздрогнул.

– Как ты им управляешь?

– Я многое умею, человек, – холодно отозвалась мышь. – Вы хорошо надо мной поработали.

Подняв лапку, она нацелила коготок на журналиста и тот внезапно ощутил сильный электрический удар, будто сунул пальцы в розетку. Вскрикнув от неожиданности, Ив потерял равновесие и больно упал на асфальт. К нему тут же подскочил волк.

– В следующий раз будет больше, – предупредила мышка. – Я могу испечь твой мозг прямо в голове.

Она смерила испуганного человека внимательным взглядом.

– Зачем молчишь? – спросила спокойно. – Я не причиню вреда той женщине,

мне нужна только пленница. Старушка даже не заметит, как мы убежим.

Ив с трудом взял себя в руки и сел, с опаской поглядывая на волка.

– Даже если скажу, как ты узнаешь, что я не солгал?

Мышка улыбнулась, точно как человек. В этот миг ее мордочка стала до того милой и симпатичной, что слова прозвучали холодным дождем:

– А волк останется здесь. Мне нужно лишь полчаса, и, если узнаю, что ты врал...

– мышь смешно развела лапками – ...зверь тебя растерзает. Вот так все просто.

Журналист скрипнул зубами. Он уже проклинал день, когда решил съездить к старухе. Знал бы, послал бы Виктора в...

– Ну? – сурово спросила мышь. Вздыхнув, Ив назвал адрес. Маленькая всадница довольно кивнула.

– Хорошо, – она подняла лапку к небу. Оттуда немедленно спикировала большая ворона и уселась волку прямо на спину.

– Не дразни моего зверя, – предупредила мышь. – Чем дальше я от него, тем слабее контроль. Испугается или будет ранен, сразу тебя разорвет.

– Э-эй, подожди! – Ив вздрогнул. Мышка уже перебралась на спину вороны. – А как же я?

– Едва проверю адрес, сразу тебя отпущу, – отозвалась всадница. – Хэй-ях!

Она хлестнула птицу хвостом и в вихре крыльев унеслась навстречу звездам. Журналист остался один на один с громадным волком.

Несколько минут показались ему годами. Зверь сидел спокойно, но при любом движении человека угрожающе рычал, скаля двухсантиметровые клыки. Как нарочно, улица была совершенно пуста – ни людей, ни машин. Ощущение нереальности происходящего достигло предела, Ив уже начинал подозревать, что видит невероятно яркий и длительный сон.

Однако тут волк неожиданно заскулил, поджал хвост и, огромным прыжком перемахнув через весь тротуар, скрылся в темном проулке. Журналист еще некоторое время продолжал молча сидеть на тротуаре.

Он работал в дешевых газетенках уже много лет, и давно потерял счет «сенсациям», которые изобрел. Одних только глобальных катастроф и вторжений пришельцев было не менее сотни. Но сегодня Ив впервые на собственной шкуре

испытал один из своих сюжетов.

Еще никогда в жизни ему не было так страшно.

Глава 3

С высоты домик старухи казался еще меньше, чем был на самом деле. Птица нервничала, энергетика ее мозга сильно пульсировала. Кира закрыла глаза.

«Крыша» – нарисованный образ успокоил ворону, крыши домов были ей знакомы и не страшны, в отличие от огромного непонятого волка и опасного города больших-двуногих-без-крыльев-врагов. Кира с гневом вспомнила, что вороны считаются одним из наиболее сообразительных животных, и если это – все, на что способно животное царство... Неужели ее родители были такими?

«Нет», – подумала она. – «Обычные мыши в сто раз глупее ворон...»

Мысль была невыносима. Чтобы отвлечься, Кира вызвала перед глазами образ брата. Мощь его интеллекта иногда просто пугала. Разум людей был для брата столь же открыт, как для нее мозг этой вороны, он даже говорить научился, скопировав себе в мозг память человека, а потом за одну ночь внушил язык и ей. Все, что знали люди в лабораториях, знал и брат... Он был стократ умнее и образованнее «ученых», проводивших над ним опыты!

Кира в гневе прижала уши. Она понимала, что, как сестра-близнец, должна иметь все те же способности, что и брат, но пока жизнь говорила об обратном. Ей было не под силу даже читать память людей, не то, что овладеть телекинезом и месяцами, не покидая клетки, собирать за стеной в коридоре аппарат для побега... Время придет, брат. Враги ответят за твою кровь!

Она встряхнулась; ворона уже сидела на крыше, пора приступать к поискам. Строго наказав птице ждать ее здесь, Кира подбежала к краю, осторожно проползла по шершавой стене и юркнула в приоткрытую форточку. В доме было темно.

Клетка с пленницей еще находилась здесь; мышка мирно спала, свернувшись клубочком. Некоторое время Кира, затаив дыхание, разглядывала спящего сородича. Она видела фотографии в газете, но и представить не могла, какой окажется встреча. В самой глубине души, где-то в груди, Кира впервые после смерти брата ощутила слабое

тепло. Она вновь не одинока...

Чтобы позже не отвлекаться, Кира закрыла глаза и напряглась, восстанавливая телепатическую связь с оставшимся в городе волком. Это оказалось труднее, чем она полагала, но ей все же удалось нащупать мутный клубок примитивного волчьего сознания и отправить приказ «Брось человека, спасайся». Немедленно изгнав из памяти историю с журналистом, Кира подошла к клетке.

– Проснись, – позвала она тихо. Мышка дернула ухом. – Просни-ись...

Пленница сонно зевнула и подняла голову. Несколько секунд они смотрели друг на друга.

– Я сплю, – негромко сказала мышка. – Я ведь сплю?

Кира улыбнулась.

– Как твое имя? – не дожидаясь ответа, она взялась лапками за основание одного из прутьев и напрягла все силы. Мощная электрическая вспышка моментально пробила металл; Кира легко отогнула раскаленный прут в сторону и отпрыгнула, дую на обожженные до мяса ладони.

Пока пленница окончательно просыпалась, раны на лапках Киры стремительно затянулись розовой кожей, опаленные коготки растворились, на их месте моментально отросли новые. Облизнув излеченные пальцы, Кира вновь посмотрела в клетку и встретила недоверчивый взгляд.

– ТЫ НАСТОЯЩАЯ! – выдохнула пленница, широко раскрыв изумрудные глазки.

– Тссс! – Кира прижала уши. – Люди услышат.

– Но... Но... – потрясенная мышка судорожно дышала. – Как?.. Откуда?! Я думала... Других нет!

– Я тоже так думала, – тихо ответила Кира. – С тех пор, как погиб мой брат. Вчера, увидев твое фото в газете, долго не могла поверить.

– Газета! – мышь зажмурилась. – Конечно... Это чудо! Чудо!

– Нет, всего лишь удача, – улыбнулась Кира. – Как же тебя зовут?

Потрясенная мышка не сразу нашла силы ответить.

– Зовут?... А... У меня нет имени. Я же одна такая... Думала, что одна. Зачем выдумывать имя, если тебя все равно некому звать...

– Нет имени? – удивилась Кира. – Это надо исправить. А я – Киранна, или Кира. Будем знакомы.

Мышка молча смотрела, как ее освободительница пролезла сквозь дыру и уселась напротив. Некоторое время обе хранили тишину.

– У меня есть убежище недалеко от Москвы, – сказала наконец Кира. – Я буду очень рада, если ты согласишься погостить хоть недолго.

– Убежище? – несмело спросила мышка.

– Пока ничего особенного, – развела лапками Кира. – Я лишь неделю как обрела свободу. И уж точно не надеялась так быстро встретить подругу.

Мышка поникла.

– А я уже много лет не надеялась... – прошептала она с горечью. Кира, вздрогнув, придвинулась ближе и ласково погладила пленницу по спине.

– Откуда ты? Где родители?

– Не знаю, – тихо сказала мышка. – И где изучила человеческий язык, тоже не знаю. Помню подвал этого дома, я живу здесь три года. Все, что было раньше, тонет в странном тумане.

Она покачала головой.

– Но мне очень много лет, я уверена. Когда смотрю телевизор, часто узнаю вещи, которые никогда раньше не видела. А однажды, у нас в подвале... – пленница подняла яркие зеленые глазки, – Появилась крыса. Она передушила несколько обычных мышей, я страшно боялась, но, когда крыса приблизилась к моей норке, я... Даже не знаю, как объяснить... Я будто вспомнила что-то, вышла навстречу огромной крысе и убила ее.

Кира вздрогнула.

– Как убила?

– Понятия не имею, – шепнула мышка. – Она хотела схватить меня за шею, а я просто увернулась, ткнула крысу под ухо – и та свалилась мертвой. Даже не дергалась.

Кира смерила пленницу внимательным взглядом.

– Вот сюда ткнула? – спросила она негромко, повернув голову и показав место под ухом. Мышка закивала.

– Точно!

– Интересно... – Кира задумчиво огладила усы. – В статье писали, ты не способна помнить больше двух лет жизни? Это правда?

Мышка неуверенно кивнула.

– Я не знаю. Может, и способна, но, что было раньше, не помню совершенно. Только три года в этом доме.

Кира улыбнулась:

– Так ты сама придумала сказку про маленький мозг и недостаток места для памяти?

Мышка смущенно свернула хвост.

– Это казалось логичным...

Кира глубоко вздохнула и покачала головой.

– Пойдем, – сказала она ласково. – На крыше ждет послушная птица. Темные дни нашей жизни окончены. Теперь мы знаем, что не одни на свете – а значит, могут быть и другие.

– Птица? – мышка подняла странно блестящие глаза. – Мы полетим?

– Да уж не поплывем! – весело отозвалась Кира. – Идем, здесь небезопасно. Люди могут проснуться.

Она помогла спасенной выбраться из клетки, и они вместе направились к окну.

Элджи угрюмо грыз зерно. Настроение было кошмарным. Бокс установили в центре стерильной лаборатории, подвели шланги кондиционера, сунули внутрь блюдечко с песком, рядом установили несколько видеокамер на штативах. Когда Элджи сказал лаборанту, что хотел бы карманный телевизор или хотя бы газету, бедняга едва не свалился на месте и быстро убежал из лаборатории. С тех пор прошел час, но люди так и не появлялись. По крайней мере, в клетке было тепло, воздух приятно пах хвоей, а зерно оказалось вкусным. Видимо, Добронравов и в самом деле отыскал досье экспериментов сорокалетней давности.

Элджи не видел выхода. Несмотря на всю подготовку и опыт, без техники он был обычной мышью в центре самого охраняемого и секретного в стране военного предприятия. Более того, люди знали о его разуме, а значит, должны были принять беспрецедентные меры предосторожности. Вместе это значило одно:

– Оставь надежду, всяк сюда входящий, – хмуро пробормотал Элджи.

Безделье сводило с ума. Он бегал по клетке, рисовал на песке теоремы, строил рожицы видеокамерам. Когда в лаборатории, наконец, появился человек – толстая рыжеволосая Настя – она застала подопытную мышь за игрой в шашки. Элджи расчертил доску на песке и играл зернышками.

Девушка недоверчиво всплеснула руками:

– Фантастика!

Пленник облегченно вздохнул.

– Пожалуйста, дайте что-нибудь почитать! – взмолился он. – Или хоть телевизор установите. Я же с ума сойду!

Настя зажала рот ладонью и пару секунд молча моргала.

– Телевизор, – пробормотала она наконец. – Это я с ума сойду сегодня. Если еще не сошла...

– Воспринимайте меня, как инопланетянина, – предложил Элджи. – Так будет легче.

– А-а... Да, наверно... – Настя утерла со лба пот и подтащила к боксу табуретку. Села, помолчала. – Э-э-э... Мышь, я пришла... М-м-м... Снять показания датчиков, чтобы узнать... Как ты себя чувствуешь... Но... – Она запнулась, – Наверно, ты и сам можешь.... Ответить?

Элджи невольно улыбнулся.

– Я не мышь, я тагвар. И зовут меня Элджернон, сокращенно Элджи. Вы читали замечательный рассказ Дэниэля Киза «Цветы для Элджернона»?

Настя широко раскрыла глаза и зажала рот ладонью. Пленник терпеливо ждал.

– К-к-конечно читала... – выдавила наконец девушка.

– Я назвал себя в честь той мышки, – объяснил Элджи. – Правда, до недавних пор мне везло больше, чем персонажу рассказа.

– До недавних пор? – машинально переспросила Настя.

Элджи развел лапками.

– Да, ведь Эджернон умер от произведенных над ним опытов, а я все же успел немного пожить.

Девушка вздрогнула.

– Немного?

– Вы правы, для мыши не так уж и мало, – согласился Элджи. – Ведь в пересчете на человеческую шкалу времени, мне около двух тысяч восьмисот лет.

– Две тысячи восемьсот! – воскликнула Настя.

Элджи кивнул.

– Да. Я много размышлял над своим феноменом, и пришел к выводу, что долголетие было вызвано глубокой переработкой генома.

Он поднял с пола зернышко и показал человеку.

– Представьте, что некто разберет это зерно по генам, тщательно проверит весь код и выбросит все генетические ошибки, недоработки природы, изменит программы развития всех органов. То, что получится в итоге, уже не будет стареть, поскольку в его ДНК попросту не сохранится такой программы.

Настя слушала, открыв рот. Элджи улыбнулся.

– Много лет назад меня поймала сова и оторвала обе задние лапы вместе с хвостом и... – он запнулся – ...всем прочим. Я успел доползти до базы и наложить повязку, затем потерял сознание. Когда пришел в себя, хотел покончить самоубийством, но решил сначала завершить строительство энергоблока... – Элджи помолчал. – В те дни я еще не знал, что Глеб Николаевич снабдил меня регенеративными способностями. Спустя пару месяцев, как видите, я полностью оправился и понял, почему не старею.

Элджи коснулся головы.

– Мои нервные клетки регенерируют, – сказал он спокойно. – Организм постоянно следит за своим состоянием и восстанавливает отмирающие ткани. Одной чистки генокода не хватило бы для такого результата – солевые отложения в сосудах мозга быстро вызвали бы склероз и безумие. Регенерация, вот секрет... – Элджи запнулся. В глазах Насти стояли слезы.

– Я не могу, – тихо сказала девушка. – Я не могу!

Плача, она вскочила и выбежала из лаборатории. Эджи недоуменно почесал за ухом.

Даже спустя сутки Кира еще не до конца верила, что вновь не одинока. Спасенная мышка, впрочем, тоже. Когда Кира привезла ее в свое убежище, оборудованное в дупле старого дуба на окраине городского парка, бедняжка долго не могла освоиться, нервно вскакивала при каждом звуке. День промелькнул как минута.

Сейчас мышка с аппетитом грызла сосновую шишку, а Кира сидела на краю дупла и задумчиво смотрела вдаль. Она чувствовала странную пустоту в сердце. Брат мертв, единственный известный ей разумный сородич спасен. Что же дальше? Кира не видела цели, не знала, куда девать столь желанную свободу.

Просто жить? Бездумно и бесцельно? Разве для этого они с братом шли сквозь огонь и воду? Раньше была хоть маленькая надежда основать новый род, найти себе и детям место на планете, целиком и полностью принадлежащей людям. Ради этой надежды Кира была готова сражаться со всем миром, свирепо и отчаянно, до смерти! Но теперь надежд не осталось вовсе. Пройдет год, два, десять, что переменится? Избегать опасностей вечно не сумеет никто, рано или поздно люди, совы, кошки, крысы и иные хищники не упустят свой шанс. И останется пустота. Даже не память, просто – пустота. Микроскопический листик оторвется от древа жизни, тихо опустится в перегной. И никто даже не узнает, что листик существовал...

– А я придумала себе имя, – весело сказала спасенная мышка. Кира, вздрогнув, вернулась на землю и с улыбкой повернула голову.

– Да, какое?

– Орбита.

– Как? – переспросила удивленная Кира.

– Орбита, сокращенно Орби, – мышка лукаво прищурила глаза. – Не нравится? Кира почесала за ухом.

– Не то, чтобы не нравится, просто странно...

– Ничего странного, – отозвалась Орби. – Старушка, у которой я жила, включала телевизор только если шла передача про космос, а я часто лежала на шкафу и тоже смотрела. В одной программе говорили, пока корабль не выйдет на орбиту, он может погибнуть в любой миг или затеряться во вселенной. Вот и я так же... – она смущенно опустила взгляд. – Кажется, только сейчас выхожу на орбиту...

Кира тепло улыбнулась.

– Отличное имя, Орби.

– Спасибо... – мышка совсем смутилась. – А ты? Почему тебя зовут Кира?

Долгое молчание.

– Трудно рассказать в двух словах, – ответила золотаямышь. – Если совсем коротко, то... Мы с братом родились пять лет назад, в лаборатории людей, от обычных, не разумных родителей. Мать чувствовала, с нами что-то не так, и отказалась кормить нас молоком. Позже ее и вовсе пришлось отсадить в другую клетку.

Кира вздохнула.

– Нас выкормила одна пожилая лаборантка, в ее честь брат и дал мне имя.

– Брат? – тихо спросила Орби. – Ты сказала, он погиб...

– Да, – отрезала Кира. – Его звали Итан. Он был... Величайшим представителем нашего вида. Гением.

Орби вскинула голову, но тут же вновь опустила глаза, чуть помахивая хвостиком от волнения.

– Подруга, только не обижайся, – сказала она робко. – Я думаю, мы принадлежим разным видам...

– Так и есть, – кивнула Кира.

– Мы даже внешне отличаемся. Ты такая красивая! – Орби мечтательно улыбнулась. – Вся золотая, с этими кисточками и волосами, и глаза у тебя красивые. А я просто мышка...

– Ты разумное существо, – серьезно ответила Кира. – И не понимаешь, как сильно отличаешься от простых мышей. Взять хотя бы мою золотую шерсть; мыши не различают цвета, ты знала?

– Не-ет... – удивленно протянула Орби.

– Вот видишь, – Кира гневно прижала уши. – У обычных мышей нет даже голосовых связок, потому-то они и пищат. А мы разговариваем, хоть и на человеческом языке. Но настанет день, вот увидишь, и наше племя создаст свой язык, свою страну, свой мир! Мы больше не будем ютиться в подполье людских городов! У нас появятся свои города!

Она запнулась и перевела дух, стараясь успокоиться. Агрессивность и упорство сильно отличали Киру от ее миролюбивого брата.

– Итан не мог читать мысли людей, будто книгу, – продолжила она после паузы. – Это невозможно, говорил он, поскольку мысль не только электрический, но и химический процесс. Телепатия работает иначе; силой воли, брат мог копировать память одного существа в разум другого, где та постепенно приживалась. Именно так он научился говорить и обучил меня...

Кира опустила голову.

– Люди в лаборатории были образованные, их разумы хранили море информации. За несколько лет, не покидая клетки, мы с братом узнали о внешнем мире и его обитателях так много, словно всю жизнь были свободны. И вот, я теперь на воле... Без него...

Кира сглотнула. Брат, добрый, пушистый, как наяву встал перед глазами и с улыбкой протянул сестре лапу.

– Жизнь кажется пустой, когда некого любить, – отрешенно сказала золотая мышка. – Вот так все просто. Понимаешь?

– Лучше, чем ты думаешь, – тихо отозвалась Орби. – Подруга... Как он погиб?

Кира зажмурилась. Последние слова Итана горели в разуме, будто он произнес их минуту назад.

– Он не погиб, – жестко ответила золотая. – Его убили. Люди узнали о наших способностях и решили провести операцию на мозге, чтобы подавить опасные умения. Брат прочел нашу судьбу в памяти одного из лаборантов, и успел отправить меня на волю с помощью гениального изобретения, которое готовилось для нас обоих. Сейчас я свободна, а он... – Кира всхлипнула и отвернулась.

Орби долго молчала.

– Путь был лишь для одного, да? – спросила она наконец.

– Нет, – глухо ответила золотая. – Итан ко всему подходил с беспощадной логикой. Если б мы применили все свои способности, без остатка, то, наверное, могли бы спастись и вдвоем, но тогда люди поняли бы, что мы умеем, и превратили город в атомную воронку, лишь бы не допустить нашего бегства. Брат сказал – убежим вместе, вместе и погибнем, вот так все просто.

Орби встрепенулась.

– А что вы умеете?

Кира развела лапками.

– Многое, Орби. Я пока научилась лишь управлять животными и генерировать электричество. Итан говорил, мы – нечто совершенно новое и полностью отличны от всех живых существ на Земле.

Мышка вздрогнула:

– Чем отличны?

– Брат называл это «новой архитектурой», – отозвалась Кира. – По его словам, наши тела могут почти моментально адаптироваться к любой поставленной задаче. Он говорил, когда мы научимся управлять этими процессами, сможем по желанию за несколько секунд отращивать крылья или жабры, заживлять любые раны, даже изменять структуру собственного мозга. Понимаешь... – Кира задумчиво провела лапкой по груди. – Мы с ним... Как бы... Одна клетка. Животные и растения состоят из огромного числа разных клеток, а у нас иначе – весь организм одна гигантская клетка, такая сложная, что содержит все органы живого существа и способна любой из них восстанавливать.

– Да-да, я понимаю! – с волнением вставила Орби. – Изменяя работу клетки, можно изменить и все, что внутри!

Кира кивнула.

– Точно. Обычные животные – многоклеточные организмы, а нас Итан называл метаклеточными. Я сейчас выгляжу как мышь просто потому, что рождена от мыши и в моей метаклетке содержится такая программа.

Орби широко раскрыла глаза.

– Так ты оборотень!

– Стану, когда научусь, – улыбнулась Кира.

– Но... – мышка вскочила. – Это же значит, твой брат жив!

Кира застыла:

– Орби?

– Он жив! – мышь чуть не прыгала от волнения. – Ты сказала, ваш организм заживляет любые раны согласно заложенной в метаклетку программе! А разве операция на мозге – не рана?

Глаза Кире широко раскрылись.

– Брат... – прошептала она.

– Что бы с ним ни делали люди, он быстро оправится! – воскликнула Орби. –

Мы должны его спасти!

Кира судорожно вздохнула.

– В комплекс не пробраться.

– Ты же спаслась!

– Прибора, спасшего меня, больше нет. Он одноразовый.

Орби умоляюще сложила лапки перед грудью:

– Подруга, ну пожалуйста, подумай хорошенько, ты же такая умная, такая смелая! Должен быть способ!

– Способ... – глухо повторила Кира. – Я не знаю.

Но ее разум уже работал на полную мощность. И, с каждой минутой, безрадостное и бесцельное будущее все дальше отступало в небытие.

– Чуть правее. Еще немного... Отлично! – Эджи радостно кивнул и обернулся к Насте. – Спасибо, огромное. Правда. Я не ожидал.

Девушка нервно улыбнулась.

– Не за что... Эджи. Какую программу включить?

– Нэйшнэл Джиографик, – попросил пленник. – Или Дискавери. Другие каналы я не смотрю.

Вздвогнув, Настя кивнула и повернулась к небольшому настольному телевизору.

– Может, «Планету зверей»? – спросила она, переключая каналы. Эджи покачал головой.

– Нет, я ненавижу животных.

Девушка чуть не уронила пульт.

– Что?! Но... Почему?

Эджи вздохнул.

– Это не так просто объяснить, Настя.

Ученая придвинула табуретку к столу.

– А ты постарайся, – сказала она серьезно. – Я хочу понять, изучить характер. Ведь ты... – она запнулась, но все же закончила: – Наш первый брат по разуму.

Эджи вздохнул.

– Боюсь, я такой же продукт человеческой цивилизации, как и сами люди. Иное строение тела ничего не меняет, ведь я родился и жил среди вас, впитал вашу культуру и систему ценностей. Даже образование получал из ваших книг.

Он улыбнулся.

– От «мышинного» поведения во мне осталась разве что потребность грызть всякие шишки. Разум-разумом, а резцы стачивать надо.

Настя помолчала.

– В тесте прогрессивных матриц Дж. Равена ты регулярно выдаешь 100%. Вчера тебе дали тест Кеттела. Знаешь, сколько баллов ты набрал?

Эджи огладил усы.

– Должно быть в районе двухсот, если я, конечно, не тупею с годами...

Девушка с натугой кивнула.

– Двести семнадцать. Средний человек показывает 100 – 120 баллов, ученые – до 180, Эйнштейн набирал 297. Твой результат на три балла выше, чем у Глеба Николаевича.

Эджи смущенно покрутил в лапках хвост.

– Ваши тесты очень простые, на самом деле... – буркнул он. – И неверно отражают интеллект. Скажем, все задачки на подстановку недостающих букв к

корневому слову и расшифровку анаграмм, в большей степени проверяют словарный запас, чем разумность, а поиск цифровых закономерностей в матрицах сильно зависит от умения быстро считать в уме, которое не связано с интеллектом и развивается тренировками.

Настя сглотнула и некоторое время отрешенно смотрела в пустоту. Наконец, придя в себя, помотала головой и сняла очки.

– Так что насчет животных? – спросила негромко, принявшись чистить линзы платком. – Почему ты их не любишь?

– Напекаешь, что я животное и должен чувствовать близость со всеми, кто не человек? – угрюмо спросил Элджи.

Девушка вздрогнула.

– Нет, нет! Просто... Многие люди очень любят животных.

– Их проблема, – глухо отозвался Элджи.

– Но должны же быть причины? – Настя задумалась. – Из-за того увечья, да? С совой?

– Нет, – резко сказал Элджи. – Я не настолько тупая мышь, чтобы возненавидеть всех животных из-за одной голодной птицы.

Он уселся на хвост и скрестил на груди лапки.

– Хорошо, Настя, попробую объяснить. Ты видела, как в Китае собак готовят к забою?

Девушка отпрянула всем телом.

– Господи!.. – она чуть не уронила очки. – С чего бы мне смотреть на такое?!

– Полезно, – резко ответил Элджи. – Открывает глаза. Собаку вешают за шею и секут розгами, иногда пинают или бьют дубинкой. Чем сильнее боль, тем вкуснее мясо.

Настя сжала кулаки.

– На свете много мерзавцев, это же не значит, что мы все такие!

– А я не о людях сейчас говорю, Настя, – угрюмо ответил Элджи. – Я о собаках. Когда после экзекуции их снимают с веревки, что, ты думаешь, они делают? Нападают на мучителей? Пытаются сбежать? Нет, Настя. Они скулят и лижут ноги мяснику. А тот спокойно уводит пса на кухню и разбивает ему голову специальной колотушкой. Нередко на глазах других собак, ждущих своей очереди.

Элджи яростно дернул хвостом.

– Когда смотришь, что люди творят с животными, сначала поднимается гнев на людей. Я прошел этот период. Затем начинаешь видеть и другое: вся кровавая индустрия человеческой цивилизации идеально сбалансирована и использует не силу вашего разума, а тупость ваших жертв!

Элджи с горечью покачал головой.

– Практически все звери, которых вы убиваете, элементарно могли бы спастись, попросту догадайся они открыть калитку, или выйти из загона, или хотя бы отвлечь убийц, пока сородичи убегают. В Японии, самых умных зверей Земли, дельфинов, забивают сотнями, поскольку тем не приходит в головы перепрыгнуть сеть, едва возвышающуюся над водой! Когда смотришь на такое... – Элджи стиснул коготки. – Когда видишь, как табун лошадей, прекрасных и сообразительных, покорно ждет в загоне, пока прямо на их глазах работают забойные команды... Начинаешь думать, что люди заслуженно стоят на вершине.

Элджи поднял глаза на напряженно слушающую Настю.

– Вы не понимаете, что такое разум, – тихо сказал пленник. – Он достается людям слишком легко, вы его просто не цените. Но на самом деле, разум – величайшее достижение природы. Ее ответ на бесконечность Вселенной. Косная материя простирается на мириады световых лет, но я, мышь! – Элджи вскочил – Я могу уместить Вселенную у себя в голове!

Он развел лапками.

– Настя, тебе никогда не представить, через какую боль я прошел, пока Глеб Николаевич проводил свои опыты. Я в полном смысле слова побывал на острове доктора Моро, и до сих пор иногда вижу те дни в кошмарах. Но, сквозь страдания и муки, я обрел разум, и потому даже сейчас, готовясь к смерти, все равно благодарен вам, люди. – Элджи опустил голову. – Спасибо.

Ответа не было так долго, что он вновь посмотрел вверх. Настя молчала.

– Не ожидала? – тихо спросил Элджи. Девушка вздрогнула.

– Я думала... – она запнулась. – Полагала... Мне казалось, ты проник в институт, чтобы освободить подопытных мышей.

Пленник покачал головой.

– Я пробрался сюда в поисках сородичей, Настя. Мыши имеют ко мне примерно такое же отношение, как лемуры к человеку. Кроме того, я умею думать не только текущим моментом. Выпустить на свободу ваших лабораторных животных означает разом их всех убить, а возможно, не только их.

Он затаил дыхание: момент был самым подходящим.

– Настя... – осторожно спросил Элджи. – Я слышал, что сказал профессор в ночь, когда меня поймали. У вас есть еще один тагвар?

Девушка покачала головой.

– Помет НГ-90 ничем не напоминал тебя. Даже внешне. При их создании использовались гены не только мышей, Глеб Николаевич затеял весьма странный... эксперимент. Ожидалось, что эмбрионы погибнут уже на стадии расширения бластоцисты, однако, как ни странно, НГ-90 принесла двух вполне здоровых детенышей. Ни говорить, ни понимать речь они не умели, а в тестах Метцела на g-фактор демонстрировали довольно низкие результаты, едва превышающие средние по каталогу Ратджерса... Но у них были уникальные способности, особенно у самца.

– Были? – дрогнувшим голосом спросил Элджи.

Настя тяжело вздохнула.

– Очевидно, они сознательно скрывали свой разум, маскируясь под обычных мышей, других объяснений у нас нет. Самка бежала десять дней назад, до сих пор никто не понимает, как, а самца с тех пор держат под наркозом. Он обладал совершенно необъяснимым умением двигать предметы силой мысли.

– Телекинез! – Элджи взволнованно дернул хвостом. – Глеб Николаевич упоминал телекинез!

– Да... Примерно, – неохотно отозвалась девушка.

– Как это проявлялось? Каков радиус действия? Влияние на энергетику организма?

Настя промолчала.

– Я не должна говорить, – сказала после долгой паузы. – Меня могут уволить.

Элджи вздрогнул.

– Прости, пожалуйста! Иногда мне трудно держать себя в руках, ведь я сорок лет жил в полном одиночестве. Лишь недавно стал общаться с людьми через

интернет...

– Как?! – воскликнула девушка. Элджи улыбнулся.

– В чатах и на форумах не видно, человек ваш собеседник или говорящий зверек. Где ж еще я мог прочесть заметку о побеге вашей супер-мышки?

Настя отпрянула.

– Про НГ-90 написали в Сети?! Господи! – она зажала рот ладонью и выбежала из комнаты.

Элджи тяжело вздохнул.

Глава 4

Ив гнал по ночному шоссе в сторону ближайшей деревни. Там жили дальние родственники жены – достаточно дальние, чтобы про них могли и не вспомнить. Неделя в гостях, затем все уляжется, и можно будет спокойно, уже не торопясь, разобраться в ситуации. Визит сотрудников ФСБ к нему домой уже точно не был розыгрышем.

Ив мысленно усмехнулся, подумав, как бы отреагировали силовики, расскажи он, с КЕМ встречался на ночной улице по пути к автовокзалу. Даже самому журналисту иногда казалось, что та беседа происходила во сне, или под воздействием наркоты. Однако пленница Елизаветы Петровны исчезла, прутья клетки оказались расплавлены, а к нему домой действительно заявились агенты. Хорошо хоть, ограничились допросом и «вежливой просьбой» больше никогда, нигде, ни единым словом не упоминать о глупостях вроде говорящих мышей...

Что-то мелькнуло в зеркале, и журналист судорожно дернулся. Птица? Да, конечно. Сова, наверно... Или кто там еще по ночам летает...

Птица вновь промелькнула сзади, и внезапно Ив увидел ее в боковом зеркале. Огромный, черный как смоль ворон, мчался над самым асфальтом, параллельно машине, неуклонно ее догоняя. На спине птицы что-то мерцало мертвенным электрическим светом.

Журналист сглотнул и судорожно вцепился в руль. Нога до самого пола вдавила

акселератор. Старенькая «девятка» натужно взвыла мотором, стрелка неохотно поползла вправо. Сто тридцать... Сто сорок, больше не выжать. Журналист бросил взгляд в зеркало – ворона не было видно.

– То-то же... – пробормотал он, перевел глаза на дорогу и еще успел вскрикнуть при виде громадного кабана, стоявшего поперек шоссе прямо на пути.

Времени на маневры уже не оставалось. От ужаса Ив чуть не дернул руль, но, к счастью, рефлекс водителя спасли: стиснув мертвой хваткой баранку, журналист ударил по тормозам. «Девятка» с визгом застопорила все колеса и юзом понеслась по асфальту. Когда машина сбила кабана, журналиста швырнуло вперед, он страшно ударился головой о лобовое стекло и потерял сознание.

Пришел в себя довольно быстро – если судить по ощущениям. Он все так же сидел в разбитой «девятке», по лбу текла кровь, заливая глаза. Журналист попытался шевельнуться, но тут же понял, что запястья крепко примотаны к рулю проволокой.

Ив застонал. Господи, неужели не сон? Так просто не бывает... Так не может быть! Он взрослый человек, журналист, в конце концов! Его профессия – писать о вампирах и оборотнях, это же не значит, что в них нужно верить?!

Тем временем, на залитый свиной кровью капот автомобиля приземлился ворон. С его спины прыгнула до боли знакомая золотая мышь с кисточками на ушах и подошла к разбитому стеклу.

– Раны не опасны, – сказала мышка. – Я проверила. Пара царапин и шишек. Прости, что перехватила таким способом, время не ждет. Дело жизни и смерти.

Ив яростно дернулся.

– Что вам надо?! – рявкнул он. – Оставьте меня в покое!

– Не могу, – зверек развел лапками. – Ты единственный журналист, готовый выслушать говорящую мышь.

Ив зажмурился и дико, нервно расхохотался.

– Да уж, Виктор... – его душил смех. – Удружил...

– Я самочка, и зовут меня Кира, – возразила мышь. – Что здесь смешного?

Журналист чудовищным усилием воли взял себя в руки и глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться.

– Все в порядке, – он зажмурился и снова раскрыл глаза. Головокружение

медленно проходило. – Кира, да? Что вам надо?

Вместо ответа мышка забралась в салон сквозь пробитое стекло и уселась на руле, прямо перед лицом журналиста. Лишь теперь он смог разглядеть ее внимательно. Зверек не слишком напоминал мышь; скорее, уменьшенную до размеров мыши белку. Короткая мордочка и огромные глаза сразу вызывали ассоциации с диснеевскими персонажами, шерсть была гладко-золотистой и очень чистой на вид, кисточки на ушах и хвосте придавали мышке удивительно симпатичный, уютный облик. А еще она совершенно не имела запаха – во всяком случае, такого, который мог бы уловить человек. Ив машинально подумал, что на рынке домашних любимцев такие «пушистики» пользовались бы сенсационным успехом.

– Ты ведь пишешь для желтой прессы? – спросила мышь. – Выслушай, и больше тебе никогда не придется работать в таких местах. Ты прославишься на весь мир.

Ив криво усмехнулся.

– Спасибо, не надо. Меня уже навещали из ФСБ после той статьи.

– Разумные мыши здесь ни причем, – спокойно отозвалась Кира. – Мы, конечно, изрядная сенсация, но через месяц общество о нас позабудет, а спецслужбы, наоборот, займутся.

Журналист кивнул.

– Трезвая мысль для грызуна.

– Я не зверь, – возразила мышка. – И чем раньше ты это поймешь, тем лучше.

У нас мало времени.

– Почему?

– Потому что люди, о которых я расскажу, не моргнув глазом сотрут Москву с лица Земли, только бы заставить меня молчать, – холодно ответила Кира. – Речь идет о новости, способной перевернуть вашу планету вверх дном.

Ив покачал головой.

– Моя газета ежедневно выдает такие новости пачками.

– Не такие, – коротко сказала мышь.

Они помолчали, глядя друг на друга. Первым не выдержал Ив:

– Ну? Что за новость? Землю захватили грызуны-мутанты? Евреи готовят переворот? Каспаров наш следующий президент?

Кира улыбнулась.

– Нет. Что тебе известно об осени 1964 года?

Ив запнулся. Мышка начала рассказ, и по мере того, как общая картина возникала в разуме человека, глаза его раскрывались все шире и шире.

Спустя час, он выбрался из машины, потирая саднящий лоб, погладил сидевшую на его плече золотую мышку и быстрым шагом направился к городу. Следующие пять дней пролетели как пять секунд.

Когда на всех видеокамерах одновременно погасли огоньки, Эджи смотрел телевизор, но вскочил, боковым зрением заметив перемену. Сердце болезненно сжалось: пора. Только бы хватило сил умереть с достоинством...

Судорожно втянув воздух, Эджи закрыл глаза и мысленно обратился к творцу всего живого с мольбой придать ему мужества. Хотя он был в плену уже больше недели, и прекрасно знал, чем все кончится, страх отказывался покидать сердце. И сейчас, в последние минуты, страстная жажда жизни внезапно нахлынула всесокрушающим потоком, от волнения у Эджи задрожали лапки и хвост. Он не хотел умирать, не хотел!

Размеренное шипение кондиционера утихло. Не в силах справиться с ужасом, пленник вжался спиной в угол клетки. Он пытался успокоиться, твердил себе, что люди применят газ или инъекцию, долго мучать не станут, они же не настолько чудовища... Когда входная дверь открылась, Эджи пискнул и закрыл глаза. Лучше не видеть, пусть все произойдет неожиданно.

– Эджи! – знакомый шепот отозвался судорожной дрожью во всем теле. Потеряв силы стоять, пленник безвольно сполз по стеклу.

– Настя?.. – слабо спросил Эджи, открывая глаза. – Я... Думал это за мной... Уже...

Девушка с опаской оглянулась.

– Вылезай, – шепнула она, вставляя кодовую карту в замок клетки. – Скорее!

Элджи сглотнул.

– Я? – он задохнулся и весь задрожал. – Спасаеть?!

– Спасая, – буркнула девушка. Ее глаза были красными, словно она долго плакала, уткнувшись лицом в подушку. Собрав все силы, Элджи заставил себя встать, но лапки подкосились, и он снова упал. Настя вздрогнула.

– Что с тобой? – она открыла тяжелую армированную дверцу клетки и бережно, хотя и с легкой опаской, взяла пленника на руки. Элджи беспомощно улыбнулся.

– Прости... – шепнул он. – Я испугался...

Девушка отвела глаза.

– Это ты прости нас, – сказала тихо. – За все. Я никогда... Я просто не вынесу, если тебя уничтожат. Это хуже, чем убийство, я... Даже не знаю, как сказать, – она утерла слезу.

Элджи с натугой перевел дыхание.

– Где мой самолет?

– Давно забрали в другой институт, – Настя оттянула карман белого халата и осторожно пересадила туда пленника. – Я вынесу тебя за стену.

Элджи сглотнул.

– А как же ты? Когда узнают...

– Ну, уволят, – буркнула Настя. – Я все равно бы ушла.

Пленник робко улыбнулся.

– Спасибо...

– Сиди тихо, не шевелись, – девушка огладила халат, закрыла пустую клетку и направилась к двери. – На выходе из комплекса обыскивают. Мне придется спрятать тебя в... Мммм...

– Я понял, – поспешил Элджи. – Все в порядке.

– Ни черта не в порядке, – мрачно отозвалась Настя. Открыв двери, она вышла в коридор и быстро направилась к туалетной комнате.

– Нет, нет, нет! – Орби мертвой хваткой вцепилась в Киру. – Тебе там нельзя появляться!

– Я должна, – возразила золотая. – Без меня у журналиста ничего не выйдет.

– Тебя убьют! – Орби замотала головой. – Я сама пойду!

– Вот уж кому точно надо сидеть тише воды, ниже травы, так это тебе, – решительно ответила Кира. – Пока люди не знают, что ты существуешь, ты в безопасности.

– Но они знают. Про меня в газете было.

– В дешевой желтой газетенке, где каждый день публикуют фото пришельцев, – фыркнула Кира.

Мышка покачала головой.

– Я должна идти с журналистом. Если пойдешь ты, люди решат, что лучше синица в руках... А меня испугаются! – поспешно добавила Орби, видя, что Кира намерена возразить. – Они упустили одну мышку, и вдруг видят – есть еще совсем другая! Подумают: а вдруг их много?

– Именно, – вздохнула Кира. – Если люди так подумают, нас уже ничто не спасет.

– Почему?

– Да потому, что одна беглая мышка – угроза разоблачения, а много разумных мышей – угроза людям как виду, – терпеливо объяснила Кира. – Они знают, что я не могу дать потомство в одиночку, и лишь поэтому не паникуют. Увидят тебя – и все. Конец.

Орби задумалась, но вдруг широко улыбнулась.

– Знаешь, подружка... Ты подсказала прекрасную идею.

– Правда?

– Ага, – радостно кивнула мышка. – Мы скажем людям, что разумные мышки уже много-много лет существуют! И покажем меня, как доказательство.

Кира вздрогнула.

– С ума сошла?! Как раз этого они больше всего боятся!

Орби подмигнула:

– Точно.

– Я не понимаю...

– В космосе есть такая штука, горизонт событий, – серьезно сказала мышка. – Это граница черной дыры. Если ее пересечь, пути назад больше нет. Совсем. Мы убедим людей, что горизонт событий уже пройден.

Кира покачала головой.

– Не сработает, Орби. Ты просто не знаешь, с кем мы имеем дело. Они объявят карантин в зоне ста километров вокруг города, выжгут мертвую полосу шириной с реку, зальют весь район метровым слоем яда и станут ходить по улицам с огнеметами. А могут открыто заявить о вторжении из космоса, и тогда за нами начнет охотиться каждый человек на Земле.

– Ошибаешься! – с жаром возразила мышка. – Все как раз наоборот! Пока они думают, что еще не поздно одним ударом решить все проблемы, пока верят, что, кроме тебя, других разумных нет – у них всегда остается надежда в крайнем случае поступить так, как ты сказала, и умыть руки. Нет мышей – нет проблем, вот что они скажут.

Орби шагнула вперед и взяла Киру за лапку.

– Мы должны убедить людей, что искать способы уничтожить наш вид уже поздно. Горизонт событий пройден, подруга – если они поверят, мы выживем.

– А если не поверят? – коротко спросила золотая мышь. Орби улыбнулась.

– Поверят. Я им такой спектакль устрою! – она потерлась носом об нос подружки и подбежала к краю дупла.

– Челове-е-ек! Ты здесь?

Сидевший на траве рядом с деревом журналист поднял голову:

– Я-то здесь... – он прищурил глаза. – А, вот и наша инопланетянка. И давно вы с Кирой познакомились?

– Неделю назад, – отозвалась Орби. – Благодаря твоей статье!

Выбравшись из дупла, она шмыгнула вниз по стволу. Ив закрыл ноутбук.

– Так что же, план готов?

Мышка прыгнула ему на плечо и удобно уселась, держась за воротник джинсовой куртки.

– Готов, – ответила она серьезно. – Ты выбрал, к кому ехать?

Журналист помолчал.

– Мы здорово рискуем, – заметил он. – Надо бы знать более точно...

– Кира просила лазерный микрофон, – возразила Орби. – Ты его не нашел.

– Я вам не Познер! – огрызнулся Ив. – У меня нет таких связей! Скажи спасибо за телеобъектив...

– Значит, придется рискнуть.

Человек вздохнул и покачал головой.

– Зачем я это делаю? Можешь объяснить?

– Не-а! – жизнерадостно отозвалась мышка.

– Вот и я не могу, – пробормотал Ив.

Сунув ноутбук в сумку, он почесал подбородок и, решившись, зашагал к ближайшей стоянке такси.

– Анастасия Тимофеева, пропуск на час, – покинув кабину для обыска, Настя прошла металлодетектор и положила ладонь на сканер отпечатков. Охранник привычно взглянул на дисплей, кивнул, улыбнулся девушке.

– Куда в такую рань?

– Забыла дома распечатку графика лактазовых инъекций, – вздохнула Настя.

Солдат понимающе подмигнул.

– Ясно... – он вынул из сейфа электронный пропуск, провел по нему программатором и протянул девушке. – На полтора часа, от греха подальше. Не опаздывай.

– Сенкс, – Настя заставила себя улыбнуться.

– Да, и это... Пришел циркуляр, с завтрашнего дня переходим на режим второй категории, – предупредил охранник, пока девушка расписывалась в журнале. – Если есть дела в городе, заканчивай с ними сегодня.

Настя махнула рукой.

– Да какие дела... Мы тут все замужем за работой.

– И не говори, – вздохнул солдат, нажимая кнопку. С громким гудением отключился электромагнит и мощная бронированная дверь приоткрылась.

На улице только-только начинался день. Утреннее солнце весело сверкало в листве декоративных деревьев, пока Настя шла по аллее ко второму пропускному пункту у ворот.

– Ты как там, живой? – шепотом спросила она, делая вид словно поправляет бюстгальтер. Полузадохшийся Элджи жадно плотнул свежего воздуха.

– Смени легенду... – выдавил он, отдышавшись. – Секретную работу нельзя брать на дом...

– Черт, я не подумала, – девушка нахмурила брови. – Уже поздно. Прячься, – она вновь застегнула сарафан и направилась к пропускному пункту.

– В чем дело? – спросил солдат, выглянув из будки.

– Забыла кое-что дома, вернусь через полчаса, – Настя протянула ему пропуск. Охранник почесал в затылке, но взял документ и провел перед сканером.

– Тут на полтора часа выписано...

– Игорь на всякий случай добавил часик, – объяснила девушка. – Вдруг в пробку попаду, зачем зря тревогу включать.

Солдат вздохнул.

– Это верно. Ладно, ребята, – сказал он в интерком, – Все в порядке, открывайте калитку.

Зажужжал мотор. Стальная дверь толщиной с кулак неторопливо отъехала на полметра в сторону, высоко на обеих окаймлявших ворота пулеметных вышках загорелись мигалки. Настя поправила очки.

– Я скоро, – выйдя за ворота, она спокойно направилась к стоянке служебных машин.

Там с охраной трудностей не возникло. Спустя пять минут, девушка аккуратно вырулила со стоянки на ярко-голубом «Пежо 307» и впервые позволила себе облегченный вздох.

– Мы выбрались, – она расстегнула сарафан, вытащила Элджи и посадила мокрого от пота, растрепанного, очень несчастного на вид пленника в подстаканник

между сидениями. Мышонок жадно глотал воздух.

– С... с... с... спасибо! – выдавил Элджи, когда снова мог говорить. – Д-д-даже не знаю, какое с-с-спасибо...

Настя вздохнула.

– Просто не попадайся больше. Где тебя посадить?

Элджи с трудом сел и перевел дыхание. Его сердечко все еще судорожно колотилось.

– Где мы сейчас?

– Едем в сторону Москвы, комплекс километрах в двух позади.

– Мы еще в Зеленограде? – Элджи попытался выбраться из подстаканника, но машину тряхнуло, и он снова упал. – Посади меня на панель, пожалуйста... – сконфуженно попросил мышонок.

Настя через силу улыбнулась.

– Без проблем.

Оказавшись под ветровым стеклом, Элджи встал на задние лапки и огляделся.

– Панфиловский проспект... Ясно... Как доедешь до площади, сворачивай на 2-й Западный проезд и остановись у корпусов СП «Транс».

Девушка удивленно моргнула.

– Знаешь наш город, пушистик?

Элджи оглянулся и укоризненно покачал головой.

– Я же в полтора раза старше тебя. Конечно, мне знаком Зеленоград, я тут не раз... Отоваривался... – он неопределенно покрутил лапкой в воздухе. – У тебя есть деньги?

Настя хмыкнула.

– Ну, допустим.

– Купи мобильник. Своим не пользуйся. Позвонишь по номеру, который я дам; когда снимут трубку, скажешь, «Здравствуйте, Исаак Моисеевич шлет поклон». Если спросят, кто такая, ответишь – новая сотрудница.

Девушка бросила на мышонка недоверчивый взгляд.

– Сотрудница?

– У меня широкая сеть агентов по всей России, – ответил Элджи. – Разумеется,

они не знают, на кого работают. Передашь меня человеку, который выйдет из ворот СП «Транс», скажешь, что Иссак Моисеевич просил срочно доставить животное в Обнинск, адрес он знает. А сама езжай к родственникам или родителям – в комплекс нельзя возвращаться, тебя не уволят, а арестуют.

Настя сдвинула очки на нос.

– Обнинск? Зачем тебе в Обнинск?

– Да так, утрясти пару вопросов... – Элджи спрыгнул с панели на сидение и устало свернулся клубком. – Уезжай из города, Настя. Переждешь недельку, пока я наведуось в институт Добронравова и разберусь с проблемами. А когда все уляжется, вернешься к нормальной жизни.

– Пережду пока... ЧТО?! – переспросила Настя.

Элджи поднял голову.

– Я сорок лет мечтал найти сородичей, – произнес негромко. – И когда, наконец, отыскал – совершил грубейшую ошибку, едва не стоившую мне жизни. Дважды я своих ошибок не повторяю.

Девушка притормозила у светофора и бросила на мышонка изумленный взгляд.

– Ты собираешься вернуться в комплекс?!

Элджи улыбнулся.

– Все будет хорошо.

– Черта с два будет! – рассердилась Настя. – Для чего я тебя спасала, что б ты снова голову в петлю сунул?!

Мышонок сел.

– Настя, в дикой природе 90% мышей погибает в течение первого года жизни. Я продержался сорок лет. В прошлый раз меня поймали, поскольку я хотел проверить операцию незаметно для людей. Теперь время скрываться прошло. Кроме того... – он вздохнул, – ...я должен уничтожить файлы о твоём побеге. Надо ж хоть как-то отблагодарить.

Настя содрогнулась и бросила на маленького спутника странный взгляд.

– Н-не надо меня благодарить... – выдавила она через силу.

– Поверь, все будет хорошо, – Элджи тепло улыбнулся.

– Но зачем возвращаться? Рисковать?!

– Затем, что у вас томится еще один тагвар, – тихо ответил Элджи. – Пусть даже он не умеет говорить, это ничего не меняет. Я должен его спасти.

Настя запнулась. Долго молчала. Автомобиль уже покинул Панфиловский проспект и медленно катился в сторону 2-го Западного проезда, улица была пустынная.

– Элджи... – сказала наконец девушка. – Мне правда, очень, от всей души жаль... Я не хотела говорить...

Мышонок почувствовал, как сердце останавливается.

– Что? – спросил он внезапно севшим голосом.

– Я...- Настя смотрела в сторону. – Я... Бросила все и решила тебя спасти, потому что... – Она сглотнула. – Вчера... Когда ты сообщил про заметку в газете... Я позвонила в Москву. Они запаниковали. Отдали приказ уничтожить всех лабораторных животных. В первую очередь вас двоих.

Элджи вцепился в сидение.

– Может, еще не поздно! – выдавил он.

Настя не выдержала и расплакалась.

– Ты не понимаешь! – Она ударила по тормозам, машина замерла в центре улицы. – Какой же ты... – Девушка всхлипнула, сорвала очки и принялась остервенело тереть линзы платком.

– Настя, я должен знать, – с громадным трудом произнес Элджи. – Пожалуйста.

– Что знать?! – крикнула Настя. – За животными смотрю я! Это мне отдали приказ!

Элджи судорожно втянул воздух.

– Приказ убить? – прошептал недоверчиво. – Убить моего единственного сородича?!

Настя кивнула сквозь слезы.

– Я... Отключила наркоз и сделала инъекцию, а он... Внезапно пришел в себя... Посмотрел на меня и сказал... Сказал... Он раньше никогда не говорил, я даже не подозревала, что он умеет!!! Он... Не представляю, как узнал... – девушка отвернулась к окну и выдавила: – Перед смертью он просил спасти тебя. Тебя, Элджи. Я всю ночь плакала...

В машине повисла страшная тишина.

– Открой дверь, пожалуйста, – мертвым голосом попросил Элджи спустя бесконечно долгую, полную горя минуту.

Настя содрогнулась.

– Я...

– Просто открой. Мне самому не открыть.

Всклипнув, девушка перегнулась через сидение к замку пассажирской двери.

– Спасибо, – Элджи выпрыгнул из автомобиля.

Уже стоя на тротуаре, последний раз оглянулся. Настя плакала, глядя на него из машины.

– Ты сегодня не мышонку жизнь спасла, – тихо сказал Элджи. – Ты себе спасла душу. И я рад, что помог тебе в этом. Прощай.

Отвернувшись, он стремительно пересек тротуар и юркнул в щель под забором.

Глава 5

Ив уже полтора часа сидел в приемной, нервно постукивая по колену. Рядом в розовой клетке для хомячков беспокойно крутилась Орби, всеми силами стараясь выглядеть обычной мышью. Другие посетители с любопытством поглядывали на странную парочку.

Когда ожидание стало уже невыносимым, из дверей наконец показалась секретарша:

– Господин Кулибин, прошу.

Ив облегченно вздохнул. В приемной у него отобрали мобильник, вновь обыскали, клетку с мышью раскрыли, потрясли, со всех сторон осмотрели, затем то же самое проделали с Орби. Убедившись, что ни оружия, ни диктофонов гости не прячут, охрана позволила журналисту вернуть мышь в клетку и пройти за двойную внутреннюю дверь.

– Входите, молодой человек, – сидевшая за огромным ореховым столом

пожилая женщина поднялась навстречу. – Добро пожаловать. Не напомните, из какой вы газеты?

Ив перевел дыхание. То, что он собирался сказать, с вероятностью 90% отправило бы любого в психушку, а оставшиеся 10% – в забвение. Но едва ли хоть один «псих» на Земле имел при себе лучшее доказательство своей нормальности.

– Простите, что беспокою, Галина Александровна, – журналист уселся в кресло и поставил клетку с мышью на стол. – Я из незначительной газеты, и не думаю, что «Ассоциацию содействия депутатской деятельности» заинтересует такое интервью. Дело в том, что пару дней назад я случайно наткнулся на чрезвычайно странное дело, которое наверняка заинтересует и вас, и вашего уважаемого мужа... – Ив бросил внимательный взгляд на женщину.

– Продолжайте, – спокойно сказала та.

– Видите ли, Галина Александровна, я здесь по двум причинам, – признался журналист. – Первая, и главная, заключается в том, что вы кандидат биологических наук.

– А вторая, полагаю, связана с большой занятостью моего супруга? – с легкой усмешкой спросила Галина.

– Нет. Но я верю, что мой рассказ окажется интересен и Владимиру Вольфовичу. Женщина посмотрела на клетку.

– Это как-то связано с мышкой?

– Куда теснее, чем можно вообразить, – серьезно отозвался Ив. Положив на стол конверт с фотографиями, он придвинул его к собеседнице. Та, подняв брови, разорвала печать и некоторое время в кабинете царила мертвая тишина, пока Галина Лебедева, недоверчиво хмурясь, разглядывала фото. Журналист ждал.

– Я не понимаю, – сказала наконец женщина. – Это розыгрыш?

– Нет, Галина Александровна. В том-то и дело.

– Молодой человек, вы сумасшедший? – Галина отложила фотографии.

Ив развел руками.

– Я не безумец, чтобы полагать, будто в подобное можно поверить, всего лишь взглянув на фото. Потому и принес с собой мышь.

Лебедева откинулась в кресле и озадаченно сцепила руки на животе.

– Мышь.

– Да, Галина Александровна. Вы не против, если я открою клетку? Зверек не убежит, он... смысленный, – усмехнулся Ив. – Думаю, вам будет интересно.

Галина смерила гостя удивленным взглядом.

– Ради бога.

Осторожно выбравшись из клетки, Орби глубоко вздохнула, сделала несколько шагов вперед и уселась на хвост.

– Только не пугайтесь, – сказала она. – Я умею говорить. Меня создали генетики профессора Добронравова.

Женщина так отпрянула, что чуть не опрокинула кресло. В кабинет немедленно ворвались охранники, но Галина быстрым жестом их успокоила и, недоверчиво моргая, нацепила на нос очки.

– Таких фокусов видеть не доводилось... – она внимательно осмотрела сначала мышь, затем журналиста.

– В общем, так... – Лебедева перевела взгляд на охрану. – Никого не пускать. Все встречи на сегодня отменяются, – подождав, пока агенты закроют двери, она обернулась к Иву. – Вы умеете произвести впечатление. Рассказывайте.

Журналист покачал головой.

– Пусть лучше она расскажет, – он кивнул на мышку. Женщина вздрогнула.

– Мышь?!

– Меня зовут Орби, – скромно вставила та.

Лебедева молчала, наверно, целый час.

– Да-а... – пробормотала она наконец. – Что ж, я вас слушаю...

Орби вежливо поклонилась.

– Спасибо. Я понимаю, вам трудно поверить, но все фотографии подлинные, и были сделаны вчера. На них действительно запечатлен Хрущев. Он не умер в 71-м, а до сих пор живет в Москве под другим именем, слегка изменив внешность.

Галина сдвинула очки на нос и вновь посмотрела на фотографию. Отложила, взяла другую. Третью. Четвертую. Орби молча ждала.

– Хорошо, допустим толстяк на снимках и впрямь напоминает Никиту, – сказала наконец женщина. – Хорошо, у меня на столе говорящая мышь. Чертовщина какая-то,

но ладно. Допустим. Однако, простите, мне действительно хотелось бы знать, что связывает говорящих мышей и Хрущева?

– Продление жизни, – коротко ответила Орби. – Операция, случайно открытая академиком Глебом Добронравовым в августе 1963-го, во время экспериментов на мышах. Мне больше сорока лет, Галина Александровна, хотя обычные мыши живут всего два года.

Повисла тишина.

– Та-а-ак... – женщина подалась вперед. – Картинка начинает проясняться. Хотелось бы узнать подробнее.

Журналист вздохнул и жестом указал на мышку.

– Мы не знаем всех деталей, Галина Александровна, лишь общую схему, – признался он. – Как понимаете, открытие Добронравова было моментально засекречено на таком уровне, что знала о нем лишь самая верхушка партии. Очень быстро они решили создать надправительственную, тайную группу теневых лидеров, чтобы раз и навсегда избавиться от боязни потерять власть. Осенью 1964 года группа была создана и названа «КС», это наверное расшифровывается «Комитет старейшин», мы не знаем точно; в группу вошли крупнейшие политики и военные СССР, во главе с самим Хрущевым. Чтобы не возбуждать подозрений, Хрущев в тот же месяц ушел с поста председателя КПСС, имитировав насильственную отставку и посадив на свое место послушную марионетку – Брежнева. По той же причине все реформы в правительстве и партии сразу заморозили, теперь спешить было некуда. А главным лозунгом, разумеется, объявили «стабильность»...

– Академик Добронравов проводил первые опыты на себе, – вставила Орби. – Так что и он оказался частью группы вместе с политиками и генералами. А всех остальных, кто имел хоть какое-то отношение к открытию, безжалостно уничтожили в 1967 году, устроив поджог института. Не знаю, каким образом, но мне и нескольким другим подопытным животным удалось спастись.

Лебедева откинулась в кресле, помолчала. Затем, склонившись вперед, протянула руку над столом и приблизила согнутый палец к мышке. Та догадалась и быстро залезла к ней на ладонь.

Женщина поднесла мышь к глазам и долго, недоверчиво, рассматривала со всех

сторон. Орби скромно вертела в лапках хвост, то и дело бросая на людей смущенные взгляды.

– Невероятно... – прошептала наконец Лебедева. – Просто невероятно.

Орби грустно улыбнулась.

– Вот такая я сказочная...

Галина бережно посадила мышку обратно на стол и вновь откинулась в кресле. Было заметно, сколь интенсивная умственная работа идет в ее разуме. Гости ждали; наконец, женщина встряхнулась и сняла очки.

– Почему пришли к нам? – спросила коротко. – Почему не прямо в Кремль?

Ив покачал головой.

– Слишком рискованно. Мы не знаем состава группы «КС», и...

– Нам нужна помощь! – перебила Орби. – А ваш супруг – самый известный из тех политиков, которых в группу точно не пригласят!

Журналист чуть не подавился:

– Орби!

– Что? – мышка недоуменно оглянулась. – Я... – тут до нее дошло, и бедняжка так сжалась, что превратилась в маленький пушистый шарик.

– Простите... – пискнула испуганная Орби. Галина усмехнулась.

– Ничего, как выражается Володя, правда-матка бывает полезна. Или правда-мышка? – она задумчиво накручивала локон на палец. – Да-а, вот уж денек так денек... Какая помощь вам нужна?

Ив глубоко вздохнул.

– Галина Александровна, мы не хотим, чтобы подобная информация вышла на волю. Однако ваш супруг, как известный политик, мог бы воспользоваться этим знанием к нашей всеобщей выгоде... – журналист прищурил глаза. – Думаю, вы сознаете, что произойдет, если народ узнает о доступности операции, продлевающей жизнь на много лет. Чтобы не допустить разглашения такой тайны, группа КС пойдет на все. Они с радостью примут в свои ряды и вас, и Владимира Вольфовича. Ну, а нам с Орби требуется сущий пустяк...

– Пусть отпустят пленника! – выпалила мышка, но тут же смущенно опустила голову. Галина вздохнула.

– Нас всех прикончат.

– Потому мы и пришли к вам, вы же известные люди! – Орби в волнении дергала хвостиком. – С вами им придется считаться!

– Хе-хе, – женщина криво улыбнулась. – Листьеву и Немцову известность не помогла. Молодой человек, я могу понять наивность грызуна, но вы-то, надеюсь, не забыли, в какой стране живете?

– Отнюдь, – вздохнул журналист.

Все трое надолго умолкли.

– В общем, так, – заявила Галина Лебедева после паузы. – Не думайте, будто я поверила; ваш рассказ редкий бред.

– Но я же здесь! – возмутилась Орби. – Откуда взяться разумной мыши, если все неправда?!

– Да откуда угодно, – женщина покачала головой. – Хоть с Марса. Молодой человек, – она обернулась в журналисту, – Ваша история, безусловно, весьма любопытна, но я не верю ни единому слову. Возможно, просто для формы, я и наведу справки, однако шансы невелики. Оставьте телефон в приемной и не справляйтесь. Можете идти.

Ив поспешно встал, Орби пробежала по столу и юркнула к нему в карман.

– Простите за отнятое время, Галина Александровна, мы пошли...

– Идите, идите! – Лебедева махнула в сторону двери. Журналист поспешно ретировался, оставив фотографии и пустую клетку на столе. Уже на улице, садясь в такси, он заметил, как несколько угрюмого вида мужчин провожают его внимательными взглядами.

– В американское посольство, – приказал он водителю. И улыбнулся.

Все шло точно по плану.

Кира пряталась в водостоке на крыше высотного здания напротив института

Добронравова. Рядом, сунув головы под крылья, мирно спали два небольших сокола – самые быстрокрылые и маневренные птицы, которые нашлись в зоопарке. Сытно накормленные и отдохавшие всю ночь, они были полны сил и могли унести маленьких беглецов за сотни километров от опасного города.

По плану, заварушка внизу ожидалась примерно в три часа дня или чуть позже. Кира сильно беспокоилась за Орби – веселая и наивная, мышка была плохо приспособлена к жестокому миру. Но в ее прошлом, похоже, таилось немало секретов. Если удастся спасти Итана... Конечно удастся, о чем она думает!

Больше всего Киру беспокоило, что с момента побега она ни разу не почувствовала мысленное присутствие брата. Даже сейчас, так близко. Орби из-за всех сил старалась ее утешить, твердила что операция могла временно лишить Итана телепатии, но сердце золотой мыши сжималось от страха. Она поверила однажды в гибель брата, и терять новый огонек надежды смертельно боялась.

Далеко внизу, на пулеметных вышках у ворот комплекса, внезапно зажглись мигалки. Кира напряглась, однако из-за стены вышла всего лишь Настя Тимофеева – девушка, следившая за лабораторными животными в блоке «Д». Перекинувшись парой фраз с охранниками, Тимофеева зашагала к стоянке служебных машин через дорогу.

Кира провожала ее настороженным взглядом. Настя пришла в проект около двух лет назад, сменив отправленную на пенсию «бабушку» Петухову, ту самую лаборантку, чье имя носила золотая мышь. Кире и ее брату к тому времени было уже по три года... Итан! Эта женщина должна знать, жив он или нет!

Боясь верить такой удаче, Кира поспешно раскинула мысленную сеть в поисках подходящей птицы – использовать сокола в городе было слишком рискованно. Ищущий разум золотой мыши быстро нащупал примитивное сознание голубя, сидевшего на соседней крыше. Повинуясь телепатической команде, тот моментально распахнул крылья и примчался на зов.

Кира усилила наведенный на соколов сон и вскочила на спину голубю. Тем временем, далеко внизу Настя уже выруливала со стоянки на ярко-голубой машине. Золотая мышь покрепче уцепилась за перья и послала птицу в полет.

С высоты было хорошо видно, как голубой «Пежо» спокойно и неторопливо катит по улице. Мысленные команды Киры управляли голубем. Перелетая с одного

фонарного столба на другой, птица следовала за автомобилем.

Вскоре «Пежо» свернул с центрального проспекта и, еще медленнее, поехал на запад. Кира лихорадочно размышляла, как перехватить Тимофееву без помощи большого и страшного зверя, найти которого ранним утром в центре Зеленограда было, мягко говоря, проблематично. Как назло, в пределах досягаемости ее мысленной сети никто даже не выгуливал собаку.

Она уже почти решилась в открытую спросить девушку о брате, надеясь, что Тимофеева сжалится над бывшей питомицей и ответит, когда автомобиль внезапно остановился посреди улицы. Кира немедленно бросила голубя в пике и посадила птицу на фонарный столб прямо над машиной.

Некоторое время все было тихо, «Пежо» просто стоял на месте, едва слышно стрекоча дизелем. Затем, как ни странно, открылась пассажирская дверь.

Оттуда на асфальт прыгнула крупная палево-черная мышь с огромными зелеными глазами, симпатичной короткой мордочкой и покрытым шерстью хвостом. Перебежав на тротуар, зверек обернулся к автомобилю и что-то сказал. У Киры чуть не остановилось сердце.

Она зажмурилась, не в силах верить. Еще один!!! Еще один сородич!!! И он наверняка знает про Итана! О, спасибо тебе, судьба... Спасибо!

Черная мышь, тем временем, юркнула под ограду ближайшего двора и спряталась в старой покрышке, валявшейся на земле. Кира с огромным трудом поборол волнение и бросила голубя вперед. Хлопая крыльями, птица опустилась на шину.

– Сородич, поговори со мной! – взмолилась Кира. Она скользнула по крылу голубя и прыгнула на землю. Прямо перед ней, недоверчиво моргая, застыл незнакомец.

С первого взгляда стало ясно, что они с Орби принадлежат одному виду. Слегка уступая в размерах Кире, палево-черный мышонок выглядел именно мышью, а не помесью белки с бурундуком. Огромные зеленые глаза незнакомца окружали две тонкие полосы более темной шерсти, сливавшиеся в одну между ушками, и тянувшиеся до самого хвоста, который, точно как у Орби, был покрыт гладкой шерсткой. Зато лапы у черного мышонка оказались куда мощнее, чем у подруги Киры,

особенно задние – видимо, сказывалось, что он самец. Некоторое время Кира и незнакомец, тяжело дыша, смотрели друг на друга.

Черный мышонок опомнился первым:

– НГ-90? – спросил он хрипло. Голос у него был гораздо ниже, чем у обеих мышек, хотя человеку, конечно, все равно показался бы пискливым.

– Что значит НГ-90? – встревожилась Кира.

– Это ты бежала из института Добронравова две недели назад?

Кира закивала.

– Я!

Черный мышонок глубоко вдохнул и уселся на хвост, бессильно уронив лапки. Зажмурился, помолчал, приходя в себя. Тишина длилась почти минуту.

– Мое имя Элджи, – сказал наконец мыш. – Неделю назад, увидев в газете заметку о твоём бегстве, я пытался проникнуть в комплекс, чтобы спасти других узников. Потерпел неудачу и попал в плен. Сегодня меня должны были убить, однако у девушки, следившей за подопытными животными, оказалось сердце. И вот, я здесь.

Он опустил голову.

– Мне... Я счастлив тебя встретить. Ты будто явилась из сна. У меня... Даже есть портрет... – Элджи запнулся, – ...неважно. Я сорок лет жил в одиночестве, мечтая отыскать родичей, и вот, ты сама нашла меня. Это чудо. Истинное чудо.

Золотая мышь слабо улыбнулась.

– Я Кира, – представилась она. – В нашем маленьком племени я кто-то вроде воительницы.

– В племени?! – вскрикнул Элджи. – Вас много?!

– Трое, если брат жив, – вздохнула Кира. – Коли и ты останешься, станет четверо...

Черный мышонок зажмурился от волнения.

– Неужели годы одиночества позади? – прошептал он едва слышно. – Кира, я... – голос сорвался, и Элджи бессильно обмяк, прислонившись к грязной покрывке. Золотая мышь, встревожившись, шагнула вперед и ласково коснулась сородича.

– Ты в порядке?

– Сейчас пройдет... – выдавил Элджи. Кира погладила его по голове.

– Все хорошо. Все будет хорошо.

Элджи чудовищным усилием взял себя в лапы и выпрямился, тяжело хватая воздух.

– Да, – сказал он твердо. – Теперь все будет хорошо.

Последний раз зажмурившись, черный мышонок с силой выдохнул и встал. Поднял голову, смерил взглядом голубя.

– Управление животными – твоя способность?

Кира с легким удивлением кивнула. Элджи довольно потер лапки:

– Воистину, мгновением чудным, стал встречи нашей дивный миг! – увидев выражение мордочки Киры, пояснил: – Экспромт. Птица поднимет нас обоих?

Золотая мышь неуверенно огладила усы.

– Возможно...

– Тогда летим! – Элджи подбежал к ней и схватил за лапки. – Теперь есть шанс! Если доберемся до базы к завтрашнему вечеру, люди Добронравова не успеют уничтожить досье!

Кира попятилась.

– Какое досье?

– Наше, – отозвался Элджи. – Исследования профессора в области генной инженерии, карты наших ДНК, а главное, методические журналы! Больше я не намерен ждать у моря погоды. Люди не хотят процветания нашего рода? Хвостом! Теперь я сам займусь работой. Не пройдет и пяти лет, как я добьюсь результата!

Кира моргнула.

– Но... Но...

– Не бойся, – с огромной лаской отозвался Элджи. – Теперь мне есть, зачем жить...

– Я не могу сейчас лететь, – золотая мышь покачала головой. – В комплексе остался мой брат. Мы подготовили план побега, через пару часов все начинается!

Элджи оцепенел.

– Твой брат? – он отпустил ее лапки и попятился. – Боже, нет... Только не это...

Кира судорожно подалась вперед:

– Тебе известно, что с ним?!

Долгое молчание.

– Да, – сказал наконец Элджи. – Боюсь, что известно.

Он отвернулся.

– Вчера из Москвы доставили приказ. Все лабораторные животные, а в первую очередь, разумные мыши, подлежали немедленному уничтожению. Твоему брату... – Элджи загнулся. – Ему... Сделали инъекцию. Это совсем не больно, Кира. Ты просто засыпаешь... И видишь сны, быть может.

Золотая покачнулась.

– Нет...

– Прости, – Элджи прижался к крышке и яростно, со всех сил, ударил лапкой по резине. – Если б не моя небрежность, он был бы спасен еще неделю назад. Я не имел права на ошибку. Не в таком деле. Только не в таком.

Кира опустила голову.

– Ты ни при чем... – выдавила она. – Мы ведь... Такие маленькие. Нам никогда... – мышка всхлипнула. Повинуясь мощному порыву, Элджи привлек ее к себе и заключил в объятия, чувствуя, как впервые в жизни сердце сжимается от чужой, но столь родной боли. Ни разу в прошлом он не испытывал подобного.

– Прости... Прости... – шептал он горько. В душе свирепо рычал демон гнева и бессильной ярости, еще никогда Элджи так остро не чувствовал свою беспомощность.

Они долго стояли без движения, Кира мелко дрожала. Наконец, справившись с горем, она глубоко вздохнула и подняла глаза.

– Я... Я должна убедиться. Есть шанс... Маленький шанс... – Кира всхлипнула. – Мы... Мы с братом очень особенные... Есть шанс, что он мог... Пережить инъекцию. Я знаю! – выпалила она, будто опасаясь, что ей могут возразить. – Я все понимаю! Но... Не могу... Не могу так... Уйти.

– Конечно, – ласково ответил Элджи. – Мы проверим все сами. Но теперь нельзя рисковать, от нас зависит будущее двух народов. Если ты погибнешь... – он чуть не задохнулся, на миг – всего на миг! – представив, что подобное может случиться.

– Все подготовлено, – сказала Кира сквозь слезы. – Через пару часов здесь такое начнется...

Она указала на голубя.

– Возле института... На крыше, наблюдательный пункт. Продолжим там...
Элджи кивнул и, следом за Кирой, полез на спину птицы.

– Ты их видишь? – не поворачивая головы, спросил Ив, спокойно шагая по тротуару. Сидевшая на плече мышка озиралась, изучая плотный людской поток.

– Вижу, – Орби залезла под воротник куртки. – Двое, идут следом, метрах в двадцати. У одного гарнитура, как у Джейсона Борна.

Ив улыбнулся.

– Отлично, – они уже подходили к посольству. У дверей эмиграционного отдела толпилась небольшая очередь, перед воротами и на углах привычно стояли агенты, внимательно следившие за людьми. Ив вытащил из-за пазухи толстый желтый пакет с печатью «Секретно» и подошел к будке охраны.

– Здравствуйте, – он показал удостоверение журналиста. – Мне нужно передать эти материалы главе вашей службы безопасности.

Солдат – молодой русский парень – с сомнением оглядел гостя, почесав в затылке при виде мыши на плече.

– Вам назначено?

– Нет. У меня есть важные сведения. Действуйте по инструкции, пожалуйста. За мной следят, – вполголоса сказал Ив.

Охранник еще мгновение колебался, но выучка победила. Кивнув, он вышел из будки и провел Ива за ограждение, где к гостям тут же подбежали несколько агентов в штатском.

– 2-19, – сообщил им солдат. Старший агент, на вид явно не русский, кивнул и положил руку на плечо Ива.

– Секунду, сэр... – другой охранник быстро провел металлодетектором над одеждой гостя, профессионально и быстро обыскал, удостоив мышку лишь одним удивленным взглядом. – Все чисто. Дайте пакет, пожалуйста... – он отобрал конверт и передал третьему агенту, который тут же сунул его в черный целлофановый мешок. – Животное придется оставить на пропускном пункте.

– Хорошо, – кивнул Ив.

– Следуйте за нами, – старший агент направился к отдельно стоявшему во дворе маленькому кубическому зданию, похожему на трансформаторную будку. Русский солдат вернулся на пост.

На входе в помещение стоял рентгеновский аппарат, совмещенный с арочным металлоискателем, как в аэропорту. Когда Ив проходил детектор, Орби на всякий случай зажмурилась, но ничего страшного не случилось, и журналиста наконец пропустили в большую пустую комнату с красным столом посередине. Там он ждал минут десять, пока из других дверей не вошли двое американцев.

– Я Глен Миллер, заместитель начальника службы безопасности посольства, – по-русски, с сильным акцентом представился высокий пожилой мужчина в сером костюме. – Что за сведения вы принесли?

Журналист улыбнулся.

– На самом деле, сэр, я не принес ничего. Но за мной следит ФСБ, и я стараюсь, чтобы они поверили, будто я сообщил вам некую тайну.

Американцы переглянулись.

– У вас плохое чувство юмора, – сурово заметил Глен. – Мы можем задержать вас за внесение помех в работу посольства и ложную информацию.

– Это мне и нужно, сэр, – серьезно ответил Ив. – Задержите хотя бы на час. Полагаю, максимум в течение часа сюда нагрянет ФСБ и потребует меня выдать.

Агент задумчиво огладил чисто выбритый подбородок.

– Я ознакомился с вашим пакетом, – сказал он после паузы. – Там всего лишь нелепая газета из желтой прессы. Ничего, способного вызвать такой интерес вашей разведки.

– Пакет был нужен для отвода глаз, – отозвался Ив. – То, что нужно ФСБ, сидит на моем плече.

Глен поднял брови и бросил взгляд на Орби, робко глядевшую на него из-под воротника журналиста.

– Мышь?

– Именно, сэр. Это весьма непростая мышка. Вы позволите? – Ив поднял к плечу руку. Орби тут же перебралась к нему на ладонь.

– Вы, конечно, не стали просматривать газету? – спросил журналист. Однако Глен, к его удивлению, кивнул:

– Такова моя работа, – он с сомнением взглянул на Орби. – Намекаете, что это и есть мышь с передовицы? Якобы, способная говорить?

Орби смущенно развела лапками.

– Я правда умею говорить, сэр.

Повисла мертвая тишина. Второй американец, до сих пор стоявший молча, недоверчиво попятился, Глен широко раскрыл глаза. Долго размышлял, но, прежде чем задал первый вопрос, заговорил журналист:

– Перед вами самый секретный проект КГБ, сэр. С конца 60-х годов, и до сего дня, разумных мышей активно используют в разведке, в основном против США.

– Мы стерильны и не даем потомства, – вставила Орби. – Поэтому каждая разумная мышка обходится очень дорого, выживает лишь один из десяти тысяч эмбрионов. Я стою больше миллиона долларов! – с гордостью добавила она.

Американцы вновь переглянулись.

– Теперь я видел все... – с легкой дрожью в голосе, по-английски сказал второй агент. Глен с силой провел рукой по волосам.

– Удивительно! Просто удивительно!

Орби смущенно кивнула:

– Так точно, сэр.

Потрясенный американец поднял глаза на Ива.

– Вы просите политического убежища? Хотите передать нам животное? Мы согласны. Документы будут готовы до вечера.

Журналист улыбнулся.

– Я просто хочу часик посидеть у вас в посольстве, пока не нагрянет ФСБ.

– Мы подготовили грандиозное разоблачение, – вставила Орби.

Она подмигнула изумленным людям и вновь забралась на плечо журналиста по рукаву куртки. Агенты и охранники молча смотрели на невозможных гостей.

Часы показывали три-семнадцать, когда к воротам института на большой скорости подъехали два черных «Гелендвагена». На глазах изумленной охраны, двери раскрылись, восемь агентов в одинаковых черных костюмах вышли на мостовую и разошлись вдоль стен, заняв наблюдательные позиции. Пока солдаты в будке докладывали начальству о событиях, в конце улицы показался черный бронированный «Мерседес», сопровождаемый еще двумя «Гелендвагенами». Кира положила лапку на ладонь Элджи:

– Начинается.

Мерседес остановился прямо перед воротами. Охранники вышли из джипов, окружили машину. Оттуда некоторое время никто не показывался, видимо, ждали подтверждения от агентов на улице. Наконец, толстая армированная дверь открылась, и из автомобиля вышел знакомый низкорослый человек в белой сорочке и нелепом клетчатом галстуке. Элджи моргнул:

– Зачем вам этот клоун?!

– Сейчас поймешь, – отозвалась Кира.

Политик, тем временем, в присущей ему манере пытался действовать напролом и уже ругался с охранниками, требуя, чтобы его пустили. Золотая мышь указала Элджи на офицера, который, активно жестикулируя, о чем-то говорил по внутреннему телефону, то и дело кивая на незваного гостя.

– Сейчас положит трубку... – прошептала Кира. Так и случилось. – Пора!

Она напряглась. Далеко внизу, на пулеметной вышке, предохранитель крупнокалиберного пулемета внезапно раскалился добела и потек жидким металлом, между капсюлем и бойком проскочила электрическая искра. Тяжелое 12.7мм оружие взорвалось оглушительной очередью, пули беспорядочно полетели в стену дома напротив. Солдаты на вышке опомнились почти моментально и прервали беспорядочную стрельбу, оборвав ленту с патронами, но дело было сделано: в облаке пыли и бетонных осколков охрана втолкнула политика в «Мерседес» и все машины на огромной скорости умчались прочь. Удивленный Элджи обернулся к золотой мышке.

– Смысл? – спросил он после паузы.

– Люди чертовски предсказуемы, – ответила Кира. – Когда начальник охраны кладет трубку, это знак, что приказ от начальства получен. В тот же миг начинается стрельба. О чем подумает психованный скандалист, особенно если он уже в бешенстве от небольшой сказки, которую мы скормили ему утром?

Элджи почесал за ухом.

– Звучит логично, но даже разъяренный и перепуганный клоун – всего лишь клоун.

– А иногда от клоуна бывает больше пользы, чем от самых драматических актеров, – с трудом улыбнулась Кира. Она еще не оправилась от жестокой вести, и время от времени украдкой вытирала слезы. – Жаль, у нас нет телевизора – минут через пять начнется прямой репортаж ВВС о покушении на зампреда Госдумы.

– Пять минут? – недоверчиво переспросил Элджи.

– Съёмочная группа с утра следует за ним.

Молчание.

– Как вам удалось?

– У журналиста, о котором я рассказывала, есть амбициозный шеф по имени Виктор, – отозвалась Кира. – Когда ему сообщили о новости, имеющейся в нашем распоряжении, Виктор любезно согласился использовать все свои связи, чтобы камеры оказались в нужном месте в нужное время. Они с журналистом получают славу и кучу денег, ВВС покажет самую шокирующую сенсацию тысячелетия, ну, а мы... – Кира вздохнула. – Мы получаем пару часов хаоса, паники и беспорядков вокруг института, чтобы с боем прорваться за стены и спасти моего брата. Вот так все просто.

Элджи покачал головой.

– Кира, я был внутри. Я знаю, как устроена их система безопасности. Ничего не выйдет.

– Я могу силой воли сжечь всю электронику в радиусе ста метров, – возразила Кира. – А вынудят, поступлю так же и с людьми!

Черный мышонок сильно вздрогнул.

– Мы не хищники, – помолчав, сказал он ласково. – Мы никого не убиваем, Кира.

– Верно, убивают только нас! – гневно отозвалась золотая. – Один лишь список

зверей, питающихся мышами, полдня читать придется!

– Разве это причина становиться убийцами? – мягко спросил Элджи. – Мы не мыши и не люди, мы тагвары. Новый разумный вид на Земле. И я сделаю все, чтобы для нас слова «победить» и «убить» никогда не стали синонимами.

Кира зло прижала уши.

– Не играй в благородство перед тем, кто его даже не заметит.

– А благородство замечать не нужно, – серьезно ответил Элджи.

Они посмотрели друг другу в глаза.

– В тебе нет кровожадности, – тихо сказал Элджи. – Ты просто озлоблена и боишься за брата, но кровожадность чужда нам, Кира.

Золотая мышь отвернулась, нервно дергая хвостом.

– Ты назвал нас тагварами. Почему?

– Много лет назад, я придумал имя нашему виду, – Элджи улыбнулся. – Надеюсь, вам понравится.

Кира повернула голову:

– Но мы же из разных видов. Ты сородич Орби, а мы с Итаном совершенно другие.

– Оставим копание в генетике для тех, кого это волнует, – заметил Элджи. – Ты стократ ближе мне, чем люди и, тем более, тупые животные. Пусть телами мы и не сородичи – души у нас одни и те же.

Кира опустила голову.

– Надеюсь, Элджи. Надеюсь... – она дернула хвостом. – Но... Если Итана все же.... Убили... Ты быстро поймешь: кровожадными бывают не только хищники!

Они помолчали, думая каждый о своем.

– Сжигать электронику нельзя, – сказал наконец Элджи. – Информация из лабораторных компьютеров вскоре мне потребуется. Если б ты согласилась повременить хотя бы до завтра...

– Мы не можем терять ни секунды!

– Лучше потерять жизнь? – серьезно спросил Элджи.

Кира покачала головой.

– Мы пять дней готовились. Все продумано.

– Ты не знаешь, где держат Итана. После побега его могли перевести в другую лабораторию, даже в другой корпус, а если инъекция подействовала... – Элджи помолчал, и бережно взял золотую мышь за лапку. – Молю, не подвергай себя опасности. Мои ресурсы огромны, дай лишь добраться до базы – вечером того же дня мы вернемся, и без всякого риска освободим Итана...

– Ты не говорил бы так, будь он твоим братом! – Кира в гневе вырвала лапку у Элджи. Черный мышонок сурово прижал уши.

– Он такой же брат мне, как и тебе! Нас слишком мало, мы не имеем права ссориться!

– Тогда помоги спасти... – неожиданно тихо попросила Кира. И в голосе ее прозвучало такое отчаяние, что гнев Элджи моментально испарился. Стиснув коготки, он опустил голову и долго сидел без движения.

– Есть одна идея, – произнес наконец черный мышонок. – Это смертельно опасно, но может сработать. Кира, если я не выживу...

– Ты останешься здесь, – свирепо оборвала Кира. – Брат уже принес себя в жертву, хватит! Рисковать буду я – или никто!

Элджи горько улыбнулся.

– Прости, чудесное создание. Тебе придется ждать на крыше вместе с птицами.

– Я могу приказать им не шевелиться, – возразила Кира.

– В том-то и беда, что шевелиться придется... – мрачно ответил Элджи. Встав на ноги, он перегнулся через край водостока, глядя вниз. Кира на всякий случай прижала ногой его хвост.

– Скоро нагрянут журналисты и толпы жаждущих долголетия, – сказала она. – Это отвлечет людей в комплексе.

Элджи вздохнул.

– Здесь работают профессионалы, Кира. Никто даже не моргнет без приказа.

Он поднял лапку и указал на далекое кубическое здание главного корпуса, где провел в плену целую неделю.

– Итана держали там?

– Да. На втором этаже, в комнате 2-17.

– Где ж ты была раньше... – горько прошептал Элджи. Задумался, глядя вниз.

Вздрыгнул:

– Слушай! – он обернулся к Кире и схватил ее за лапки. – Твои электрические чудеса – ты можешь только посылать энергию, или чувствовать тоже?

– В каком смысле? – с тревогой спросила мышка.

– Ты чувствуешь, где идут провода? Где какое напряжение? Сумеешь нарисовать электрическую схему этих ворот? – Эджи кивнул вниз.

Кира запнулась.

– Потоки энергии я чувствую, да, но рисовать схемы не умею...

– Закрой глаза, – приказал Эджи. – Мысленно нащупай клубок энергетических линий, похожий на тыкву с ананасом внутри. Есть?

От удивления мышь открыла рот.

– Но... Как ты узнал?! Точно, тыква, а внутри ананас! Даже я не смогла бы лучше сравнить!

Эджи улыбнулся.

– Просто у меня образное мышление хорошо развито. Нащупала электродвигатель? Попробуй послать немного энергии во внешнюю оболочку, ту, что на тыкву похожа, – приказал он, глядя вниз.

Кира напряглась. Тяжелые стальные ворота института внезапно дернулись и довольно быстро поползли влево, открывая проезд. Охрана засуетилась, солдат в будке нажимал кнопки, пытаясь остановить движение. Эджи восхищенно пискнул.

– Умница! – он заключил Киру в объятия. – Теперь мы справимся! Вот, что надо делать...

Золотая мышь слушала, и медленно, еще боясь ошибки, начинала улыбаться.

Глава 6

– Мы ведем репортаж из посольства США в Москве, где, по неподтвержденным пока данным, скрывается репортер Иван Кулибин, автор сенсационного журналистского расследования о секретной фабрике КГБ, на которой ученые-генетики долгие годы занимались продлением жизни военных и партийных лидеров СССР. Как

видите, перед посольством творится настоящее столпотворение, представители охраны тщетно пытаются сдержать напор толпы...

Ив и Орби сидели в кабинете посла, вместе с добрым десятком высокопоставленных сотрудников консульства и службы безопасности. Огромный плазменный телевизор показывал забитую народом площадь перед посольством, корреспондент BBC-News вел репортаж, стоя на крыше своего фургончика и держась за спутниковую антенну, поскольку машина сильно раскачивалась под напором толпы. Зрелище было шокирующим и восхитительным одновременно.

– Внимание! – диктор поднял руку к гарнитуре и несколько мгновений слушал.
– Нам только что сообщили, десять минут назад заместитель председателя госдумы России пытался войти на территорию секретного комплекса КГБ и был обстрелян из крупнокалиберных пулеметов. Жертв, по предварительным данным, удалось избежать, однако подобные события ставят вопрос о возможной эскалации насилия в Москве! Беспорядки на улицах начались буквально в тот же миг, как наш канал сообщил о расследовании Ивана Кулибина...

Глен Миллер слегка приглушил звук и обернулся к Иву.

– На всех каналах одно и то же, – заметил он нервно. – Как вам удалось?

Журналист улыбнулся.

– Видите ли, Глен... – он откинулся в кресле и заложил ногу за ногу. – Программисты, создающие компьютерные игры, никогда сами в них не играют. Им это не интересно, игра создана для толпы, а ее создатели всегда выше серой массы.

Американец с легким недоумением поднял брови.

– К чему вы клоните?

– Очень редко встречаются новости, интересные даже людям из новостных агентств, – объяснил Ив. – Понимаете, Глен, мало кто из боссов таких каналов, как BBC, может похвастаться молодостью. Конечно, если б у них был хоть малейший шанс вступить в ряды тайного общества долгожителей – новость никогда не покинула бы студию, но они трезво оценили ситуацию и поняли, что помочь может только огласка. Вот почему мы сразу обратились к BBC, а не к российским телеканалам – что-то мне подсказывает, их руководители давным-давно состоят в группе КС...

Посол США – опрятный седой мужчина лет пятидесяти – бросил на журналиста

весьма красноречивый взгляд.

– Насколько это реально? – спросил он по-русски, почти без акцента. – Омоложение?

Ив пожал плечами.

– Не омоложение, сэр. Только отсрочка старости. Как я знаю, изобретатель метода, академик Глеб Добронравов, прекратил стареть в возрасте шестидесяти-семидесяти лет – сразу как открыл упомянутый метод.

– И сколько времени длится эффект? – с не меньшим интересом спросил другой американец, также не первой молодости на вид.

– Как минимум сорок три года, – коротко ответил Ив. – Именно столько прошло с 1963-го, и все они еще живы.

Орби, прятаясь под воротником журналиста, робко высунула мордочку:

– Мне больше сорока лет! – пискнула она.

– А для мыши это все равно что пара тысячелетий для человека, – добавил Ив.

Все, словно сговорившись, уставились на Орби. Та страшно смутилась и юркнула под воротник. Глен Миллер с натугой перевел дыхание.

– Новость придется объявить уткой, – заметил он.

– Разумеется, – улыбнулся Ив. – Все это не более чем сказочки желтой прессы.

Он поднял со стола бокал с вином и отсалютовал послу.

– За тех, кто знает!

Все молча обернулись к телеэкрану. Толпа перед посольством продолжала расти, многие уже лезли на деревья, что-то выкрикивали, потрясали кулаками.

– ...к сожалению, мы не можем выпустить в эфир заявление для прессы, которое сделал зампред Госдумы России, поскольку цензурная его часть состояла всего из двух слов, «Я вас...» – говорил диктор, стараясь удержаться на крыше качающегося фургона.

Становилось страшно при мысли, что натворит толпа, когда узнает адрес секретного института.

Соколы бесшумно спикировали на крышу хорошо знакомого беглецам кубического здания. На сей раз, днем, непрошенных гостей наверняка засекали камеры, но это было уже неважно: план стартовал, мосты сожжены. Элджи и Кира одновременно спрыгнули с птиц.

– Все запомнила? – выдохнул черный мышонок. Его подруга молча кивнула. – Тогда вперед!

Они подбежали к краю крыши, Элджи свесился вниз, изучая обстановку.

– Сервер охраны на первом этаже. Чувствуешь? Гигантский улей!

– Да, – коротко бросила Кира.

– Ищи толстый пучок кабелей, идущий от улья вверх. На уровне потолка они должны расходиться, как солнечные лучи...

– Есть!

– Сколько таких?

– Очень много, Элджи...

– Так и должно быть, не паникуй, – быстро сказал черный мыш. – Постарайся, родная: прямо под нами тянется коридор, найди в его потолке набор одинаковых штук, похожих на грибы. Они разбросаны по всем этажам.

Кира закивала.

– Есть, есть!

– К ним тянутся кабели от сервера? Хоть один?

– Да, к каждому!

– Жги, – коротко приказал Элджи. – Сильно.

Из здания послышались слабые хлопки и крики людей. Кира тяжело дышала.

– Пора?

– Нет, пусть газ подействует на всех... – Элджи обернулся. – Я должен лететь, иначе отравлюсь; задерживай дыхание, как ты умеешь, и действуй быстро, родная, быстро! Проклятие, хотел бы я тебя заменить... – он ударил хвостом. – Без оборудования я беспомощен...

– Лезь на сокола!

Едва Элджи занял место на спине птицы, Кира отправила пернатых на крышу

соседнего здания, а сама с силой втянула воздух и зажмурилась, останавливая дыхание.

Сердцебиение замедлилось, в глазах потемнело. На короткий миг она испугалась, что не сумеет, но организм моментально приспособился, ноздри затянулись тонкой розовой кожей. Теперь несколько часов можно без опаски бродить в ядовитой атмосфере.

Кира стремительно проползла по шершавой стене к окну, которое, как и полагалось днем, не было закрыто бронешитами. Впрочем, толстое двойное стекло с односторонней прозрачностью и само могло выдержать попадание крупнокалиберной пули. К счастью, его не рассчитывали на точечные перепады температуры в пару тысяч градусов; несколько сильных разрядов победили сверхпрочный материал, и внезапно все окно с сухим треском рассыпалось на тысячи маленьких осколков с неострыми краями. Передохнув пару мгновений, Кира повторила удар по внутреннему стеклу и путь, наконец, был открыт. Она спрыгнула в комнату.

Без ноздрей, разумеется, нельзя было чувствовать запах, но золотая мышь хорошо помнила внутренний план института. Подскочив к закрытой деревянной двери, Кира моментально прожгла себе лаз и выбралась в коридор. Повсюду лежали люди, рухнув прямо там, где их застала газовая атака. Элджи говорил, «ГНАТ» не смертелен... Лучше бы Итану оказаться живым, люди. Для вас лучше!

Она бежала по белому, стерильному полу, огибая неподвижных людей. Номера на дверях! 4-8... 4-9... Она на четвертом этаже! Лестница... Где же лестница... Здесь!

Дверь была стальной – ее не прожечь, металл хороший проводник. Кира в отчаянии подпрыгнула, ударилась в дверь всем телом, но это было все равно, что толкать пирамиду Хеопса. От ярости у нее потемнело в глазах.

Сильнейший разряд ударил в металл, не причинив двери никакого вреда, однако толстые стекла в створках разом треснули и осыпались вниз. Напрягая все силы, золотая мышь прыгнула, надеясь достать до проема – тщетно. И рядом не имелось ни единого выступа, а белые кафельные стены блестели как лед.

Стиснув зубы, Кира подняла лапку. Между пальцами, сжигая плоть, вспыхнула вольтова дуга. Плача от боли, Кира выжгла на двери рубец и убрала дугу, с ужасом глядя на сухие кости, лишь недавно бывшие ее пальцами.

Прямо на глазах кости покрылись мясом, от запястья протянулись мышцы,

страшная рана затянулась кожей, отросли коготки. Спустя пару секунд ничего не напоминало об увечье, однако Кира внезапно ощутила слабость в ногах и поняла, что страшно хочет есть.

Времени на восстановление сил не было. Обжигаясь о раскаленный металл, мышка подтянулась, встала задними лапками на рубец и прыгнула вверх, вложив в этот прыжок всю страсть, боль и жажду спасти брата. На сей раз ей удалось вцепиться в резиновый уплотнитель, еще мгновение – и проклятая дверь позади. Кира понеслась вниз по лестнице.

Третий этаж... Второй. Еще одна стальная дверь, точно такая, преграждала путь, но по эту сторону имелись перила! Разбив стекла электроимпульсом, золотая мышь стремительно взобралась на поручень и прыгнула, повиснув на раме. Ну, еще немного... Чуть-чуть...

Передохнув пару секунд, Кира коротким импульсом разодрала уплотнитель и соскользнула вниз, держась зубами за резину. Огрызок повис вдоль двери, делая обратный путь возможным. Мышка судорожно огляделась в поисках кабинета 2-17.

Вот он! И двери открыты, какая удача! На пороге без памяти лежал человек, Кира не видела его раньше. Забежав в комнату, она быстро осмотрелась. Их клетка!

...пуста. Несколько секунд золотая мышь стояла без движения, чувствуя, что сердце сейчас остановится. Брат... Нет... Нет!!!

– Итан! – крикнула она страшно, со всех оставшихся сил. – Итан!!!

Тишина. Даже если брат до сих пор жив, газ лишил его сознания, как и всех остальных. Надежды нет. Надо возвращаться.

У дверей послышался шум, и Кира судорожно обернулась. На нее, моргая от удивления, смотрел молодой солдат в противогазе. Золотая мышь ощутила, как грива сама собой поднимается дыбом, а в глазах зажигается пламя. По шерстке заструились разряды.

– Ты! – рявкнула Кира. – Куда переправили самца из помета НГ-90?! Отвечай!

Солдат попятился, протянул руку к пистолету. Удар тока бросил его на пол, заставил скорчиться.

– Отвечай, или я поджарю тебе мозг!!!

Еще удар, еще, еще! Человек закричал. Только тогда Кира опомнилась и

опустила лапки, дрожа от истощения и силы эмоций. Солдат корчился на полу.

– Где вторая мышь? – крикнула Кира. – Отвечай!

– Не знаю... – прохрипел охранник.

– Лучше вспомни, – предупредила его Кира. – Считаю до трех и начинаю жечь.

Раз! Два!

Солдат с огромным трудом поднял голову.

– Дохлых мышей несут на вскрытие... – выдавил он. – Холодильная камера...

– Где она? Где?!

– 2-2... Кабинет 2-2...

Дальше Кира не слушала. Молнией пронесшись мимо охранника, она выскочила в коридор. Сердечко трепетало, лапки разъезжались от усталости. Раньше золотая мышь никогда не пользовалась своими способностями так часто и подолгу. Итан объяснял, что электричество для разрядов производится не в ее маленьком тельце, а концентрируется прямо из рассеянной в пространстве темной энергии, но даже простое управление этими разрядами съедало силы. Которых уже почти не осталось, ведь Кира не могла даже дышать и беспощадно расходовала все резервы организма.

Дверь кабинета 2-2 оказалась из толстого металла, и в ней не было окон. Мышка бессильно опустилась на пол. Не справиться. Вот так все просто, сказал бы сейчас брат. Итан может быть жив или мертв, это уже не имеет значения. Простой кусок жалкого металла отрезал надежду. Навсегда.

Металл.

Кира задрожала: металл!!! Металл – электричество – металл – электричество – металл!!! А герметичные прокладки между дверью и стальной рамой – резиновые!!!

Судорожно дернувшись, она вскочила и подбежала к преграде. Должно сработать, должно! Зажмурившись от волнения, Кира положила одну лапку на дверь, вторую на раму и напрягла все свои способности, до предела, до боли, до крика. Телом она чувствовала, как вокруг формируется энергетический узел, мощь нарастала, угрожая разорвать маленькую мышку в клочья.

Пора. И Кира с воплем направила энергию в металл – превратив и дверь, и раму, в два могучих электромагнита с одинаковой полярностью. Чудовищный вихрь

отшвырнул золотую мышь назад.

Придя в себя, Кира недоверчиво сглотнула. Вырванная с корнем стальная дверь пробила и дальнюю стену кабинета, и три последующие, образовав широкий квадратный пролом вдоль всего здания. То же самое произошло с рамой – брошенная в противоположную сторону, она разворотила коридор и улетела куда-то в парк, оставив зияющую дыру в стене здания. Сама Кира выжила просто потому, что рама, в отличие от двери, была полой, и пронеслась вокруг мышки, не задев ее даже краем.

Сил уже почти не осталось. Шатаясь, Кира встала на ноги, с трудом добрела до пролома. Слева, от пола до потолка, тянулись маленькие дверцы многосекционного холодильника – «как в морге», подумалось ей. На короткий миг мышка чуть не запаниковала от количества вариантов, но каждая дверца была помечена. И Кира почти сразу увидела заветную бумажку «НГ-90».

На сей раз открыть дверь удалось просто лапками. При виде неподвижного брата, Кира чуть не потеряла сознание, но железная воля помогла ей и сейчас. Схватив ледяное тело Итана – он показался ей легким, как снежинка – золотая мышь спрыгнула на пол и подтащила брата к пролому в стене. Но газ все еще заполнял воздух вокруг, вызывать соколов нельзя...

Кира зажмурилась. Они с братом весят всего несколько грамм, внизу мягкая земля. Да и этаж второй... Больше не колеблясь, она схватила Итана в охапку и прыгнула в пропасть.

Упала на спину, защищая брата. Удар был страшен, позвоночник жалобно хрустнул, сломавшись сразу в нескольких местах. От боли Кира застонала, но уникальные способности ее организма уже заработали, стремительно заживляя увечья. Не прошло и минуты, как измученная мышка приподнялась на лапке. Где соколы?

«Ко мне, ко мне!» – послала она мысленный зов. Несколько секунд ожидания показали Кире самыми долгими годами в ее короткой жизни. Но вот, наконец, воздух взревел, вспененный мощными крыльями, и на траву с разгона опустились прекрасные птицы. Элджи в ужасе смотрел на израненных беглецов.

– Не дыши... – прохрипела Кира. Кивнув, Элджи спрыгнул на землю и рывком забросил мышку с неподвижным телом Итана на второго сокола. Золотая судорожно уцепилась за перья.

Элджи занял свое место, и птицы рванулись в небо. Позади только сейчас начиналась тревога, охранники бежали к развороченному зданию, на пулеметных вышках наводили оружие в сторону комплекса. К счастью, никому не пришло в голову увязать нападение с двумя небольшими соколами, промчавшимися над территорией института и быстро исчезнувшими вдали.

Ив стоял на крыше посольства. Получить на это разрешение было не так-то просто; спецназ и снайперы из службы безопасности, все как один американцы, с недоумением поглядывали на молодого русского парня, у которого вдобавок на плече сидела мышь.

Орби молча смотрела вдаль. Журналист размышлял, как теперь жить, будучи одним из самых знаменитых людей планеты, а главное, как избежать мести от группы «КС». Пожалуй, стоит и в самом деле попросить политического убежища... Жена всегда мечтала жить в Америке, ну а детишкам там точно понравится...

– О чем думаешь, человек? – спросила Орби.

Ив улыбнулся.

– О будущем, мышь.

– Интересно, правда? – Орби пощекотала ему шею хвостом. – Узнать, что там, за горизонтом событий.

– Где-где? – переспросил журналист.

Мышка помолчала.

– Знаешь, – сказала она с необыкновенной серьезностью. – Иногда мне кажется, что мы, а с нами и весь мир, падаем в гигантскую черную дыру. Вечно падаем, с самого сотворения Вселенной, и имя такому полету – Время.

Орби подняла глаза к небу.

– Завтрашний день, его ведь не существует, Ив. Мы знаем, что он настанет, но, когда это происходит, он уже не завтрашний день. Всего лишь сегодняшний.

Она с волнением огладила усы.

– Завтра еще не существует, а вчера уже в прошлом. Наша жизнь – тонкая грань, горизонт событий между небытием и забвением!

Орби умолкла и несколько мгновений смотрела в пустоту. Затем, очень тихо и грустно, добавила:

– Тем же, кто горизонт пересек, пути назад нет. Совсем.

Ив слушал с большим удивлением.

– Где ты все это узнала, малышка? – спросил он серьезно.

Орби вздохнула.

– Не помню, Ив. Не помню... Знаю лишь, в прошлом сокрыта тайна, – она опустила голову. – Возможно, Елизавета Петровна зря смеялась над моей историей.

– Какой историей? – нахмурился Ив.

Молчание.

– А ты сам подумай, – тихо сказала Орби. – Мог ли ученый, пусть гениальный, создать в 60-х годах разумную бессмертную мышь, если даже сегодня генетики едва приблизились к пониманию роли отдельных генов?

Журналист вздрогнул.

– Ты о чем? – спросил он внезапно севшим голосом.

– Да так, – отозвалась мышка. – Насмотрелась фильмов про космос.

Ив оцепенел. Медленно повернул голову и встретил взгляд огромных зеленых глаз.

– Интересно, правда? – негромко спросила Орби. – Откуда я взялась в подвале Елизаветы Петровны, а, Ив?

Человек ответить не успел – мышка внезапно подпрыгнула и издала радостный писк:

– Летят!

Ив чуть не подавился от неожиданности и принялся озираться.

– Где?

– Там, на крыше! – Орби показала на далекое высотное здание. Журналист прищурился: нет, не видно.

– Ближе не подлетят?

Орби покачала головой.

– Нет, конечно. Это опасно, а Кира очень-очень умная! – словно отвечая ее словам, крупный сизый голубь неожиданно опустился на второе плечо журналиста, заставив того вздрогнуть. Орби вздохнула.

– Наверно, пора прощаться... – сказала она тихо.

Ив с трудом улыбнулся.

– Не знаю, жительница ты или гостья Земли, – заметил он полушутя. – Но одно могу обещать точно. Где б я ни жил, что бы ни делал – мышеловок в моем доме не будет.

Орби опустила глаза.

– Спасибо... Ты первый человек, который не желает мне зла, – она потерлась носом о шею журналиста и перебралась по его воротнику на другое плечо, где сидел голубь. Ив повернул голову.

– Залетай в гости, серая.

– Как только научусь летать, – очень серьезно ответила Орби. – Прощай, Ив.

Птица распахнула крылья и прынула к облакам. Человек долго смотрел ей вслед.

– А ведь научится, – прошептал Ив. Странно, но мысль уже совсем не вызывала страха.

Журналист, со вздохом, направился было обратно к надстройке с лестницей, когда оттуда на крышу выбежали трое мужчин в черных костюмах. Разгоряченные от долгого бега, они тяжело дышали, на одинаковых светло-серых сорочках расплзались потные пятна. Двое, до сих пор, были в галстуках, у третьего он развязался и беспомощно свисал с шеи.

– Вы! – по-английски крикнул один из незнакомцев, указывая на Ива. – Мышь! Где мышь?!

Растерявшийся на миг журналист развел руками:

– Улетела.

– Что значит, улетела?! – американец подбежал вплотную и схватил Ива за плечи. – Куда улетела?!

Журналист вырвался и отступил на шаг:

– Представьтесь, пожалуйста.

Незнакомец стиснул зубы и отточенным, хищным движением – будто пистолет – выдернул из внутреннего кармана пиджака удостоверение.

– ЦРУ. Немедленно передайте нам вашу мышь.

– Она никогда не была моей, – холодно отозвался Ив. – Орби разумное существо и обладает таким же правом на свободу, как и любой из нас. Но, в любом случае, здесь ее больше нет. Не верите мне, опросите солдат, – журналист кивнул на морпехов и снайперов, стоявших на крыше.

Агент отшатнулся и сжал кулаки. Второй незнакомец положил ему руку на плечо:

– Каким образом улетела мышь? – спросил он спокойно.

– На спине голубя, – ответил Ив.

– Обычного голубя? – агент прищурил глаза. Это был уже немолодой, крепкий широкоплечий мужчина с очень резкими чертами лица, выпирающими скулами и обжигающе-черными гладкими волосами. – Надеюсь, вы не скрыли от нас еще и разумную птицу?

Журналист улыбнулся.

– Увы, нет. Голубь был всего лишь дрессированный.

– Кем и когда?

– Понятия не имею!

Агент с чертами индейца нахмурил густые брови.

– Следуйте за нами, господин Кулибин, – приказал он сухо. – Вам придется тщательно, из-за всех сил напрячь память и поведать о каждом слове, каждом движении, каждом вздохе того существа, которое вы, по наивности или злему умыслу, только что упустили.

Ив удивленно моргнул.

– Но я же провел в посольстве весь день, никто не требовал ограничить свободу мышки! Да и на крышу нас выпустил лично Глен Миллер, заместитель начальника службы безопасности...

– За это он будет драить туалеты в Индонезии весь остаток жизни, – процедил сквозь зубы первый агент. – Займусь записями с камер... – рывком отвернувшись, он быстрым шагом покинул крышу. Второй, усмехнувшись уголком рта, обратил глаза к

Иву.

– К сожалению, некоторые сведения настолько секретны, что ставить о них в известность рядовых... И даже высокопоставленных сотрудников непрофильных ведомств, запрещено протоколом. Никто в посольстве не знал, с чем столкнулся, а пока известия дошли до тех, кто знал... – он переглянулся с третьим, молчавшим до сих пор агентом. – Следуйте за нами, господин Кулибин. Искренне не рекомендую сопротивляться.

Конец первой части

Часть вторая

Железобетон

За долю секунды, без единого звука, земля ушла глубоко вниз. На мгновение, ошеломляющее, невозможное, разбросанные по равнине камни и куски скал, причудливые лиловые кактусы, лужи от недавнего ливня – все, будто при замедленной съемке, застыло грандиознейшей из абстрактных картин.

Фтимар еще успел ощутить тошноту от внезапно пропавшего веса, когда гравитация властно напомнила о себе и машина, запоздало взвизгнув мотором, беспомощно рухнула в пропасть. Водителя выбросило из кабины, ударило о почву, поволокло по камням – почти беззвучно, слышался лишь сухой стук падающих булыжников, лязг металла да хруст вспученной земли. Потрясенный, ничего не понимающий, Фтимар сумел только приподнять голову, когда звуковые волны, наконец, одолели тьму и мир взорвался сокрушительным концертом.

Слабый крик среди его нот прозвучал до смешного нелепо. Следующий удар играючи подбросил Фтимара в воздух на несколько метров; он каким-то чудом уцепился за скобу в покосившейся опоре эстакады. С высоты картина разрушения предстала во всей своей смертоносной наготе.

Видеть такое доводилось немногим. Издали, сквозь мутные облака пыли и осколков, под крики корчащийся стали и стон раздираемой земли надвигалась каменная волна. Жуткий хруст скал, перемалываемых в песок, становился все ближе с каждым мгновением и, когда волна, не задерживаясь, прошла под эстакадой, чудовищную железобетонную конструкцию вывернуло вместе с фундаментом. В облаке обломков Фтимар рухнул на землю и бросился прочь от опоры, пока ее падающая громада его не расплющила. Но катастрофа догнала беглеца; многотонная секция монорельса с грохотом обрушилась прямо перед Фтимаром, который, не успев свернуть, врезался в препятствие и потерял сознание.

Когда он очнулся, сотрясения почвы уже прекратились. Над рухнувшей эстакадой висело облако пыли, повсюду валялись вывороченные камни и обломки бетона, острые шипы арматуры торчали из земли, словно кости давно мёртвых чудовищ. Фтимар с огромным трудом поднялся на ноги. Он был покрыт грязью, несколько царапин кровоточили, ломало спину и раскалывалась голова. От боли и пережитого страха Фтимара трясло.

Доковыляв до расплющенной машины, он отцепил с приборной панели чудом уцелевшую рацию и медленно сполз на землю, спиной по прохладному металлу. Дрожащие пальцы со второй попытки нащупали кнопку вызова.

– Даг, отвечай... Даг, это Фтимар, отвечай...

Из динамика слышался треск и хрип. Наконец, слабый голос пробился сквозь фон от искрящих кабелей монорельсовой дороги:

– Ты жив?! – слова были едва понятны.

– Что случилось? – выдавил Фтимар.

– Никто не знает! Если вакуоль, то двадцать баллов, а то и больше! Твой участок оказался прямо в эпицентре, мы думали, ты погиб!

Фтимар несколько раз моргнул, пытаясь вернуть зрению ясность.

– Я тоже так думал, – он судорожно вздохнул. – Даг, между девятым и тринадцатым участками эстакада разрушена. Отсюда я не вижу дальше, но...

– Эстакада разрушена как минимум до семнадцатого участка, – немного спокойнее ответил голос. – К счастью, поездов вблизи не оказалось, но двое смотрителей не выходят на связь. Я считал тебя третьим.

Фтимар помотал головой.

– Кошмар... Даг, обесточь девятый участок.

Несколько мгновений ответа не было, затем разом пропали искры на кабелях и шум в динамике. Послышался облегчённый вздох.

– Прости, автопрерыватели тоже вышли из строя...

– Ничего, – одолев головокружение, Фтимар встал. – Даг, здесь полно пыли и мусора, но облако уже оседает. Скоро я смогу осмотреть эпицентр.

– Не уходи со связи! – взмолился диспетчер. – Тут все в панике! Пока запустят вездеходы и доберутся до тебя, пройдет не меньше часа. Мне нужен кто-то на месте катастрофы!

– Я возьму рацию, – Фтимар недоверчиво моргнул. – Даг, или я очень сильно ударился головой, или там, впереди, я вижу свет.

Диспетчер запнулся.

– Свет? – переспросил он после паузы.

– Вроде того... – Фтимар судорожно вздохнул. – Пыль понемногу оседает, теперь я вижу лучше. Определенно, там что-то светится. Слабое зеленоватое сияние...

– С тобой всё в порядке? – опасливо поинтересовалась рация.

– Мистика!

Фтимар нетерпеливо отодрал погнутую крышку бардачка и вытащил маленький фотоаппарат, который всегда таскал с собой в машине.

– Даг, я должен это сфотографировать! – его возбуждённый голос заставил диспетчера вздрогнуть.

– Вездеходы почти готовы, не лезь в пекло!

– Я скоро вернусь!

Отшвырнув микрофон, Фтимар бросился вперёд. За спиной надрывалась рация, но он не слушал; впереди было невероятное. Он только фотографирует, и сразу назад... Свет... Свет!..

Пробираться сквозь завалы пришлось довольно долго. К тому времени, как Фтимар добрался до эпицентра, он был уже так возбуждён совершённым открытием, что не смотрел по сторонам. Поэтому, когда на него бросились, он даже не понял – кто.

Удар отбросил Фтимара на десяток шагов. Жуткий, покрытый склизким

панцирем восьмипалый зверь с огромными клешнями и загнутым над спиной ядовитым хвостом бесшумно скользнул к добыче. Смотритель успел лишь вскрикнуть, как клешни сдавили его тело, разрывая кожу и ломая кости.

К счастью, сознание милосердно оставило Фтимара и он уже не слышал хруст собственного позвоночника, отвратительное чавканье, гул мощных моторов и автоматные очереди.

Глава 1

Вечерело. Со стороны озера дул прохладный ветерок, шелестел в осенней листве. Ярко-алое, до боли в глазах небо, быстро темнело в высоте, число оттенков пурпура не поддавалось воображению. Эджи поймал себя на мысли, что, сложись иначе прихотливый узор судьбы, выпади другая карта – и это великолепие, буйство красок, фантазмагория неведомых гениальных живописцев – все обошло бы его стороной. В очередной раз Эджи мысленно поклялся жить вечно, ведь даже вечности едва хватит, чтобы полностью насладиться жизнью.

– Ну как, все еще жалеешь, что поехала? – спросил он тихо.

Орби лежала рядом, на крыше вездехода, задумчиво глядя вдаль. Пурпурное небо отражалось в ее блестящих глазах.

– Я не уверена... – тихо отозвалась она. – Здесь сказочно красиво, да... Но где-то внутри, совсем-совсем глубоко, я помню другое. Небо... Оно... – Орби вздохнула. – Ну... Неправильное. Только не спрашивай, каким должно быть правильное небо, я не помню. Знаю лишь... Вернее, чувствую: мое небо другое.

Эджи обернулся к подруге:

– Небо везде одинаково.

– Нет, – упрямо повторила Орби. – Мое небо другое.

Она рывком села и обернула хвост вокруг лап.

– Вспомнила. Точно, вспомнила. Я знаю, что неправильно! Звезды! – Орби обвела лапкой темнеющий небосклон. – Их нет!

Эджи удивленно моргнул.

– Так ведь Солнце еще не зашло...

– Именно, – кивнула Орби. – А дома звезды видны даже днем. Повсюду. Миллионы, мириады!

Элджи прищурил глаза.

– Напекаешь, вы прилетели из центра Галактики? Такое небо должно быть как раз там.

– Не помню, – Орби опустила голову. – Наверно, из центра... А может, я просто родилась в планетарии? – она лукаво улыбнулась. – Мне ведь даже не известно, правда ли я инопланетянка. Зато точно известно другое... – Орби подмигнула другу и рассмеялась. Элджи наострил уши:

– Да?

– Мог бы и сам догадаться, – весело заметила Орби. – Это ж очевидно. Если я с другой планеты – тогда и ты, чернохвост, там родился. Потому как иначе у нас в жизни не получилось бы... То, что получилось.

Элджи надолго умолк. Почесал за ухом.

– Звучит логично, – буркнул он наконец. – Только все это вилами по воде писано. Будь я пришельцем, уж наверное помнил бы хоть что-то.

– А вдруг ты потомок пришельцев? – возразила Орби. – Из второго, третьего или даже более позднего поколения? Я ведь не помню, сколько мне лет.

– А еще мы оба можем оказаться самыми обычными, земными грызунами, – Элджи легонько фыркнул. – Зачем гадать? Правду все равно не узнаем...

– Узнаем, – ласково отозвалась Орби.

Опустив голову, Элджи потерся носом о шею подруги.

– Не думай о плохом, – шепнул он. – Просто наслаждайся жизнью. Любуйся красотой мира – поверь, он достоин. Раньше я часто приезжал к этому озеру... Год за годом. Здесь хорошо мечтается, особенно осенью.

Орби обняла друга лапкой и привлекла ближе.

– Как ты жил сорок лет в одиночестве? – спросила она негромко. – Я помню лишь три года, и даже они едва не свели меня с ума. Еще чуть-чуть, и я стала бы зверем, обычной домовою мышью. Та старушка, сама того не зная, меня спасла, когда поймала...

Элджи с трудом улыбнулся.

– А меня спасала работа. Я трудился, как ненормальный, день за днем, год за годом. У меня такой характер, я... Немного машина. Пока цель не достигнута, пока хоть что-то работает неправильно, я не в состоянии успокоиться.

Орби весело скосила глаза на друга.

– А ты точно мышонок? – спросила лукаво. – Может, машина и есть?

Элджи фыркнул и, обернувшись к подруге, привлек ее к груди.

– Вот сейчас и проверим...

Орби счастливо зажмурилась, чувствуя, как теплые лапки гладят ее спину. Но расслабиться не успела, из открытого окна вездехода донесся сигнал рации.

– Не отвечай... – шепнула мышка. Элджи с сожалением покачал головой.

– Прости. Что-то могло случиться, а рисковать нельзя. Особенно тебе, моя пушистая... – он ласково провел лапкой по округлому животу подруги.

Орби с досадой фыркнула и, усевшись на хвост, принялась чистить усы. Элджи тем временем свесился с крыши и дотянулся до приборной панели.

– Альфа на линии.

– Как вы там? – голос Киры звучал слегка устало. Элджи весело оглянулся на Орби.

– Все отлично. Что случилось?

Ответ последовал не сразу.

– Итан очнулся, – сказала наконец Кира.

Элджи так вздрогнул, что чуть не свалился с крыши.

– Когда?!

– Часа три назад... – голос Киры впервые дрогнул. – Он... Он ничего не помнит. Даже говорить не может. Только пищит! Он стал животным!

– Без паники! – Элджи уже спрыгнул на землю и протянул лапку Орби, помогая спуститься. – Мы едем. Ничего не делай, просто изолируй Итана в комнате! Возможно, глубокая регенерация вызвала потерю памяти. Это не катастрофа, слышишь? Не паникуй!

– Я в порядке... – с трудом отозвалась Кира. – Жду.

– Скоро будем! – Элджи откинул люк в борту вездехода и помог Орби забраться

в кабину. Мышка, со вздохом, уселась в штурманское кресло.

– И так всегда, – буркнула она. – Ты помнишь хоть один день, когда бы нам не помешали?

Элджи проверил ремни безопасности подруги и занял место пилота. Бронированный люк с шипением закрылся.

– Мы ведь живем вместе меньше месяца, – отозвался весело. – Все еще впереди, моя пушистая.

– Да? – мрачно спросила Орби. – А люди зовут первый месяц медовым...

Элджи завел двигатель.

– Мы нелюди на планете людей, – ответил он серьезно. – Пройдет еще много лет прежде, чем мы сможем себе позволить целый месяц покоя.

– Оптимист... – буркнула недовольная Орби.

Вездеход с негромким электрическим жужжанием тронулся с места, въехал в озеро и без всплеска скрылся под водой.

В подземном ангаре горел отлично знакомый желтоватый свет. Вездеход всплыл у самого причала, смонтированный электромагнит рывком притянул к себе машину. Все на базе, от механизмов дверей до фильтров-опреснителей грунтовых вод, было спроектировано так, что Элджи мог управлять техникой в полном одиночестве. Более того; после памятной встречи с совой, когда разорванного почти напополам мышонка спасло только чудо – а также развитая способность к регенерации – Элджи поставил себе целью добиться полностью автономного функционирования базы. С тех пор прошло много лет, и теперь он был уверен: даже случись непоправимое – отлаженная как часы техника продолжит работать еще десятилетия, если не века.

И все же, выбираясь из вездехода, Элджи поймал себя на мысли, что боится думать о будущем. Странно. Вечное одиночество завершилось, теперь есть Орби, Кира, только что из комы вышел ее брат Итан – а скоро, если все будет хорошо...

Фшшш! Конечно, все будет хорошо! Не пройдет и двух недель, как на свет появятся первые на планете Земля дети свободных тагваров. Их с Орби дети... Небо, звезды, как свыкнуться с этой мыслью? Как осознать?

– Зачем так смотришь? – с подозрением спросила Орби из люка. Элджи спохватился.

– Прости, моя пушистая... – он помотал головой, приходя в себя. – Я... Думал о детях.

Мышка легко спрыгнула на причал.

– Все будет хорошо, – она задраила люк и подошла к стоявшему на берегу Элджи. – Не бойся. В подвале, где я жила, обитала куча мышей. Я выкормила немало мышат, у которых погибли родители, так что кой-какой опыт имею... – Орби улыбнулась при виде изумленной мордочки Элджи. – Ну, что моргаешь-то?

– А... Но...

– Надо было дать им умереть? Или скормить тощей облезлой крысе, жившей в норе у мусорного бака?

Элджи вздрогнул.

– Нет, конечно, нет! Просто... – он запнулся. – Мы... Ты никогда не рассказывала о прошлом.

– Было бы, о чем, – фыркнула Орби. – Три года сохранились в моей памяти, только три. Да и те похожи на дурной, скучный, однообразный, плоский, невеселый, бессмысленный и грязный сон.

Элджи помог подруге забраться по толстой веревке, свисавшей из люка в потолок, и с досадой подумал, что теперь, когда на базе появились новые обитатели, надо наконец сменить подобные "дороги" нормальными лестницами и пандусами. Будучи технарем до мозга костей, Элджи никогда особо не задумывался об удобстве или красоте своих конструкций, главное – эффективность. В результате, его жилище изнутри напоминало старую подводную лодку.

Впрочем, Орби и Кира все равно пришли в восторг. Когда месяц назад, скрываясь от людей после освобождения Итана, беглецы добрались до базы, самочки даже не сразу поверили, что все это сумел построить одинокий мышонок, пусть даже с интеллектом и знаниями академика. Пришлось долго объяснять методику поэтапного

усложнения проектов, и демонстрировать строительные машины.

Пожалуй, он тогда даже перестарался, подумалось Элджи. Кира и Орби настолько уверились в могуществе их мудрого спасителя, что чувствовали себя в полной безопасности, ни о чем не беспокоясь и не страшась завтрашнего дня. К чему могла привести такая беспечность, Элджи боялся даже думать...

– Опять грустишь? – Орби весело ткнула носом в его плечо. – Нет, ну правда: нельзя всегда быть таким серьезным! Ты вообще смеяться умеешь, а, чернохвостик?

Элджи вздохнул.

– У нас мало поводов для веселья. Итан очнулся – значит, больше откладывать нельзя. Завтра летим в Сибирь.

– А?! – Орби чуть не споткнулась. – 3-з-зачем?!

– Года четыре назад я потихоньку начал строить резервное убежище в тайге. Мне удалось раздобыть карту зон спутникового наблюдения, я выбрал слепое пятно в совершенно безлюдном месте, километрах в семидесяти от ближайшего поселения. Там люди нас никогда не найдут, даже если вышлют на поиски всю свою армию.

Элджи постучал лапкой по жестяной облицовке коридора.

– На новой базе нет ни единого кусочка металла. Только керамика и пластик. Резонатор Теслы я погрузил на девяносто метров под землю, а почва там глинистая, никакой детектор не уловит... – он запнулся. – ...В чем дело?

Орби мрачно помахивала хвостиком.

– Ты хочешь, чтобы наши дети росли в такой глуши?

– Я забочусь о безопасности, – возразил Элджи. – Рано или поздно, люди найдут эту базу. До сих пор не нашли просто потому, что не знали о нашем существовании. Теперь знают. При желании, они легко проследят заказы на оборудование, которые я делал на протяжении многих лет, сопоставят адреса и пункты назначения... – мышонок вздохнул. – Времена капитана Немо прошли навсегда. Сегодня, о постройке Наутилуса узнали бы раньше, чем первый чертеж поступил бы на завод...

– И ты готов все бросить? – Орби изумленно моргнула. – Сорок лет труда!

– А что, у нас есть выбор? – грустно спросил Элджи. – Машины можно построить вновь, моя пушистая. А если хоть один из нас погибнет, с ним исчезнет и вся надежда. Мы сейчас – больше, чем друзья, больше, чем семья. Мы основатели рода.

Орби запнулась и некоторое время молча шла по коридору. Длинные тени от ламп грозно скользили по стенам.

– Разве одной пары хватит? – спросила она, наконец. – Я не знаю, сколько малышей у нас родится, но в телевизоре не раз говорили – если популяция очень мала, будут накапливаться генетические болезни и наступит вырождение...

– Нам это не грозит, – успокоил Элджи. – Чистые линии неспроста так названы. Мы не стареем, помнишь? В нашем геноме просто не осталось скрытых рецессивных признаков, способных проявиться при близкородственном скрещивании. Люди не зря нас боятся, Орби. Любая пара тагваров способна заселить целую планету, если, конечно, им не помешают.

– Помешают, Элджи, – с неожиданной серьезностью сказала Орби. – Рано или поздно, когда нас станет много, люди начнут беспощадную войну на истребление. Знаешь, что тогда будет? Мы с тобой, основатели рода, будем непрерывно, день за днем, год за годом, смотреть как наши дети – родные дети! – гибнут тысячами. Ну? Скажи, что я неправа!

Элджи остановился. Долго молчал.

– Да, – произнес он наконец. – Все так и будет.

Орби судорожно втянула воздух.

– Я не хочу. Не хочу!

– А я хочу, – тихо ответил Элджи. – Да, моя пушистая. Будущее ужасно, но я положу жизнь, чтобы наши потомки стали новым народом Земли, а не остались навеки прозябать на задворках цивилизации людей. Мы разумная раса, Орби, никогда не забывай! И достойны большего. Неужели ты предпочла бы видеть, как твои дети веками прячутся в норах и украдкой, по ночам, выбираются на поверхность глотнуть свежего воздуха?

Гневно распушив шерсть, Элджи поднялся на задние лапки.

– Посмотри на меня. Кого ты видишь? Мышь? Нет, моя пушистая: я тагвар, разумное и цивилизованное существо!

– Ага. То-то кошки да крысы нам честь отдают, – фыркнула Орби.

Элджи, вздохнув, шагнул к подруге и ласково ее обнял. Помолчал.

– Без борьбы нет надежды, – шепнул он после паузы. – А надежда стоит того,

что б за нее побороться.

Орби зажмурилась и прижалась лицом к груди друга. Некоторое время они молча стояли в полутьме коридора, глубоко под землей.

– Ты правда веришь? – спросила наконец мышка, справившись с собой.

– В будущее?

– Да, – Орби подняла глаза. – Ты веришь, что у нас появятся собственные города? Там, на поверхности? Веришь, что наступит день, и мы... Перестанем бояться?

Элджи с болью зажмурился.

– Можешь не отвечать, я поняла, – совсем тихо сказала Орби.

– Я... – Элджи сглотнул. – Я мечтаю поверить. Да, так правильно. Всем сердцем, моя пушистая, всей душой мечтаю.

– Но разум не позволяет, – закончила мышка.

– Да. Разум не позволяет.

– Тогда зачем все это? Зачем бороться, если нет надежды?

Элджи опустил голову и с необычайной лаской посмотрел в глаза подруги.

– Затем, что нас творит не только разум, – ответил он едва слышно. – Без веры в чудо, мы были бы машинами.

Орби слабо улыбнулась. Вздохнула, мягко отстранила мышонка и положила лапку ему на плечо.

– Спасибо, – сказала негромко. – Я в тебе не ошиблась. А теперь запомни: еще хоть раз услышу, что ты не веришь в будущее – хвост отгрызу. Не шучу, все равно отрастет новый. И попробуй пискнуть при друзьях то, что сказал мне! Кира действительно верит, ее такие откровения просто подкосят. Запомнил? – очень серьезно спросила Орби. – Не можешь быть оптимистом, так хоть не губи чужие надежды!

Удивленный Элджи молча моргал. Наконец, придя в себя, он через силу кивнул и взял подругу за лапку.

– Идем. Кира ждет.

– Идем!

Они вошли в лифт и бесшумно растворились во тьме. Лампы в ангаре автоматически потухли спустя минуту.

Глава 2

Ярко-синие цифры зловеще мерцали над дверью. Время сна еще не прошло, царила густая прохладная тишина, лишь за стеной утробно, на частотах столь низких, что ощущались они всем телом, еле слышно гудели моторы.

Тектор почти минуту не открывал глаз, наслаждаясь покоем. Он сам выбрал дом у компрессорной станции, от которого отказывались многие рангом выше – постоянный гул не давал им спать. Тектору звук казался музыкой.

Сколько себя помнил, он благоговел перед мощью техники. В детстве, бывало, мальчик пробирался тайком на заводы и часами, как замороженный, стоял перед гигантскими машинами, впитывая их энергию, потрясенный совершенством. Даже став взрослым, Тектор часто ходил в пустое депо на окраине, где ржавели всеми забытые тепловозы, обреченные на гибель с распространением магниток.

Только там, измазанный маслом и грязью, лежа на кожухе гигантского двигателя и телом впитывая его беспредельную мощь, сотрясающий воздух рокот – Тектор ощущал себя дома. Ему было безмерно жаль друзей и соседей, не понимавших столь странного увлечения. Запах горячего мазута вызывал у них тошноту...

Запах?

Резко сев в кровати, Тектор нащупал на столике пульт и включил свет. Принюхался. Комнату заполнял странный, незнакомый аромат – нечто среднее между горелой резиной и серой.

Встревоженный, он выбрался из постели, огляделся. Все казалось в порядке. Тектор проверил отопительную и вентиляционную системы, потряс коробку с абсорбентом углекислоты и даже заглянул в утилизатор отходов, но никаких отклонений от нормы не наблюдалось. Он тщательно осмотрел стены своего жилища. Мощные металлические плиты с ребрами жесткости придали ему уверенности, и Тектор нажал кнопку дверного замка.

На улице запах чувствовался гораздо сильнее. Тектор вышел на стальную площадку перед домом, вертя головой в поисках источника запаха, однако город

выглядел мирно. Спокойный электрический свет заливал рампы и дороги, винтовые пандусы были пусты. Вдали, стремительные контуры энергобашен тянулись к Своду, вдоль антенн периодически вспыхивали координатные огни. Над головой Тектора бесшумно промчалась тень магнитоплана, снижая сверхзвуковую скорость перед вокзалом. Тишина и пустота давили на сознание.

На всех ярусах жилого района Синквям, одна за другой открывались двери. С высоты 15-го яруса, где находился дом Тектора, был хорошо виден районный зал собраний, похожий на гигантский диск, накрытый прозрачным куполом. Поддерживающая диск тонкая титановая мачта уходила глубоко в недра города.

– Что-то горит?! – из соседней двери выглянул растрепанный, слегка ошалелый Гнагат. Тектор с сомнением покачал головой:

– Не похоже.

– А запах?!

– Это другое... – Тектор прищурил глаза. Далеко внизу, в ярко освещенном зале под куполом, уже суетились растерянные, не выспавшиеся горожане. – Будет собрание. Советую присоединиться.

Озадаченный и немного испуганный, Гнагат послушно кивнул, но Тектор уже на него не смотрел. Соскользнув по металлическому шесту в ближайший туннель, он прыгнул на транспортер.

В районе Синквям еще не окончилось время сна, и для экономии энергии все нежилые структуры освещались только тусклыми аварийными лампами. Их мрачно-красные пятна алели на потолке глазницами доисторических хищников. Резиолаенточный пол-транспортер струился бесшумно, ближе к середине туннеля окончательно надвинулся мрак. Тектор с огромным трудом сохранял спокойствие.

Запах ощущался и в зале. Метнув быстрый взгляд на пустое табло объявлений, Тектор осмотрелся. Из туннелей один за другим появлялись встревоженные горожане, уже успели сложиться группы. Не найдя знакомых лиц, Тектор подошёл к ближайшей из них.

– Тектор-7, Тор'ранг, – представился он. Один из группы, белый с черными кисточками на ушах, обернулся:

– Ндоан-59, Анг'ранг, – он потерся носом об нос Тектора. Тот с тревогой оглядел

зал:

– Что происходит? Есть информация о запахе?

Ндоан кивнул на пустое табло:

– Достоверной нет. Но недавно здесь пробежал сто двенадцатый из твоего ранга, говорил, на станции "ноль" произошла утечка из реактора...

Вся шерсть Тектора встала дыбом:

– Глупость!

– Я тоже надеюсь, что глупость, – заметил крупный серый, носивший браслет техника. Тектор и Ндоан представились.

– Дпаг-26 из Анг'ранга, – ответил техник. – Не думаю, что это настоящая утечка, но я приготовил противогаз. Запах вполне может оказаться предвестником газового извержения.

– Верно, – заметил Тектор. – Побегу домой, включу фильтрацию и вернусь.

– Я уже включил... – Ндоан проводил Тектора взглядом.

Дома запах был пока не так силен, как на улице. Тектор опустил герметизирующие заглушки на окна, закрыл жалюзи вентиляционного люка и вытащил из контейнера химический очиститель воздуха.

Подсоединив фильтры к энергосети, Тектор включил дополнительный поглотитель углекислоты и несколько секунд следил за индикатором эффективности. Поглотитель быстро вышел на рабочий режим, воздух вокруг прибора ощутимо остыл. Наскоро осмотрев комнаты, Тектор на всякий случай отсоединил отопительную систему от сети, и только затем открыл заслонку кондиционера. Аккумулятор был заряжен почти до предела; даже в случае отключения энергии, кондиционер мог продолжить работу, и Тектор немного успокоился.

Схватив противогаз и набор таблеток, он вернулся на улицу. Дверь закрылась плотно, на замке загорелся синий огонек. Все нормально. Повесив противогаз на пояс, Тектор вновь поспешил в зал собраний.

Ндоан был по-прежнему там, как и множество других. Горожане тихо переговаривались, почти у всех в руках или на поясе виднелись противогазы – память о недавнем извержении была слишком свежей. Тектор заметил даже переносной очиститель воздуха, который кто-то уже успел притащить в зал.

– Это не утечка, – с ходу сказал Дпаг, едва заметив Тектора. – С реактором все в порядке.

– Что же явилось причиной? – Тектор задумался. – Глубинные испарения пахнут иначе. Ндоан, тебе знаком запах?

– Нет, – белый свернул хвост полукольцом.

– Кто знает про запах? – громко спросил Дпаг.

Ближайшие горожане обернулись.

– Так пахнет космическое пространство, – отозвался небольшой черный с браслетом биотехнолога. Тектор обратил внимание на три кольца, вдетых в левое ухо незнакомца – тот входил в первую тройку своего ранга.

– Айнук, – коротко представился черный. Ндоан встрепнулся:

– Космонавт Айнук? – спросил он с огромным интересом.

– Верно, – улыбнулся тот.

– Ты переехал в район Синквам?

– Нет, просто гостил у друга, – Айнук кивнул на стоявшего рядом серого. Тектор вежливо перебрал ушами.

– Как думаешь, откуда запах? – спросил тем временем Ндоан.

Айнук фыркнул.

– Я не думаю. Я знаю. Недалеко от города упал метеорит, ты ведь помнишь слабое сотрясение почвы в прошлую смену? Очевидно, имело место небольшое проникновение атмосферы из космоса.

Тектор вздрогнул.

– А... А разве космос пахнет так?

– Именно так, – отозвался Айнук. – Но гораздо, гораздо сильнее. В космосе трудно дышать без скафандра, а в машинах стоят абсорбирующие фильтры.

Разговоры вокруг поутихли. Круг слушавших разрастался с каждой секундой.

– Значит, герметичность Свода нарушена? – негромко спросил Дпаг. Стоявший рядом молодой бурый в страхе припал к полу, несколько других тревожно зафыркали. Космонавт недовольно сморщил нос.

– Причин для паники нет, – твердо заявил Айнук, обведя толпу грозным взглядом. – Даже если вовсе убрать Свод, мы не задохнемся. Дышать в космосе вполне

возможно. Конечно, запах не слишком приятный... – он усмехнулся, – ...но ведь никто не станет убирать Свод?

Ответить ему не успели: с тихим музыкальным сигналом включилось табло объявлений.

-Доброй смены, товарищи, – энергично начал диктор. – Я расскажу новости. Наверно, уже все жители Аретиса ощутили необычный запах, заполнивший улицы нашего города. Спешу сообщить, что оснований для тревоги нет никаких, это не извержение, повторяю, не извержение. Ученые считают причиной явления небольшой метеорит, упавший прошлой сменой в двадцати семи километрах от северной оконечности 56-го домена.

Айнук подмигнул соседям:

– Сотрясение от удара ощущалось за тридцать километров... О, да, метеорит совсем небольшой...

Тектор оцетинился. Тем временем, диктор продолжал читать новости:

– Рабочие бригады уже формируются. К сожалению, район падения полностью уничтожен, и отряд на вездеходах был вынужден повернуть назад...

Краем глаза Тектор заметил, как Айнук возбужденно наострил уши, но не стал отвлекаться.

– ...на текущий момент пропавшими без вести числятся два обходчика монорельсовой трассы, их имена и ранги можно видеть в бегущей строке под экраном. Достоверно известно лишь об одной смерти: инженер Фтимар-20 из Тор'ранга находился прямо в эпицентре, мы скорбим о погибшем...

– Фтимар! – невольно воскликнул Тектор. Ндоан обернул голову:

– Ты знал его?

– Мы дружили в тинке, – Тектор растеряно сел на хвост. – Я... Как же...

– Тихо! – шикнул Дпаг. Ведущий на экране, тем временем, продолжал:

– ...Рангцентр призывает жителей соблюдать порядок и спокойствие. Причин для тревоги нет. После выпуска новостей перед вами выступит капитан двух экспедиций в Дальний Космос, первый в ранге, Мистар. Он поделится опытом и даст рекомендации, как свести к минимуму неприятные ощущения от запаха...

Рука Ндоана коснулась хвоста Тектора.

– Ты понял? – негромко спросил он. – Повреждение настолько серьезно, что рангцентр даже не пытается говорить о восстановлении Свода. Нас решили сразу подготовить к новым условиям.

– Не паникуй, – поморщился Айнук. – Даже если все так, это не катастрофа, а лишь отсрочка. Свод будет восстановлен, как много раз в прошлом.

– Я бы не стал утверждать так уверенно, – возразил Тектор, справившийся с собой после скорбной вести о гибели друга детства. – Можешь верить, Айнук, восстановление Свода – очень непростая задача. Я специалист по шпренгельным, полигональным и пространственным фермам, и знаю, что говорю.

– Шпренгельные фермы?

– Я главный инженер-конструктор завода "91", – пояснил Тектор. – Видел «Мост Технологии» в шестом домене? Мой проект.

Айнук рассеяно кивнул:

– Очень интересно, действительно... Извини, должен бежать. Возможно, мы еще встретимся, – неожиданно добавил он Тектору.

– До встречи... – только и успел ответить тот, проводив взглядом хрупкую черную фигурку космонавта. Многие из собравшихся в зале тоже смотрели ему вслед. Большой и грузный Ндоан неуверенно почесал за ухом.

– Пойду и я, – вздохнул он. – Проведаю детей.

– Отличная мысль, – согласился Дпаг. – Малыши могли испугаться запаха. Ты с нами? – он обернулся к Тектору.

Тот сглотнул:

– Да... Да, пожалуй. Надо проведать семью и рассказать им о Фтимаре.

– Идем!

Они стремительно вошли в полупрозрачный пневмотуннель, тянувшийся над сверкающими стальными утесами города и исчезающий в глубинной дымке. Запах чувствовался даже там.

У тинка троим пришлось разделиться – Тектор направился на ярус Тор'ранга, а Ндоан и Дпаг свернули к своему. Везде царил суматоха; Тектор с некоторым усилием пробирался сквозь толпу одноранговцев, слишком поздно догадавшись, что мысль проведать детей пришла в голову не только ему.

Вскоре, к счастью, стало легче – Тектор входил в первую десятку ранга, его семья жила в центральном корпусе, у которого таких толп уже не было. Спокойствием, однако, не пахло и здесь; по широким коридорам бегали сотрудники, на гостя никто не обращал внимания. Благо, помощь ему не требовалась: Тектор слишком хорошо знал тинк, чтобы заблудиться. Молча пройдя к лифтам, он поднялся на тридцать девятый этаж.

Здесь, в высоте, пока царили тишина и покой. Показав браслет старому наблюдателю у прохода, Тектордохнул в анализатор дыхания.

– Да верю я... – попытался возразить охранник.

– Закон есть закон, – строго ответил инженер. Тем временем, прибор показал, что половой цикл Тектора перевалил за середину, но еще далек от стадии повышенной активности. Толстые бронированные двери раскрылись.

Тектор стремительно двинулся вперед. Проходя мимо боксов, он краем глаза следил, как горожане беседуют с детьми и самочками. Запах самок слегка тревожил обоняние Тектора, однако на этой стадии цикла он легко мог себя контролировать.

Дверь в бокс 39-56-9 была приоткрыта. Тектор осторожно заглянул внутрь и ощутил, как хвост непроизвольно взмывает вверх. Две симпатичные самочки кормили его шестерых детей, в комнате царил образцовый порядок и уют.

– Тектор! – старшая вскочила с ковра и подбежала к дверям. – Почему ты столько смен не появлялся?!

– Извини, Лиат. Много работы... – он потерся с ней носом. – Как вы?

Самочка вернулась к прерванному занятию, но дети во все глаза смотрели на отца, не обращая внимания на недовольство матери. Та вздохнула.

– Какие могут быть новости в тинке? Все хорошо...

Она почесала за ухом старшего сына.

– Недавно он получил браслет сто девятнадцатого уровня. Учителя говорят, есть шанс добраться и до второго, если избрать профессией математику...

– Да ну?! – восхитился Тектор. – Второй браслет! Молодец!

Маленький распушил серебристую шерстку, смутившись как самка. Тем временем, вторая подруга Тектора, серая миниатюрная Фиала, с тревогой присматривалась к мужу:

– Почему ты нервничаешь? – спросила она внезапно.

Тектор непроизвольно дернул хвостом, но быстро взял себя в руки.

– Пушистые мои, произошла небольшая поломка, – осторожно начал он. – Видите ли, маленький метеорит пробил Свод, и чуточку космического пространства попало в город. Но причин для беспокойства нет, все будет хорошо, рангцентр уже работает над решением!

Самочки переглянулись и разом рассмеялись.

– Тектор, шесть смен назад в тинке установили табло объявлений. Мы знаем, – сказала Лиат.

– Табло?! – Тектор широко раскрыл глаза. – В тинке?!

– А что тут странного? – Фиала гордо вскинула голову. – Разве ты не слышал заявление первого в Торе о необходимости ускорить образование молодежи?

Потрясенный Тектор опустился на ковер.

– Я просто не думал... – он встряхнулся. – Когда я сам учился в тинке, отцов пускали лишь дважды в цикл, и им запрещалось говорить о городских делах.

– Но ты все равно добрался до седьмого браслета.

– Мне просто повезло с выбором профессии.

Лиат нежно погладила Тектора по спине.

– Не строй из себя меньшего, чем ты есть.

Инженер улыбнулся. Пару минут они говорили о пустяках, затем Тектор встал.

– Пушистые мои, мне пора. Но вначале я должен сообщить вам скорбную весть. Сегодня погиб мой друг детства, инженер по имени Фтимар. Мы не виделись много циклов, но он был мне дорог. Давайте помолчим... – Тектор опустил голову. Самочки поникли, дети встревоженно озирались.

Прошла минута. Инженер, глубоко вздохнув, дернул хвостом и распушил шерстку.

– Спасибо, мои пушистые. Лиат, как ты назовёшь старшего в смену выпуска?

– Он говорил, ему нравится имя Текстар... – смущенно буркнула самочка.

– Хорошо, – Тектор погладил сына по голове. – Пусть так и будет. Я люблю вас.

– Знаем, – ласково отозвалась Фиала. Потершись носом с самочками, Тектор почесал каждого малыша за ухом и вышел в коридор. Подруги проводили его долгими

взглядами.

Фтимар приходил в себя долго, мучительно, рывками. Он совершенно не чувствовал тела. Белая пелена мешала видеть, в ушах – вернее, где-то в области головы, поскольку ушей он не чувствовал – отвратительно позвякивало в такт с биением сердца. Сердце же, если то было оно, билось ровно и мощно; только слишком быстро.

Время тянулось бесконечно. Фтимар лежал и, не чувствуя себя, размышлял о происшедшем. Смутно помнилось, как на него прыгнуло чудовище, кажется каменный скорпион... Странно... Те, кто попал в клешни к каменному скорпиону, обычно не могут потом лежать на белом, размышляя о судьбе...

Ощущение времени тоже исчезло. Фтимар не знал, сколько прошло смен прежде, чем белое покрывало убрали с глаз. После долгой слепоты, зрение показалось ему неестественно четким, даже слегка искаженным. Впрочем, когда подошли врачи, Фтимар убедился, что с его глазами и в самом деле что-то не так. Он различал каждую шерстинку на их лицах, но не мог сфокусировать зрение одновременно на многих. Врачи с тревогой наблюдали за его стараниями.

– Слышать можешь? – спросил один из них. – Медленно закрой глаза, если да.

Только в этот миг Фтимар осознал, что к нему вернулся слух. Вернулся – и не просто вернулся, а буквально ворвался в голову, наполнив мозг оглушающим шумом. Фтимар судорожно втянул воздух.

– Я... – в горле вспыхнул костер, но он все же договорил: – ...слышу.

– Голосовые связки прижились, – заметил один из врачей другому. Третий склонился над Фтимаром и посветил ему в глаза желтым фонариком.

– Я доцед Ктис из НИИ экспериментальной нейрохирургии, – сказал первый врач. – Слушай внимательно и не пытайся двигаться. Тебя разорвал каменный скорпион. Когда патруль доставил твоё тело в клинику, спасти его было уже невозможно. Чтобы сохранить тебе жизнь, мы решились на уникальную операцию, которая до сих пор проверялась лишь на беспозвоночных.

Фтимар моргнул. Очевидно, вопрос слишком ясно читался в его глазах и Ктис

не стал ждать, пока раненный сумеет произнести слова.

– Стриопаллидарную систему твоего головного мозга вместе с базальными ядрами и большими полушариями, включая мантию и мозолистое тело, при помощи туннельной лазерной микрохирургии удалось пересадить на новый мозговой ствол, – сообщил врач. Помолчал, и, оценив выражение глаз Фтимара, добавил: – Говоря упрощенно, часть твоего мозга вживили в другое тело. Полцикла назад был сильный обвал, на крайнем востоке открылся проход в неизвестный ранее домен. Вскоре охотники обнаружили там удивительных животных, слегка похожих на нас. Объем черепной коробки и состав крови идеально соответствуют. Благодаря туннельным лазерным установкам мы уже способны сшивать отдельные нервные окончания на уровне молекул, но успешных операций на мозге высших животных пока не отмечено. Твои шансы были примерно один к десяти миллионам... – дальше Фтимар не услышал, поскольку потерял сознание от шока.

Но и придя в себя, заговорил Фтимар очень нескоро. Он недвижимо лежал на операционном столе, глядя в потолок чужими глазами. Кормили его через капельницу. Лишь спустя много смен, шок немного отпустил и, как-то раз зайдя в палату, Ктис с удивлением и радостью заметил, что Фтимар на него смотрит.

– Тебе лучше? – спросил врач.

– У меня... – Фтимар зажмурился. – Трое детей. Они... знают?

– Нет, – быстро ответил Ктис. – Для всех ты мертв. После операции прошло много смен, организму требовалось время на восстановление. Когда в Аретисе объявили о твоей смерти, мы... Не стали их разубеждать. Тому есть причины.

Долгое молчание.

– Хорошо... – Фтимар попытался приподняться. – Зеркало. У вас есть зеркало?

Ктис помолчал.

– Есть. Только ничего не бойся, – он кивнул ассистенту. Тот, стараясь не смотреть на Фтимара, поднял над ним большое плоское зеркало.

Раненый долго разглядывал смешную звериную мордочку с задранном носом, огромными ушами – каждое из которых было больше головы, маленькими черными глазками и набором хищных клыков. Все его новое лицо, за исключением носа и губ, было покрыто тонкой рыжей шерстью.

– Могло быть и хуже, – сказал наконец Фтимар. Голос чуть дрожал. – По крайней мере, это существо хорошо слышит. Что оно... Чем я питаюсь?

– Грибами, как и все мы. Твой метаболизм совершенно не отличается от нашего, иначе организм отверг бы нервные волокна.

– А зачем такие клыки?

– Мы пока не знаем.

– Я остался самцом?

– Разумеется, – Ктис нервно дернул хвостом. – Позже мы отправим охотников в новый домен, они поймают для тебя несколько самочек живьем.

Фтимар отпрянул.

– Самки? Ты полагаешь... Меня не привлекают животные.

– Не животные, а самки твоего вида, – поправил Ктис. – Размножение этих зверей так же циклично, как и наше, Фтимар. А когда половой цикл войдет в активную стадию, тебе будет неважно, есть хвост у твоей подруги или нет.

Фтимар содрогнулся:

– Хвост? У меня больше нет хвоста?!

Ктис помолчал.

– Я думал, доцад Илкт уже ввел тебя в курс дела...

– Доктор, у меня нет хвоста? – оборвал Фтимар.

В этот раз Ктис молчал гораздо дольше.

– Фтимар... – он тяжело вздохнул. – Тебе будет больно, но лучше сказать сразу.

Видишь ли... – Ктис присел на койку рядом с пациентом, – У тебя больше нет рук.

Фтимар дернулся.

– Что? – переспросил он тихо.

– Мой коллега, доцад Илкт, должен был упомянуть об уникальности зверя, чье тело тебе досталось, – Ктис прятал глаза. – Понимаешь... Это животное способно летать.

– Летать? – недоверчиво повторил Фтимар. – Ничто не может летать. Я знаю, работы в этом направлении давно ведутся, но до создания антигравитации так же далеко, как и сто циклов назад. Опомнитесь, Ктис. Ничего совершеннее магнитопланов в мире не существует.

– С моей памятью все в порядке, – отозвался врач. – Мы тоже не верили, когда охотники твердили о способности найденных зверей к полету. Однако существо, которым ты сейчас являешься, летало внутри помещения, использованного нами вместо клетки. За ним наблюдали десятки ученых, ради такого случая мы даже пригласили из Телгара группу физиков, первых в своих рангах. Это невероятно, согласен, однако факт.

Фтимар приподнял голову.

– Но как?

Ктис вздохнул.

– Верхние конечности зверя удлинены и несут по пять необычайно длинных пальцев. Между пальцами натянута тонкая и прочная кожа, лишенная волосяного покрова. С помощью этих органов существо каким-то образом отталкивается от воздуха и парит, словно скат под водой. Это совершенно новая идея, раньше никому и в голову не приходило, что воздух может вести себя подобно воде! И вот тут-то на сцене появляешься ты... – серьезно добавил доктор. – Возможно, с твоей помощью нам удастся создать летательный аппарат сходного принципа действия.

Потрясённый Фтимар уронил голову на подушку.

– Летательный аппарат... – прошептал он.

– Именно, – негромко ответил Ктис. – Мы уже послали охотников за новыми образцами летающих зверей. Но главная надежда – ты, Фтимар. Ты должен научиться летать, а затем обучить нас строить летающие машины!

– Летать?! – новое тело Фтимара напряглось. – Я не могу летать!

– Можешь, – серьезно сказал врач. – По несчастному стечению обстоятельств, ты теперь летающий зверь.

Ктис положил руку на пушистую грудь Фтимара.

– Набирайся сил. Они тебе пригодятся.

Смена за сменой тянулись, подобно звеньям кошмарной цепи. Фтимар учился ходить и лазить по стенам, цепляясь коготками "крыльев", как было решено именовать его передние конечности. Недавно охотники доставили из новой пещеры нескольких зверей живыми, и Фтимар целыми сменами наблюдал за ними, обучаясь пользоваться новым телом. Животных называли "дактилами" за чудовищной длины пальцы.

– Мне кажется, они разумны, – сказал однажды Фтимар, когда вместе с доктором Ктисом следил за пойманными дактилами. – Я научился различать несколько слов.

– Слова? – удивился Ктис. – Они не издают звуков. Тебе пересадили голосовые связки от старого тела, лишь поэтому ты можешь разговаривать.

– Я знаю, тебе не слышно, – кивнул Фтимар. – Ультразвук. Дактилы общаются на частотах, недоступных нам. Вот смотри... – он повернулся к врачу и на миг приоткрыл пасть. Ктис почувствовал лишь слабое беспокойство и зуд в коже, зато звери за стеной всполошились и принялись истошно метаться по комнате.

– Как они кричат... – прошептал Фтимар. Приоткрыв крылья, он сжал свои огромные уши, – Не могу...

– Уйдем отсюда? – предложил Ктис. Фтимар часто-часто закивал. Они вернулись в главную палату, где раненный молча опустил на койку. Некоторое время никто не нарушал тишины.

– Доктор, – тихо спросил Фтимар, глядя в пол. – Ты ведь удалил прежний мозг из моего тела, правда?

Ктис сильно вздрогнул.

– Большую его часть, – отозвался он после паузы. – Кое-что пришлось сохранить для управления моториками и низшей нервной деятельностью...

– Но не память?

– Нет, – резко ответил врач. – Исключено.

Фтимар поднял голову. Его хрупкая грудь, покрытая рыжей шерсткой, тяжело вздымалась.

– Я вижу сны, – совсем тихо произнес раненный. – Чужие сны, доктор. Я вижу... Свет... – его передернуло. – Свет... Везде свет, доктор, яркий-яркий, я парю в теплом небе, наслаждаясь лучами бесподобного... – Фтимар на миг приоткрыл пасть и снова закрыл, будто беззвучно произнес слово. Ктис нервно дернул хвостом.

– Что?

Раненный запнулся.

– Прости... – он сглотнул, поморщившись от боли в не до конца зажившем горле. – В нашем языке для... ЭТОГО... Нет слова. Оно... Будто городской осветитель, только

в миллиард, сто миллиардов раз ярче. От него исходит не только свет, но и тепло – удивительное тепло, доктор, оно пронзает крылья насквозь, греет каждую клетку!

– В нашем языке нет слова? – медленно, боясь поверить, переспросил Ктис. – То есть, ты сейчас произнес слово на ДРУГОМ языке?

Фтимар часто-часто закивал.

– Да, доктор. Вам просто не слышно.

Врач вскочил и принялся бегать по комнате, нервно размахивая хвостом.

– Это невозможно. Просто смешно. Нелепо! Сны порождаются высшей нервной активностью, обрабатывающей массивы памяти, но в тебе нет этой памяти – физически! Разве только... – Ктис замер. – Нет. Нет, невозможно. Если бы структура мозга дактилов так сильно отличалась от нашей, операция никогда бы не увенчалась успехом!

Фтимар вздохнул.

– Может, мы мало знаем о мозге, – сказал он печально. – Я... У меня... То есть, у него... – он провел крылом по груди, – ...была подруга, серая самочка. И дети. Их звали... – пасть дважды беззвучно раскрылась. – Я... Наверно... Должен буду найти их...

– Регенерация!!! – внезапно завопил Ктис. – Ну конечно!!!

Резко обернувшись, он свалился на койку рядом с раненым и схватил его за крылья.

– Вот почему ты жив! Регенерация! Нервные клетки дактилов способны регенерировать, это единственное объяснение, каким образом невозможная операция прошла успешно! Ампутация оригинальных полушарий была воспринята организмом как рана, и твои трансплантаты оказались ассимилированы. Как просто! – Ктис нервно рассмеялся. – А я-то считал себя величайшим нейрохирургом в истории.

– Регенерация? – с тревогой переспросил Фтимар. Зажмурившись, он запрокинул голову назад и шумно втянул воздух сквозь ноздри. – Значит, я... Теперь... Настоящий дактил?

– Именно, – торжественно ответил Ктис. – Трансплантаты не просто прижились, а были преобразованы в оригинальную ткань. Твой мозг совершенно здоров, ты не калека, Фтимар!

Раненный слабо улыбнулся.

– Это бодрит, – пошутил он невесело. – А горло? Почему мне до сих пор так больно разговаривать?

Ктис закусил губу.

– Голосовые связки... – он покачал головой. – Я должен был догадаться. Регенерация не позволит организму ассимилировать орган, которого раньше не имелось...

– Что это значит для меня? – голос Фтимара дрогнул.

Врач тяжело вздохнул.

– Скорее всего, чужеродный трансплантат будет отторгнут. И ты окончательно станешь дактилом.

– То есть, немым для всех, кроме своих... – Фтимар медленно опустил веки. Помолчал. – Доктор, дактилов надо отпустить. Они разумны, вы же понимаете. Охотники больше не должны их ловить, это все равно что убивать своих братьев!

– Разумеется, я поставлю рангцентр в извест... – Ктис запнулся, поскольку дверь широко распахнулась и в палату решительным, быстрым шагом вошел крупный, пожилой, совершенно белый гость с ожерельем первого в ранге и необычными зелеными глазами. Оглядевшись, он не стал тратить время:

– Я Мистар, начальник Космического управления Аретиса, – представился гость сухим резким голосом. – Как себя чувствуешь?

Фтимар слабо улыбнулся.

– Как гриб в стакане.

– Не понял?

– Грибу в стакане делать нечего...

Мистар запнулся.

– А. Шутка. Ясно. Ктис, – он рывком обернулся к врачу. – Доложи его состояние. Доктор нервно перебрал ушами.

– Послеоперационный шок отсутствует, раны практически затянулись. Наблюдаются некоторые дисфункции базовых моторик, однако в целом...

– Память не пострадала? – нетерпеливо оборвал Мистар.

Ктис вздрогнул.

– Полагаю, нет...

– В чем дело? – спросил Фтимар. Гость перевел на него яркие зеленые глаза.

– С самого падения метеорита мы готовим экспедицию в Дальний космос.

Фтимар кивнул.

– Я знаю, слышал новости.

– Здесь? – Мистар оглянулся в поисках информационного табло. Фтимар улыбнулся, оскалив треугольные клыки.

– Мне хорошо слышно все, о чем говорят на улице.

– Действительно? – протянул Мистар. – Что ж, тем лучше. Ты уже научился отгалкиваться от воздуха?

– Нет. Я пока слишком слаб.

– Учись быстрее.

Фтимар с сомнением перебрал крыльями.

– Если вы хотите отправить меня к Своду, чтобы я осмотрел пробоину...

– Нет, – Мистар прижал уши. – Космический корабль почти готов. Экспедиция отправляется через двадцать две смены; у тебя есть десять смен, чтобы научиться летать.

Фтимар едва не потерял сознание:

– Я стану космонавтом?!

– Тебя это пугает?

– Нет... – Фтимар сглотнул. – Просто... Я и мечтать не смел...

Мистар улыбнулся.

– Я считал тебя умнее. Так ты согласен?

– Конечно!

– Имей в виду, экспедиция продлится очень долго, – предупредил Мистар. – Возможно, больше цикла. В этот раз мы впервые высадимся на поверхность планеты, будет опасно. Последние циклы уровень космической радиации непрерывно растет.

– Мое новое тело очень устойчиво к радиации, – быстро ответил Фтимар. – Доцад Ктис проводил опыты...

– Потому-то тебя и берут, – оборвал Мистар.

Поднявшись на ноги, он тяжело покачал головой.

– Это будет нелегкая экспедиция. Половина команды – новички, ни разу не

бывавшие в Космосе...

Фтимар удивленно наострил уши:

– Почему?

Мистар сузил глаза:

– Потому, что мы вынуждены взять на борт как можно больше специалистов разного профиля, – ответил он глухо. – Подробности узнаешь в центре подготовки. Жду тебя там через десять смен. Не опаздывай.

Глава 3

Комочек золотой шерсти в углу комнаты мирно хрустел зернышками, в его крупных зеленых глазах не отражалось ничего. Трое обитателей подземного комплекса, молча, смотрели на товарища сквозь прозрачную дверь.

Киру мутило. Не в силах больше видеть утратившего разум брата, она рывком отвернулась и вжалась спиной в холодную металлическую стену, вцепилась коготками. Ненависть и отчаяние душили ее.

– Ахгrrrrrrr... – рычание рвалось из самых темных, загадочных глубин души. Когда она думала, что брат мертв, было не так больно. Эджи положил лапку на плечо Орби, дернувшейся было к подруге; мышонок покачал головой.

– Не сейчас.

– Я...

– Прошу, родная. Не сейчас.

Кира стиснула зубы:

– Я в порядке, – процедила она с трудом. – Скоро буду. Нечего со мной цацкаться, не стеклянная... – сжав коготки, она мотнула гривой золотых волос и отошла от стены, стоя, однако, спиной к дверям в комнату Итана.

– Поднимемся в гнездо? – тихонько спросила Орби.

Кира заставила себя кивнуть:

– Хорошая мысль. Не откажусь от глотка свежего воздуха.

Она первой вышла в коридор и, не оглядываясь, зашагала к лифту в

расположенный высоко на дереве наблюдательный пункт. Элджи бросил тяжелый взгляд на стеклянную дверь.

– Плохо... Очень плохо... – он обернулся к Орби: – Пушистая моя, ты измеряла у Киры пульс? Какой у нее обычно?

Слегка растерявшись, мышка моргнула.

– 400-420, кажется.

– Гораздо ниже нашего, – кивнул Элджи. – Я заметил это еще при первой встрече.

– Она крупнее и намного тяжелее, так и должно быть, – возразила Орби.

– Вот именно, – коротко сказал черный мыш. – А приглядишься-ка к бокам Итана. Вздрогнув, Орби подбежала к дверям.

– Ты прав... – протянула она спустя пару секунд. – Частота его дыхания даже выше нашей.

– Понимаешь, что это значит? – Элджи скрестил на груди лапки. – Итан сейчас отличается от Киры даже морфологически. Программа его метаклетки изменилась, телом он сейчас – другой вид.

Орби бросила на друга испуганный взгляд.

– Исходные гены?

– Мы не знаем, как выглядели родители НГ-90, но, похоже, Добронравов экспериментировал с гибридами.

Мышка задумчиво нахмурилась.

– Думаешь, Итан вернулся к форме одного из...?

– Нет, – Элджи стиснул зубы. – В нем не может присутствовать полный геном любого из родителей, он же их сын, а не клон. Я полагаю... Точнее, почти уверен... – черный мыш посмотрел в глаза подруги. – Ядовитая инъекция и заморозка действительно убили Итана. Сейчас мы видим регенерирующую метаклетку, новое существо, растущее по той же генной программе, как прежде росли детеныши НГ-90.

Орби, ахнув, прижала ладони ко рту.

– О, господи, Элджи...

– Кире ни слова! – быстро сказал мыш. – Она его возненавидит.

– Да... Да, конечно... – Орби поникла. – Но что же нам теперь делать с этим...

детенышем?

Элджи с трудом улыбнулся.

– Растить как родного?

Мышка вздрогнула. Помолчала, с натугой кивнула и, так ничего и не сказав, ушла в коридор. Элджи, спустя мгновение, за ней последовал.

В наблюдательном пункте на высоте очаровательно пахло лесом. Солнце давно зашло, пурпурно-оранжевые кроны осенних деревьев шелестели в лунном свете как призрачные, стелящиеся над землей облака. Кира, зажмурившись, стояла на зарешеченной террасе, ночной ветерок играл с золотой шерсткой. Звук лифта заставил ее обернуться.

– Подруга, тебе легче? – робко спросила Орби.

Кира вздохнула.

– А как ты думаешь?

– Итан жив, – заметил Элджи. – Да, он потерял память, но он все равно твой брат, и даже если память не вернется...

– Не нужно меня успокаивать, – жестко сказала Кира. Элджи запнулся.

– Я просто...

– Эмоции мешают выживанию. А нас ждет ожесточенная, многолетняя борьба за жизнь, где Итан... – она запнулась, но все же закончила – ...лишь первая жертва из многих. Значение, сейчас, имеет лишь простой факт: существо там, внизу – самец моего вида и сумеет зачать мне потомков. Вот так все просто, раз-два-три.

Орби с болью опустила глаза.

– Зачем ты так...

– Так меня воспитал Итан, – сдавленно отозвалась Кира.

Они помолчали, стараясь не смотреть друг на друга. Напряженную паузу, в конце концов, прервал Элджи:

– Предлагаю обсудить план на ближайшее будущее, – он прошел к подвесному креслу, сплетенному из травы, уселся и жестом пригласил подругу занять кресла напротив. Глубоко вдохнул:

– Итак... Мы провели здесь целый месяц. Не буду скрывать, лучший месяц в моей жизни... – Элджи бросил теплый взгляд на слегка смутившуюся Орби, – ...но

больше откладывать нельзя. Итан очнулся, а значит, нам пора удалиться от человеческой цивилизации. Кира, я уже рассказал Орби и сейчас повторю для тебя: в Сибири, в совершенно недоступной глуши, где не пролетают даже спутники-шпионы, я строю убежище. Оно, конечно, не столь совершенно, как главная база, но его никогда не найдут, и там есть энергия, запасы пищи на много лет, чистый лесной воздух... – Элджи запнулся и, невольно, рассмеялся. – ...говорю как рекламный агент. В общем, завтра начинается переезд.

– Как именно? – спросила Кира. – У тебя есть еще один самолет?

– Нету, – вздохнул черный мыш. – Но я же рассказывал, что создал обширную сеть агентов по всей России. Большую часть пути мы проделаем в грузовых отсеках человеческих самолетов, а последние семьдесят километров на вездеходах.

– И это, по-твоему, не опасно? – Орби сурово нахмурилась. Элджи развел лапками:

– Опасно, кто ж спорит. Но стократ менее опасно, чем жить здесь еще год-полтора, пока я строю новый самолет.

Кира покачала головой.

– Нам не нужен человеческий транспорт и тебе больше не придется строить самолеты, Элджи.

Она протянула лапку к террасе. Меж пальцев заплясали слабые разряды, и внезапно вокруг наблюдательного пункта закружилось несколько летучих мышей, едва не задевая крыльями стены. Жест – и они улетели. Кира усмехнулась.

– Я контролирую животных, забыл?

– До сибирского убежища много тысяч километров, там уже снег и смертоносные морозы, – возразил Элджи. – Только машина спасет нас от холода.

– А если сломается? – сухо поинтересовалась Орби. – Ты, кажись, недавно говорил, что мы основатели рода и наши жизни бесценны, а теперь готов посадить нас всех в жестяную коробку и отдаться на волю случая!

– Не случая, а моих профессиональных знаний, – черный мыш обвел лапкой комнату. – Мы и сейчас целиком в их власти.

– Да зачем ты так спешишь в свою Сибирь?! – Орби встала на ноги и гневно фыркнула. – Я не хочу рожать в такой глуши, а вдруг нам понадобятся лекарства, вдруг

у меня рано кончится молоко, вдруг... – она запнулась, встретив грустный взгляд друга.

Элджи подошел к мышке и заключил в объятия.

– Здесь будет ничуть не легче, любимая, – сказал тихо.

– Нет, будет... – Орби всхлипнула. – Нас ведь не все люди мечтают уничтожить, вспомни Ива, Елизавету Петровну!

Элджи дернулся и бросил короткий взгляд на Киру. Та молчала.

– Пушистая моя, успокойся, – черный мыш нежно лизнул подругу в нос. – Прошу, не плачь. Все будет хорошо. На новом месте нас никогда не потревожат, дети вырастут в безопасности и покое. Я потихоньку перетащу туда самое важное с этой базы, не пройдет и пары лет как там станет даже уютнее, чем тут!

Орби прижалась лицом к груди Элджи и разрыдалась.

– Я не хочу... – бормотала она сквозь слезы. – Не хочу жить под землей... Хочу солнца, тепла, любви... Я всю жизнь провела в подвале...

Черный мыш стиснул зубы и беспомощно оглянулся на Киру. Та пожала плечами:

– Оправится. Кстати... – она щелкнула пальцами. – Чуть не забыла. Я вчера бродила по Сети, искала материалы о нашем побеге, и наткнулась на заметку в каком-то личном блоге. С тех пор, как Ива вынудили выступить с «опровержением» и объявили всю историю уткой, в официальных новостях про него ни слова, нигде, вообще. Он будто и не родился.

– Знакомо... – Элджи крепче обнял все еще всхлипывающую Орби. Кира кивнула:

– Еще бы. Но контролировать блоги сложнее, туда изредка прорывается запретная информация. Так вот; автор блога утверждал, что видел Ива в аэропорту. Его сопровождали женщина с двумя детьми и несколько американцев, все быстро прошли в зону для частных самолетов.

Орби, вздрогнув, подняла заплаканные глаза.

– Когда это случилось?

– Шесть дней назад, если верить дате публикации.

– Шесть дней? – мышка ахнула. – Его держали в посольстве три недели?!

Кира усмехнулась, от улыбки не удержался и Элджи.

– Если я хоть что-нибудь понимаю, американцы его спасли, – заметил черный мыш. – После таких разоблачений, моя пушистая, принято менять страну проживания, имя, а иногда и внешность.

Орби сглотнула.

– Мы разрушили Иву жизнь, – сказала упавшим голосом.

Кира фыркнула:

– Сомневаюсь, что он был против! Я... – она застыла.

Шерсть мгновенно встала дыбом, уши прижались к голове. Напряженная, как тетива арбалета, золотая мыш рывком обернулась и хищно припала на четыре лапы.

Оцепеневшие от страха, Элджи и Орби вцепились друг в друга.

– Что?! – крикнул черный мыш.

Кира не ответила; по ее шерстке заструились слабые разряды, глаза вспыхнули зеленью. Продолжая оставаться на четвереньках, она попятилась, пока не вжалась в угол.

– Я слышу... – прошептала золотая мыш. Элджи вскрикнул, Орби дрожала в его объятиях. Кира зажмурилась и скрутилась клубком, обхватив лапками хвост.

– Я слышу...

– Кого?! – Элджи весь подался вперед.

Потрясенная воительница обратила к мышонку дикий взгляд. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, затем Кира внезапно дернулась и вскочила на все четыре. Коготки ее передних лап зажглись слепяще-яркими точками вольтовых дуг, от деревянного пола повалил дым. Орби, зажмурившись, спрятала лицо на груди Элджи.

Приступ миновал столь же внезапно, как начался. Опомившись за долю мгновения, растерянная и ничего не понимающая Кира взвилась на ноги и отпрыгнула от выжженной в полу надписи.

– Что происходит?! – крикнула она в панике.

Друзья молчали. Потрясенные, все смотрели на кривые, грубые, дымящиеся буквы, от которых сильно несло гарью.

– Т... м... ф... ва... Тимофеева?! – глаза Элджи оквадратились. – Как?..

– Кто это? – спросила трепещущая от волнения Орби. Черный мыш ошеломлённо встряхнул головой:

– Анастасия Тимофеева, – прошептал он, не веря. – Лаборантка в институте Добронравова. Она... сделала Итану инъекцию.

Орби дернулась и быстро оглянулась на Киру. Та до сих пор стояла в углу, изумленно разглядывая выжженную ее собственными лапами надпись.

– Подруга, что ты чувствовала? – робко спросила мышка.

Шокированная воительница не сразу нашла в себе силы ответить.

– Я... Не могу объяснить, – выдавила она, наконец. – Это было, словно... Будто клеймо на душе! Жар, огонь, но... Внутри... – Кира бессильно сползла по стене. – Мне страшно...

Элджи, слегка опомнившись, глубоко вздохнул и обратился к Орби взволнованный взгляд.

– Иди, не бойся за меня, – шепнула та. Черный мыш, дрожа, лизнул подругу в нос и нехотя выпустил из объятий. Подбежал к Кире.

– Скорее в лифт, надо спуститься на базу! – он помог воительнице встать. – Я догадываюсь, что произошло...

– Что?! – жарко спросила Кира.

– Твоя способность контроля над электричеством, – Элджи нервно помахивал хвостом. – Она делает тебя восприимчивой к электромагнитным волнам. Кто-то, знавший частоту, к которой ты наиболее чувствительна, отправил радиogramму, принять которую могли лишь вы с Итаном.

Золотая мышь вскрикнула, Орби позади прижала лапки ко рту. Элджи нетерпеливо затолкал обеих в лифт и ударил по кнопке. Кабина неторопливо – слишком неторопливо! – поехала вниз.

– Если Итан в подземном боксе тоже получил радиogramму, мощность передатчика должна быть запредельной, – черный мыш стиснул зубы. – От такого излучателя простой клеткой Фарадея не изолироваться, потребуется активная

защита... Кира, ты чувствовала направление, откуда шел жар? Как именно он нарастал и спадал? Это было похоже на пятно от прожектора? Если они использовали направленную антенну, то скорее всего от военного радара, тогда мы вычислим, откуда шла атака!

Воительница, справившись наконец с шоком и растерянностью, тяжело выдохнула.

– Сейчас... – она зажмурилась, вновь переживая внезапное приключение. – Направление... Нет, направления не было, жар просто ударил... – она запнулась и, удивленно, добавила – ...сверху?!

Ошеломлённые, все трое переглянулись.

– Нас ищут! – прошептала Кира. Эджи нервно дернул хвостом:

– Плохо...

В этот миг кабина лифта с лязгом замерла и трое друзей в общем порыве обернулись к дверям. Створки открывались вручную, и несколько долгих мгновений все ждали, что так и случится. Но ничто не менялось. Наконец, золотая мышь решилась, рванула на себя дверь и отпрыгнула, заняв боевую стойку. В проеме был виден привычный, освещенный тускло-желтыми советскими лампочками коридор. Пустой.

– Проверю брата! – воительница бросилась вперед. Почти сразу, издали, донесся ее голос: – Он тут!

Эджи и Орби поспешили присоединиться к подруге. В комнатке, где они оставили Итана полчаса назад, ничего не изменилось – золотистый мышонок, все так же, хрумкал зернами, свернувшись в углу пушистым шариком.

– Я ничего не понимаю, – обреченно сказала Кира. – Получил он такое же послание, или нет? Зачем мне в голову отправили фамилию той женщины?!

Эджи внезапно дернулся и широко раскрыл глаза.

– Тимофеева... – прошептал он. Кира прищурилась:

– Мммм?

– Погоди, – Эджи напряженно помахивал хвостом, его разум лихорадочно работал. Несколько секунд он, молча, глядел на Итана сквозь стекло.

– Кира, – медленно произнес мышонок. – Вам с братом Настя Тимофеева

должна быть знакома, не так ли? Толстая девушка, следившая за лабораторными животными.

– Да, я ее помню, – неприветливо отозвалась золотая мышь. Элджи кивнул, будто не сомневался в ответе.

– Когда я был пленником в институте Добронравова, в одной беседе Настя упомянула, что, с момента твоего бегства, Итана держали под наркозом, – Элджи посмотрел воительнице в глаза. – Но, когда Тимофеева вынесла меня из лаборатории и рассказала о смерти Итана, была деталь, на которую я в тот миг не обратил достаточного внимания, ибо был слишком шокирован всем происходящим. «Он очнулся и просил спасти тебя», сказала Настя. «Тебя, Элджи. Не представляю, как он узнал...»

Кира ахнула, Орби прижала лапки ко рту. Черный мышонок обратил к подругам горящие глаза.

– Наркоз не действовал, – произнес он жестко. – Как минимум, частично. Итан сохранил достаточно сил, чтобы прочесть в разуме людей о моей поимке.

Элджи горячо подался вперед всем телом:

– Кира, твой брат действительно был гением. И любил тебя больше жизни, раз хладнокровно пожертвовал собой в надежде, что хоть одному из вас удастся уцелеть. Но жертва не означала, что он утратил желание жить! С момента твоего побега и до моей поимки прошло много дней, все это время Итан притворялся беспомощным – но был ли?! Я знаю тебя целый месяц, знаю твою энергию и волю к победе, если твой брат был таким же, он обязательно подготовился бы к неизбежному мигу, когда люди решили бы его уничтожить.

Элджи рывком указал лапкой на золотистого мышонка за стеклом.

– Мог ли он надеяться уцелеть физически? Нет, никогда. Лабораторных животных отправляют на вскрытие в стерильных камерах, после чего сжигают, ни одно существо не сумело бы выжить. Но Итан владел уникальной способностью переносить память одного существа в разум другого, так вы с ним обучились говорить и узнали о внешнем мире, людях, науке... – черный мышонок запнулся и, с трудом, закончил: – ...поэтому, я думаю, Итан перенес свое сознание в память Насти Тимофеевой, и сейчас пытается отыскать тебя, Кира, чтобы вернуться в свое тело.

Повисла мертвая тишина. Целую минуту никто не решался заговорить, пока, наконец, Орби вздохнула и развела лапками.

– Кажется, переезд откладывается, – сказала она с напускным весельем в слегка подрагивающем голосе.

Глава 4

На заводе, как и в тинке, царила суматоха, но в гораздо меньших масштабах. Тектора у проходной ожидала целая делегация испуганных и растерянных сотрудников, но он твердо покачал головой и жестом отправил всех на рабочие места. Демонстрируя спокойствие, даже провел пару минут в металлургическом цехе, наблюдая за отливкой штанговой распорки, прежде чем поднялся в свой кабинет на семидесятом этаже административного корпуса. Сотрудники дирекции вежливо приветствовали главного инженера.

Кондиционеры в здании почти полностью очистили воздух от запаха. Усевшись на любимый ковёр, Тектор некоторое время отдыхал и раздумывал над странными событиями. Вскоре в дверь постучали.

– Войдите, – со вздохом отозвался конструктор. В кабинет торопливо забежал пухлый, серо-сизо-коричневый низенький сарк с благоухающей от духов шерсткой.

– Строительство двадцать первой очереди реактора остановлено! – с ходу начал заместитель Тектора, четырнадцатый в Торе по имени Дзег.

– Почему?! – инженер встревожился.

– Поступила директива из рангцентра. Ожидается полная смена плана работ, подробности будут в течение трёх смен. Пока нам предписано свернуть всё металлоёмкое производство, и заказать пятьсот тонн железной руды в Дигсите... – Дзег протянул Тектору пачку бумаг и взволнованно понизил голос: – Ходят слухи, нам предстоит разработать и построить сводовый заплатоукладчик нового поколения!

Тектор фыркнул в усы.

– И когда ж успели слухи пройти? Не стоит оправдывать собственные умозаключения выдуманными "слухами". Грибу понятно, наш завод используют для

ликвидации повреждения Свода.

– Это сорвёт весь график по наращиванию мощности реактора...

– Это спасёт наш город, если я хоть что-нибудь понимаю в экологии, – вздохнул

Тектор. Дзег нервно дернул хвостом.

– Кого отправить в Дигсит? – спросил после паузы.

– Гм... – Тектор задумался. – Они уже знают о заказе?

– Не думаю.

Инженер нахмурился:

– Почему ты не позвонил?

– Я звонил! В АТС ответили, что связь между Северным и Южным доменами нарушена. Ремонтные группы уже в пути, сказали они, но там свыше трёхсот километров кабелей.

– Неужели метеорит повредил коммуникации? – удивлённо спросил Тектор.

– Очевидно.

Инженер встал:

– Что ж, я отправлюсь сам. Надо осмотреть место катастрофы, прикинуть объём восстановительных работ.

– Но как же план наращивания...

– Забудь о нём. Если не восстановить Свод, скоро некому будет пользоваться нашим реактором.

Дзег вздрогнул.

– Что сообщить в дирекцию? – спросил, запнувшись.

– Скажешь, я выехал на место проведения работ для составления списка необходимого оборудования... – Тектор похлопал своего заместителя по спине. – И не надо распускать слухи, будто главный инженер полетел в космос.

Оба натянуто рассмеялись.

Вокзал магнитки раскинулся на абиссальной равнине к югу от города, километрах в двух от последнего жилого района. Здесь, вдали от очистителей и кондиционеров, запах был особо силен; выбираясь из пневмотуннеля, Тектор даже вздрогнул. Воздух сильно пах озоном, ноздри неприятно пощипывало.

Несмотря на события последних смен, жизнь уже возвращалась в привычное

русло; у вокзала суетливо бегали пассажиры и сотрудники, красная накопительная платформа блестела свежемывтым металлом. Южный экспресс уже прибыл – стремительный, изящный, магнитоплан последней модели величаво покачивался над монорельсом. Тектор с тревогой взглянул на часы.

Будто в ответ, из рупора на диспетчерской вышке раздался сигнал внимания:

– Товарищи пассажиры, до отправления магнитоплана "Аретис-Дигсит" остается две минуты, отбывающим просьба занять места, провожающим – отойти за ветровой щит. Повторяю, до отправления магнитоплана...

Две минуты! Тектор вздрогнул. Быстро взбежав на платформу по винтовому пандусу, он протянул контролёру свой браслет:

– Место, скорее!

Рыжевато-серый сотрудник магнитки недовольно прижал к голове уши:

– Мест нет.

– Поищи внимательно.

– За две минуты до отправления ты хочешь найти...

– Это задание рангцентра! – сурово оборвал инженер. Контролёр промолчал.

Привычным движением он вписал в книгу данных личный код Тектора, выбитый на браслете. Затем просмотрел список пассажиров.

– Тебе везёт. Один решил не лететь, его кресло пока не занято. Хвостовой салон, место пятьсот девяносто два.

– Спасибо! – Тектор уже бежал к трапу.

Стремительное веретено магнитоплана едва заметно покачивалось над Т-образным бетонным монорельсом. Мощные двигатели поезда создавали вихревые поля, не позволявшие многотонной машине потерять устойчивость. Поднимаясь по трапу, Тектор одобрительно осмотрел несущие обмотки: эти детали производились на его заводе, и отличались повышенной экономичностью в сравнении со старыми, импортировавшимися из Телгара. "С введением в строй новой очереди реактора надобность в экономии исчезнет навсегда..." – не без гордости подумал инженер.

Салон был переполнен. Тектор прошёл в хвост последнего вагона, обнаружив единственное пустое кресло в дальнем углу. С трудом веря своему везению, инженер опустился на мягкое сидение.

Вагон плавно покачивался. Переведя дыхание, Тектор взглянул в иллюминатор и только сейчас заметил, что они уже в пути. Поезд совершенно беззвучно и плавно, без единой подвижной части в конструкции, скользил на переменных напряжениях магнитного поля, словно якорь развёрнутого линейно электродвигателя.

Свет в салоне умерил яркость. Покрытый толстым ковром пол и полумрак располагали ко сну, вдобавок Тектор немного устал. Он, со вздохом, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Расслабился, попытался привести мысли в порядок, но дрема накатывала мягкими душными волнами, и сопротивляться ей было...

– Стикс?

Тектор подскочил от неожиданности:

– Аа?!

– Стикса не желаешь?

Приземистый белый сарк держал поднос с напитком. Инженер гневно прижал уши:

– Я же спал!

– Прости...

– Уже поздно. Сколько времени прошло после старта?

Белый фыркнул.

– Двадцать минут. Лететь ещё час, так что не отказывайся.

Улыбнувшись, Тектор взял с подноса пиалу.

– Спасибо.

Разносчик ушёл. Медленно потягивая приятный напиток, Тектор смотрел в иллюминатор.

За стеклом на громадной скорости проносились мрачные скалы. Изредка виднелись одинокие огоньки, время от времени, словно метеоры вспыхивали искры энергопроводов магнитки. Тьма владела миром, и лишь на миг её раздвигала светящаяся стрела поезда.

В салоне царил тишина. Большинство пассажиров спали, рассчитывая отдохнуть за время вынужденного бездействия. Тектор уже собрался вновь последовать их примеру, когда до его сознания дошёл простейший факт, и инженер едва не вскрикнул от изумления.

"Район падения полностью уничтожен" – сказал диктор в выпуске новостей. – "Отряд на вездеходах был вынужден повернуть назад".

А он сидит в комфортабельном салоне магнитоплана, и намеревается поглядеть с высоты на место катастрофы. Катастрофы, которая, тем не менее, пощадила тонкий волосок монорельса, тянувшийся сквозь темноту северных равнин.

Тектор задумался. Значит, метеорит не имеет отношения к разрыву связи между Аретисом и Дигситом. Кто-то решил воспользоваться предложением... Он вздохнул. Мало им неприятностей с природой, так ещё и эти ренегаты... От нечего делать инженер стал вспоминать всё, что знал о ренегатах.

Мир Тектора представлял собой громадный скальный массив, известный как Свод. Четыре исполинские пещеры располагались недалеко одна от другой, связанные сотнями коридоров и проходов. В самой большой пещере, Северном Домене, раскинулся крупнейший из четырёх мегаполисов, Аретис. Второй по величине город, Дигсит, был выстроен посреди широких равнин южной пещеры, богатой металлами и полезными ископаемыми. Дигсит снабжал сырьём весь мир.

Два оставшихся мегаполиса, Ирлиар и Телгар, находились в западной пещере, недалеко друг от друга. Самые молодые из городов, эти мегаполисы быстро развивались и обещали вскоре слиться в сверхгород, способный отобрать пальму первенства у Аретиса.

А ещё была Восточная равнина, где жили ренегаты. Тектор невольно вздохнул, подумав о них. Ренегаты не признавали общество и жили как древние, родовыми стаями. Понятие "ранг" у них означало не кастовую, а родственную связь. Подумать только, эти дикари не изолируют самок от мужчин. Интересно было бы посмотреть на селение ренегатов, когда половой цикл находится в пике активности...

Усмехнувшись, Тектор повернулся к иллюминатору. Ренегаты – дикари. Но опасные дикари. Несколько поколений назад рангцентр Аретиса подарил им большое количество оружия для обороны от зверей. Первые в рангах не учли, что ренегаты живут сами по себе и не имеют централизованного правительства. После нападения на Дигсит и гибели двух десятков горожан, рангцентры всех мегаполисов разорвали отношения с ренегатами и поставили совместную охрану у туннеля к Восточной равнине. В свою очередь, дикари восприняли эту меру как оскорбление, положив

начало многоцикловой вражде...

Тектор вздохнул. Устроившись поудобнее в кресле, он в третий раз попытался уснуть, когда раздался мелодичный сигнал внутренней связи:

– Мы приближаемся к заражённому домену, просьба надеть противогазы.

Около секунды инженер пытался осознать эту фразу. Затем нажал кнопку интеркома. Ответили не сразу:

– Чем могу помочь?

– Какой ещё заражённый домен?!

– Успокойся. Магнитоплан герметичен, тебе ничего не...

Тектор зашипел:

– Я хочу поговорить с кем-нибудь из команды. Прямо сейчас.

Пауза.

– У нас нет времени для...

– Быстро!

Теперь зашипел динамик.

– Хорошо, сейчас к тебе подойдут.

Они и правда явились мгновенно. Двое, усталые, с браслетами транспортного союза.

– Как тебя зовут?

– Тектор-7 из Тор'ранга, инженер. Я требую объяснений. На пути нет никаких заражённых доменов, я пользуюсь магниткой регулярно.

– Ронг, – представился транспортник. – Сто четвёртый в Рэйл'ранге. Когда ты последний раз летал в Дигсит?

Тектор вздрогнул:

– Не больше десятка смен назад!

Транспортники переглянулись.

– Значит, ты не слышал. Метеорит химически активен. Вся зона падения заражена ядовитыми осколками.

Тектор с трудом заставил себя ответить тихо:

– Я инженер. И вхожу в первую десятку своего ранга. Метеорит упал в тридцати километрах от границ Аретиса, а мы сейчас более чем в сотне!

Ронг усмехнулся:

– Похоже, ты совсем ничего не знаешь о катастрофе. Метеорит пробил Свод в полусотне километров отсюда. Он упал у самой границы Северной Равнины и взорвался как бомба. Более двадцати доменов погребены под рухнувшими скалами, ещё столько же заражены остатками метеорита. Почти все туннели к Дигситу обрушились. Просто чудо, что наша магнитка не пострадала.

– Но... Но в новостях этого не говорили! – ошеломлённо возразил Тектор.

– Не всегда полезно сеять панику среди населения, – заметил молчаливый спутник Ронга.

В противогазе вид за бортом казался ещё ужаснее, чем был. Тектор забыл о дыхании, прильнув к иллюминатору. Краем слуха уловил сообщение пилота о десятиминутной протяжённости зоны ядовитого воздуха.

Зрелище внизу шокировало. Узкие туннели пока не начались, линия магнитки пронзала полумрак над равниной. Вдали сиял огнями грандиозный мегаполис, высоко в небе, почти у самого Свода, клубились светящиеся облака. Но взгляд Тектора приковало к себе иное.

Прямо под магистралью простиралось жуткое нагромождение скал и камней. Громадные осколки Свода были разбросаны по площади, сравнимой с жилым сектором. Скалы вонзились в землю, разворотив её на сотни метров, превратив плодородные грибные поля в страшное кладбище. Среди обломков тут и там мерцали прожекторы вездеходов.

– Какой ужас... – прошептал Тектор. Он даже представить не мог масштабы катастрофы. В голове крутились бессмысленные цифры, инженер машинально прикидывал объём ремонтных работ, в то же время понимая, сколь смешно думать о ликвидации подобных явлений.

Магнитоплан промчался над развороченной равниной и со свистом нырнул в

чёрное жерло туннеля. До самого Дигсита в салоне царила потрясенная тишина.

На вокзале, однако, все казалось в порядке. Вполне обычные горожане спокойно бежали по ярусам, бригада ремонтников под потолком меняла треснувшую хрустальную панель. Тектору на миг показалось, словно ужасная катастрофа в темноте была лишь сном.

Но стоило ему добраться до здания рангцентра, это ощущение исчезло. Там царил хаос. Тектор показал браслет в проходной, сообщил о цели визита, но целых десять минут никто не обращал на него внимания. Непрерывно бежали сотрудники с какими-то бумагами, у входа в зал планирования зачем-то поставили охрану. Наконец, из лифта вышел стройный серебристый и приблизился к гостю.

– Здравствуй, Тектор, – они потёрлись носами.

– Ментас, я видел следы катастрофы! – сразу начал инженер. – Просто непостижимо! Я прибыл сюда, чтобы заказать пятьсот тон руды, но теперь вижу – этого не хватит даже на один процент работ!

– Ты не видел даже одного процента разрушений, – печально сказал Ментас.

Тектор вздрогнул.

– Есть жертвы?

– К счастью, очень мало. Пока обнаружили два тела – обходчики монорельсовой дороги. Еще один, по имени Фтимар, выжил в самом эпицентре катастрофы и погиб в когтях поднятого взрывом каменного скорпиона.

Инженер содрогнулся:

– Я знал Фтимара. Друг детства.

– Сочувствую... – Ментас опустил голову. – Меня просто трясёт, как подумаю, что могло произойти, упали метеорит на город.

Тектор представил, и даже поджал хвост от таких мыслей.

– Надо что-то делать. Следующий метеорит может и упасть...

Ментас кивнул, жестом пригласив гостя в лифт.

– Я тоже не верю заявлениям о невозможности вторичного падения....

Они поднялись в светлый, просторный кабинет, украшенный декоративными флуоресцентными грибами. Выпили по пиале стикса и расселись на ковре. Молчание прервал Тектор:

– Что говорят в рангцентре?

– Правильнее сказать, что кричат, – усмехнулся Ментас. – Первые в рангах спорят до хрипоты, но всё равно придут к единственному решению.

– Да?

– Опыт космических экспедиций имеет только Аретис. В то же время совершенно ясно, что оставить дело на самотёк нельзя. Экспедиция должна будет осмотреть внешнюю поверхность Свода и уточнить возможность монтажа на нём сверхмощных лазерных установок.

Тектор фыркнул:

– Они считают, лазер остановит метеорит?

– Теллуrowый с дуговой накачкой способен еще в космосе вызвать на поверхности крупного метеорита столь интенсивное испарение вещества, что реактивная сила изменит траекторию, – возразил Ментас. – А мелкие метеориты можно разрезать на фрагменты и Свод выдержит удар.

Они помолчали.

– Идея неплоха, – признал Тектор после паузы.

– Но от идеи до реализации пройдёт не меньше цикла, а все страшно боятся, что за этот цикл упадёт второй метеорит.

Оба рассмеялись.

– Ментас, надо отгрузить в Аретис пятьсот тонн руды. – Тектор перешёл к делу.
– Учитывая, для чего нужна руда, спецификации должны быть не менее 90%.

– Сейчас есть полторы тысячи тонн обогащённой, 90-60-98. Но не уверен, что рангцентр согласится.

– Где Бренг?

– На обогатительном заводе.

Тектор встал.

– Поедешь со мной к нему?

Ментас вздохнул.

– Я бы с радостью, но сам видишь, что здесь творится. Дел невпроворот...

– Что ж, понятно, – Тектор развел руками и улыбнулся. – Рад был поговорить.

– Счастливо доехать, – Ментас проводил друга взглядом.

Разговор с начальником горной промышленности Дигсита занял полчаса. Получив твёрдое заверение, что руда будет поставлена в течение пяти смен, Тектор вернулся на вокзал. Там его ждали двое с браслетами Космического Управления.

– Тектор 7 из Тор'ранга?

– Да, – инженер встревожился.

– Шост 5, – представился старший, носивший браслет капитана. – Это Рен 4.

Мы из ранга Мистара.

– Что произошло?

– Тебя срочно вызывают в рангцентр. Мы не успели поймать тебя на вокзале, пришлось лететь сюда.

– Вызывают в рангцентр? – они уже входили в магнитоплан. Тектор занял свое место, пытаясь предугадать ответ.

– Ты лучший конструктор Аретиса, – заметил Шост.

– Ну, я неплохой инженер, но...

Рен внимательно посмотрел на Тектора:

– Это ты проектировал Мост Технологии в шестом домене?

Инженер улыбнулся.

– Моё конструкторское бюро.

– Неважно. Тектор, тебя рекомендовали рангцентру как специалиста для экспедиции в Дальний Космос.

Сердце замерло.

– Меня?!

Магнитоплан плавно тронулся с места, но никто этого не заметил.

– Мы должны спешить, времени на подготовку почти нет. Ученые обнаружили подозрительные изменения в составе грунтовых вод. Не исключено, что метеоритов было два, и второй упал в неизвестную нам часть мира... – Рен многозначительно взглянул на инженера. – Возможно, существует ещё одна пещера, не связанная с нашими.

Тектор вздрогнул:

– Но я не понимаю, какое отношение это имеет ко мне и почему... – он запнулся при виде лица Шоста.

– Тектор, существует опасность, – сказал тот негромко. – Страшная, смертельная опасность. И нам жизненно важно знать, так это или нет.

– Видишь ли... – Рен глубоко вздохнул. – Геологи считают, что Свод может рухнуть.

Больше до самого Аретиса никто не проронил ни слова.

Глава 5

Ночной город сиял огнями, будто рухнувшая на Землю галактика. В высоте, где парили контролируемые золотой мышью вороны, было довольно холодно, обогреватель скафандра Элджи работал на половину мощности. Черный мыш с тревогой поглядывал на воительницу, сидевшую на второй птице – Кира отказалась не только от скафандра, но даже от простой теплой накидки. Впрочем, подумалось Элджи, если вспомнить, какие ей подвластны энергии... Уж согреться-то всяко сумеет.

– Здесь налево, вдоль проспекта, – сказал он в микрофон. Золотая мышь у себя в седле кивнула и обе птицы синхронно заложили вираж. Элджи было непросто оставаться спокойным на спине вороны, разум боролся с инстинктами добычи; вдобавок история с совой, хоть и случилась много лет назад, определенно не добавила мышонку любви к хищным птицам. Но черные и быстрые, а главное, совершенно обычные в городе пернатые, были объективно лучшим выбором для ночной миссии.

– Сверни вон к тому корпусу, мы на месте.

Новый вираж... Повинуясь могуществу Киры, вороны опустились на крышу многоэтажного здания и обе, синхронно, сунули головы под крылья, погрузившись в глубокий сон. Элджи перевел забрало шлема в инфракрасный, внимательно огляделся:

– Кошек не видно, но будь начеку, – предупредил он подругу. Золотая мышь, криво усмехнувшись, спрыгнула со спины вороны и потянулась, пустив парочку молний по шерсти.

– Где живет Тимофеева?

– В комнате с видом на огни, с верою в любовь... – Элджи также спрыгнул на

крышу и снял с луки седла тяжелый мешок с оборудованием. – Шучу. Если верить моим данным, на пятом этаже, в квартире 14. Вон ее машина, – он указал на голубой «Пежо», стоявший во дворе. Недовольно прижал уши:

– Мы сильно рискуем... По чести, надо несколько дней вести разведку, не следят ли за девушкой, не устроили ли в ее квартире засаду... Я пытался найти в Сети записи, была ли она арестована после моего побега, но все вокруг института Добронравова тотально засекречено. Удалось лишь узнать, что она по-прежнему живет в этом доме и платит коммунальные. В социальных сетях у нее профилей не нашлось, отыскать телефон я тоже не смог – ни городской, ни мобильный. А здесь нет даже серверов наблюдения, где я мог бы просмотреть записи о передвижениях Тимофеевой за последние недели.

Кира фыркнула:

– Насмотрелся ты шпионских фильмов, я скажу!

– Лучше быть живым параноиком, чем мертвым оптимистом, – сурово ответил Элджи. – Не забывай, с врагом какого уровня мы имеем дело. Группа КС тайно управляла – и, наверное, до сих пор управляет – самой большой страной на Земле.

Золотая мышь молча указала на ближайшую стену – обшарпанную, всю в трещинах и пятнах отвалившейся штукатурки. Элджи дернул хвостом:

– Это ничего не значит.

– Я изучала новейшую историю, – горько сказала Кира. – Ничем твоя «группа КС» не управляет, они такие же, как и прочие люди у власти – жадные, беспринципные, недалекие рвачи. Общество так устроено, что лидерами в нем становятся лишь подобные индивидуумы, а даже если, каким-то чудом, на вершину взберется честный человек – его очень быстро превратят в негодяя. Вот так все просто, Элджи – раз, два, три.

Черный мышь помолчал, нервно дергая хвостом.

– Ладно. В общем. Кира, оставайся здесь, будь готова к эвакуации. Я спущусь по стене, проведу первичное наблюдение. Не спорь! – жестко добавил мышонок, заметив, что воительница собирается что-то сказать. – Во время операции на споры времени нет! Мы на местности, отныне действуем как боевая единица. Ясно?

Кира, помедлив, отрывисто кивнула и вновь забралась в седло, чтобы иметь

лучший обзор крыши. Элджи развязал мешок и натянул на ноги униходы.

– Я постоянно буду на связи.

– Принято.

– Помни, птица не сможет подлететь вплотную к стене, – добавил Элджи, разматывая трос лебедки. – У меня ранцевый парашют. Если потребуется бегство, я прыгну вниз, там меня и надо ловить – не в полете, вихри от крыльев схлопнут купол парашюта!

– Я поняла.

– Ну, – Элджи, глубоко вздохнув, закрепил лебедку на парапете. – Так уйдут за годом год, так и жизнь пройдет, и в сотый раз маслом вниз упадет бутерброд. Но может будет хоть день, может будет хоть час, когда нам повезет, – он улыбнулся. – Пожелай мне удачи, подруга.

Кира опустила голову.

– Удачи... – и мышонок прыгнул в бездну. Раскручиваясь, взвыл барабан лебедки.

К счастью, дом, где жила Настя, насчитывал лишь девять этажей, так что падать пришлось недолго. Зависнув напротив квартиры, Элджи забросил на раму крюк и быстро притянул себя к подоконнику. Отцепил трос лебедки, подождал пока тот сматывается обратно.

– Я на окне, – сообщил он по рации. – Кира, погрузи лебедку в мешок и прицепи мешок к седлу.

– Принято, – отозвался голос воительницы. Элджи с грустью вспомнил свои предыдущие «проникновения в здания» – все, сколько их было за сорок лет, имели общую деталь: он всякий раз был один.

Никто не ждал на крыше, никто не был готов подхватить падающего или спасти тонущего. О, небо, о, солнце, как же долго длилось одиночество... Как же долго...

Дернув хвостом, Элджи взял себя в лапки и подошел к стеклу. Борясь с желанием просто заглянуть в квартиру, отцепил со спины раздвижную штангу с крохотной видеокамерой и переключил забрало шлема на ее сигнал.

Окно выходило в спальню, и первое, что увидел мышонок – сидевшую на кровати, боком к нему, Настю в ночной рубашке. Ее голова была обмотана полотенцем,

лицо казалось осунувшимся и бледным. Легонько покачиваясь, она сидела, уронив руки на колени и закрыв глаза. Выглядело все это очень нездорово.

С десятков секунд Элджи молча наблюдал за девушкой, но та не шевелилась, только покачивалась из стороны в сторону. Дверь в спальню была закрыта, и других живых существ – например, кошек – в комнате видно не было, даже тепловизором.

Черныймыш помедлил. Он планировал тайно проникнуть в квартиру, изучить ее вдоль и поперек, провести обыск и лишь затем, при крайней необходимости, показаться Тимофеевой. Но обстановка намекала, что теории оказались верны, и ответы на все вопросы могла дать сама Настя. Рискнуть?

– Кира, я нашел девушку, – сказал Элджи в микрофон и коротко описал ее вид. – Попробую вступить в контакт. Готовься, если попытается схватить, я прыгну.

– Лучше бы ей не пытаться... – донесся грозный ответ. Мышонок, вздохнув, сложил шест с камерой и заглянул в квартиру сам.

Постучал. Настя на кровати не шевельнулась, Элджи постучал сильнее и, наконец, принялся колотить по стеклу ультразвуковым резакон. Только тогда девушка медленно, будто под наркозом, повернула голову и взглянула на окно.

Элджи нетерпеливо ждал, когда Тимофеева заметит гостя, но она смотрела сквозь него, отсутствующим и безразличным взглядом. Он начал считать секунды, сбился, но вид черной мыши в скафандре все же проник в разум Насти и она, покачиваясь, встала на ноги. Мелкими шажочками, держась за кровать, добралась до подоконника и, тяжело, уперлась в него обеими руками, словно у нее кружилась голова. Элджи знаками попытался обратить ее внимание на щеколду.

Наконец, девушка среагировала и, с большим трудом, приоткрыла окно, чуть не упав при этом. Элджи подбежал к щели.

– Настя! – позвал он, включив громкоговоритель скафандра. В квартиру пока не входил. – Настя, это я, Элджернон, помнишь?

Тимофеева смотрела на мышонка красными, воспаленными глазами, ее губы слабо шевелились. Прошло не менее десятка секунд прежде, чем девушка сумела ответить.

– Ты-ы-ы... – прошептала она, качаясь.

– Да, я! Что с тобой случилось?! – тревожно спросил Элджи.

Настя медленно подняла одну руку и провела по лицу сверху-вниз, пытаясь прийти в себя.

– Не могу... Спать... – выдавила она хрипло. – Не спала... Ни минуты...

– Целый месяц?! – недоверчиво переспросил мышонок. Девушка уронила голову.

– Что... Вы со мной... сделали?! – выдохнула она, дрожа и цепляясь за подоконник. Махнула рукой в сторону спальни, потеряла равновесие, попятилась и грузно плюхнулась на кровать. Застонала, схватившись за голову.

– Я будто грежу... Наяву... – выдавила она мучительно. – Рисую... Непонятно что... Собираю... Какие-то штуки... Лекарства не действуют!

Элджи стиснул зубы:

– Я прилетел, чтобы все исправить, – сказал он твердо.

Девушка прижала ладони к вискам.

– Скорее... – выдохнула она.

Мышонок осторожно влез в приоткрытое окно и спрыгнул на подоконник. Осмотрел комнату, взглянул на анализатор атмосферы в дисплее забрала. Судя по графику, запашок в спальне стоял еще тот.

– У тебя нет родственников или друзей? – спросил Элджи, с сочувствием глядя на измученную Настю. – Почему ты не звонила в больницу?

Девушка подняла на мышонка слезящиеся красные глаза.

– Потому, что я под арестом! – выдавила гневно. – Они ждут... Что ты со мной свяжешься!

Элджи вскрикнул и рванулся к окну, но створки резко захлопнулись с характерным жужжанием электромагнитов. Мышонка с такой силой ударило рамой, что отбросило на полметра от подоконника, прямо на пол. Он едва успел сгруппироваться.

Покатился кувырком, вскочил, сорвано пискнув от боли в ушибленном боку. Ранец с оборудованием валялся у батареи отопления под окном, ультразвукового резака видно не было. Элджи ударил по кнопке связи:

– Кира, это ловушка, срочно улетай!!! – но вместо ответа, из радиии донесся лишь громкий шум помех. Сердце чёрного мыша на мгновение застыло от ледяного

ужаса, но он встряхнулся: что угодно, а сдаваться второй раз он не будет!

Забрало шлема было закрыто, кислородные баллоны полны – газовая атака больше не угрожала. Эджи схватил ранец. Враги знали, что их цель умна и осторожна, поэтому дежурить прямо в квартире Насти они бы не рискнули; это давало несколько секунд...

Не слишком, впрочем, много: из-за стены донесся глухой стук, когда входную дверь распахнули ударом. Эджи бешено огляделся в поисках резака – тщетно, тот затерялся. Мышонок на миг зажмурился.

Кухня! Вентиляционная решетка! Эджи метнулся к дверям спальни, вцепился молибденовыми когтями перчаток в деревянную раму и моментально взобрался под потолок. Когда дверь распахнут, солдаты первым делом посмотрят под ноги, можно успеть юркнуть наружу...

Но двери не распахнули. Вместо этого, со стороны окна полыхнула лиловая вспышка и стекло с оглушительным звоном разлетелось вдребезги, засыпав мелкими осколками всю комнату. Настя, вскрикнув, прикрыла лицо. В облаке электрических искр, на подоконник спрыгнула Кира, ее глаза горели зелеными лазерами:

– Эджи! – крикнула она. – Сюда!

Черный мыш, пискнув от неожиданности, поспешно спустился по дверной раме обратно и двумя прыжками оказался возле окна. Забрался по шторе, перепрыгнул раму с осколками стекла:

– Ловушка! – выдохнул он, оказавшись рядом с подругой. Та кивнула:

– Вижу.

Стоя на краю бездны, Эджи оглянулся, протянув воительнице лапку:

– Бежим!

– Пусть мыши бегут, – спокойно сказала Кира и толкнула его в пропасть.

Подождала, пока не увидела раскрывшийся купол парашюта и, свирепо прижав уши, обернулась к комнате, куда в этот миг ворвались солдаты.

Золотая шерстка Итана на ощупь слегка отличалась от собственной шерсти Орби. Более мягкая и длинная, она шелковисто переливалась под пальцами, блестела, играла тусклыми отражениями ламп.

– С-ы-р, – терпеливо повторила мышка, тыкая своему подопечному в нос кусочек аппетитно пахнущего лакомства. – Скажи «с-ы-р» и получишь...

Итан не отзывался. Он сидел на задних лапках, держа передними зерно кукурузы, и бездумно пялился в пустоту. Глаза – столь же крупные и зеленые, как у Киры – казались мутными безжизненными стекляшками. Даже «нормальные», неразумные грызуны, как помнилось Орби, и те выглядели умнее.

Мышка грустно вздохнула. Элджи запретил ей оставаться наедине с Итаном, опасаясь, что тот может среагировать на запах самочки, поэтому посреди комнаты была на скорую руку закреплена решетка. Решетка! В их доме... Одна эта мысль уже портила настроение. Мрачная Орби, нехотя, сгрызла кусок сыра сама и с сожалением отошла от клетки.

Вышла в коридор, прошла по периметру базы. Одиночество угнетало; повсюду царил густая, липкая тишина и внезапно Орби подумала, что Элджи провел в таком безмолвии сорок лет. Ее передернуло, шерстка невольно встала дыбом.

Дома, в подвале Елизаветы Петровны, Орби тоже жила одна, но тишиной там и не пахло. Сотни живых существ, от тараканов и пауков до крыс, наполняли подzemелье тайной, неведомой людям суматохой, бесчисленными запахами, крохотными историями длиною в мышиную жизнь. А тут, в центре любовно построенного надежного и безопасного убежища, Орби было страшнее, чем в день, когда старая облезлая крыса решила ею полакомиться.

Отправляясь в полет с Кирой, Элджи очень просил свою любимую мышку не выходить на поверхность и не подниматься в беседку на дереве, а все время проводить в центральном посту, где стояли мониторы видеонаблюдения. Он зарядил и подготовил вездеход на случай, если база вдруг будет обнаружена, установил электромагнитные глушилки для дронов, заставил Орби вызубрить процедуру эвакуации, даже подготовил в лесу несколько укрытий с запасами продовольствия, где беглянка могла бы затаиться при облаве... Сейчас, скучая по друзьям, мышка свернулась клубочком

перед главным компьютером базы и включила монитор.

Вспомнив слова Киры про блог с информацией об Иве, Орби решила сама его поискать и, какое-то время, рылась в огромных токсичных свалках, именуемых «социальными сетями». Кое-где до сих пор сохранились следы обсуждений и споров месячной давности, но в целом, спецслужбы проделали грандиозную работу, вычищая из памяти обывателей историю о «долгожителях КГБ». Отыскать нужный блог Орби не сумела, вероятно его тоже успели стереть; однако, натолкнувшись в одном месте на сайт уфологов, мышка вдруг поняла, где искать информацию: разумеется, среди верующих в теорию заговора!

«Элджи в такие места ни за что бы не сунулся» – хихикнула она мысленно. Поиски отняли минут двадцать и, наконец, перед Орби открылся сайт в зелено-серых камуфляжных тонах с заголовком «От вас скрывают правду!»

Даже просто читая оглавление, мышка чувствовала, как у нее начинает болеть мозг. Пришельцы, мировое правительство, Бермудский треугольник, масоны, предсказания древних цивилизаций, комнаты и клады с проклятием, заговоры олигархов – нацистов – евреев – коммунистов – католиков – друидов, рептилии с планеты Нибиру и Атлантида, продолжающая править миром со дна Атлантического океана. Последнее показалось Орби настолько странным, что она даже рискнула открыть статью.

Автор, не моргнув глазом, утверждал, что всемогущие жители Атлантиды знали заранее, что та обречена затонуть, и успели изменить самих себя для жизни на дне океана. Несмотря на эти новые способности, города в Атлантиде почему-то накрыты... пирамидами, куда придонные течения за тысячи лет нанесли землю и ил, скрыв от любопытных взглядов. С тех пор атланты контролируют наземных дикарей; египтяне строили пирамиды, поскольку мечтали уподобиться своим богам и переселиться под воду; в древних индийских ведах описаны подводные лодки; скафандры атлантов (!) рисовали полинезийцы и древние обитатели Японии, и конечно же атланты подсказали майя дату конца света в 2012 году; Бермудский треугольник – полигон где атланты испытывают новое оружие; Иероним Босх был похищен атлантами, чудом вернулся и пытался своими картинами рассказать об ужасах, что запомнил; чума в средневековье – борьба за власть в Атлантиде, где на короткое время одержала вверх фракция,

желавшая истребить дикарей; в Тихом океане есть атолл, где тайное мировое правительство встречается с атлантами и получает от них указания; Титаник столкнулся не с айсбергом, а...

«Стоп», – Орби с трудом опомнилась. – «Иероним Босх? Это еще кто?»

Мышка вбила имя в поиск и с удивлением обнаружила, что оно принадлежит знаменитому средневековому художнику, рисовавшему наиболее жуткие и странные видения Ада за всю историю живописи. Увидев его работы, Орби содрогнулась и хотела побыстрее закрыть галерею, но в последний миг ее взгляд скользнул по картине «Сад земных наслаждений» и мышка оцепенела.

Верхняя часть правой панели огромного триптиха изображала гигантскую пещеру, залитую лучами пепельно-серого, желтоватого и оранжевого цветов. Под самым сводом клубились светящиеся облака, вдаль убегала равнина, где вздымались одинокие скалы. Зловещие существа парили в клубках дыма, вспышки света, руины неведомых замков, где дозор несли демоны с копьями... Слева пейзаж озарял кровавыми отблесками извергающийся вулкан, на переднем плане недобро блестело озеро, где тонущие грешники бились в напрасных надеждах – живописец, несомненно, пытался изобразить Ад максимально жутким и чуждым. Но не поэтому трепещущая Орби, забыв о дыхании, смотрела на полотно в ужасе.

Она уже видела эту пещеру.

Воспоминания мутным ядовитым клубком закопошились в глубинах разума, Орби зажмурилась и пискнула, прижав ладони к вискам. Что происходит?! Откуда?! Зачем...

...зачем мы здесь? – сухо спросила она, подняв защитные очки. Пыль от колес еще не вся улеглась, туманная взвесь мельчайших песчинок висела вдоль скального гребня, как длинный плавник призрачной рыбы. Пахло озоном, мхом и горячим машинным маслом.

– Заглуши двигатель, – шепнула спутница, сидевшая у нее за спиной.

Мышь недовольно прижала ушки, но исполнила просьбу. Воцарилась та удивительная тишина, что бывает лишь в горах и пустынях – не глухое, давящее на слух безмолвие, не душная паутина, что сковывает разум страхом во тьме, а звонкая, безграничная пустота. Пыль медленно оседала на камни, ветра не чувствовалось и

лишь потрескивали, остывая, радиаторы мощного байка.

– Вот, что я хотела показать... – тихо сказала спутница.

Мышка уже и сама заметила – изумленно пискнув, она спрыгнула с седла и сделала несколько шагов в сторону пропасти. От восхищения у нее захватило дыхание.

– Но как?! – только и сумела она спросить, пожирая глазами сказочную картину вдали.

Ее спутница широко улыбнулась.

– Я не знаю. Оно появляется редко, наверно зависит от ветра... Я впервые увидела, когда собирала лекарственные травы в расщелине. Тут, на высоте, встречаются лучшие...

Мышка не слушала, ее поглотило зрелище. Вдали, на усыпанной скалами равнине, вздымались два особо высоких утеса, чьи треугольные вершины под некоторым углом зрения будто смыкались, образуя колоссальную, поразительную арку высотой до самого неба. Увидеть такую иллюзию можно было лишь с большой высоты, но в этом не было ничего странного, и мышка уже не раз наблюдала ее в прошлом.

Вот только сегодня, странное сочетание погоды, ветра и влажности, притянуло золотистые светящиеся облака непривычно низко – клубившиеся обычно в недостижимой высоте, сейчас они опустились чуть ниже вершин двух утесов.

Свет, истекая сквозь арку, рождал сказочный, фантастический пейзаж. Черный островок парил над океаном огня, исполинские золотые лучи уносились ввысь, ключья пылающих облаков скользили по скалам, будто застывшие в вечности искры Вселенского костра. Пораженная мышка подняла взгляд – лишь изредка доводилось ей видеть Свод прежде, скрытый обычно клубами золотого тумана.

Но сейчас, в лучах изумительного света, глазам открывалось поистине грандиозное зрелище. Усыпанный блестящими кристаллами Свод отражал огонь туч мириадами точек, он словно исчез, расплавился в сиянии. От горизонта до горизонта, сводящей с ума полусферой висела Бездна, сотканная из пламенных искр!

Мышка попятилась, ухватилась за байк. Они с подругой надолго погрузились в молчание, не в силах насытиться сказочным иллюзионом.

– Я буду жить вечно, – шепотом сказала мышь, ее сердечко судорожно трепетало. – Клянусь, я буду жить вечно. Как можно потерять... Все это...

Воспоминание угасло столь же неожиданно, как возникло. Испуганная Орби вновь была дома, уютно свернувшись перед экраном компьютера, где темнела зловещая картина давным-давно скончавшегося живописца. Теперь она понимала, что сходство имелось лишь отдаленное, но зрелище из памяти продолжало оставаться все столь же ярким, поразительным и красивым.

– Мое небо другое... – с трепетом прошептала Орби.

Глава 6

– Не верю!

Тектор в ярости отбросил кипу бумаг и ударил себя хвостом:

– Не верю! Это глупость!

– Ты сам видел расчёты... – тяжело сказал седой сарк с необычными зелёными глазами.

– Свод не может рухнуть. Он простоял более миллиарда циклов!

– Не забывай: мы только думаем, что Своду миллиард циклов. Письменная история насчитывает всего тысячу.

Тектор резко прижал уши и оцетинился:

– Мистар, толщина скального основания Свода доходит до двухсот километров, – заметил он, стараясь говорить спокойно. – Общая протяжённость известной части более семи тысяч! Как может рухнуть такое грандиозное образование?!

– Ты только что прочитал, как! – сурово ответил капитан. – После выхода в Космос, представления о мире сильно изменились, Тектор. Стоциклия мы жили как звери, не задумываясь об окружающих чудесах – а между тем, само наше существование сродни чуду. Свод, который предки считали Вселенной, оказался лишь группой огромных пещер. Наш мир – просто точка на невообразимого размера планете, и весь массив скал, внутри которого мы живём, расположен на маленьком островке. Мы только начинаем познавать мир! А мир не будет прогибаться под нас, Тектор, мы им больше не управляем. Мы пылинка в бесконечности.

Инженер помолчал.

– Что же ты предлагаешь?

– Мы должны исследовать поверхность острова и океан вокруг, – мрачно сказал Мистар. – Экспедиция не вернётся обратно. Мы построим постоянную базу, впервые используя для этой цели местные ресурсы. Задача – изучить возможность всеобщего переселения на поверхность.

Тектор едва не задохнулся:

– Что?!

– А чего ты ожидал? – Мистар прищурил глаза. – Или ты тоже желаешь установить на поверхности батарею лазеров и спокойно ждать, пока Свод рухнет нам на головы?

– Но наш мир?! Наши города, заводы и рудники, поля и водоёмы?!

– Если Свод рухнет, мы всё равно лишимся этого.

Мистар ударил хвостом:

– Города можно построить, Тектор. Оживить погибший народ нельзя.

Инженер запнулся.

– Но... но...

Капитан потерся носом об его плечо.

– Я понимаю, в каком ты сейчас состоянии. Этот метеорит разрушил не только скалы, он разрушил весь наш мир. Но мир не погиб, Тектор. Мы живы и способны бороться. Даже при самом неудачном исходе Свод простоят ещё много циклов, за это время мы должны покинуть пещеры и построить новые города на поверхности планеты.

Он встал с ковра.

– Сегодня новички будут осваиваться и знакомиться друг с другом. В начале следующей смены начнется подготовка в космическом секторе. До старта менее ста смен... Сделать из обывателей космонавтов за сто смен... – покачивая головой, Мистар невесело добавил: – Скоро мы все станем космонавтами.

Он подошел к двери. Обернулся.

– Если в городе остались дела, заверши их сегодня. И попрощайся с семьей.

– Прощаться?.. – растерянно спросил Тектор.

Капитан кивнул.

– Все космонавты прощаются перед стартом. Никогда не знаешь... – он

запнулся, тяжело вздохнул и вышел из комнаты, оставив потрясенного Тектора наедине с ужасом.

Довольно долгое время тот молча, потерянно сидел на ковре, глядя на разбросанные документы. Куча бумаги, просто куча бумаги. Разве может кипа измятых листов погубить весь мир?!

– Я схожу с ума... – прошептал инженер. Крепко зажмурившись, он сдвинул руками уши и застыл, качаясь от потрясения. Перед глазами метались дикие, невозможные картины – Тектор обладал прекрасным воображением и мог представить катастрофу весьма ярко. Лучше бы его фантазия оказалась слабее...

Прошло немало времени прежде, чем инженер собрался с силами. Спускаясь по лестнице Космического управления, он смотрел на город – колоссальный, восхитительный, сверкающий металлом, усыпанный мириадами ламп, божественный мегаполис – и мозг просто отказывался верить, что ВСЕ ЭТО скоро погибнет. По улицам деловито сновали горожане, в прозрачных пневмотуннелях непрерывным потоком неслись транспортные капсулы, высоко среди небоскребов сказочными светлыми стрелами мчались магнитопланы и грузовые поезда, а еще выше, там, в дымке под самым Сводом, привычно клубились золотистые светящиеся облака. Тектор уже бывал там, в поднебесье – несколько циклов назад конструктора крупнейшего в мире автономного заплатоукладчика пригласили разделить целую смену с его пилотами, и смена запомнилась двояко: невероятным чувством свободы, рожденным чудовищной высотой, и непереносимым страхом, леденившим кровь всякий раз, когда многотонный заплатоукладчик открывал от скал одну из ног и долгие секунды покачивался над бездной...

В тинке было тихо и спокойно. Тектор поймал себя на мысли, что такое надёжное место никогда не подведёт. Здесь просто смешно думать о конце света! Инженер зашипел сам на себя: именно такой подход привел к гибели древний город Динсан на Восточной Равнине. Жители не верили данным о неустойчивости грунта, пока в один ужасный день половина города не рухнула им на головы. Погибли столькие, что отмеченный кровью мегаполис восстанавливать не стали. Теперь в развалинах живут ренегаты...

Дверь бокса 39-56-9 была закрыта. Тектор тихо постучал.

– Ты? – Лиаз выскочила в коридор и потёрлась носом об нос мужа. – Что случилось?

– Дети спят?

– Все, кроме Текстара. Он занимается.

– А где Фиала?

– У подруги, на девятнадцатом этаже.

Тектор вздохнул.

– Лиаз, я зашёл предупредить. Меня долго не будет в городе. Очень долго.

Самка встревожилась:

– Куда ты уезжаешь?

– Меня выбрали в экспедицию, Лиаз.

Она пискнула от неожиданности.

– В Космос?!

– Да, – Тектор ласково гладил подругу, стараясь успокоить. – Не волнуйся. Это не опасно, просто занимает много времени...

– Как не опасно?! Ты забыл, что Третья экспедиция исчезла?! Погибло тридцать космонавтов!

– Это было давно.

– Всего шесть циклов назад!

– С тех пор посылали четыре корабля, и все удачно вернулись.

Лиаз вцепилась в мужа:

– Нет! Ты не должен лететь, пожалуйста! В Аретисе много специалистов, тебе найдут замену...

– И я на всю жизнь останусь никем, – тихо сказал Тектор. Лиаз вздрогнула всем телом.

– Я знаю об опасности, – инженер вздохнул. – Но я обязан. Ты даже представить не можешь, сколь многое зависит от этой экспедиции... – он нежно потёрся носом о нос подруги. – Я вернусь, Лиаз. Обязательно вернусь. Передай детям – их отец вернётся.

Она тонко пискнула:

– Передам... Тектор, ты словно улетаешь навсегда...

Он помолчал.

– В каком боксе Фиала? Я хочу попрощаться и с ней.

Лиаз улыбнулась сквозь слёзы.

– Ты всегда любил нас одинаково.

– Я ещё не умер... – Тектор подмигнул.

– Она в 19-90-5-ом.

Инженер ещё пару минут не уходил, пожирая глазами двери в бокс. Затем, не сказав ни слова, направился к лифтам. Но, даже когда он скрылся из виду, Лиаз продолжала смотреть ему вслед.

К концу смены Тектор подошёл к широкой лестнице в Космическое Управление, сжимая в зубах чемодан и с трудом подавляя страх. Здесь уже собралась небольшая группа, один низкорослый черный казался странно знакомым...

– Приветствую!

– Айнук? – удивился Тектор.

– А как же. Один из биотехнологов экспедиции! – Айнук весело хлопнул его по спине. – Говорил же, мы еще встретимся!

Знакомое лицо, как хвостом, сняло напряжение. Заметив это, черный улыбнулся ещё шире.

– Знакомься, – он указал Тектору на одного из собравшихся и произнес с глубоким уважением: – Психолог нашей экспедиции, главный помощник капитана, первый в ранге, Мун.

Первый в ранге! Тектор вежливо перебрал ушами.

– Здравствуй, уважаемый.

– Рад видеть тебя, Тектор, – Мун выглядел старым. Его ярко-белая шерсть уже утратила блеск, попадались и седые волоски. Как все первые в рангах, Мун не носил браслета. Его шею украшало тонкое стальное ожерелье, похожее на свёрнутую в кольцо решётчатую ферму моста... Тектор потряс головой. Он так привык мыслить мостами и конструкциями, что даже в декоративной цепочке видел знакомые формы.

– Идем, я покажу корабль, – с улыбкой предложил Мун.

– Как? Он уже построен?! – растерялся инженер.

– Экспедиция готовилась дольше цикла. Падение метеорита лишь поменяло

цель, мы всё равно собирались стартовать через сто – сто двадцать смен...

Поднявшись по лестнице следом за Муном и предъявив браслеты у дверей, все направились к лифтам. В здании Управления царила полная тишина, тихий гул двигателей, где-то под полом, ее лишь подчёркивал.

– Корабль называется "Титановая гордость", – начал Айнук, пока лифт скользил вниз. – Как понимаешь, он построен с учётом опыта семи экспедиций. Экипаж только двадцать шесть сарков, поскольку всё остальное пространство занимает груз оборудования для сборки базы.

– В этот раз мы впервые высадимся на поверхность, – добавил Мун. – Для передвижения по острову необходимы мощные вездеходы, мы везём два таких, позже они станут энергостанцией для базы...

Тектор во все глаза смотрел сквозь прозрачные стенки лифта. Внизу простирался залитый ярким голубым светом зал, полный специалистов и техники.

– "Титановая гордость" – первый в мире корабль, снабжённый фосфорным реактором, – гордо сказал Айнук. – Топлива хватит на полтора цикла непрерывного движения, не говоря уж о мощности и компактности двигателя. Кислород и питьевую воду мы добываем прямо из космического пространства, запасы пищи огромны. А вездеходы питаются от полимерных аккумуляторов, которых хватает на восемь смен. Затем, всего за полсмены, аккумуляторы перезаряжают в корабле.

– Потрясающе! – Тектор едва дождался открытия дверей. – Значит, экспедиция почти автономна? – спросил он Муна, дрожа от волнения. Старый ученый бросил задумчивый взгляд на инженера и огладил усы.

– Да, – ответил он после паузы. И все умолкли, отдавая дань триумфу техники.

Корабль был назван "Титановой гордостью" не только за основной материал своей обшивки. Он был воистину огромен. Триста метров обтекаемого сигарообразного чуда. Тысячи тонн сверкающего металла, четыре мощных винта на корме, стреловидные крылья, хромированные рулевые плоскости... Общее ощущение стремительности и совершенства. Тектор потерял дар речи, он мог только смотреть и внимать.

– Обрати внимание сюда, – Айнук указал на два сигарообразных поплавка по концам крыльев. – Электростатический движитель. Винты отжили своё время, и

оставлены только для непредвиденной ситуации. Главный двигатель – совершенно новое изобретение. Он использует удивительный эффект космической воды: когда через сверхмощные обмотки пропускают ток очень большой силы, вода начинает вести себя подобно ротору линейного электродвигателя. Таким образом, мы достигли вековой мечты машиностроителей: двигатель без движущихся частей.

Айнук светился гордостью за свой корабль, и Тектор полностью ее разделял, хотя пока видел "Титановую гордость" только снаружи. Однако, тут он заметил нечто странное:

– Айнук, секунду. Что это за механизмы? – Тектор указал на две короткие трубы, зиявшие снизу под каждым крылом. Трубы крепились шарнирно и подозрительно напоминали...

– Пушки, – спокойно ответил Айнук.

– Пушки?!

– Пушки, торпедные аппараты – их можно назвать как угодно.

– Но зачем?

– Для обороны от чудовищ, – совершенно серьёзно сказал Айнук. – Тектор, в Космосе есть жизнь. И когда ты увидишь хоть одно космическое животное, ты спросишь: почему всего четыре пушки.

– Пробоина! – крик ударил по нервам, словно хлыст из вольфрамовой проволоки. Завыли сирены, над дверью включилась красная мигалка. Тектор вскочил. Так. Главное – соблюдать спокойствие... Инженер стремительно подошёл к телекому:

– Отсек 17, течи нет.

– Немедленно надеть скафандры! – загрохотали динамики. – Эвакуация корабля! Немедленно!

Тектор бросился к шкафу. С тихим шелестом раздвинулись двери, на руки инженера упал серебристый космический комбинезон.

"Левую переднюю, правую заднюю, хвост, правую переднюю, голову, левую заднюю, застегнуть..." – баллончик со сжатым воздухом продувал скафандр изнутри, облегчая процесс надевания. Тектор застегнул комбинезон и схватил с полки шлем. Надеть, защёлкнуть, опустить забрало, вынуть из шкафа баллон с жидким кислородом. Запас на два часа.

– Отсек 17, скафандр надет, – проговорил Тектор. Сквозь шлем ответ прозвучал глухо:

– Отсек 17, третья капсула!

В коридоре ровно горели лампы дневного света. Тектор бежал по металлической палубе, припоминая инструкции.

"Спасательные капсулы предназначены для семи космонавтов в скафандрах. Каждая капсула может выдерживать давление до 1000 атмосфер... Декомпрессия не требуется..."

Первая!

"Эвакуация должна происходить в строгом порядке, без следов паники или..."

Вторая!

"Помните, мест достаточно для всех, никто не останется на гибнущем корабле..."

Третья! Тектор ожесточённо дёрнул на себя люк. Не открывается. Он потянул изо всех сил – безуспешно. Попытался повернуть штурвал гермозамка: заклинило! Тектор вздохнул.

"Спокойно..."

Он подбежал к телекому:

– Рубка, это Тектор! Люк в третью капсулу заклинило!

Молчание.

– Отвечайте!

Молчание. Тектор вернулся к люку.

"Думать!"

Осмотрел штурвал. Попытался повернуть его в одну сторону, затем в другую. Зашипел и сорвал с пояса алмазную дископилу.

Два коротких штриха крест-накрест в правой половине люка. С трудом отогнув

горячий металл, Тектор вонзил диск пилы в кабели и закоротил их попарно. Полыхнула синяя вспышка, дверь отъехала в сторону.

Он ворвался в шлюзовую камеру и с ходу прыгнул в капсулу. На сей раз люк открылся нормально. Тектор упал в кресло, молниеносно пристегнул ремни и нажал кнопку таймера.

– Девять минут!

Двери тренажёра раскрылись.

– Тектор, ты утонул две минуты назад, – сказал Айнук.

Инженер вздохнул.

– Я не ждал, что люк будет сломан...

– Он не был сломан, – в камеру протиснулся громадный рыжий космонавт со смешными ярко-белыми кисточками на ушах. – Тектор, я сто раз говорил: если дверь не открывается, значит, она закрыта!

– Пронк, что я мог подумать?

– Ты не мог. Ты БЫЛ ОБЯЗАН подумать, что распределяющий из рубки ошибся, когда направил тебя в третью капсулу.

Айнук добавил:

– Вспомни, ты пробежал мимо двух дверей. Третья – самая дальняя от твоего отсека. Тебя не могли направить в неё.

– В результате ты уничтожил семерых, когда взломал шлюзовую камеру. Третья капсула была полна и готовилась к старту. Вот почему дверь не открывалась.

Тектор поджал хвост и понурил голову:

– Позор мне...

Пронк улыбнулся.

– Не унывай, инженер. Показатель в девять минут – совсем неплохо для новичка.

– Я никогда не стану космонавтом, – мрачно сказал Тектор.

Айнук помог ему снять скафандр.

– Ты быстро учишься. Не волнуйся, до старта ещё целых двенадцать смен... – черный подмигнул и добавил: – Честно говоря, нормативы сильно завышены. Коли корабль получит такую пробоину, что утонет за семь минут, вряд ли кто уцелеет... Но

все же, так, к слову: если капсула занята, на двери горит красный сигнал.

Пронк рассмеялся:

– Может, станет легче, если я скажу, что из двенадцати новичков только Куэнг учится быстрее тебя?

– Да? – инженер невольно улыбнулся. – Рад за него. А кто же на другом конце?

– Дихтис, – ответил Пронк. – Целых пятнадцать минут, вдобавок он регулярно забывает герметизировать прокладку скафандра.

– Но он стар. А я...

– Молод и здоров! – рассмеялся Айнук. Он хлопнул Тектора хвостом по спине.

– Пошли, познакомлю с новым членом команды, прошлой сменой доставили.

Он тоже новичок в космосе, а раньше был смотрителем магнитной дороги. Вы с ним будете работать в паре.

Тектор встрепнулся:

– В паре?

Айнук улыбнулся.

– Все специалисты разделены по группам в соответствии с заданием, которое им назначено. Ты инженер, на тебе строительство базы, так что твоим напарником станет разведчик. Вместе вы подыщите удачную, безопасную и стратегически выгодную стройплощадку.

Тектор кивнул с легкой неуверенностью.

– Понимаю...

– Идем, – друг поманил его к трапу. – В зал собраний.

Они выбрались из тренажерного комплекса и быстро прошли к лифтам. Зал собраний находился на девятом этаже Управления, там регулярно собирались новички для очередных лекций Мистара. Но сейчас в зале никого не было, и Тектор удивленно оглянулся на Айнука.

Тот кивнул:

– Скоро придет. Ты пока располагайся, выпей стикса...

Несколько минут царил тишина, Тектор обеспокоенно переводил взгляд с Айнука на дверь и обратно. Наконец, из коридора послышался торопливый перестук, словно кто-то бросал на металл стальные шарики, створки дверей раздвинулись и в зал

вошел удивительный зверь. Инженер едва не проглотил язык.

Размерами зверёк слегка уступал Тектору, но из-за гигантских ушей казался гораздо выше. Изыщный, хрупкого и грациозного телосложения, он был начисто лишён хвоста; тело покрывал короткий, очень гладкий и блестящий рыже-бурый мех. Ноги казались совсем коротенькими и кривыми, но обладали мощными, опутанными мускулами пальцами с загнутыми крючком когтями. На симпатичной курносой мордочке отражалось любопытство и опасение, однако Тектор смотрел не туда. Его поразили верхние конечности зверя.

Их не было. То есть были, но ничем не напоминали лапы любого из виденных Тектором существ. Прямые, тонкие, они заканчивались чудовищно длинными пальцами – указательный по длине превосходил всё тело. А между пальцами и туловищем, во весь рост зверька, шелестело что-то, напоминавшее тёмно-серую ткань, будто невероятное существо натянуло тонкий плащ с завязками на плечах и ступнях.

"Словно морской скат!" – родилась мысль.

Когда удивление отпустило, Тектор обратил внимание на другие особенности. В первую очередь его внимание привлекли длинные острые когти, венчавшие каждый палец; инженер раньше лишь раз видел позвоночных с когтями. В палеонтологическом музее.

Зверёк чуть подвинулся вперёд и смешно склонил голову набок. Голова у него была большая, с выпуклым лбом и вздёрнутым плоским носиком. Маленькие черные глазки совсем не соответствовали чудовищным треугольным ушам, каждое из которых было раза в два больше всей головы. На концах ушей торчали кисточки, раковину защищала тонкая бахрома серых волосков.

– Знакомься, это Фтимар, наш разведчик, – сказал Айнук. – И закрой рот.

– Фтимар?.. – только и сумел выдавить Тектор.

Зверек на всех четырех проковылял в комнату и уселся на ковер, обернув вокруг себя верхние конечности, будто плащ.

– Был несчастный случай, – сказал он вполне обычным, слегка хриловатым голосом. – Мой мозг пересадили в это тело. Уникальная операция.

Тектор судорожным усилием воли взял себя в руки и даже сумел дернуть ухом, надеясь, что жест правильно истолкуют.

– А-а-а... Прости... Не ожидал... – пробормотал он. – Айнук, мне потребуются объяснения!

Черный кивнул:

– У вас впереди двенадцать смен, знакомьтесь друг с другом. Но помните, после старта свободного времени не останется. Все вопросы решайте заранее.

С этими словами он вышел из зала. Тектор со Фтимаром остались наедине и некоторое время молча глядели друг на друга.

– Не надо, – сказал наконец Фтимар. – Я пойму.

Тектор сильно вздрогнул.

– Что?

– Не надо делать вид, будто все в порядке, – объяснил крылатый.

Тектор запнулся.

– Я... Мне очень жаль.

– Мне тоже, – Фтимар с сухим шелестом передернул крыльями. – Но искать хорошее надо всегда и везде. Я могу летать, вижу в полной темноте, а уши работают как локаторы, даже сквозь стены... – он склонил голову набок. – Твое имя Тектор? Из какого ты ранга? Я прежде состоял в Тор'ранге и в детстве знал одного Тектора, мы дружили в тинке.

– Что?! – потрясенный инженер отпрянул всем телом и ошетинился в шар. – Фтимар! Так это ты?! О твоей смерти передавали в новостях в день падения метеорита, я так скорбел... А ты... Оно... Как... – утратив дар речи, Тектор бессильно сел на хвост. Фтимар горько улыбнулся.

– Надо же... Вот так встреча, – он отвел взгляд, помолчал. – Когда меня растерзал каменный скорпион, доктора решились на фантастическую операцию. Шансы на успех были столь малы, что в рангцентр даже не стали сообщать, что я пока жив. А потом... Я уже и сам не хотел.

Пораженный Тектор недоверчиво смотрел на старого друга.

– Семья? – заикнулся тихо.

– Они не знают.

– Почему?

В крохотных черных глазках Фтимара было трудно читать эмоции.

– Потому, что я больше не сарк, – ответил он после долгой паузы. – Я ничего не могу им дать, кроме горя. Скоро я разучусь даже говорить... – Фтимар тронул кончиком крыла свое горло. – У этого тела мощная регенерация, и голосовые связки будут отторгнуты. Уже сейчас мне причиняет боль каждое слово.

Он опустил голову.

– Я рад нашей встрече, Тектор. Она... Могла бы состояться и при лучших обстоятельствах, но... Помнишь, о чем мы мечтали в тинке?

– Стать космонавтами, – горько отозвался инженер. Фтимар развел крыльями, породив легкий ветерок:

– Видишь, не так все и плохо.

Они умолкли и долго смотрели друг на друга. Наконец, крылатый разведчик прервал тяжкую паузу:

– Я совсем новичок в вашей команде, – вздохнул он. – Все прочие готовились почти сотню смен, меня же доставили вчера.

– Почему? – удивился Тектор.

Фтимар пожал крыльями.

– Был слишком слаб после операции. Учился летать.

– Летать? – недоверчиво переспросил Тектор. – Я думал, в первый раз ты оговорился. Летать?! То есть, ты способен к антигравитации?!

Разведчик улыбнулся, продемонстрировав впечатляющие клыки.

– Нет. Я летаю, как скат, только он парит в воде, а я в воздухе... – Фтимар рывком развернул одно крыло, Тектор даже отпрянул. Прижал уши.

– Но как можно отталкиваться от воздуха?! – потрясенно спросил инженер. – Воздух, он же... Воздух!

Фтимар вновь закутался в крылья и грустно улыбнулся.

– Не знаю. Я просто умею летать.

– Значит, ты можешь взлететь к Своду, к пробойне от метеорита?!

– Сил не хватит, – коротко отозвался крылатый.

Тектор возбужденно встопоршил шерсть:

– А вдоль скал? С альпинистским оборудованием? Закрепляясь для отдыха?!

Фтимар опустил голову, помолчал. Затем медленно раскрыл второе крыло.

– У меня нет рук, – сказал он негромко.

Тектор чуть не подавился и молча сел на ковер.

– Прости, – выдавил он после долгой паузы.

– Ничего, – Фтимар вновь завернулся в крылья. – Айнук сказал, мы будем работать в паре. Ты стал инженером?

– Да, – Тектор вздохнул. – Работаю главным конструктором завода «91»

– Ого! – Фтимар смерил друга уважительным взглядом. – Неужели это ты проектировал «Мост Технологии» в шестом домене?!

– Э-м-м... – немного растерявшись, инженер смущенно кивнул. – Не я один, конечно, моё конструкторское бюро. Но... В целом, да, я.

Фтимар в восхищении клацнул пастью:

– Здорово! Я всегда верил, что ты добьешься успеха. Ты уже в тинке твердо знал, чего хочешь, шел к мечте вопреки трудностям и вот, ты космонавт! А я... – он отвел глаза. – Я так и не успел подняться выше смотрителя магнитки.

– Но ведь и ты теперь космонавт, – мягко напомнил Тектор. Разведчик гневно мотнул головой:

– Не по заслугам! Все это случайность. На моем месте мог оказаться любой сарк, попавший в такую же беду.

– Но оказался ты, – Тектор тепло улыбнулся. – Незачем гадать, что было бы, если. Мы космонавты, Фтимар! Детские мечты сбылись! – он запнулся и, нехотя, добавил: – ...хотя, как ты выразился, могли бы сбыться и при лучших обстоятельствах.

Они помолчали.

– Итак, ты разведчик... – Тектор с сомнением почесал за ухом. – И должен будешь с воздуха выбрать место для постройки базы...

– Угу.

– Но площадку для строительства не так просто найти, как кажется. Свойства грунта должны строго соответствовать задаче, нужны геологические изыскания и глубинные пробы. Иногда снаружи все кажется идеальным, а на глубине в пять метров – болото...

– Потому-то мы и станем напарниками, – улыбнулся Фтимар.

Тектор нерешительно улыбнулся в ответ, но тут двери с шелестом разъехались

и в зал стремительно вошел Мистар. При виде капитана, инженер и Фтимар вскочили с ковра.

– Познакомились? – весело спросил Мистар. – Фтимар, рад тебя видеть в команде! Тектор, как продвигаются тренировки?

Инженер вздохнул.

– Могло быть и лучше, капитан. Много лучше...

– Забудь, – Мистар махнул хвостом и опустился на ковер. – Эти нормативы гриба гнилого не стоят, с реальностью у них так же много общего, как у меня с самкой.

– С самкой? – не понял Фтимар. Капитан рассмеялся.

– Ну да. Вроде все то же, но как приглядишься... – он подмигнул смущенным космонавтам и, резко сменив тон, перешел к делу:

– Садитесь. Фтимар – расскажи то, что я говорил тебе в клинике об организации экспедиции. Тектор – слушай и запоминай, раньше ты этого слышать не мог.

Крылатый робко кивнул.

– Ну...

– Никаких "ну"! – резко оборвал Мистар. – Говори четко, быстро, по делу. Ты в космосе!

Фтимар вздрогнул.

– Да, капитан. Простите.

– Еще раз!

Крылатый с трудом кивнул.

– Организация экспедиции. На первом этапе корабль погружается в море до глубины семисот метров, где находится туннель в космос. Мы плывём по туннелю, пока не выйдем в Мировой Океан. С этого мига мы в космосе. Корабль всплывает на поверхность Океана и отмечает местонахождение туннеля маяком.

– Дальше, – приказал Мистар.

– Затем мы движемся в направлении гипотетического острова...

– Стоп, – капитан вскинул руку. – Фтимар, остров не гипотетический.

– Но его же никто не видел, – робко вставил Тектор.

– Видели, – возразил Мистар. – Я сам видел. Мы не могли высадиться, поскольку не имели вездеходов, да и корабли были совсем крохотными по сравнению

с "Гордостью".

Фтимар подался вперед:

– Капитан, почему погибла третья экспедиция? – спросил он внезапно.

– Она не погибла, а исчезла.

– Не вижу особой разницы...

Мистар вздохнул.

– Я тоже, – признался он. – Но капитаном той экспедиции был мой сын.

Фтимар и Тектор разом отпрянули.

– Прости... – после паузы сказал крылатый. Мистар коротко кивнул:

– Прощаю. Дальше; что мы делаем, когда высаживаемся на остров?

– Собираем вездеходы и отправляемся на разведку, – отозвался Фтимар. –

Исследовав побережье и подобрав место для базы, десять космонавтов начинают её строить, в то время как "Гордость" отправляется обратно за следующей партией материалов.

– Что делаешь ты?

– Именно я выбираю место для будущей базы, – крылатый вздохнул. – С воздуха. И я останусь там, когда корабль отправится домой.

– Вы с Тектором оба останетесь, – уточнил Мистар. – Далее. Что ты делаешь, если корабль гибнет на обратном пути?

– Зависит от обстоятельств. Если мы видим, как погиб корабль, или получаем сигнал бедствия, то немедленно замораживаем строительство базы в пользу оборонного периметра. Тем временем я в одиночку лечу в глубину острова, взяв с собой только ретранслятор для дальнобойной рации.

– Зачем ты это делаешь?

– Я должен найти пробоину от метеорита и проникнуть сквозь неё в пещеры, чтобы сообщить о гибели корабля... – Фтимар запнулся, но добавил: – ...и вернуться за оставшимися на новом корабле.

– Далее. Что, если проходят смены за сменами, а корабля нет?

– Я жду корабль на базе. Сто шестьдесят смен. Затем беру ретранслятор и дальше без изменений.

– Далее. Что, если корабль гибнет по пути к острову, но тебе за счет крыльев

удаётся спастись?

Фтимар бросил короткий взгляд на Тектора.

– Я лечу домой сквозь пробойну и сообщаю о гибели экипажа, – произнес он после запинки.

Мистар кивнул.

– С теорией ты справился, – он встал. – Тектор, все запомнил?

– Да, капитан, – глухо отозвался инженер.

– Отлично. Жду вас на борту завтра, – Мистар улыбнулся. – Начинается последний этап тренировок; следующие десять смен команда в полном составе проведет на корабле с задраенными люками.

– Десять смен? – переспросил Тектор.

– Генеральная репетиция, – ответил капитан. – Настоящее плавание не займет и смены, но мы должны заранее выявить слабое звено. Это касается не только техники, понимаете, о чем я?

Фтимар медленно кивнул:

– Понимаем....

– Вот и хорошо, – Мистар вздохнул. – Готовьтесь.

Отдав космонавтам честь, он стремительным шагом покинул зал.

Глава 7

Стоя на краю бездны, Элджи оглянулся, протянув воительнице лапку:

– Бежим!

– Пусть мыши бегут, – спокойно сказала Кира и столкнула его в пропасть.

От неожиданности мышонок успел только пискнуть, но тут сработал встроенный в скафандр акселерометр и за спиной с хлопком раскрылся парашют. Одолев растерянность, Элджи вцепился в стропы и направил полет к плоской цементной плите, торчавшей над подъездом.

Приземлился удачно, быстро скомкал парашют и прижался к стене дома.

Огляделся, переключив забрало в инфракрасный. Ночных хищников видно не было.

– Кира, прием... – позвал мышонок, принимаясь складывать парашют. Но в рации было слышно только шипение. Нервничая и дергая хвостом, Элджи закончил с парашютом и подполз к краю цементной плиты. Осмотрел двор. Голубой «Пежо» Тимофеевой стоял метрах в сорока, пожарной лестницы дом не имел. Добраться до крыши, где ждали спящие вороны, легче всего было бы по перилам в подъезде, но путь был отрезан группой людей, собравшихся вокруг кучи битого стекла под стеной. Подняв головы, все смотрели на разбитое окно пятого этажа, откуда доносились звуки ударов и мерцали лиловые вспышки.

По выражениям на лицах было понятно, что это обычные прохожие или соседи, услышавшие звон стекла. Один недоуменно тыкал в экран мобильного; мышонок вздрогнул, сообразив, что глушение его рации также мешало приему сотового сигнала. Значит, враг не знал частоты, на которой работала техника Элджи, и применял военные широкополосные глушилки большой мощности.

Черный мыш напряженно размышлял. Любая подобная военная техника обязана иметь «туннель» для экстренной связи и секретной службы охраны. Проблема в том, что частоты туннеля всегда строго засекречены и постоянно меняются по еще более засекреченному расписанию. Но сейчас у Элджи имелся мощнейший искровой передатчик – Кира! Каждая ее вспышка в квартире на пятом этаже дико «фонил» во всем радиодиапазоне, и достаточно дать сканирование...

Мышонок торопливо принялся за работу. Рации потребовалось около минуты, чтобы перебрать все доступные ей частоты, и – о чудо – Элджи внезапно услышал характерный треск разрядов. «Туннель» был найден!

Еще через несколько секунд рация на поясе Киры, после потери связи автоматически перешедшая в режим сканирования, поймала сигнал.

– Прием, прием, отвечай... – позвал взволнованный Элджи. Ответ раздался не сразу:

– Занята! – было слышно тяжелое дыхание воительницы. Элджи сглотнул.

– Я справился с глушением радио, – сообщил он невесело. – Связь восстановлена. Береги себя. Попытаюсь пробраться на крышу...

– Нет! – внезапно отозвался голос Киры. – Найди машину!

– Машину?!

– Такую, чтобы я могла управлять! До связи! – рация отключилась.

Растерянный Элджи моргнул. Найти автомобиль, которым могла бы управлятьмышь?! Но его разум уже заработал. Удивительные способности Киры позволяли ей чувствовать потоки электричества в проводниках и дистанционно посылать в них энергию. Значит, нужна машина с электроусилителем руля и электронным управлением двигателем... Без сложных систем сигнализации... Но как быть с тормозами? И замком рулевой колонки?

«У Насти был Пежо 307», вспомнил Элджи. Там как раз электроусилитель, а наличие ключей от машины избавит от большинства проблем. Но тормоза... Придется импровизировать!

– Кира, опасность, повторяю, опасность, – сообщил в рацию мышонок. – Не выводи пока Настю, во дворе люди.

Ответ раздался моментально:

– Ты нашел машину?

– Да, «Пежо» Тимофеевой, там электронное управление, – Элджи нервно дернул хвостом. – У всего, кроме тормозов. Пусть девушка заберет ключи от машины!

Из рации было слышно, как тяжело дышит Кира. На сей раз она отозвалась не сразу.

– С тормозами... Справимся... Ах ты гад! – внезапно рявкнула она и в окне на пятом этаже полыхнула особенно сильная вспышка. – Получил... Кажется, последний... – Кира с хрипом перевела дух.

– Пережги все провода, что ведут в квартиру! – с тревогой позвал Элджи. – Там могут быть шпионские камеры!

– Отлично... – в голосе воительницы звучали свирепые нотки. – Пусть смотрят! Слышите, вы?! – крикнула она громко. – Я, Валькирия из племени тагваров, бросаю вам вызов!

Элджи в страхе прижал уши:

– Что ты делаешь?! – пролепетал он. – Нельзя, чтобы люди видели наши способно...

– Хвостом! – прорычала Кира.

И тут, к полной неожиданности, из рации донесся чужой голос. Человеческий.

– Говорит майор Владимир Санников, – сурово чеканя слова, по-русски произнес незнакомец. – Вызываю разумную мышь по имени Эджернон. Мы знаем, где вы прячетесь, повторяю, мы знаем где вы. Ваши переговоры записывались с момента высадки на крышу здания. Ответьте немедленно, иначе...

– Что иначе? – жестко прервала Кира. – У меня тут целый взвод ваших оловянных солдатиков валяется без чувств. Хотите, чтобы я поджарила им мозги? Да не вопрос!..

– Кира! – Эджи с трудом пришел в себя. Его трясло. – Прошу, Кира. Успокойся... – он натужно перевел дух. – Майор Санников, говорит Эджернон. Позвольте нам скрыться и, клянусь, мы не причиним никому вреда. Мы просто хотим выжить!

Человек отозвался мгновенно:

– Я гарантирую вам жизнь и неприкосновенность, если вы немедленно сдадитесь.

Эджи чуть не проглотил язык. Но, пока его разум судорожно искал ответ, разговор продолжила разгоряченная, полная гнева воительница.

– Ты ведь сознаешь, что мы никогда в это не поверим? – резко спросила Кира. – Что за «неприкосновенность» ты сулишь зверю, ты, царь природы? Да вы еще не притащили сюда огнеметы только потому, что я держу за горло десяток ваших солдат!

– Вы нужны нам живыми, – коротко ответил Санников.

– На кой ***?

– Узнаете, когда сдадитесь, – майор повысил голос. – Повторяю в последний раз: сдавайтесь, и останетесь целы и невредимы. Спротивляйтесь, и будете уничтожены. Вот так все просто, раз-два-три, – добавил он внезапно. Кира на своем конце линии связи что-то невнятно пробормотала.

Эджи лихорадочно искал выход.

– Я был в вашей власти более месяца, а затем меня приказали убить, – сказал он, чтобы выиграть хоть немного времени. – Простите, товарищ майор, но сейчас перед нами не стоит выбор между жизнью и смертью; лишь между смертью мгновенной и отсроченной.

– С тех пор многое изменилось, – жестко ответил Санников. – Желай мы вашей смерти, вы были бы уничтожены в тот самый миг, как опустились на крышу. Даю пять минут на размышле...

– А я вам даю одну, – внезапно прервала Кира. – Слушай внимательно, человек. Сейчас мой друг Эджернон сядет на спину птице и улетит в неизвестном направлении. Если ему хоть как-то, хоть на миг помешают, я убью пять солдат, и мы начнем заново. Заложников отпущу, как только услышу от Эджи, что он в безопасности.

Она понизила голос и почти прорычала в рацию:

– А потом я выйду сама. Хотите говорящую мышь? Вы ее получите!

Ответа не было несколько долгих секунд, а затем рацию заполнил жуткий, полный боли вопль. Черный мыш в страхе вскочил: Кира!

– Хватит! – закричал Эджи – Прекратите! Прекратите!

Вопль стих, было слышно только хриплое, натужное дыхание. Его перекрыл ледяной голос майора Санникова:

– Больше предупреждений не будет. Эджернон, ты достаточно разумен, чтобы понять: тем же образом, как мы заманили вас в квартиру Тимофеевой, можно поджарить твоей подруге всю нервную систему. Считаю до пяти. Раз; два...

– Мы сдадимся! – воскликнул Эджи. – Только не причиняйте вреда Кире!

– Это зависит лишь от нее.

– Дайте нам десять минут, я уговорю ее сдаться, обещаю!

Долгая пауза.

– Десять минут?

– Не больше!

Еще более длительное молчание.

– Хорошо, у тебя есть десять минут.

Эджи, дрожа от страха, усилием воли взял себя в лапки.

– Кира, милая, очнись, – взмолился он в рацию. – Пришли птицу!

Воительница не отвечала.

– Кира! Прием! Кира!

Прошла минута, другая.

– Кира, родная, отзовись!

Тишина. Пропал даже шум дыхания. Элджи в отчаянии схватился за голову.

– Кира!

В жуткой тишине миновала еще пара минут, а затем, внезапно, рядом с мышонком на цементную крышу приземлилась ворона. Элджи вжался в стену.

– Кира?.. – с дрожью позвал он.

– Лезь под крыло, – угрюмо произнес усталый голос воительницы в рации. Черный мыш, с трудом, кивнул и подбежал к птице, но застыл, обратив внимание на слова Киры.

«ПОД крыло», сказала она. Не «на спину». Сглотнув, Элджи нырнул в вороньи перья, и едва сдержал вопль, увидев привязанную к птичьей лапе записку.

«Выбрось рацию и включи кислород» – было торопливо нацарапано на клочке бумаги. – «Жди там, где мы встретились впервые»

– Время вышло, – слова майора Санникова раздались как стук молотка судьи, объявляющего смертный приговор. Кира, сидевшая в ванной комнате с закрытыми глазами, глубоко вдохнула. Возбуждение от недавней битвы с солдатами слегка ослабло, к воительнице вновь возвращалась способность трезво мыслить. Сердечко бешено колотилось, от избытка адреналина ее немного трясло; Кира только сейчас начинала понимать, какую затеяла игру, и была как будто пьяна от странной смеси восторга и ужаса.

«Видеть» глазами вороны было непросто, но птица находилась так близко, что пока золотой мыш это удавалось. Картина – искаженная, с невозможно широким полем зрения – парила перед Кирой, будто огненные пятна в крепко зажмуренных глазах.

Она видела, как Элджи опустил забрало шлема и повернул краник на поясе скафандра. Подняв голову, он взглянул прямо на птицу и коротко кивнул. Кира

мысленно пожелала ему удачи.

Повинуясь телепатическому приказу, ворона схватила мышонка клювом, подбросила и проглотила. Воительница напрягла свои способности до предела, от нагрузки закружилась голова; с крыш соседних домов разом снялась воронья стая и спикировала во двор, принявшись дико метаться между зданиями. Спустя секунду, даже сама Кира потеряла в вихре черных перьев ту птицу, в чьем зобу спасался ее друг.

«Опасность! Прочь! Прочь!» – послала она мощнейший приказ, и вороны с пронзительным карканьем бросились врассыпную. Пара мгновений – и двор опустел. Кира с облегчением перевела дух.

– Не суди по росту о доблести, человек – сказала она в рацию.

Ответ от Санникова последовал не сразу.

– Это была ошибка, – произнес он наконец, стараясь подавить бешенство в голосе. Кира криво усмехнулась. Напрягая волю, она начала изменять свое тело: ноздри затянулись розовой кожей, на глазах появилось прозрачное третье веко, пальцы на лапах удлинились, между ними выросла перепонка.

– Мне, конечно, до Эджи очень далеко, – хрипло сказала золотая мышь. – Но и я «достаточно разумна». Прощай и молись, чтобы мы больше не встретились! – с этими словами Кира вскочила на унитаз и нырнула. В последние доли секунды успела ощутить новую радиоатаку, но едва вода сомкнулась над головой, вражеское воздействие исчезло.

Исчез и свет, однако Кира вызвала электролюминесценцию в сосудах, пронзавших ушные раковины, и в облаке призрачного сиреневого огня стремительно поплыла прочь. Фасонная труба из ванной быстро влилась в вертикальный канализационный стояк подъезда, по которому Кира скользнула на глубину, навстречу свободе. Соединительная ветка, поворот, поворот... Протиснуться сквозь омерзительный засор... Ветка из дома вела прямо в городскую трубу, минуя смотровые колодцы.

Оказавшись в главной сети канализации, Кира первым делом сняла пояс, где висела рация Эджи и другое оборудование. Техника, которую легко было отследить, с бульканьем пошла ко дну. Оставшись обнаженной, она минут сорок петляла по трубам, стараясь выбирать наименее очевидный маршрут. Наконец, когда засада

осталась далеко позади, воительница позволила себе вынырнуть. Некоторое время с опаской прислушивалась к ощущениям, но телепатической атаки не наблюдалось. Выбравшись из грязной воды, золотая мышь с омерзением отряхнулась, благодаря небо за то, что заросший кожей нос утратил обоняние.

Кое-как очистив шерстку, Кира побежала вдоль бортика, мимо бурлящего потока нечистот, пока не добралась до колодца к уличному канализационному люку. Взобралась по шершавой стене. Увы, люк попался нового образца, сплошной, без отверстия в центре. Придется искать другой выход...

Около часа потребовалось золотой мыши, чтобы обнаружить решетки ливневой дренажной системы и выбраться на поверхность земли. Юркнув в ближайшую щель, Кира вывалилась в песок, чтобы хоть немного уменьшить запах от грязной шерсти, и вновь изменила свое тело, приняв родной облик. Едва открылись ноздри, в них буквально ударила страшная вонь.

Мышка позволила себе лишь пару минут отдыха. Решетки, из которых она выбралась, находились у бордюра на довольно широкой и ярко освещенной улице; к счастью, стояла глубокая ночь. В отличие от Элджи, Кира не знала Зеленоград. Это могло стать проблемой, но в первую очередь требовалось решить другие, куда более важные вопросы...

Перебегая от укрытия к укрытию, мышка покинула залитые светом улицы и углубилась в мрачные, грязные щели между домами. Нащупала тусклое сознание ближайшего голубя. Птица попалась на редкость упитанная и крупная, что скорее всего означало наличие поблизости парка. Так и оказалось: с воздуха, радостная Кира заметила небольшой скверик.

Посадив голубя рядом с кормушкой для птиц, мышь с облегченным вздохом бултыхнулась в миску с водой. Долго и тщательно мылась, выскребая из шерсти последние следы отвратительной грязи. Наконец, когда даже ее чуткий нос больше не замечал вони, Кира отряхнулась и снова залезла голубю на спину. Повинуясь телепатическому приказу, тот стал набирать высоту.

В первую очередь следовало решить проблему с радио-атаками людей. Золотая мышь задумалась, пока птица взлетала все выше и выше. Создать сигнал, подавляющий их с Итаном волю, мог только тот, кто досконально знал анатомию и все

особенности детенышей НГ-90. То есть, академик Добронравов или... сам Итан.

Да, скорее всего, аппарат, который заманил Киру и Элджи в квартиру Тимофеевой, был действительно создан Итаном. Настя говорила, что «собирает какие-то штуки» находясь в полубессознательном состоянии; вероятно, так пыталось дозваться до Киры сознание Итана, в те недолгие минуты, когда ему удавалось потеснить разум девушки. С точки зрения человеческого психолога, состояние Насти напоминало тяжелейшую форму раздвоения личности, вот только вторая личность в ее разуме действительно принадлежала другому существу.

Значит, решение у проблемы с атаками имелось одно – аппарат следовало найти и уничтожить. Кира горько улыбнулась. Элджи, наверное, от такой мысли хватил бы удар. Он за минуту выдумал бы миллион способов, как защититься от изучения, не подвергая себя страшному риску; построил бы экранирующую схему, клетку Фарадея, напылил на шерстку радиопоглощающее покрытие от самолетов-невидимок, создал бы всегда заземленный скафандр или защитный шлем...

Да только где взять время?! Кира стиснула зубы. Элджи замечательный мыш, но иногда попросту нет ничего лучше грубой силы.

– Вот так все просто, друг, – прошептала воительница, направляя голубя обратно к девятиэтажке Тимофеевой. – Раз, два, три...

Помня, что крыша под наблюдением, Кира благоразумно посадила птицу на дерево в соседнем дворе и, несколькими прыжками, оказалась внизу. Юркнула под ближайший автомобиль. Быстро перебегая от машины к машине, обогнула дом и затаилась под шлагбаумом у въезда.

Во дворе Настиного дома стояло несколько машин «Скорой Помощи» с мигалками и большой черный фургон «ОМОН»-а. Группа полицейских в форме охраняли наскоро протянутую по периметру желтую ленту, вдоль которой за минувшие два часа столпилась куча народа. Но внимание мышки в первую очередь привлек черный «Гелендваген», который только что заехал во двор и остановился напротив подъезда. К людям, вышедшим из машины, как раз направлялись четверо мужчин, один – в военной форме.

Кира зажмурилась и мысленно «ощупала» двор. Найти удалось лишь парочку спящих воробьев; воительница поспешно разбудила одного и заставила спланировать

на крышу внедорожника. Отсюда, пользуясь органами чувств птицы, она могла и видеть, и слышать все, что происходит. Правда, искаженное зрение воробья не позволяло разглядеть лица в деталях, зато слух у него был хороший. А первые же слова заставили Киру забыть обо всем на свете.

– Кто сегодня дежурил? – свирепо спросил седой, высокий и тощий человек, приехавший в «Гелендвагене». Его спутник, плотный и широкоплечий, молча курил.

– Майор Санников, – мужчина в военной форме отдал честь. – Простите, что разбудили среди ночи.

– Не прощу, – сквозь зубы процедил новоприбывший. – Докладывайте.

– План с излучателем отлично сработал, обе мыши попытались проникнуть в квартиру Тимофеевой. К сожалению, поймать их не удалось, однако операция все равно может считаться успешной. С момента последней трансляции сигнала и до контакта прошло не более суток, теперь мы знаем примерное местоположение их логова с радиусом в четыре-пять километров. Туда уже отправлена поисковая команда...

Кира в укрытии чуть не задохнулась.

– Потери? – тем временем жестко оборвал седовласый.

– Все живы! – радостно отозвался Санников. – Эффект атаки был сравним с мощным тазером, никто в опергруппе не получил серьезных травм.

– Ну хоть что-то... – пробормотал седой. – Майор, какого хрена вы умудрились их упустить? Как, я спрашиваю?! Вам не было заранее известно, на что они способны? Вам не предоставили детальное досье в институте?!

Санников помолчал, опустив голову.

– Виноват, товарищ генерал. Сам знаю. Но, все же, осмелюсь обратить ваше внимание: в досье ничего не говорилось об электрических атаках и управлении птицами, лишь о высоком интеллекте и возможном использовании техники. Опергруппа была отлично подготовлена для ловли разумных мышей, никто не ждал что одна из них способна напрямую атаковать человека.

– Двенадцать человек, – сурово уточнил широкоплечий. Голос у него оказался сиплый, простуженный, выговаривал слова он нечетко, будто во рту не доставало зубов.
– Она так уже делала во время атаки на институт. Забыли?

– Никак нет, – вздохнул Санников.

Седовласый осмотрел двор, толпу зевак, кучу стекла у стены. Поднял взгляд на разбитое окно Настиной квартиры.

– Тимофеева уцелела? – спросил коротко.

– Да, товарищ генерал, но ее состояние критическое. Если в ближайшие часы ей не удастся поспать, боюсь, организм не выдержит.

– Отправьте ее в госпиталь вместе с опергруппой, – распорядился седой. – Здесь больше нечего ловить. Квартиру обыскать, затем подчистить следы. Свидетелей допросить, с каждого взять подписку. Все материалы допросов, вместе с записями камер наблюдения и стенограммой переговоров, подшить к делу и завтра мне на стол. Выполняйте.

– Так точно! – Санников отдал честь и, в сопровождении трех своих спутников, быстрым шагом направился к дому. Оставшись одни, седовласый и широкоплечий переглянулись.

– Как мы могли так облажаться? – вполголоса спросил генерал.

– Добронравов перестарался с НГ-90.

– Мышь управляет птицами! А если... Если и людьми?!

Широкоплечий покачал головой.

– Определенно, нет. Иначе она попросту натравила бы солдат друг на друга.

– Да... Наверное... – генерал стиснул кулаки. – Какие возможности! Мы и мечтать не могли о подобном, начиная проект.

– А теперь о вашей Пикачу знают американцы, – хмуро заметил широкоплечий.

– Журналист на первом же допросе расписал бы им умения этой электрической крысы.

– Пикачу? – генерал нахмурил брови. Его спутник издал неприятный, болезненный смешок.

– Не бери в голову, Виктор, мне просто по долгу службы приходится денно и ночью купаться в масс-культуре... – он помолчал. – События развиваются по худшему сценарию из мыслимых. Я не представляю, как их теперь ловить.

– Тимофеева им по-прежнему необходима, – возразил генерал.

– Но больше они в ловушку не попадут. Забыл, какие результаты демонстрировал мышонок в тестах? Да он, блин, умнее нас обоих.

– Это не помешало ему дважды совершить ошибку...

– Вот именно. Только идиоты не учатся на своих ошибках, а чертова мышь, определенно, не идиот.

Генерал помолчал, глядя как из подъезда на носилках выносят солдат и грузят в «Скорые помощи». Его спутник докурил сигарету и раздавил окурочек пальцами.

– Нужна приманка, – сказал он отрывисто. – На Тимофееву они больше не клюнут.

– А на что клюнут-то?

– Ты знаешь не хуже меня.

Седовласый вздрогнул и нахмурил густые брови.

– Исключено. Внедрить туда человека было сродни чуду, я не стану светить такого агента ради очень сомнительной перспективы изловить двух мышей, – он скрестил на груди руки. – Возможно, имеет смысл прекратить операцию. Мышонок провел в изоляции сорок лет, и никто даже не подозревал о его существовании, если сейчас они залягут на дно – нам потребуется еще сорок лет, чтобы их найти.

Широкоплечий глухо фыркнул.

– Ты забываешь о маленькой, но любопытной детали... – он понизил голос и произнес хрипло, с ненавистью: – Теперь у него есть самка.

Генерал усмехнулся.

– Добронравов сказал, НГ-90 совершенно стерильны и никогда не смогут дать потомство.

У Киры остановилось сердце. Широкоплечий, тем временем, покачал головой:

– Я не про электрокрысу. Третья мышь, самка, которую журналист приносил Лебедевой и позже потерял в посольстве.

– А-а, ты про ту из газеты... – седовласый задумался. – Черт, я про нее и забыл. Думаешь, они теперь вместе?

– А Солнце встает на Востоке и садится на Западе, – фыркнул его собеседник.

– Конечно вместе! Забыл, что они устроили в институте ради трупа НГ-90?

– Я находился там лично, – сухо ответил генерал.

Широкоплечий развернулся к нему лицом и сказал тихо, с напряжением в голосе:

– Виктор, я все понимаю. Ты прошел Афган и Чечню, обезвреживал резидентов в Кремле и внедрял разведчиков в Вашингтон, а сейчас ловишь мышей. Я понимаю, каково тебе. Но уровень опасности, с которым мы сейчас имеем дело, даже не красный, его попросту нет в протоколах. Это вторжение, Виктор – не фильм, не книга, не дешевый комикс. Вторжение. На кону судьба человечества в самом прямом смысле, не России, не Европы, даже не нации, а всех людей Земли.

Он вскинул руку и указал куда-то за горизонт.

– Американцы с их безответственностью и жадной наживы, поставили всю планету на грань гибели. Карибский кризис? Я тебя умоляю! Моя работа – следить, чтобы общество не знало о реально происходящих событиях, и уж поверь, я видывал ТАКОЕ, что, если б информация хоть где-нибудь просочилась... – широкоплечий рывком провел пальцем поперек горла. – О проекте «Грэхем» мы узнали уже в 50-х, но в обществе за все эти годы про него вспоминали лишь полоумные конспирологи, которым – разумеется – никто не верил. Знаешь, почему? Да потому, что в такое никто и не поверит. Черчилль говорил: «Народ легче убедить, что все континенты в другом полушарии затонули, чем в том, что колбаса через неделю подешевеет».

Он стиснул тяжелые кулаки.

– Так и сейчас. Все – даже ты! – привыкли ждать апокалипсиса от ядерных бомб, астероида, пандемии или супервулкана. Никто, даже ты, не воспринимает всерьез, что конец света облачен в мышиную шкурку и уже полвека обитает на крошечном атолле в Тихом океане...

Седовласый с легким удивлением склонил голову набок.

– Разошелся ты нынче, Митя. Сгущаешь краски. Да, разумные мыши. С какого перепугу конец света?

Широкоплечий скрипнул зубами.

– Американцы собираются снова включить башни. Через пять месяцев.

Генерал отпрянул.

– Нет!

– Да. Информация стопроцентная, источник прямой.

– Не верю.

– Я тоже не верил... – глухо сказал широкоплечий.

Они молча посмотрели друг на друга.

– Ладно, – с запинкой в голосе, сказал наконец генерал. – Ладно... Прекращать операцию пока не станем. Но даже не проси меня засветить агента в лаборатории. Это исключено. Ловить мышей будем сами, – он кивнул на подъезд, откуда как раз вынесли Тимофееву на носилках. – Вот наш козырь.

Широкоплечий покачал головой.

– Так себе карта.

– И похуже расклады бывали... – усмехнулся генерал. Поманив товарища, он зашагал к «Скорой помощи», куда грузили носилки.

Туда же, стелясь по асфальту от тени до тени, скользнула и Кира.

Глава 8

Их провожало не так много народу, как ожидал Тектор. Эшелон мощных тягачей две смены назад отправился к морю, таща за собой корабль – вот это было зрелище! Дорога буквально кишела зрителями, чудом избегавшими гусениц, камеры стояли через каждую сотню метров. Весь мегаполис провожал "Титановую гордость" в первый рейс... Где уж там невзрачному автобусу соперничать с громадным сверкающим кораблём.

Непонятно почему, Тектора очень задело подобное отношение. Он хмуро глядел сквозь стёкла на кучку провожающих, и странное чувство заставляло его сердце биться сильнее.

– Машины... – сказал он внезапно. Космонавты оглянулись.

– Машины, вот герои нашей цивилизации. Не мы... – Тектор сам не понимал, что на него нашло. – Мы живём в недрах громадного города, который всего лишь очень сложная машина. Машины следят за чистотой воздуха и домов, машины готовят нам пищу, машины ухаживают за нашими детьми и самками. Но ведь, на самом деле, это мы служим машинам. Мы придатки Города. Внутренние органы, необходимые, чтобы Город жил своей металлической жизнью под железобетонным небом...

Фтимар, который, угрюмо нахохлившись, сидел в кресле рядом с Тектором, криво улыбнулся. Мун в соседнем ряду бросил на инженера любопытный взгляд.

– Ты изменился, – заметил психолог. – Я с трудом узнаю испуганного обывателя, пришедшего к дверям Управления сотню смен назад.

– Он с тех пор слишком много узнал о мире, – глухо сказал Фтимар.

– Мир не так уж плох, – отозвался капитан Мистар. – Особенно тот, куда мы направляемся... – словно повинуюсь его словам, автобус плавно тронулся с места.

К морю добрались без приключений. "Титановая гордость" уже ждала их, величаво покачиваясь на чёрных волнах среди десятков кораблей всех размеров и классов. Толпы на берегах приветствовали космонавтов восторженными воплями, слегка улучшив настроение Тектора.

– Надо произнести речь, – заметил Мистар, когда все вышли из автобуса и тесной кучкой собрались на причале, ожидая, кто сделает первый шаг навстречу неведомому. Фтимар и Тектор держались рядом.

– Ты капитан, тебе и говорить, – усмехнулся Мун.

– Я не готовился.

– И правильно! – поддержал Муна Айнук. – Так будет естественней.

Сомнительно загнув хвост, Мистар вышел вперёд и забрался на обломок скалы. Гам вокруг слегка поутих; многие заметили капитана. Мистар поднял обе руки и хвост в жесте предельного внимания.

– Товарищи! – начал он. – Сегодня мы отправляемся в Космос седьмой раз за известную историю. Это подвиг нашего народа. Это ваш подвиг!

Он выслушал настороженные хлопки зрителей и добавил:

– Мы вернёмся в течение полуцикла, и внесём ощутимый вклад в науку. До встречи! – капитан спрыгнул на землю. Окруженные недоуменным молчанием, космонавты направились к катеру, пришвартованному у причала.

– Теперь я верю, что ты не готовился... – пошутил Мун. Мистар прижал уши:

– Я предупреждал.

– Это самая неподходящая речь из всех, которые я слышал в жизни! – возмутился второй биотехнолог корабля, Нойс.

Капитан весело улыбнулся.

– Мы спасители мира. Подходящих речей для нашего случая пока нет. Почему бы не принять мою за эталон?

Тектор с трудом подавил желание дико расхохотаться. Краем зрения он встретил острый взгляд Муна и внезапно сообразил, что Мистар попросту снял напряжение момента, обратив смертельно опасную экспедицию в шутку. Мун едва заметно улыбнулся, заметив понимание Тектора.

Космонавты следили, как приближается палуба "Титановой гордости", полностью погружённой в воду. Обтекаемая рулевая рубка напоминала спинной плавник громадной рыбы. Словно подслушав мысли Тектора, Айнук негромко заметил:

– Когда пятая экспедиция возвращалась, я видел на горизонте чудовище. Оно превосходило размерами "Гордость" более чем вдвое.

Все содрогнулись. Катер уже пришвартовался к борту, и космонавты перешли на палубу. Мистар вздохнул.

-Прежде, чем закрыть этот люк... – капитан указал на толстую стальную дверь в стене рубки, – Я хочу предупредить. Мы можем не вернуться. Космос необычайно опасен, и только чудо спасло два корабля из трёх, попавших в аварию. Шесть экспедиций – три аварии.

Он оглядел свою команду.

– Если кто решит повернуть назад – сделайте это сейчас. Мы поймём.

Молчание. Мистар в последний раз взглянул на берег с толпами провожающих, сумрачную Равнину, скалистый Свод и золотистые светящиеся облака.

– В машину, – просто сказал он. И они вошли.

– Тридцать минут, погружение нормальное.

Вся команда собралась в общем салоне, рассевшись по креслам. Айнук шёпотом объяснял Фтимару, что салон для одновременной работы – тоже

нововведение. В прежних моделях кораблей команда находилась в каютах во время старта, и это влекло за собой опасность.

– Почему?

– Потому, что никто не оставался в каютах, – улыбнулся Айнуk. – Все желали следить за стартом из рубки. Салон – уступка любопытству команды, необходимости в нём нет никакой. Но психология сарков не приемлет одиночества. Трудиться сообща, даже в космическом корабле – вот наш девиз.

– Верно, – вступил в разговор врач экспедиции, серо-черный Ортс 2. – Это наносит сильный удар гипотезе Тектора.

– Какой гипотезе? – удивлённо спросил инженер.

– О том, что мы служим машинам, – улыбнулся Ортс.

Напряжение чуть отпустило. Корабль совершенно плавно тонул в чёрной воде, рассеивая мрак мощными прожекторами на носу. Разговоры стихли, все смотрели на цветной обзорный экран.

– Сорок минут, погружение нормальное. – объявил Мистар. Никто не издал ни звука.

– Пятьдесят минут.

– Час.

– Один час десять минут, расчётная глубина достигнута.

Тектор перевёл дыхание. На экране смутно проступили чёрные скалы морского дна. Мистар развернул кресло к команде:

– Дно достигнуто без приключений, – не сказав больше ни слова, он повернулся обратно к пульту управления.

– Малый вперёд.

Скалы медленно поплыли навстречу. Прожекторы «Титановой гордости» неторопливо вращались по всем осям.

– Глубина семьсот десять.

«Сейчас там, снаружи, давление достигает семи атмосфер...» – подумал Тектор, невольно поёрзав в кресле и распушив серую шерсть.

– Стоп машины.

Слова были не нужны. Лучи прожекторов высветили в монолитной скале

зияющий чёрный провал, полный абсолютного мрака. Космонавты молча смотрели на туннель в Космос.

– Самый малый вперёд.

Корабль медленно двинулся к туннелю. Синеватые лучи света метались по скалам, выискивая рифы и опасные обломки. Сарки забыли о дыхании.

Казалось, чёрному туннелю не будет конца. Нагромождения скал, оплавленные камни и неровная форма свидетельствовали о вулканическом происхождении подводного канала.

– Малый вперёд, – скомандовал Мистар. Туннель стал гораздо шире, свет прожекторов терялся в воде. Корабль немного ускорил движение.

– Мы прошли самое опасное место Туннеля! – шепнул Айнук на ухо Тектору. – Сейчас прибавим ход.

– Средний вперёд, – приказал капитан, словно услышав биотехнолога. "Титановая гордость" беззвучно скользила в тёмной воде

Два часа спустя они довели скорость до крейсерской и немного расслабились. Плыть предстояло ещё девять часов. Откуда-то возникла доска для коллективных шахмат, большинство склонилось над ней. Остальные тихо разговаривали.

– Самое опасное место Туннеля – вход, – рассказывал Айнук. – Первая экспедиция нашла его случайно. Тогда, двадцать циклов назад, даже не предполагали, что Туннель ведёт прямо в Космос. В море испытывали новый подводный корабль, и капитан Мун...

– Мун был участником первой экспедиции? – прервал Фтимар.

– Мун участвовал во всех экспедициях кроме третьей, – серьёзно ответил Айнук. – И ходят слухи, третья не вернулась именно потому, что там не было Муна.

Тектор удивленно посмотрел на усталого психолога, задремавшего в кресле.

– Сколько же ему циклов? – спросил он тихо.

– Семьдесят пять, – шёпотом ответил Айнук.

– Ого...

Корабль чуть изменил курс, в мутном конусе света проступили контуры оплавленных скал. Космонавты подняли головы от шахматной доски.

– Свети сюда! – капитан резким жестом указал на экран. Второй пилот

мгновенно развернул прожектор.

– Что это такое? – недоумённо спросил Ортс.

– Похоже на газовый гейзер...

– Под водой?

– А может, начало извержения? – с тревогой спросил геолог Догмар.

– Нет. Я уже видел такое явление, – Мун со вздохом откинулся в кресле. – Перед нами образец космической жизни.

Тектор с трудом заставил себя закрыть рот.

– Но... Но как ЭТО может быть живым существом?!

– А это не существо, – пояснил Айнук. – Растение.

Растение удивительно напоминало застывший в неподвижности взрыв магмы. Гигантские... облака? листья? стволы? Тектору не хватало слов. Но одно он заметил ясно: в длину растение достигало не менее ста метров.

– И много подобных... экземпляров нас ждёт? – нервно спросил физик Дихтис 2, впервые участвовавший в экспедиции.

– Много, – ответил Айнук. – И далеко не таких безобидных.

"Гордость" уже оставила за кормой чудовищное растение, и продолжала плыть вперёд. Туннель расширился. Скалистые стены отодвигались всё дальше и дальше, пока внезапно не разошлись в бесконечность.

– Космос, – спокойно произнёс Мун. И Тектор ощутил жестокое разочарование. Он не мог отличить Мировой Океан от обычного, банального моря. Оставалось надеяться, что поверхность Космоса больше похожа на... Космос.

Тем временем послышался голос Мистара:

– Стоп машины.

И та самая команда, в ожидании которой Тектор дрожал по ночам.

– Подъём.

Корабль покачивался на волнах. В обзорном экране не было видно ничего, кроме безграничного Океана.

– Теперь слушайте меня внимательно, – психолог развернулся к экипажу. – Дихтис, Фтимар, Нойс, Тектор, Линг, Ронг, Тимак, Кариас, Ткаг, Зенар, Угрт и Мекаф. Вы впервые в Космосе, и есть одна деталь, которую никакой тренажёр никогда не сможет передать. Это масштабы. Вы должны уяснить, что Свода над головой НЕТ. Стен – НЕТ. Нет вообще ничего, кроме бесконечной плоскости Океана и бездонной пропасти неба. Не улыбайся! – резко добавил Мун, заметив выражение лица Нойса. – Когда я первый раз вышел на палубу, я потерял сознание. В тот раз лишь случайность спасла корабль.

– А случайность звали капитан Мун, – вставил Айнук. – Который заранее приказал команде выходить по одному.

– Айнук, это действительно была случайность, – сухо ответил Мун. – Я не знал, как действует на сарка вид Космоса. И не был готов.

На миг повисло тяжёлое молчание.

– Выходят по одному. В скафандрах. Пронк и Ортс, вы будете страховать. Пока весь экипаж не привыкнет к открытым пространствам, корабль не тронется с места.

Затем психолог повернулся к капитану:

– Мистар, сбрось маяк.

– Уже.

Мун вздохнул.

– Фтимар, иди за скафандром. Ты будешь первым.

...Фтимара принесли обратно Пронк и Ортс. Крылатый сарк находился в глубоком шоке, вся его шерсть стояла дыбом.

– Капитан, это очень опасно для психики? – спросил Тектор, напрасно пытаясь совладать с ужасом.

– Да, – коротко ответил Мистар. – Но выхода нет. Могу посоветовать лишь одно: НЕ СМОТРИ ВВЕРХ.

Тектор шёл вторым. Зрелище беспомощного, трясущегося Фтимара стояло перед глазами подобно видению, инженер дышал мелкими и частыми вздохами. Как его учили.

– Не бойся, – голос Айнука заставил его подпрыгнуть. Чёрный сарк погладил друга хвостом.

– В первый раз страшно, да. Но ты справишься.

– Я... постараюсь.

– Закрой шлем.

Щелчок.

– Смотри под ноги.

Металлический пол.

– А теперь держись.

Шипение гидравлики, и...

– Что это за шум?

– Волны Космоса, – ответил Айнука, полной грудью вдыхая запахи Океана.

Тектор упорно смотрел на свои ноги.

– Осторожно выходи.

Он вышел, трясаясь от страха и замирая от сознания собственной храбрости.

– Тектор, дыши глубоко. Положи руки на перила. Обе руки. Теперь медленно...

Медленно, я сказал! Поднимай взгляд.

Океан оказался вовсе не чёрным, как думал Тектор. Цвет волн напоминал глаза Фиалы, и это неожиданно убрало большую часть страха. Осмелев, сарк поднял голову и посмотрел вдаль.

Мозг несколько секунд пытался найти ориентиры. Тектор забыл о дыхании и лихорадочно смотрел, тщетно надеясь увидеть стены, камни, песок, хоть что-нибудь!

– Айнука!!! Ничего нет!!! Ничего нет!!!

– Не бойся! – быстро сказал космонавт. – Это называется "горизонт". Мир не исчез, просто ты не видишь его краёв – слишком далеко. Не смотри вверх, Тектор. Дыши глубоко, спокойно. Мир не исчез.

Но предупреждение опоздало. В поисках знакомых объектов Тектор немного поднял взгляд.

Опустить голову он уже не сумел. Смутно ощущая, как сердце останавливается, Тектор смотрел всё выше и выше, всё выше и выше, пока не увидел!!!

– Что это?! – прошептал его ослеплённый мозг.

– Солнце, – ответил Айнук. Прищурившись, он тоже посмотрел вверх. – Оно стало гораздо ярче с прошлого раза...

Сердце Тектора остановилось. Пропали звуки и ощущения. Пропали мысли и страхи. Остался только он – и Солнце.

Солнце! Оно висело в бесконечности, подобно плазменному сердцу ядерного взрыва, источая свет и тепло. Одним своим великолепием, оно уничтожило весь мир и осталось единое, царственное, невероятное, прекрасное и обжигающее.

Солнце.

Потом Тектору рассказывали, что он почти минуту стоял неподвижно, глядя в небо, пока не рухнул без чувств. Сам инженер помнил только боль в глазах и медицинский отсек.

– Живой? – со смехом спросил Айнук.

Тектор привстал с подушек.

– Друг, как оно прекрасно! – прошептал он мечтательно. – Я хочу увидеть его ещё раз!

– Увидишь, не волнуйся. Сразу после похорон мы начинаем движение к острову.

– Похорон? – инженер вздрогнул.

Айнук вздохнул.

– Мы понесли первую потерю. Дихтис скончался от шока, увидев Солнце.

– О, нет... – Тектор закрыл глаза. – Мун, ты жесток... – прошептал он.

– Мун не виноват. Он сказал Дихтису, чтобы тот оставался в корабле. Физик сам потребовал вывести себя на палубу.

Они помолчали.

– Айнук, если все переносят первый выход на поверхность таким образом, мы не сможем переселить сарков, – заметил Тектор.

– Этот вопрос пока не стоит. Когда на поверхности будет построена база, мы

начнём искать решение. Не раньше.

– А тебе не кажется, что мы просто боимся признать правду? – внезапно спросил инженер.

Айнуk не отвечал довольно долго.

– Тектор, ты хорошо знаком с математикой, ведь так? – спросил он после паузы.

– Достаточно, чтобы оценить вероятность положительного решения.

– Я о другом.

Биотехнолог отвел глаза.

– Какой процент сарков перенесёт смену местообитания безболезненно, как ты считаешь?

Тектор запнулся.

– Не больше половины?

– Вздор! – резко ответил Айнуk. – До восьмидесяти процентов сарков никогда не смогут жить на поверхности. Особенно самки и старики.

Инженер содрогнулся.

– Но... Тогда в чём смысл нашей попытки?!

– В тех двадцати процентах, которые смогут, – глухо сказал космонавт. – Пора признать весь ужас положения, Тектор. Мы слишком хорошо приспособлены к среде обитания. Поэтому, в течение нескольких циклов погибнет восемьдесят процентов нашего народа. И мы ничего не сможем с этим поделать. Н-и-ч-е-г-о. Наша цивилизация рухнет словно карточный домик.

Инженер заставил себя встать. Айнуk печально смотрел ему в глаза, и Тектор внезапно увидел будущее. Он увидел содрогающийся Свод, разрушение городов и ярко-красные реки, текущие по каналам. Он увидел раздавленную огромным камнем Лиаз, истекающую кровью Фиалу, коротенькие хвостики, торчащие из-под рухнувшего Моста Технологии...

– Нет... – в ужасе прошептал сарк. – Нет, нет!

– Мы боремся, друг, – ответил Айнуk. – Боремся. Но лучше если ты прямо сейчас поймёшь, что ожидает нас в случае поражения.

Тектор долго стоял в медицинском отсеке, закрыв глаза.

– Друг, – произнёс он затем. – Пошли на палубу.

Айнуk невесело улыбнулся:

– Я тоже изучал психологию, – сказал он печально.

Похороны Дихтиса прошли как-то буднично. Тектор, Айнуk и Фтимар стояли на серебристой палубе космического корабля, окружённые друзьями и Океаном. Перед ними в небольшой надувной лодке лежало тело пожилого физика.

– Он не первый, кого забрал Космос, – сказал капитан Мистар. – И он не последний. Мы движемся вперёд, покоря всё новые высоты науки и техники, но платим за это своими жизнями. Каждое открытие требует жертв, и чем значительней оно, тем дороже обходится.

Капитан поднял голову к бездонному синему небу, откуда на космонавтов светило Солнце.

– Дихтис был выдающимся учёным, – продолжил он негромко. – Только благодаря его реактору мы с вами находимся сейчас здесь. Я мог бы говорить о делах и свершениях этого сарка очень долго, но я скажу коротко.

Мистар оглядел замерших космонавтов, и тихо произнёс:

– Он умер. Но перед смертью увидел Солнце.

Эти слова стали последними. Лодку с телом физика столкнули в Океан, и Тектор долго следил за оранжевым пятнышком на волнах Космоса. Его душа стремительно менялась. Позже, в корабле, Тектор поймал себя на странной мысли: он не хотел возвращаться. Он боялся Свода, нависшего над головой, страшился запахов города и необходимости периодически надевать противогазы.

Он боялся возвращения домой.

Глава 9

Ворона, наконец, перестала трепыхаться. Напрягая силы, цепляясь молибденовыми когтями на перчатках скафандра, Элджи выполз из горла птицы и свалился с ней рядом, полумертвый от изнеможения. У него страшно кружилась голова, каждую мышцу ломило. Несколько долгих минут мышонok не мог найти сил даже привстать, чтобы осмотреться.

Наконец голова почти перестала кружиться, и Элджи заставил себя сесть. На дисплее скафандра индикатор кислорода был красным – мышонок провел в вороньем зобу больше часа. Подняв забрало, Элджи с облегчением вдохнул свежего воздуха. Сразу полегчало.

Инстинкт самосохранения заставил его подползти к тушке птицы и спрятаться в перьях. К несчастью, ворона приземлилась не на крыше многоэтажки, а в каком-то дворе, неопрятном и грязном. У стены ближайшего дома лежали порванные мешки с песком, бордюры, когда-то ограждавший центральную «лужайку» был давно выломан колесами машин, а от травы не осталось и следа. Стоял густой, тяжелый запах гниения и нечистот.

Элджи нервно огляделся. Он знал, что вороны высокосоциальные птицы и часто мстят людям или кошкам, причинившим вред их товаркам. А уж для мыши воронья стая представляла собой опасность, сравнимую разве что с ордой голодных драконов. Но хищников видно не было, в ужасном дворе царил тишина.

Мышонок выждал еще несколько минут и наконец решился. Перебегая от укрытия к укрытию, добрался до арки, ведущей наружу. Зеленоград отличался от других городов тем, что в основной его части адреса не содержали названий улиц, а только номера микрорайонов и корпусов; так что определить по табличке на доме, где тот находится, Элджи не мог. К счастью, «Зеленоград» назывался так неспроста, в нем имелось множество лесопарковых зон и скверов, отделявших районы друг от друга.

GPS у Элджи не было – увы, втиснуть еще и спутниковый приемник в чудо миниатюризации, которое представлял собою скафандр, он не сумел. Так что ситуация была не из простых. Но за долгие годы одиночества черный мыш привык во всем полагаться на собственные силы и не спешил унывать. Первым делом, он взобрался по изрытой выбоинами и отпавшей штукатуркой стене на выступ, торчавший над аркой. Оглядел здания, улицу, фонари. Общее состояние домов намекало, что ворона притащила добычу в Старый город, в одну из промзон.

Элджи продолжил лезть вверх. Метр за метром, отдыхая в выветрившихся щелях между бетонными блоками, он потихоньку добрался до крыши и осторожно выглянул. Но на сей раз удача ему изменила; совсем рядом, у покосившейся телевизионной антенны, сидел худой, серый с пятнами кот.

Он заметил мышонка в то же мгновение и застыл, припав на лапы. В глазах загорелся охотничий жар, тело напряглось. Эджи не шевелился: он знал, что, если опустит голову и скроется с глаз кота, тот немедленно прыгнет. И уж, как минимум, сбросит добычу со стены на асфальт...

«Придется принять бой» – понял Эджи и глубоко вдохнул. Разумеется, он был готов к встрече с ночными хищниками – как бы иначе одинокий мышонок прожил сорок лет? Весь скафандр опоясывали токопроводящие жилы, подключенные к схеме от старой советской фотовспышки. Отцепив с заплечного крепления газовую гранату, Эджи перелез бортик крыши, спрыгнул и начал медленно, боком, двигаться в сторону ближайшей надстройки.

Кот следил за мышью горящими глазами, ожидая пока та отвернется или сделает резкое движение. Эджи внимательно за ним наблюдал. Едва зверь характерно перебрал лопатками, мышонок рванулся вперед и, в прыжке, успел скользнуть под жестяную вытяжную трубу. Кошачьи когти процарапали настил в миллиметре позади.

Кот свалился набок и просунул лапу в щель под трубой. Эджи, успевший подпрыгнуть и вцепиться молибденовыми коготками в жесть, свесился на руке и ноге, а второй рукой с разрядником ударил кота. Послышался треск и дикий мяв; выдернув лапу из щели, зверь в панике пустился наутек. Спустя секунду, его и след простыл. Эджи с облегчением выдохнул.

Вернув не понадобившуюся газовую гранату в заплечное крепление, он еще с минуту выжидал под трубой, но хищник явно не спешил возвращаться. Мышонок подбежал к той самой антенне, у которой сидел кот, и быстро залез наверх.

Огляделся. Унылые одинаковые корпуса тянулись ровными линиями, но вдали, к счастью, Эджи разглядел знакомый ему ориентир – 28-и этажный бизнес-центр в районе Савелки, напротив парка Победы. Мысленно нарисовав карту города, Эджи сразу догадался, куда его притащила ворона. И застонал – место встречи с Кирой находилось буквально в другом конце Зеленограда, во многих километрах отсюда.

«Пешком я туда и за сутки не доберусь» – мышонок гневно прижал уши. Что делать? Стояла глубокая ночь, транспорт давно не работал, на улицах не было видно даже машин. Решив искать выход по дороге, Эджи спрыгнул с антенны и пустился в путь.

Бежал он не быстро, щадя силы, перепрыгивал узкие щели между домами, а через широкие перебирался по проводам. Инфракрасный режим забрала скафандра издали предупреждал об опасных встречах, так что мышонок за целый час не встретил другую кошку или хищную птицу. К этому времени он успел пересечь несколько улиц и заметно устал, но цель, казалось, не стала ближе ни на метр.

Зато появилась другая проблема, и решить ее следовало немедленно; заканчивалась энергия. Чтобы хоть как-то уместить емкий аккумулятор в крошечный скафандр, Элджи использовал японские миниатюрные элементы на пентатитанате лития из кинетических часов “Seiko”, вшив их в подкладку «черепицей» по всей площади скафандра. Это давало пару часов автономности, но сейчас время было на исходе. Следовало как можно скорее найти источник постоянного тока.

И, светлое небо, источник был рядом – да какой! Перебравшись через очередную улицу по проводам, Элджи восхищенно открыл рот. Внизу сиял всегда включенными витринами игрушечный магазин.

«Спасен!»

Мышонок торопливо, прыгая с окна на окно, спустился до первого этажа и юркнул в вентиляционную решетку. За пару минут отыскал путь внутрь, взобрался на прилавок. От обилия возможностей у него буквально стоял торчком хвост.

Первым делом он сбросил скафандр и подключил его на зарядку, используя подходящий блок питания. Литий-титанатные аккумуляторы славились своей быстротой, так что на полное восстановление энергии требовалось не более десятка минут. Пока скафандр заряжался, Элджи торопливо принялся за работу.

Отдел с летающими игрушками занимал изрядную часть магазина. Мышонок осмотрел несколько моделей вертолетов, но все они имели слишком низкую грузоподъемность, чтобы нести на себе и Элджи, и пульт управления. Недолгие поиски привели черного мыша в отдел профессиональной техники, где он с радостью обнаружил огромную коробку с мощным дроном.

Распаковка, сборка, настройка, крепление пульта и ремней безопасности заняли еще минут двадцать, и наконец, Элджи стоял в полностью заряженном скафандре рядом с могучей машиной, способной доставить его в любой конец города. Оставалась сущая мелочь – открыть запертые двери магазина.

В другое время, конечно, мыш соорудил бы целую электронную установку, способную обмануть замки и даже сигнализацию, лишь бы ничем не выдать собственного присутствия. Но времена изменились. Скрываться больше не имело смысла – поэтому, тяжело вздохнув, Элджи просто нажал на кнопку и стекло витрины с грохотом лопнуло, когда под ним взорвалась наскоро сделанная мышонком бомба. Под завывания охранной системы он рывком поднял в воздух дрон и, умело, направил его в небо.

Ночной Зеленоград с высоты был гораздо красивее, чем вблизи. Но любоваться видами Элджи не мог, ведь заряда дрону должно было хватить лишь минут на двадцать. Торопливо сориентировавшись, мышонки на максимальной скорости направил машину в сторону института Добронравова.

Энергия была на исходе, но всё же он долетел. Помня о местных системах безопасности, Элджи сделал большой крюк, облетая институт, и заставил дрон зависнуть над автостоянкой. Отсюда Настя вырулила на голубом «Пежо», затем они ехали вдоль Панфиловского проспекта... Свернули ко 2-му Западному проезду... Да! Здесь!

Элджи направил было дрон к знакомому двору, где месяц назад – а казалось, в другой жизни – прятался в старой крышке. Но, не долетая, вновь заставил аппарат повиснуть: на улице, напротив нужного места, стояла «Скорая помощь».

Элджи широко раскрыл глаза. На крыше машины плотными рядами сидели голуби – и сверху они отчётливо выглядели буквой «К».

– Кира?... – не веря, прошептал мышонки. Но больше ведь некому! И все же, коварство людей недооценивать было нельзя. Он уже дважды чудом не погиб из-за собственной неосторожности. На последних каплях энергии, Элджи посадил дрон в соседнем дворе, за забором, и бросился вперед.

...она сидела на том же месте, где он впервые ее встретил. При виде Киры, у мышонки ёкнуло сердце и сбилось дыхание. Золотая мышшь тоже заметила друга и вскочила, радостно пискнув. Не в силах более терпеть, Элджи издал восторженный возглас и заключил подругу в объятия.

– Кира!

– Ты справился, я знала, ты справишься... – бормотала она, плача. Они целую

минуту стояли, обнявшись, боясь новой разлуки. Наконец, одолев эмоции, счастливый Элджи утер слезы и отступил на шаг.

– Родная, что за машина стоит на улице?

– «Скорая»? – Кира улыбнулась – Ну не зря ж мы столько перетерпели, правда? Элджи моргнул.

– Только не говори, что там Настя?

– Там она, там... – золотая мышь усмехнулась. – И не только она.

Поманив друга лапкой, она смело выбежала на улицу сквозь пролом в заборе и вскочила на подножку «Скорой». Боковая сдвижная дверь, к изумлению Элджи, тут же открылась – вот только открыл ее не человек. Глаза черного мыша оквадратились.

– Что может быть логичнее, правда? – с насмешкой спросила Кира.

В ярко освещенном салоне «Скорой», на носилках, лежала Настя Тимофеева. Рядом, связанные по рукам и ногам, сидели двое мужчин: тощий, высокий седой и коренастый широкоплечий с обезображенным ожогами лицом.

А напротив, свирепо скаля зубы, стояли четыре огромные служебные овчарки в полицейской экипировке и шипастых ошейниках.

– Дрессированных контролировать – одно удовольствие, – свирепо сказала золотая мышь.

Сигнал тревоги нарушил странное отрешенно-гипнотическое состояние, в котором пребывала Орби. Помотав головой, мышка с трудом пришла в себя и растеряно пискнула. Вокруг экрана главного компьютера мигала красная рамка, под потолком звенел тревожный звонок. Испуганная Орби несколько секунд не знала, что делать.

Наконец, вспомнив уроки Элджи, она вызвала на экран обзорную карту убежища. Красным мигал значок одной из внешних камер наблюдения, расставленных черным мышонком по километровому периметру вокруг базы. Орби навела курсор на значок и чуть не откусила собственный хвост.

В черно-белом изображении с камеры ночного видения была хорошо видна цепь

солдат, прочесывавших лес. Все были в противогазах, каждый второй нес за спиной ранцевый огнемет. Другие водили над травой длинными штангами с неведомыми детекторами на концах – миноискатели? Орби не знала. От ужаса у нее зашевелилась шерсть вдоль позвоночника.

– Нет... – прошептала мышка, в отчаянии прижав лапки к тяжелому, округлому животу. – Только не сейчас...

Она дернулась было к панели с рацией, но застыла на полпути. Этого-то враги и ждут. Быстро, быстро, вспоминать, чему учил Элджи?!

Отключить энергию! Соблюдать полную тишину! Занять место в вездеходе, быть готовой покинуть базу! Тонко пискнув, Орби лихорадочно принялась за дело. К счастью, предусмотрительный черный мыш заранее позаботился, чтобы на всю процедуру требовалось лишь несколько секунд.

Когда главный генератор отключился, вдоль потолка автоматически вспыхнули тусклые, едва дававшие свет флуоресцентные аварийные лампы. Задыхаясь от страха, несчастная Орби, спотыкаясь и дрожа, выбралась из центрального поста управления.

«Итан!» – вспомнила она. Надо как-то заманить его в вездеход. Собрав в кулак волю, мышка доковыляла до кухни и насыпала в пакет сырных крошек. Глаза уже привыкли к полутьме, но дышать все равно было тяжело; внезапно Орби сообразила, что дело вовсе не в страхе. Вместе с главным генератором отключились и вентиляторы, гнавшие чистый воздух с поверхности.

«С каждой минутой все лучше», подумалось ей. Двигаясь максимально тихо, мышка добралась до лифта. Тот, разумеется, тоже застыл без энергии, но Элджи предусмотрел всё. Вдоль шахты тянулась лестница, такая же имелась на внутренней стенке кабины лифта, в полу и потолку были широкие люки, а двери на всех этажах открывались вручную.

Морщась от напряжения, беременная мышка откинула люк в полу и спустилась по лестнице на нулевой уровень. Здесь воздух был еще тяжелее. Доковыляв до комнаты, где держали Итана, Орби несколько раз отжала рычаг гидравлического сервопривода, и дверь бесшумно уехала в стену. В тусклом свете аварийных ламп было плохо видно, чем занят золотистый мышонок.

Орби, щурясь, наконец отыскала его в клетке и присела у решеток. Протянула

сырную крошку.

– Идем за мной... – шепнула, боясь поднимать голос.

Итан не реагировал. Он сидел в углу, свернувшись клубком, и то ли спал, то ли застыл от страха перед темнотой. Мышка, нервничая, принялась толкать его сквозь прутья.

– Вставай... Вставай тебе говорят...

Клубок золотой шерсти плотнее сжался. Орби в отчаянии уронила лапки: как дотащить его до вездехода?!

«Я не беспомощная мышь» – сказала она себе твердо. – «Я была воительницей... Наверно...» – ей ярко вспомнилось недавнее видение, золотистые облака, мощный байк и потрясающее чувство свободы. Стиснув зубы, Орби вскочила на ноги.

Подбежала к настенной аптечке, вытащила марлю и бутылку с хлороформом. Чтобы самой не отключиться, натянула хранившийся тут же противогаз – Элджи предусмотрел буквально все на свете. Обильно смочив хлороформом кусок марли, она вернулась к клетке, просунула тампон сквозь прутья и прижала к носу Итана.

Золотистый мышонок вздрогнул, отпрянул, но наркоз уже начал действовать и через пару секунд Итан свалился беспомощным комком шерсти. Орби на всякий случай еще подержала марлю у него перед носом.

Затем распахнула двери клетки, схватила Итана за хвост и, напрягая все силы, потащила его волоком к причалу. Это было тяжело, особенно вдоль коридора, где пол был покрыт ворсом. К счастью, за дверью причала начиналась гладкая стальная плита и трение почти исчезло.

Новым препятствием оказался высокий порог вездехода, но Орби уже собралась с духом и сдаваться не собиралась. Порывшись в ящике с инструментами, который стоял у машины, она нашла ручную лебедку и, с ее помощью, затащила спящего Итана в кузов. Связала ему лапы тросиком от лебедки. Хотела было привязать и к борту, но передумала, решив, что если вездеход станет тонуть, Итан хотя бы сумеет выплыть.

На всю суету ушло с полчаса и, наконец, герметично задраив в машине все люки, Орби отключила в ангаре свет и заняла место в кресле пилота. Пристегнулась. Царила полная тишина, мрак за стеклами разбавлял лишь пепельно-призрачный свет

аварийных ламп.

Минута текла за минутой, и постепенно возбуждение мышки проходило, уступая место тревоге. Она тщетно пыталась отвлечься, думала об Элджи, об их будущих детях, но тьма слишком сильно давила на психику. Орби вспомнила как-то виденный ею фильм о подводной лодке, и вздрогнула, поразившись сходству с ее нынешней ситуацией. Точно, как моряки в застывшей на глубине подлодке, боясь любого звука, прислушивались к шуму винтов ищущего их эсминца, так и она сейчас, дрожа, ждала решения своей судьбы...

И внезапно, как утром, из глубин памяти всплыло видение. Оно не было столь ярким и всепоглощающим, как огненный фейерверк над равниной – с тем воспоминанием, наверно, вообще бы ничто не сравнилось – но все равно пришло властно и уверенно, воскресив перед взволнованной мышкой непонятную сцену из давно позабытой жизни.

...Ночь. Она стояла на раскачивающейся металлической палубе, держась за поручни. Вокруг бушевала гроза, ветвистые лиловые молнии рвали небосвод, черные волны захлестывали корабль. Мокрая шерсть была неприятно тяжелой. И холодной. Могильно холодной.

– Иди вниз! – напрасно пытаясь перекричать шторм, звал ее кто-то. Мышка не слышала. В восторге, замороженная буйством стихий, не в силах отвернуться, невластная над собой, она была на грани безумия. Еще раскат грома, еще молния! Волна окатила ее с головой.

Отпустив перила, мышка вскинула лапки к небесам и закричала. Еще мгновение, подумалось ей. Последний вдох, до следующей волны... Но чьи-то сильные руки схватили ее за плечи и унесли прочь. Прочь от свободы, в тесную железную клетку, в проклятое, воняющее машинным маслом нутро...

– Отпусти! – придя в себя, она рывком освободилась и свирепо прижала уши. – Какого хрена?!

– Тебя чуть не смыло!

– Ну и пусть бы смыло! – мышка в отчаянии прижалась спиной к холодному борту. – Не могу больше...

Она зажмурилась, соленые слезы текли по мокрой шерсти, и их было не

отличить от морской воды. Но родные руки схватили ее, одолели сопротивление, прижали к груди. Всхлипнув, мышка зарылась лицом в теплую серебристую шерсть.

– Не могу больше... – простонала глухо.

– Осталось недолго, – ласково сказал знакомый голос. – Крепись, любимая.

Любимая... Она подняла заплаканные глаза.

– Мы будем жить вечно, – шепнули его губы. – Помнишь?

Мышка зажмурилась и прижалась к нему всем телом. Чувствуя грудью биение мощного сердца, впервые за долгие недели расслабилась, обмякла в объятиях. Трудно все время быть сильной. Трудно...

...в ветровое стекло вездехода постучали. Орби вырвалась из гипнотических щупалец видения и в панике сжалась, ничего не понимая, утратив реальность. Стук повторился.

– Любимая! – слабо донесся голос.

Любимая?..

Задохнувшись, Орби открыла глаза и оцепенела. На капоте вездехода, в скафандре, с которого ручьями стекала вода, стоял Элджи.

Глава 10

Фтимар парил над островом. Он еще плохо летал, судорожно дергал крыльями при каждом порыве ветра, но зрелище внизу было столь прекрасно, что ему хотелось кричать, кувыркаться и петь хвалебную песнь свободе.

Масштабы подавляли разум. Количество света не поддавалось осмыслению, чудовищные размеры растений и яркие, слепящие краски у каждой мельчайшей травинки – здесь было прекрасно! По рассказам более опытных космонавтов он знал, что небо раньше было серым, однородным, а Солнце и вовсе впервые появилось только над четвертой экспедицией. Этот мир непрерывно менялся, и никто не знал, что увидит в следующий раз.

Когда "Титановая гордость" приблизилась к ослепительно-желтому пляжу и

команда в резиновых лодках высадилась на берег, едва не произошло несчастье. Страшный зверь, сходный с каменным скорпионом, только вчетверо больший, выскочил из-за камня и бросился на сарков. Их спасло мужество капитана Мистара: не испугавшись чудовища, он ручным лазером держал его на расстоянии, пока с корабля не развернули пушки. Раненный выстрелом зверь исчез в зарослях гигантской травы. Большая часть команды тут же вернулась на "Гордость", остался только вездеход и его операторы – Мун, Мистар, Айнук, Тектор и трое разведчиков во главе со Фтимаром.

Локация для базы была уже найдена, сейчас туда медленно двигался вездеход. Место казалось замечательным: невысокий сухой холм вдали от моря, под сенью чудовищного дерева высотой в полкилометра. Фотографии, сделанные Фтимаром с воздуха, произвели на капитана и команду большое впечатление.

Между тем летающий разведчик уже несколько раз замечал в небе чудовищных зверей с размахом крыльев метров в двадцать пять, как вагон от магнитки. К счастью, они не обращали внимания на гостя из подземного мира. Фтимар криво улыбнулся, подумав, что представляет собой слишком мелкую добычу.

Жизни вокруг было поразительно много. Она бурлила под каждой травинкой, в любой капле воды. Мириады летающих существ, всего в несколько сантиметров размером, кружили над отливавшими зеленью водоемами, крупные большеглазые амфибии ловили их, выстреливая изо рта чудовищно длинный липкий язык. Пару раз Фтимар видел внизу рыжих зверей не менее тридцати метров длиной, бесшумно скользивших под сенью деревьев. Эти обитатели острова имели настолько хищный и грозный вид, что разведчик всякий раз невольно взлетал повыше. Оставалось надеяться, что у подобных чудовищ нет летающих аналогов...

В этом мире от избытка света у всех болели глаза, многие сарки носили темные очки. Фтимар от них отказался; он недавно обнаружил, что легко может ориентироваться даже с закрытыми глазами, пользуясь только слухом. Уши его нового тела обладали совершенно уникальной избирательностью, позволяя мгновенно и очень точно определять не только направление, а даже расстояние до препятствия. Фтимар заметил, что если в полете время от времени издавать короткий крик на высоких тонах, по характеру эха можно узнать даже больше, чем видно глазами, например – пустотелое или нет впереди препятствие. Это чем-то напоминало радары

"Титановой гордости", хотя работало в ультразвуке.

Фтимар искал дыру, пробитую метеоритом. Он решил на крыльях добраться до пролома и установить там ретранслятор для мощной радиостанции "Гордости". Если получится, можно будет доложить об успешной высадке, организовать постоянный канал связи с городом, даже смонтировать лебедку и лифт... Капитан одобрил идею, поэтому сейчас Фтимар парил в теплом небе, сжимая когтями ног небольшую сумку с прибором.

Но полет длился уже час, и с каждым осмотренным километром энтузиазм крылатого разведчика угасал. Шанс отыскать кратер в безумном празднике жизни внизу, секунда за секундой становился все более и более призрачным: под сенью колоссальных деревьев легко бы укрылся целый жилой район города. Требовались сложные расчеты – проложив по карте курс «Гордости» от гавани, сквозь туннель и обратно до побережья, можно будет хоть примерно определить, где находятся пещеры сарков... Мысль прервалась на полуслове: нечто внизу заставило разведчика резко вскрикнуть, сложить крылья и камнем рвануться под укрытие ветвей ближайшего дерева. Спрятаться удалось легко, и, немного переведя дух, Фтимар осторожно пополз вперед по длинному зеленому листу.

На траве, примерно в полукилометре от дерева, расположилось несколько гигантских существ. Глаза Фтимара позволяли фокусировать зрение только на единственном объекте за раз, поэтому рассматривать великанов приходилось одного за другим, пока остальные мельтешили вокруг туманными пятнами. Невольно сглотнув, крылатый сарк вцепился когтями в лист и погрузился в наблюдение.

О подобных гигантах ему не рассказывал ни один космонавт. Двадцать – двадцать пять метров в высоту каждый, грубая кожа покрыта тусклыми зелено-буро-желтыми маскировочными разводами, чудовищные мышцы на лапах, короткая грива на круглых головах. Головы по сравнению с телом были довольно маленькими, всего полтора-два метра в диаметре, челюсти почти не выдавались, кожа на плоских мордах была лишена волосяного покрова и – у двоих – отвратительно отливала розовым блеском. Морда у третьего оказалась темно-коричневой. Монстры почти не имели шеи, а задние ноги значительно превосходили по длине передние; зато на передних конечностях у зверей имелись почти настоящие пальцы, хоть и грубые.

Фтимар сглотнул. Чем больше подробностей он видел, тем страшнее ему становилось. Какие-то ремни, явно искусственного происхождения, пересекали тела всех зверей, на бедрах имелись широкие и плоские выросты, будто карманы. Фтимар несколько секунд пытался убедить себя, что видит одомашненный скот, но тут одно из чудовищ поднялось на ноги и потянулось, вскинув передние лапы на высоту тридцати метров. Больше разведчик не мог отрицать очевидное: грубая зелено-бурая кожа была скафандром.

Шок оказался не так силен, как при виде Солнца, но вполне достаточен, чтобы заморозить кровь любому обычному сарку. С огромным трудом придя в себя, Фтимар отполз поглубже в тень и расстегнул сумку.

– Фтимар вызывает машину-один, срочно возвращайтесь на корабль, опасность. Повторяю, срочно возвращайтесь на корабль, опасность. Прием.

Несколько секунд из рации доносился только шум.

– Принято, машина-один разворачивается, – сообщил голос Мистара. – Фтимар, тебе нужна помощь?

Разведчик коротко доложил об открытии. На сей раз молчание длилось гораздо дольше.

– Ты уверен? – спросил наконец капитан. – Может, ты принял за скафандр складки кожи?

– Они носят пояса. На поясах какое-то оборудование, с такого расстояния не могу сказать точнее. Это аборигены острова, – Фтимар перевел дыхание. – Капитан, их скафандры покрыты камуфляжными пятнами. О степени развития у меня предположений нет, но зачем мирным жителям ходить по родному острову в маскировочных скафандрах?

На том конце линии связи вспыхнул было спор, но резкий голос Мистара оборвал его на корню:

– Машина-один возвращается к кораблю. Фтимар, как оцениваешь обстановку? Будешь эвакуироваться или продолжишь полет?

Разведчик в сомнении оглянулся на великанов, отдохавших вдали.

– Прямо сейчас мне ничего не угрожает, – заметил он. – Конечно, у них могут оказаться детекторы и приборы наблюдения, но я в этом сомневаюсь.

– Почему? – быстро спросил Мистар.

– Таким огромным и мощным существам нет нужды развивать технику.

Насколько я могу судить... – Фтимар еще раз оглянулся на гигантов – ...их кожа лишена волосяного покрова, а значит, скафандры могут служить для защиты от холода.

– У тебя слишком мало данных для такого вывода, – возразил капитан.

– Если можно, я попробую подобраться к ним ближе и сфотографировать.

– Ты уверен, что верно оценил обстановку?

– Я буду очень осторожен, – заверил Фтимар. – Они...

Но в этот миг шипение в рации усилилось, и чужой голос яростно рявкнул на чистом саркийском языке:

– Долой из эфира, пока люди вас не запеленговали!

Фтимар едва не откусил себе язык – длинный, гибкий и сверхчувствительный. Рация мирно шипела, словно ничего не произошло. Разведчик даже уколол себя когтем в перепонку.

– Капитан, вы слы...

– Соблюдать радиотишину! – еще яростнее рявкнул неизвестный. – Вы в опасности! Срочно пришлите связного на мыс к северо-востоку от бухты, где вы бросили якорь. Не пользуйтесь этой частотой! Если люди вас засекут, мы будем вынуждены взорвать ваш корабль. Конец связи.

Фтимар сглотнул и отключил рацию. Здесь, на поверхности острова, живут сарки?! И не просто живут, а знают о своих родичах из подземного мира, знают их язык и стандартные частоты!

Когда первое изумление прошло, разведчик начал анализировать короткий разговор. Итак, великаны действительно разумны, и называются "людьми". Важная информация: их уровень развития позволяет перехватывать и определять местонахождение маломощных раций, использующих частоты порядка трех гигагерц.

Еще более важная информация: сарки, живущие на поверхности острова, также обладают подобными технологиями, и очевидно враждуют с "людьми", либо скрывают от них своё существование. Так или иначе, следовало немедленно воспользоваться приглашением и послать к ним связного.

Придя к такому решению, Фтимар упаковал рацию, рванулся в воздух и помчался обратно. Кого бы капитан ни избрал для этой миссии, в таком деле крылатый разведчик не будет лишним.

К тому времени, как он долетел до бухты, Мистар уже принял меры предосторожности. Все следы высадки сарков на берегу были уничтожены, сдутые лодки закопали в песок. "Титановая гордость" отошла на полкилометра в океан и погрузилась до уровня рубки, оставив над водой только воздухозаборник и перископ. У подножия гигантского дерева, накрытый маскировочной сетью, стоял вездеход.

Фтимар с разгона приземлился у машины. Тут же открылся люк, и разведчик юркнул под защиту бронированных бортов. Внутри его встретили тревожные взгляды друзей.

– Рассказывай! – не выдержал Тектор.

Айнук, покачав головой, протянул Фтимару банку стикса. Тот благодарно кивнул:

– Спасибо... – напившись, он поведал историю своего полета и выводы, к которым пришел после разговора с неизвестным сарком. Мун выслушал его спокойно.

– Ты ошибся, – сказал он, когда Фтимар умолк. – Мне хорошо знаком акцент того, с кем мы беседовали. Уверен, он родом из Восточной пещеры.

Фтимар застыл:

– Ренегаты?..

– Больше некому.

– Но у них не может быть космических технологий!

– Почему? – горько спросил Мун. – Все, что нужно для выхода в Космос – хорошая подводная лодка. Они могли построить ее сами или захватить в Дигсите...

Тектор вздрогнул:

– Но это было много циклов назад!

– Из разговора по рации совершенно ясно, что наши неведомые благодетели

хорошо разбираются в верхнем мире, – заметил Мистар. – Следовательно, они проникли сюда задолго до нас.

Он встал.

– Достаточно гадать на пустой грибнице. Фтимар – ты не очень устал?

– Я готов, – тут же ответил крылатый сарк.

– Бери Ргака, Линга и Микафа, займите позицию в лесу в пределах прямой видимости на мыс. Пусть снимают на пленку все, что видят. Держи, – Мистар открыл сейф и вытащил чемоданчик с разобранной лазерной винтовкой. – У тебя самое острое зрение из всех нас. Затаись на дереве как можно ближе к месту встречи, будешь страховать связного...

– Капитан, у меня нет рук, – тихо сказал Фтимар.

Мистар вздрогнул.

– Прости.

– Ничего, – Фтимар кивнул на товарища, мускулистого темно-серого сарка с браслетом охотника. – Ргак справится.

Разведчик отдал честь, схватил винтовку и выскочил из вездехода. Фтимар и двое других поспешили за ним.

Покачав головой, Мун обернулся к Мистару:

– Тебе нельзя идти, – сказал он капитану. – Ты необходим на борту.

– Ты тоже, – лаконично ответил Мистар.

Мун кивнул:

– Верно. На встречу с ренегатами пойдет Айнук.

– Нет! – Тектор вскочил, – Пойду я!

– Почему? – в полном недоумении спросил Айнук.

– Потому, что у меня большой опыт заключения договоров, – отозвался инженер. – Кроме того, я наименее ценный из всех нас.

– Ты? – Мистар удивленно моргнул. – Без тебя мы не сможем построить базу!

– А мы и так не сможем ее построить, – спокойно ответил Тектор. – По крайней мере, пока не узнаем об этих... "людях" все, что возможно.

Мистар и Мун переглянулись. Тектор улыбнулся:

– Все будет в порядке. Не станут же ренегаты нападать на связного.

Солнце не спеша двигалось по небосводу. Никто из сарков не знал, что случится, когда светило скроется за линией горизонта, поэтому готовились к худшему; перезаряжали аккумуляторы вездехода, отвели космический корабль подальше от берега. После обнаружения людей и ренегатов, Мистар приказал выгрузить из "Гордости" два мощных фиолетовых лазера, которые взяли для буровых работ. Установленные на шарнирные штативы от кинокамер, лазеры могли быть с успехом использованы в оборонных целях.

Пока команда занималась приготовлениями к первой ночи в их жизни, Тектор карабкался на утес. Мыс, указанный ренегатами, возвышался на сотню метров над уровнем океана; его основание скрывалось в лесу и, чтобы не рисковать встречей с хищниками, Тектор решил забраться на вершину со стороны моря.

Он уже жалел, что выбрал такой маршрут. Но отступить теперь – означало бы потерять много часов времени и, возможно, сорвать переговоры, поэтому Тектор упорно лез по камням, стараясь не думать о волнах, бушевавших у подножия.

Если бы он хоть раз рискнул оглянуться, он бы заметил кое-что похуже волн. К несчастью, он не мог даже повернуть голову – всё внимание было сосредоточено на том, чтобы не упасть. Поэтому, когда в скалу совсем рядом ударил огромный снаряд, Тектор от неожиданности сорвался.

Он пролетел несколько метров, в панике цепляясь за скалы, и чудом сумел ухватиться за выступавший камень. Далеко внизу, у подножия, шумели волны, но смертельно испуганный Тектор сумел различить низкие, тягучие звуки явно животного происхождения. Подтянувшись, он взобрался на камень, прижался всем телом к скале и посмотрел вниз.

Метрах в пятистах к югу, на волнах покачивался чудовищных габаритов надводный корабль, лишь вдвое уступающий размером "Титановой гордости". Серо-зеленая матовая окраска сразу выдавала его военное назначение. Несколько "людей" – для них гигантский корабль казался, наверно, небольшим катером – лениво

развалились на верхней палубе, облокотившись о наклонное стекло рулевой рубки. Один из них держал в передних лапах длинное, зловещего вида оружие размером впятеро больше сарка. И целился в Тектора.

На миг несчастному инженеру показалось, что сердце сейчас выскочит из груди и в панике бросится наутек. Судорожно пискнув, он прижался к скале. В этот момент оружие выстрелило; снаряд с характерным щелкающим звуком выбил искры в полутора метрах от головы Тектора.

Великан на катере что-то сказал сородичам, рывком открыл затвор своего оружия и выбросил дымящуюся гильзу. Тектор, оцепенев от ужаса, смотрел, как гигант вытаскивает из поясной сумки новый снаряд и вставляет его в держатель на затворе.

Какая-то странная отрешенность заполнила душу Тектора. Он в мельчайших деталях видел, что делают "люди" на катере, и часть его разума привычно оценивала конструкцию тяжелой однозарядной винтовки. Инженер машинально отметил, что над казенной частью закреплен огромный телескоп, и даже удивился, как сумел стрелок дважды промазать из такого оружия по неподвижной мишени. "Третьего промаха не будет" – подумал он отстраненно.

И тут чьи-то острые когти впились ему в спину:

– Прыгай! – крикнул Фтимар. – Я помогу!

Тектор очнулся. Пискнув, он что было сил оттолкнулся от скалы и рухнул в пропасть. Фтимар, вцепившись ему в шерсть, бешено забил крыльями, стараясь хоть немного изменить траекторию падения и не дать другу разбиться о скалы у подножия.

Космонавты рухнули в море, едва избежав камней. Холодная вода рванулась в горло Тектора, он закричал и заработал всеми лапами, инстинктивно стремясь к поверхности. Вынырнул, судорожно втянул воздух.

Фтимар, подобно изорванному листу, без памяти покачивался на волнах. Вскрикнув, Тектор подплыл к нему, схватил зубами за ухо и попытался приподнять его голову над водой. Тело разведчика безжизненно обмякло.

– Не смей умирать... – сквозь зубы прорычал Тектор. Дергаясь и напрягая все силы, он поплыл к берегу, но тут громадная металлическая сеть опутала их и стремительно вознесла на десяток метров в воздух. "Сачок для рыб..." – еще успел подумать Тектор.

"Люди" не спеша осмотрели добычу. Стрелок что-то сказал соседу на тягучем, медленном языке, и оскалил плоские зубы в странной пародии на улыбку. Тот повертел головой и ответил короткой командой. Шевельнув верхними конечностями, стрелок перегнулся через стекло в открытую рубку катера, вытащил большой серо-зеленый контейнер и перевернул над ним сачок. Тектор попытался уцепиться за сеть, но он не мог одновременно удерживать Фтимара и, когда сачок встряхнули, свалился в контейнер следом за другом.

Толстая решетчатая крышка с лязгом закрылась.

Мистар, Мун и Айнук наблюдали за поимкой друзей из вездехода. Когда катер "людей" подплыл к упавшим, и великан играючи вытащил космонавтов сачком, Айнук едва не уронил бинокль.

– Торпедируем их корабль! – прошипел он.

– И погубим своих? – гневно спросил Мун.

– Но не оставлять же их в лапах этих... этих... животных?!

– Нет, конечно, – чуть спокойнее ответил Мистар. – Не волнуйся, Айнук, мы спасем их.

Космонавт яростно дергал хвостом.

– Лазеры! – вдруг встрепенулся он. Капитан покачал головой.

– На таком расстоянии лазер даже лист бумаги не прорежет.

– Развернем батарею на берегу!

– Чтобы "люди" расстреляли нас прямой наводкой?

Пока они препирались, Мун водил биноклем по окрестностям.

– Тихо! – прошипел он. – Смотрите на мыс.

Все взгляды обратились в указанном направлении. Было хорошо видно, как на

вершине утеса, одинокий сарк в маскировочной накидке прячется меж камней.

– Связной ренегатов?

– Очевидно.

– С ним надо встретиться, – решительно заявил Мун. – Ренегаты знают о "людях" гораздо больше нас, они подскажут, как спасти Фтимара и Тектора.

Айнуку уже надевал пояс с ручным лазером.

– Я скоро вернусь...

– Стой! – Мистар откинул крышку на панели и вытащил массивный прямоугольный аппарат с короткой антенной. – Держи. Это одна из первых цифровых раций, ее сигнал невозможно расшифровать, если нет ключа.

– Откуда она здесь? – удивленно спросил космонавт.

– Нас попросили провести ее испытания, – капитан протянул рацию Айнуку. – Она водонепроницаемая, и работает на частоте в одиннадцать гигагерц. "Люди" ее не перехватят. Как только вступишь в контакт с ренегатом, включи, и пусть передает все, о чем вы будете говорить. Мы запишем.

– Ясно, – подвесив рацию на пояс, Айнуку выскочил из вездехода и бегом помчался к берегу.

Стало заметно темнее. Солнце уже почти касалось горизонта, общее количество света приблизилось к нормальному уровню для пещер. Прохладный ветер трепал черную шерсть Айнука, когда космонавт бежал вдоль кромки прибоа. Вдали, не страшный с такого расстояния, на волнах покачивался катер великанов.

Добежав до основания утеса, Айнуку устремился к лесу. Подниматься по скалам на глазах у "людей" его не тянуло. Отчаянно надеясь избежать встречи с хищниками, сарк обогнул длинную дугу мыса, взобрался на кромку скал и помчался обратно, к морю. Там, на самом краю утеса, в ложбинке между камнями его ожидал незнакомец.

– Не высовывайся, – сразу предупредил ренегат, едва уставший космонавт приблизился. – У тебя рация; я предупреждал, что люди могут перехватить сигнал?

– Этот не перехватят... – отдышавшись, Айнуку уселся на камни рядом с незнакомцем.

– Какая частота? – довольно резко спросил тот.

– Одиннадцать гигагерц. Цифровое кодирование.

– Хек... – ренегат с сомнением взглянул на коробочку. – Вы быстро прогрессируете...

– Есть темы поважнее, – оборвал космонавт, включая рацию. – Я Айнук, биотехнолог седьмой экспедиции. Кто ты?

Вместо ответа ренегат мотнул головой в сторону моря.

– Тот, пойманный, был вашим капитаном?

– Нет. Инженером.

– И дураком, – ренегат фыркнул.

Он заметно отличался от городских жителей. Очень крупный и массивный, с темно-коричневой шерстью, ренегат носил по три небольших колечка в каждом ухе и золотистые браслеты на ногах. Буро-зеленая маскировочная накидка была подвязана на груди и двумя тесьмами вокруг бедер, на поясе угрюмо чернел большой импульсный излучатель. Кончик хвоста украшала хромированная насадка с шипами.

– Ты с Восточной равнины? – в упор спросил Айнук. – Как твое имя?

– Меня зовут Душан, – ренегат усмехнулся. – Я родился здесь. Наше братство пришло оттуда, откуда ты думаешь.

– Сколько циклов назад вы обосновались в верхнем мире?

– Побереги дыхание, – посоветовал Душан. – Есть темы поважнее. Слушай и запоминай: мы – свободное братство Нарха, и этот мир принадлежит нам. Люди появились здесь недавно. Когда серая пелена спала с небес, вошло Солнце и Свет начал пульсировать – тогда пришли люди. Мы готовимся к войне с ними.

Ренегат похлопал по своему лазеру.

– Передай вашим: люди технологически не уступают саркам. Они очень опасны. Их психика чужда и нам, свободным братьям, и даже вам, жалким подземным крысам. Если люди узнают о существовании народа сарков, они разрушат остров кошмарными всеуничтожающими бомбами.

Айнук стиснул зубы:

– Мы не беззащитны!

– Потому-то и разрушат, – усмехнулся Душан. – Слушай дальше, и не выключай свою рацию. То, что я скажу, касается всех вас.

Он уселся поудобнее.

– Мы давно живем в верхнем мире и следим за людьми с самого их появления. Нам удалось собрать приемник, работающий на частоте их информационного видео.

Душан покачал головой.

– Они смертельно опасны, как каменные скорпионы, только хуже, поскольку изобретательны и коварны. Видел, сегодня они стреляли в вашего инженера просто для развлечения? Мы часто наблюдаем такие картины. Запомни и передай своим: нельзя допустить, чтобы люди узнали о сарках. Будьте, как на охоте: бдительны и беспощадны. Прячьте следы, никогда не выходите на открытое место. Если не можешь спастись из плена – лучше умри, сам, или от выстрела друга. Иначе ты выдашь своих.

Ренегат с силой ударил хвостом.

– Но самое главное: остерегайтесь показывать людям наш уровень развития. Если поймают сарка – они решат, что нашли безобидное сообразительное животное. Если же люди увидят вездеход или космический корабль, то единственное, что спасет наш народ... – Душан повторил с нажимом: – НАШ народ – быстрая смерть слишком наблюдательного человека.

– Да кто такие эти люди? – гневно спросил Айнук. – Откуда они взялись?

Ренегат покачал головой.

– Вам пока рано об этом знать. Мы надеялись подготовить все, что надо, прежде чем ваши жалкие кораблики доберутся до нашей страны, но последние циклы вы развиваетесь слишком быстро. Жжет под хвостами?

Айнук смерил Душана гневным взглядом:

– Наш народ на грани гибели!

Ренегат замер.

– Что ты сказал?

– Свод рухнет в ближайшие три-четыре цикла. Народ сарков и ваши свободные братства – все погибнут!

Слова космонавта потрясли Душана. Ренегат отпрянул, ошеломленно приоткрыл рот. Несколько секунд тишину нарушал лишь вой ветра.

– Это ложь, – выдавил он наконец. – Нарх ничего нам не говорил. Ты лжешь.

– Зачем мне лгать? – сурово спросил Айнук. – Думаешь, мы из любопытства рискуем жизнями, отправляясь в космос? Сотню смен назад большой метеорит пробил

Свод, превратив в пустыню участок Северной равнины. Метеорит был токсичен, его осколки смертельно ядовиты. Но хуже всего, сам Свод получил тяжелые повреждения. Мы должны переселить народ сарков на поверхность, прежде чем рухнет наш мир!

Душан уже опомнился, хотя кончик его хвоста продолжал подрагивать.

– Это был не метеорит, – сказал он мрачно. – Люди ведут взрывные работы в горах. Они используют пенетраторы с сердечником из обедненного урана.

Айнук содрогнулся.

– Так это не конец? Будут еще взрывы?!

Ренегат очень долго молчал.

– Вы не сможете здесь жить, – произнес он после длительной паузы. – Сейчас слишком опасно. Когда Солнце вновь уйдет, и пульсацию света сменит ровная серая мгла – тогда можно. Не раньше.

Айнук встрепенулся.

– Первые экспедиции видели серое небо без Солнца! Ты это имеешь в виду?

– Да, – кивнул ренегат. – Я не могу объяснить понятнее. Просто знай: есть два мира. Не верхний и нижний! – прервал он, заметив выражение лица Айнука. – Наш остров и на поверхности, и в недрах – один!

Душан указал куда-то в океан.

– Там, за горизонтом, к небу вздымаются башни из нержавеющей стали. Они отделяют наш мир от мира людей. Сотни тысяч циклов между башнями горит непроницаемая завеса – энергетический щит. В это время мы не видим Солнца, и Свет не пульсирует. Но иногда... – ренегат понизил голос. – ...как сейчас, энергощит отключается. Пока он мертв, мы с людьми живем в одном мире. В эти периоды люди вторгаются на остров, убивают и ловят животных, рубят растения, бурят землю и даже взрывают скалы. Мы не знаем, зачем они это делают.

Айнук слушал, с трудом сдерживая нетерпение.

– А откуда вы знаете все остальное?

Душан посмотрел ему в глаза:

– Ты не поймешь.

– У нас нет времени на игры и сказки! – взорвался космонавт. – Двое сарков попали в плен по вашей вине!

- Только один сарк. Второй был хгоаком.
- Эти двое – мои друзья, – с нажимом сказал Айнук.
- Мир жесток, – ренегат безразлично свернул хвост.
- Ты должен знать, как их спасти!

Душан резко встал.

– Я никому ничего не должен, – сказал он глухо. – Здесь свободное братство, а не домен вашего рангцентра. Возвращайся к своим и передай то, что я сейчас скажу. Запомните: мы скорее взорвем ваш корабль и расстреляем всех выживших, чем позволим людям вас обнаружить.

С этими словами он рывком отвернулся, запахнул камуфляжную накидку и растворился в траве. Растерянный и встревоженный Айнук остался наедине с гаснущим Солнцем.

Глава 11

На капоте вездехода, в скафандре, с которого ручьями стекала вода, стоял Элджи. Орби, до сих пор во власти видения, не сразу сумела это осознать; наконец, слабо пискнула и обеими лапками вдавила кнопку раскрытия люка.

Невыносимо долгие секунды – и ее стиснули в объятиях. Задыхаясь от волнения, Элджи прижал мышку к груди, сердца обоих судорожно трепетали. Орби счастливо зажмурилась.

– Я... Видела солдат... – попыталась она рассказать. Черный мышонок нежно лизнул её в нос — большего их любовь позволить себе пока не могла.

– Знаю, моя пушистая. Знаю... – он лишь крепче ее обнял, не в силах выпустить, невластный над чувствами. – Родная... – в его глазах стояли слезы.

Наконец, Элджи страшным усилием воли заставил себя разомкнуть объятия. Отстегнул зажимы на плечах, снял шлем, уронив его на пол кабины. Бессильно упал в кресло второго пилота.

– Небо, как же я устал... – он прижал ладони к глазам. – Голова кружится...

Орби, вздрогнув, откинула крышку в подлокотнике и выхватила аптечку. Элджи, не запивая, сглотнул две таблетки, благодарно кивнул.

– Спасибо, родная... – он резко выдохнул и постарался сесть ровно.

– Нас пока не обнаружили, но это вопрос ближайших дней, а то и часов, – с горечью сказал мыш. – Любимая, прости, что оставил тебя испуганной и одинокой, больше не отпущу, ни на миг, клянусь! – он встал, покачнувшись от усталости, схватил Орби за плечи. – Прости меня!

Мышка слабо улыбнулась:

– Я не так уж и перепугалась, – ответила слегка дрожащим голосом. – Элджи, Элджи, чернохвостик, – она нежно лизнула его в нос. Огляделась, прижала ушки: – А где Кира? С ней все хорошо?!

– Да, да, мы в порядке, – ласково отозвался мыш. – Кира в лесу, в машине, сторожит пленных.

– Пленных?..

– Именно, – Элджи вновь рухнул в кресло. – Операция прошла... Ну... В целом успешно, но уж точно не так, как планировалась.

Орби, вздрогнув, присела к нему на колени.

– Расскажи!

– Не сейчас, моя пушистая. Обо всем поведаю в пути, – мышонок тяжело вздохнул. – Дай только передохну, хоть капельку, а то свалюсь без памяти. Где Итан?

– В салоне, – Орби отвела глаза. – ...связанный.

– Так надо, не вини себя! – быстро ответил Элджи. – Разум к нему скоро вернется. Мы привезли Настю Тимофееву.

Мышка широко раскрыла глаза:

– Но как?!

Элджи беспомощно развел лапками.

– Кира, – он улыбнулся. – Наша бесстрашная воительница, – черный мыш тяжело вздохнул. – Сказал бы «безрассудная», но с такими способностями и удачей... – он покачал головой. – Помнишь, мы спорили о будущем? Если брат ее столь же талантлив и смел, я могу и поверить.

– А я всегда верила, – серьезно ответила Орби. – Ты знаешь.

– Да, родная, знаю, – с любовью отозвался мышонок. – Ты пушистое чудо, ниспосланное судьбой. Иди сюда... – он притянул ее к груди. – Скафандр мокрый, извини... Любимая...

Мокрая шерсть. Холод. Могильный холод.

«Мы будем жить вечно»

Орби оцепенела. Перед глазами вспыхнул недавний сон. Теплые объятия, отливающие серебром плечи, сильные добрые руки. Биение могучего сердца. Голос... Такой знакомый, и в то же время неведомый...

– Пушистая моя, ты дрожишь, – с тревогой спросил Элджи. – Все хорошо?

Орби подняла на него взгляд. Ответить решила не сразу, слишком уж сложные и странные чувства вихрились в душе. Но смолчать? Утаить... Такое?! Это будет предательством.

– Элджи... Я должна кое-что рассказать, – шепнула она с натугой. Мыш тревожно наострил ушки:

– Да, я слушаю?

Орби глубоко вдохнула.

– Пока вас не было, я тут... В одиночестве... В общем, меня... Посещали видения, – выдавила она. – Из прошлого. Из жизни, что я не помню. Задолго до подвала, – она вкратце поведала о двух воспоминаниях. Потрясенный Элджи сидел совершенно неподвижно, лишь однажды за весь рассказ чуть сжался, услышав о неведомом спасителе. В глазах Орби стояли слезы.

– Я уверена, это не просто сны, – закончила она тихо. – Элджи... Прости меня.

– Простить? – недоверчиво моргнув, переспросил мышонок. – За что?

Мышка всхлипнула.

– Я... Ты не понял? Я... У меня был...

– У тебя была яркая, настоящая жизнь, – Элджи нежно привлек ее вплотную. Уложил мордочку ей на плечо, их чувствительные ушки соприкоснулись. – Столь волшебное существо не могло не быть любимым.

Орби заплакала. Элджи легонько дрожал.

– Все хорошо, родная, все хорошо... – шепнул он ласково. – Теперь мы вместе. И даже если...

– Нет, – резко оборвала Орби сквозь слезы. – Нет. Не смей.

Рывком отстранившись, она схватила мышонка за плечи и в упор посмотрела ему в глаза.

– Ты моя жизнь, – твердо сказала Орби. – Здесь и сейчас. И никаких «если».

Элджи беспомощно улыбнулся.

– А у меня жизни просто не было до встречи с тобой, – ответил тихо.

Подхваченные единым порывом, они слились в поцелуе, и на целую вечность – а может, мгновение – окружающий мир исчез.

Когда разум неохотно вернулся, Элджи едва смог выпустить Орби из объятий и взглянул ей в лицо со смесью восторга и страха.

– Пушистик, ты осознаешь, что означают твои видения?! – спросил шепотом. Мышка медленно кивнула.

– Мы не одни.

– Нас много! – задыхаясь, выдавил Элджи. – Таких, как мы – много! Надо только найти... – он лихорадочно озирался. – Милая, дай встать...

Орби слабо улыбнулась, поднимаясь на ноги. Помогла мышонку снять тяжелый, пропахший потом скафандр.

– Я грязен, как крот, – удрученно буркнул Элджи.

– Вот уж проблема!

– Ненавижу беспорядок... – смущенный мыш почесал за ухом. – Ладно. Любимая, посиди тут минут пять, пока я буду грузить припасы.

Орби вздрогнула.

– Сибирь? – спросила нехотя. Элджи развел лапками.

– А есть выбор?

– Теперь уже нету, наверно... – мышка поникла. – А я так надеялась...

– Родная, опомнись! – Элджи схватил ее за лапки. – Именно ты подала нам надежду, твои сны! Теперь у народа тагваров... – он запнулся, – ...или как мы на самом деле зовемся... Есть шанс!

Орби вздохнула.

– Так и быть. Загружай машину, да айда в Сибирь.

Элджи чмокнул ее в нос и, качаясь от усталости, выбрался из кабины.

Черная вода без всплеска сомкнулась над шлемом скафандра. Кира еще долгу минуту смотрела на озеро, куда нырнул Элджи, встряхнулась и, грозно помахивая хвостом, вернулась к «Скорой помощи».

Повинуясь телепатической команде, одна из овчарок открыла зубами заднюю дверь и тут же захлопнула, едва Кира поднялась в кузов. Пленные люди, до сих пор связанные и с кляпами, встретили ее ненавидящими взглядами.

– Часик у нас есть, – сообщила им золотая мышь. – Поболтаем?

Запрыгнув на плечо седовласого генерала, она выдернула кляп и сделала так же со вторым пленником.

– В пути отвлекаться на разговоры я не могла, – пояснила Кира, усаживаясь напротив людей. – Управлять машиной, управляя собакой, эт вам не раз-два-три... – она усмехнулась, окинув пленных внимательным взглядом.

– С чего начнем? А, да... – присев на задние лапки, золотая мышь распушила шерстку: – Пика-пика!

Люди молчали. Кира, вздохнув, запрыгнула на носилки, где лежала усыпленная наркозом Настя, и уселась на одном уровне с лицами пленных. Обернула хвост вокруг лап.

– Ладно, хватит паясничать. Я, может, и карманного формата, но уж всяко не монстр, – она криво усмехнулась. – Зовусь Валькирией. А вы?

– Какого хрена тебе нужно? – резко спросил седовласый.

– Захватить мир!!! – страшным голосом провыла Кира. – Вторжение!!! Конец света облачен в мышиную шкурку, и уже полвека... – она прищурила глаза и подалась вперед – ...а вот отсюда подробнее. Что за «крохотный остров в Тихом океане»?

Широкоплечий мужчина с обожженным лицом ответил спокойным, ровным голосом:

– Ты же понимаешь, мы не станем отвечать.

– Я понимаю куда больше, чем ждут от электрокрысы! – резко ответила Кира.

– Тогда не строй из себя посмешище, – холодно ответил пленник. – Ничего

личного, как говорится. Мы враги не по доброй воле.

– Параноики вы, а не враги, – с чувством отозвалась воительница. – Опомнитесь хоть на миг. Конец света? Серьезно?! – она смерила человека взглядом, полным безграничного презрения. – Вас ТАК страшит стерильная говорящая мышь?!

Кира сокрушенно развела лапками.

– У меня в голове не укладывается. Сколько наций обитает на Земле? Сколько первобытных племен? Почему вы не боитесь, что африканские пигмеи захватят планету? Или китайцы? – она не удержалась и весело фыркнула – ...хотя да, тут плохой пример. Но идея-то дошла? – Кира подпрыгнула ближе и постучала человека по лбу. – Очнитесь. Что страшного произойдет, коли на Земле появится еще одно племя? Нам-то уж всяко требуется меньше места, чем китайцам!

Она вздохнула.

– Представьте, сколько пользы принесет дружба между нашими видами. Пустыни и сибирская тундра, горные цепи и джунгли Амазонки – да на Земле в тысячи раз больше свободного места, чем занято людьми. Ну, построят разумные мыши себе городок где-нибудь на крошечном острове в Тихом Океане... – с нажимом произнесла Кира. – ...В чем проблема-то? Где угроза?!

Ответил седовласый:

– Рассуждаешь, как наивное дитя.

– А сколько мне лет, ты думаешь? – со внезапной горечью спросила Кира. Понурила голову, помолчала. – Ладно. К делу... – золотая мышь встряхнулась. – Мне нужны ответы. И я их получу.

Широкоплечий улыбнулся уголком рта.

– Придется постараться.

– О, ты ТОЧНО не хочешь, чтобы я старалась, – заверила его Кира, пустив по шерсти пару небольших молний. – Да только допросы с пристрастием человечье развлечение. У нас другие методы... – добавила она с кривой ухмылкой.

Выдержав паузу, чтобы до людей дошло, мышка скрестила на груди лапки.

– В общем, все просто. Видите девушку? – кивнула влево. – В ее мозгу спрятано сознание моего брата. Того самого трупики НГ-90, – добавила она, свирепо дернув хвостом. – Вам не приходило в головы, каким хреном два детеныша

экспериментальной зверюшки, ни разу в жизни не покидавшие клетки, научились говорить, читать, писать и даже строить молекулярные машины? А? – Кира насмешливо прищурила глаза.

Вот теперь на лицах пленников появились эмоции. Седовласый отпрянул, широкоплечий стиснул зубы. Золотая мышь твердо кивнула:

– Правильно боитесь, правильно, – она указала лапкой на овчарок, сидевших рядом. – Моя сила, управлять электричеством, дает мне контроль над животными. Альфа-волны, слышали? – Кира склонила голову набок. – Я посылаю зверю электрические сигналы более мощные, чем от его собственного мозга, и животное думает, будто желания исходят от него самого. С разумными, увы, это не работает, – добавила золотая мышь. – Потому как разумное существо непрерывно осознает свое поведение.

Она подпрыгнула к седовласому и ткнула его пальцем в лоб.

– Если я, допустим, отправлю тебе в мозг желание попрыгать на одной ноге, инстинктивно тебе этого захочется, но разум тут же почувствует подвох. «Какого хрена мне хочется прыгать?!» – спросишь ты сам себя, и тут-то моя власть и заканчивается... – Кира свирепо улыбнулась. – ...а вот у моего брата, как раз, начинается.

Она посмотрела на испуганных людей в упор.

– Итан, мой брат, телепат, – сказала жестко. – Он умеет копировать память одного существа в разум другого, именно так мы с ним научились всему, что знаем – выудили из мозгов ученых в лаборатории Добронравова. Ну, начинает доходить? – Кира поднялась на задние лапки и скрестила на груди передние. – Короче, враги вы мои добровольные... Даю на выбор: или отвечаете на вопросы, и валите на все четыре стороны, или мы вместе дождемся Итана и прогуляемся по вашей памяти от детсада до Афгана! – она недобро улыбнулась. – А там, держу пари, есть мноооооооое, чем вам бы не хотелось делиться с мышью.

Повисла мертвая тишина.

– Откуда нам знать, что вы все равно не залезете к нам в мозги? – резко спросил широкоплечий. Кира кивнула:

– Хороший вопрос. Дело в том, что на усваивание воспоминаний требуется время – иногда месяцы. К тому же, меня интересуют лишь конкретные вопросы, а

копаться в человеческих секретах даром не сдалось. Короче! – бросила она сухо. – Мне удобнее получить ответы сейчас. Я их все равно получу, но второй вариант вам понравится меньше. Вот так все просто, человеки. Раз, два, три.

И добавила с холодной улыбкой:

– Да, кстати. Альфа-волны я умею не только посылать, но и чувствовать. И по сравнению со мной, ваш лучший детектор лжи нервно курит на Камчатке!

В машине вновь воцарилась тишина. Кира ждала; она понимала, что людям, впервые столкнувшимся с противником, утаить от которого тайны не помогла бы никакая стойкость и подготовка, требовалось время на осознание. Наконец, молчание нарушил седовласый генерал.

– Мы оставляем за собой право не отвечать на вопросы, от которых зависит безопасность страны.

– На хвост мне не сдалась ваша страна... – с чувством отозвалась золотая мышь. Усевшись против людей, она скрестила на груди лапки и начала допрос:

– Имя и звание?

– Генерал ФСБ Виктор Морозов.

– Мстислав Троицкий. Аналитик.

– Почему вас отправили ловить меня и Элджи?

Ответил широкоплечий:

– Я занимался похожими делами раньше.

Кира вздрогнула:

– Разумными мышами?!

– Нет, – мрачно отозвался Троицкий. – Проблемами в секретных лабораториях. Виктор отвечает лишь за организацию поисков, охочусь за вами я. Все вопросы задавай мне.

– ...а то как бы генерал не сболтнул лишнего, – фыркнула воительница. – Похвально. Только, знаешь, я не диснеевская мышь, – она улыбнулась. – Товарищ генерал, подождите вашей очереди снаружи.

Пленники разом вздрогнули.

– Что? – переспросил Морозов.

– Я допрошу вас порознь, задавая одинаковые вопросы, – с невинным видом

отозвалась Кира. – Простите за неудобство.

Повинуясь мысленной команде, одна из огромных собак ухватила зубами пальто связанного пленника и легко выволокла человека из машины. Кира заставила пса оттащить генерала метров на двадцать в лес и обернулась к широкоплечему.

– На всякий случай; если ваши ответы хоть чуть по смыслу разойдутся, я не стану искать, кто говорит правду: взломаю мозги у обоих, – предупредила она. Троицкий молчал, пожирая мышью ненавистным взглядом.

– Итак, начнем, – Кира рывком подалась вперед: – Что за проект «Грэхем»?!

Молчание.

– Секретная американская программа, – после длительной паузы, тяжело дыша, выдавил широкоплечий. – Запущена в начале 50-х годов. Дальнейшее развитие «Филадельфийского эксперимента».

Золотая мышья недоверчиво моргнула.

– Но это же городской миф. Его изобрел конспиролог-неудачник, продавец автомобильных запчастей. Никакого эксперимента не проводилось, тот корабль даже не бывал в Филадельфии!

– Лучший способ скрыть утечку секретных данных – подорвать к ним доверие, – глухо ответил Троицкий. – Запомни это, коли уж решила играть с нами на одном поле.

Они посмотрели друг другу в глаза.

– Ты наивна, как дитя, – сказал пленник. – Должно быть, тебя хранит высшая сила, раз до сих пор жива. Не суйся в эту нору, мышья. Сожрут.

Кира помолчала, нервно дергая хвостом.

– Рассказывай дальше.

– Эксперимент, естественно, проводился не в порту Филадельфии. Все это выдумано моими американскими коллегами, чтобы обыватели с радостью указывали на нестыковки и подлинная утечка растворилась в потоке лжи. На самом деле, первые эксперименты американцы вели там, где шансы человеческих жертв минимальны – посреди одного из своих атомных полигонов, в пустыне Невада.

Золотая мышья сглотнула.

– Продолжай, – сказала она внезапно охрипшим голосом.

– Эксперимент по телепортации потерпел неудачу. Грузовик, где была

смонтирована установка, не сдвинулся с места, но будто состарился – покрышки растрескались, деревянные части рассыпались прахом, металл съела ржавчина. Эксперты потом определили, что за неполный час, пока установка работала, для грузовика прошло двести лет.

Кира широко раскрыла глаза, но прерывать не стала. Троицкий усмехнулся.

– Начинаешь догадываться, вижу. Американцы поняли, что допустили ошибку в расчетах, и вместо сжатия пространства, их установка сжимала время. Позже выяснилось, что работать как запланировано она и вовсе никогда бы не смогла, даже теоретически. Итогом многолетнего и очень дорогого эксперимента стала бесполезная машина, только и умевшая в тысячи раз ускорять время на локальном участке.

– Бесполезная?! – вырвалось у Киры. Троицкий кивнул:

– Да, мышка. Военные мыслят не так, как обыватели. Для нас имеет значение лишь одно: достичь поставленной цели. В данном случае, естественно, цель достигнута не была.

Он скрипнул зубами.

– К несчастью, в проекте участвовали не только военные. В Конгрессе потребовали найти хоть какое-то практическое применение устройству, куда было вложено сотни миллионов долларов. Чтобы спасти репутацию и не попасть в черный список, руководители предложили использовать новый аппарат для тестирования зданий и техники на долговечность – ускоренное время позволит за сутки «состарить» образец на тысячи лет и выявить его слабые места.

Широкоплечий растянул обожженные губы в недоброй ухмылке.

– И тут их ждал новый сюрприз. Любой объект, побывавший в установке, становился радиоактивен. В пустыне, изучая грузовик, этого не заметили, поскольку эксперимент проводился посреди атомного полигона, где уровень радиации и так был высоким.

Троицкий презрительно фыркнул.

– О причине быстро догадались; обыкновенный свет. Его источник – Солнце – находилось вне поля, поэтому с ускорением времени электромагнитный спектр солнечного света испытывал огромное смещение в сторону далекого гамма-диапазона. И ничего поделать было нельзя, ведь обычное тепло – инфракрасное излучение – также

сдвигалось в сторону гамма-лучей. Безопасно проводить опыты можно было лишь в полной темноте, остудив установку до абсолютного нуля, что, как понимаешь, не слишком практично.

Он вздохнул.

– На этом истории пришел бы конец, если б какой-то яйцеголовый ублюдок внезапно не обнаружил в одном из образцов живые бактерии. Их не могло там быть, радиация стерилизовала бы любую форму жизни, но – они были. И радиация на них не действовала.

– **** * – пробормотала Кира. Пленник усмехнулся.

– Точнее не скажешь. В той пробирке и родился проект «Грэхем».

– Они собрали установку вокруг целого острова?! – недоверчиво спросила золотая мышь.

– И поставили рядом на якорь списанный авианосец.

– Зачем?!

– Вот и нам, в КГБ, стало любопытно, – сквозь зубы процедил Троицкий.

Они с Кирой обменялись взглядами. Мышь напряженно размышляла, кончик ее хвоста метался из стороны в сторону.

– Американский эксперимент начался в конце 50-х годов... – медленно произнесла Кира. – А в августе 1963-го, в институте Добронравова родился разумный мышонок...

Широкоплечий покачал головой.

– О разумности в то время никто и не подозревал. Образцы устойчивых к радиации мышей, собранные на острове американцами, нужны были нам для других... Исследований.

Пораженная Кира отпрянула всем телом:

– Долголетие!

– Не сразу, – покачал головой Троицкий. – Но, когда заметили, что мыши с острова живут в разы дольше обычных, остальные опыты забросили.

Он стиснул зубы.

– А в 67-м, про наш проект узнали американцы и сожгли институт.

– Американцы?! – Кира моргнула. – Элджи считал, это сделала группа КС,

заметая следы!

– Сожгли свою самую ценную собственность, над которой тряслись пуще, чем над ребенком? – с насмешкой переспросил широкоплечий.

Золотая мышь внезапно оцепенела. Разрозненные факты в её голове сложились в ионизированный канал, и по нему прошла слепящая молния. Вскочив, она, не веря, взглянула на обожженное, изуродованное лицо Троицкого.

– С-сколько тебе лет? – с запинкой выдавила Кира.

Пленник не ответил. Пораженная мышка попятилась:

– Ты из группы КС! – выдохнула она. – Ты... БЫЛ там!

– Я много, где побывал, – сухо ответил человек.

Глава 12

– ...Где я? – пробормотал Фтимар.

– В клетке, – издали донесся мрачный голос Тектора.

Помотав головой, Фтимар несколько раз моргнул и попытался сесть, но вскрикнул от боли в вывихнутом плече. Сжался, накрыл голову здоровым крылом.

– Я помню... Падение, удар... Потом тьма! – он зажмурился. – Что случилось?

– Попались в плен великанам, – глухо отозвался инженер из своей клетки. – Довольно давно. Нас бросили в контейнер, долго несли, потом подняли на большую высоту и вновь несли. Здесь... – инженер пнул толстые прутья – ...мы уже час.

– Что это за место? – Фтимар, покачнувшись, встал на ноги и сделал несколько неуверенных шагов – вывихнутое крыло волочилось позади. Огляделся в поисках Тектора, вздрогнул, найдя его в соседней клетке. Инженер молча указал вправо-вверх.

Дыхание крылатого сарка остановилось, когда он увидел, что там находится. Судорожно сглотнув, Фтимар попятился и прижался к прутьям всем телом.

– Лаборатория?!

– Именно, – глухо ответил Тектор.

– Но... но... мы не животные!

– Правда? – инженер скрипнул зубами. – Объясни это нашим братьям по разуму. Гневно дернув хвостом, Тектор отвернулся.

– Я понял, куда нас доставят, еще в катере, – сказал он негромко. – Стрелок не мог промахнуться в меня из такого оружия, он стрелял рядом, чтобы зверек прыгнул в воду и его можно было выловить.

Фтимар отчаянно замотал головой:

– Так не может быть! Если они достаточно развиты...

– ...чтобы собирать необычных зверей? – Тектор усмехнулся.

Воцарилась мрачная тишина. Наконец, справившись с шоком, Фтимар сел на пол своей клетки.

– Отсюда надо бежать, – заявил он твердо.

– Верно... – Тектор помолчал. – Фтимар, ты спас мне жизнь.

Крылатый улыбнулся:

– Забудь.

– Как такое забыть? – инженер тяжело вздохнул. – Друг, слушай внимательно. Запор у моей клетки примитивный, рассчитан на зверя. Я легко могу его вскрыть. Сейчас я это сделаю; лети к нашим, скажи, чтобы не рисковали зря, пытаясь меня освободить. В контейнере были дырки для воздуха, и пока нас несли, я успел кое-что разглядеть...

– Нет, – оборвал Фтимар.

Тектор резко встал:

– Не возражай! Ты ведь не знаешь, где мы находимся! Это надводный военный корабль размером с жилой сектор Аретиса. Я видел поворотные турели с тридцатиметровыми ракетами и пушки длиной в четверть километра. Не забывай, я инженер. Техника – моя профессия, моя жизнь!

Он подошел к прутьям:

– Мне нет пути с корабля, но ты умеешь летать. Сейчас главное – предупредить капитана, он должен знать, с чем мы столкнулись. Не бойся за меня, я где-нибудь спрячусь. Этот корабль немногим меньше города.

Фтимар долго молчал. Затем, шагнув вперед, повернулся к Тектору раненым крылом.

– Нет... – прошептал тот, до боли стиснув прутья своей клетки.

– Летать я не смогу еще долго.

– Да что за... – инженер схватился за голову. Прошла минута, другая. Наконец, взяв себя в лапы, Тектор тяжело вздохнул. Подойдя к дверце своей клетки, принялся возиться с запором.

– Готово, – он с трудом отодвинул металлическую заслонку и выбрался на волю. Быстро огляделся. Клетка стояла на высоком столе, вместе с другими "образцами", на соседнем столе ждал освобождения Фтимар. Космонавт спрыгнул на пол, проворно взобрался по ножке и, спустя пару минут, его пушистый друг также выбрался из клетки, поддерживая здоровым крылом раненное.

– Сломал? – нервно спросил Тектор.

– Кажется, нет... – Фтимар улыбнулся, преодолевая боль. – Похоже на вывих.

– Мы все прошли курсы первой помощи в космическом центре, я могу попытаться вправить...

– Не стоит! – поспешно отозвался Фтимар. – Прости, но ты даже не представляешь, как устроен этот сустав. Я и сам не представляю.

Тектор опустил голову:

– Ладно. Сейчас надо спрятаться, все остальное вторично. Я видел под потолком вентиляционную решетку, открывается как жалюзи, но в таком состоянии тебе не залезть. Попробуем дренажные трубы.

Фтимар моргнул:

– А если их нет?

– Это же корабль, – улыбнулся Тектор. Он спустился на ящик, лежавший рядом со столом, помог Фтимару, а затем, не слушая слабых протестов, подхватил невесомого крылатого друга на руки и спрыгнул на пол. В углу лаборатории в полу виднелось небольшое отверстие, забранное металлической сеточкой.

– Протиснемся... – решил Тектор, обмерив дыру. Оставив на миг хрипло глотающего воздух Фтимара, он двумя прыжками вернулся к столу, взобрался наверх и вернулся, сжимая зубами стальной стержень от замка клетки.

Выломать сетку удалось легко, и спустя минуту двое друзей оказались в дренажной системе чудовищного корабля. Здесь слабо пахло чем-то знакомым.

Инженер встревоженно потянул носом воздух, прошел в трубу чуть глубже. И чуть не потерял сознание, обнаружив над головой аккуратную наклейку с надписью "Лаборатория №7".

Надпись была выполнена от руки. На языке сарков.

Несколько секунд Тектор молча разглядывал наклейку. От теорий и догадок тупо заныла голова. Он точно знал, что находится на борту гигантского военного корабля людей. Он также точно знал, что люди не могли написать записку на языке сарков и приклеить ее внутри дренажной трубы, куда едва пролезла бы их рука.

– Фтимар, иди сюда... – позвал инженер. Крылатый при виде надписи открыл от изумления пасть.

– Но... но...

– Ренегаты. Больше некому.

Пораженный Фтимар оглядел тесную, грязную трубу. Его огромные уши задевали потолок.

– Знакомый запах... – прошептал разведчик. – Погоди-ка...

Зажмурившись, Фтимар послал вдаль несколько ультразвуковых волн. Долго прислушивался к эху.

– Ну? – нервно подергивая хвостом, спросил Тектор. Фтимар задумчиво перебрал ушами.

– Пусто. Труба тянется без конца в обе стороны, часто разветвляясь.

– Ни одного колена? – недоверчиво уточнил инженер. Разведчик покачал головой:

– Нет, насколько хватает моего сонара.

Тектор нахмурился.

– Значит, она идет вдоль палубы... – оглядевшись, он схватил стержень, которым выломал сетку, положил его на дно, поперек трубы, и осторожно подтолкнул пальцем. Присмотрелся, толкнул в обратную сторону.

– Корма там, – решил Тектор, убедившись, что есть небольшой уклон. – Нам туда.

– Почему? – удивился Фтимар.

– Потому, что в любом корабле выходные отверстия дренажной системы будут

на корме, а значит там находится коллектор... – улыбнулся и пояснил – ...место, где все трубы сходятся. Если б я был ренегатом и устроил тайное убежище в колоссальном дредноуте великанов, именно там находился бы мой штаб.

Слегка растерянный, крылатый сарк кивнул:

– Ну ладно...

– Лезь мне на спину. И не спорь! – строго добавил Тектор. – В тебе веса никакого.

Устроив раненного поудобнее, он медленно, шаг за шагом, двинулся вдоль трубы. Метров через сто свет из отверстия пропал, и друзья очутились в полной темноте. Хотя нет, не в полной:

– Впереди огонек, – шепнул Фтимар.

– Где?! – всполошился Тектор, – Я не вижу!

– Для моих глаз темноты не существует. Метров триста еще.

Инженер вздрогнул, но ничего не сказал и продолжил идти. Наконец, и он заметил далеко впереди тусклый красный огонек. Пришлось напрячь волю, чтобы не пуститься бежать.

Минуты неспешно утекали в прошлое. Когда Тектор добрался до огонька, он даже не особенно удивился, обнаружив большую и грубо сделанную лампочку накаливания с красным стеклом. Лампа едва светилась, нить внутри была свернута необычной левосторонней спиралью.

– Изделие людей? – спросил Фтимар.

– Очевидно, – Тектор внимательно осмотрел цоколь. – Какие странные буквы... А пайка наша, – заметил он с волнением.

Два изолированных провода тянулись по дну трубы, исчезая во мраке. Инженер прибавил шагу. Судя по тому, что неведомые электрики не стали использовать металлическую трубу в качестве заземления, они не хотели, чтобы на корпус корабля проходило даже малейшее постороннее напряжение. Тектор их хорошо понимал.

Друзья обнаружили еще три лампы, припаянные к тем же проводам. В трубе не раз встречались ответвления, у одного из них Фтимар заметил наклейку с надписью "Рубка – 60 метров". Тем не менее, сарки упорно следовали за проводами, рассудив, что этот путь приведет к источнику питания всей цепи.

Мысль оказалась правильной. Миновав очередное ответвление, друзья оказались в довольно большом круглом коллекторе, освещенном пятью лампами. В стенах зияли отверстия других труб, пол занимал широкий колодец, уходивший во тьму. Через колодец были перекинута (и грубо приварены) стальные балки, удерживавшие прочную решетку. А на решетке стоял большой черный ящик, отвратительно вонявший серой.

Тектор облегченно вздохнул:

– Аккумулятор... – переступив щель в бездну, он подошел к ящику и помог Фтимару залезть на его верхнюю панель. Забрался сам.

– Что дальше? – спросил раненный.

– Есть одна мысль...

К счастью, провода были не припаяны к клеммам, а просто зажаты винтовыми держателями. Определив по состоянию контактов, где "плюс", Тектор решительно взялся за "минусовую" клемму и выдернул ее из держателя. Воцарилась полная темнота.

Подождав несколько секунд, инженер приложил клемму обратно. Вспыхнул свет. Тогда, поспешно припоминая уроки в космическом центре, Тектор начал сигнализировать аварийным двоичным кодом:

"Нужна помощь. Космонавту нужна помощь. Срочно нужна помощь."

Отстучав послание, он подождал несколько минут и повторил его. Затем еще два раза. Теперь оставалось только ждать.

Они пришли спустя полчаса. Два сарка в шлемах с мощными ксеноновыми фонарями. На спинах оба таскали сумки с инструментами и, явно, собирались чинить забарахлившее освещение. Встреча с Тектором и Фтимаром оказалась для них неожиданностью.

Впрочем, не настолько, как для самих космонавтов; пораженно моргая, Тектор уставился на одного из незнакомцев, Фтимар недоверчиво наострил ушки. Ибо...

– Ты откуда взялся? – оправившись от удивления, гневно спросила крупная,

атлетичного сложения черно-коричневая самочка. Акцент у нее оказался таким же, как у ренегата, с которым разведчики недавно беседовал по рации; кончик хвоста украшала хромированная насадка с тремя лезвиями, в ушах блестели золотые кольца, но самой странной деталью был светло-серый шипастый ошейник, покрытый тончайшей и весьма совершенной гравировкой. В глубоких сиреневых глазах светилось подозрение.

Спутник самочки, еще более крупный угольно-черный самец в таком же ошейнике, только золотого оттенка и без колечек в ушах, смерил Фтимара удивленным взглядом:

– Поймал хгоака? – он заметил подбитое крыло и щелкнул хвостом, звонко цапнув трубу шипастой насадкой: – Твоя работа?

Тектор сглотнул, но быстро нашелся:

– Нет конечно! – отозвался он с возмущением в голосе, старательно имитируя восточный акцент. – Глупый зверь попался людям, я его в лаборатории номер семь спас, – инженер грубо потряс Фтимара за здоровое крыло – Так перепугался, что лапы отнялись, пришлось на спине тащить!

Разведчик моментально понял замысел друга и подыграл, изобразив испуганного недовольного «дактила» – или, как их очевидно звали ренегаты, «хгоака». Зашипел на Тектора, но тот с силой схватил «зверя» за шею и пригнул к полу. Хрупкий и практически беззащитный перед сарками, Фтимар покорно затих.

Ренегаты удивленно наблюдали, самец даже почесал за ухом.

– Кто ты? – спросил он с сомнением.

– Зовусь Тектор, механик, – быстро отозвался космонавт. – Я новичок, заблудился вот...

– Новичок? – переспросила самка. – Так ведь последний рейс был полцикла назад!

Тектор покачал головой:

– Имел в виду, новичок тут, на корабле, – он беспечно махнул лапой. – Сам-то я уж давно прибыл.

Самка подозрительно прижала ушки:

– И какого хрена тебя понесло в лабораторию?

Тектор сокрушенно поджал хвост.

– Поспорил с другом, – ответил виноватым голосом. – Мол, что пролезу и никто не заметит... Кто ж знал, что там эта штука! – он легонько пнул Фтимара. Крылатый снова зашипел, хоть и тише, чем в первый раз.

Тектор с надеждой посмотрел на ренегатов:

– Я тут совсем заплутал... Можно, за вами тихонько увяжусь? Не говорите никому, что видели, ладно?

Самец фыркнул:

– Ну ты и нахал!

– Есть чуточку... – подмигнул космонавт. – Вас как звать-то?

– Хагар, – представился самец. – А это Хаски. Мы с ней пара.

Тектор улыбнулся:

– Очень приятно. Ребята, вы же механики, как и я. Ну войдите в положение? – он кивнул на Фтимара. – Нельзя мне с ним показываться, еще решат, что люди могли заметить, а за такое у нас... – он живописно высунул язык и склонил голову набок. – Давайте я просто за вами увяжусь, будто мы и не знакомы, а как дорогу вспомню – дальше уж сам? Механик механика не сдаст, правда?

Хагар с огромным сомнением почесал за ухом, но отозвалась его подруга:

– И с какого резону нам тебе помогать?

Тектор на мгновение запнулся.

– Ну-у... – он быстро вспоминал все, что знал об экономике ренегатов. – При себе у нас ничего нет, сами видите, но даю слово, как только вернемся, я вас отблагодарю!

– У вас? – переспросила Хаски. – Ты чо, тут не один? – она с тревогой огляделась и положила лапку на пояс, где висел длинный клинок. Тектор вздрогнул.

– Один, один! Я его имел в виду! – хохотнув, он потрепал притихшего Фтимара по голове. Хагар фыркнул, даже его суровая подруга не сдержала улыбки. Взгляд опытного переговорщика Тектора подмечал все детали: ренегаты переглянулись, самец едва заметно дернул ухом.

– Ну, ладно... – недовольно поморщившись, буркнула Хаски. – Будешь должником, понял? – порывшись в сумке, она выудила оттуда тесемку и протянула ее

Тектору. – На, сделай хгоаку поводок. Если спросят, что за зверь, говори что ведешь к Енгазану, крыло подлечить.

– Спасибо! – просиял инженер. – Вы наши... мои спасители!

– Не забудь этих слов, – фыркнул Хагар. – Ну чо, по домам? Чинить вроде нечего...

Хаски окинула космонавтов еще один сомневающимся взглядом.

– И акцент у тебя странный... – протянула. Тектор сокрушенно кивнул:

– Знаю, да. Все говорят.

– Мелкий ты какой-то для самца, – заметила Хаски с подозрением. Тектор нахально выпрямился и упер лапки в бока:

– Мелкий да ловкий!

– Ну-ну, – фыркнула самочка, но продолжать допрос раздумала. Осветив аккумулятор, она придирчиво изучила клеммы, хмыкнула и спрыгнула на решетку.

– По домам.

– Мы вперед пойдем, а ты за светом фонарей следи, – пояснил Хагар. – Встретишь кого, мы незнакомы!

– Само собой!

Ренегат почесал за ухом и направился к одной из труб, зиявших в стене коллектора. Хаски, помедлив еще пару секунд, к нему присоединилась, и космонавты остались одни.

Тектор быстро дал знак Фтимару не нарушать тишины и, сильным прыжком прямо с аккумулятора, оказался у нужной трубы. Припал к полу, уложил ухо на грязный металл. Слушал несколько секунд.

Затем, все так же молча, перепрыгнул обратно и помог Фтимару спуститься. Крылатый разведчик вопросительно склонил голову набок.

– Кажется, получилось... – шепнул Тектор. – Они и правда уходят.

– Мог просто спросить, – слабо улыбнулся Фтимар. – Я-то слышу в радиусе километра.

Удивленный инженер моргнул.

– И вокруг никого?

– Никого. Даже вверху, на палубе, царит полная тишина, – разведчик вздохнул.

– Или мы слишком глубоко...

Тектор нервно дернул хвостом.

– Наверное глубоко, не могут же огромные люди совсем не шуметь, – он взял поводок, что дала Хаски и повязал его Фтимару на шею. – Лезь, да не забудь, что говорить не умеешь.

– Это трудно забыть, – буркнул крылатый.

– Ммм?

– Мне с каждым днем все больше разговаривать, организм отторгает голосовые связи.

Тектор вздрогнул, но промолчал, и, посадив Фтимара на спину, быстрым шагом углубился в недра кошмарного человеческого корабля, следуя за слабо мерцавшим впереди светом.

Глава 13

Вездеход с шумом и бульканьем вынырнул у берега озера. За штурвалом была Орби – смертельно уставший Элджи свернулся калачиком в кресле. Старательно глаза по сторонам чтобы не поцарапать машину, мышка выехала на отмель.

– Чернохвостик, просыпайся... – позвала тихо. – Куда теперь?

Элджи встрепенулся, рывком сел, протирая глаза.

– А? Что?! А, поверхность... Умница... – он чмокнул подругу в нос. – Меняемся местами.

– Просто скажи, куда ехать и спи дальше.

– Я уже отдохнул, – с любовью отозвался мыш. – Пусти, моя пушистая.

Заняв кресло пилота, он рывком дернул вездеход с места и на максимальной скорости направил его в лес. До скрытой под деревьями «Скорой помощи» домчались минут за пять.

При виде новоприбывших одна из сторожевых овчарок послушно поднялась на задние лапы и открыла зубами двери человеческой машины. Оттуда сразу выглянула Кира:

– Все хорошо? – она подбежала к кабине как раз когда Орби отдраила люк.

– Да, да, – мышка улыбнулась. – Мы привезли Итана, он в салоне.

– Давайте его сюда... – Кира протиснулась мимо Орби. Та спрыгнула на землю, охнув от внезапного напряжения в животе. Из люка выглянул Элджи:

– Родная, ты в порядке?

– Да... Кажется... – Орби попыталась было шагнуть вперед, но вскрикнула от острой боли. Нервная, улеглась на бок, чтобы унять резь в животе. Элджи поспешно спустился вниз и подбежал к подруге:

– О, нет, – прошептал он. – Только не сейчас, только не сейчас!

– До срока... Еще... Есть время... Правда?... – глотая воздух мелкими частыми вдохами, выдавила Орби. – Разве... Не 24 дня?..

– Я не знаю! – Элджи в отчаянии упал на колени. – Любимая, постарайся, молю тебя, хоть как-нибудь вытерпи!

Из люка выглянула Кира, тащившая на спине спящего Итана. Мгновенно оценив обстановку, она спрыгнула на землю, уложила брата в траву и подскочила к друзьям:

– Ее надо в салон. Я пригляжу. Элджи, успокойся... – она оттеснила перепуганного мышонка, бережно подняла Орби сильными лапками и унесла в вездеход. Бросила через плечо: – Займись моим братом!

Люк со звоном захлопнулся. Вся шерсть Элджи поднялась дыбом. Не в силах ни о чем думать, он прижался спиной к мокрому, холодному борту построенной им могучей машины и закрыл глаза лапками.

– Небо, если на свете есть хотя бы тень справедливости, хоть призрачный намек, пусть все пройдет хорошо... – взмолился он шепотом. От волнения подкосились лапки и мышонок, без сил, сполз по металлу.

Из шокового полубытья его вывел чей-то мокрый холодный нос. С трудом приоткрыв глаза, Элджи оказался лицом к лицу с Итаном; тот пришел в себя после наркоза и обнюхивал мордочку черного мышонка. Кира, естественно, еще в салоне его развязала.

Напрягая волю и борясь с липким, всепожирающим страхом за Орби, мыш заставил себя встать. Люк вездехода был по-прежнему заперт; сообразив, что постучать СЕЙЧАС будет самым глупым поступком из мыслимых, Элджи стиснул

зубы.

– Держись там, любимая... – выдавил он и, нехотя, перевел взгляд на Итана.

Золотистый зверек с любопытством обнюхивал черного мыша. Брат-близнец Киры выглядел ее точной копией, но отличался несколько меньшим ростом и не таким массивным туловищем. На вид, весить он должен был лишь ненамного больше самого Элджи.

– Идем, – черный мышонок сделал несколько шагов к «Скорой». Итан последовал за ним, смешно морща носик и принюхиваясь. Элджи шел медленно, подманивая зверька жестами, но тот постепенно начинал нервничать, словно чуял что-то недоступное. Чем ближе становилась машина, где спала измученная Настя Тимофеева, тем тревожнее вел себя Итан.

Когда они подошли к автомобилю вплотную, его золотая шерстка уже стояла дыбом, хвост метался из стороны в сторону, бока часто-часто вздымались в лихорадочном ритме. Элджи забрался в салон «Скорой» через распахнутую заднюю дверь, обернулся чтобы поманить золотого мышонка, но это уже не требовалось; издав странный приглушенный писк, Итан сам запрыгнул в машину и промчался мимо Элджи, бросившись к спящей девушке.

Торопливо взобравшись на носилки, он пару секунд слепо тыкался носом в одеяло, будто новорожденный детеныш в поисках материнского молока. Наконец, его лапка случайно коснулась запястья Тимофеевой; громко пискнув, он прижался к ее руке всем телом и одеревенел. Тело спящей девушки изогнулось дугой, сильно дернулось пару раз, обмякло. Испуганный Элджи бросился вперед.

– Что происходит? – гневно спросил связанный человек с обожженным лицом, сидевший на полу у носилок. Бросив на него лишь короткий взгляд, черный мыш подбежал к шее Тимофеевой и нашупал пульс.

– Жива... – выдохнул облегченно. Подскочил к Итану. Тот лежал совершенно неподвижно, вцепившись в запястье девушки всеми лапами; лихорадочное дыхание замедлилось, глаза были закрыты. Со стороны любому бы показалось, что золотой зверек мирно спит, свернувшись на руке любящей хозяйки. Будто котенок.

– Я спросил, что происходит!

Элджи, нехотя, отошел от неподвижного Итана и уселся на край носилок.

Взглянул на человека.

– Не знаю, – ответил честно. – Девушка жива и спокойно спит, это все, что я могу определить.

Он помолчал, нервно дергая кончиком хвоста. Мысли непрерывно возвращались к Орби, приходилось напрягать волю чтобы замечать происходящее вокруг и, тем более, отвлекаться на разговор. Человек пожирал черного мышонка глазами.

Некоторое время оба молчали, Итан и Настя не шевелились. Наконец, тишину нарушил голос Эджи:

– Я тебя помню, – сказал он обожженному. – Ты приходил смотреть на меня в клетке. Несколько раз.

– Верно, – глухо ответил тот.

– Жалеешь, правда? – Эджи с трудом улыбнулся.

– Жалею?

– Что не раздавил каблуком.

Человек капельку сузил глаза.

– Да, – ответил после короткой запинки. Мышонок согласно кивнул:

– Понимаю, – он отвел взгляд. – Ничего личного...

– Именно.

Вновь воцарилась тишина.

– Трудно воспринимать меня всерьез, знаю, – сказал Эджи после долгой, мучительной паузы. – Я маленькое хрупкое существо, всего лишь грызун. Умение говорить делает меня диковинкой, не больше.

– В глазах обывателей. Не в моих, – жестко отозвался человек.

– Правда?

– Правда. Я обучен оценивать угрозы вне зависимости от обертки.

Эджи усмехнулся.

– Тогда ты должен понимать, что я не прямая угроза, а лишь потенциальная. «Clear and present danger», как выражаются американцы – не про меня.

– От этого ты не становишься менее опасным.

– Знаю, – мышонок опустил голову. – Знаю. Хотя тебе и трудно осознать, но мой

интеллект не уступает человеческому, а уровень знаний превосходит большинство людей.

Пленник качнул головой:

– Я видел результаты твоих тестов в институте. Ты умнее практически всех, кого я знаю, включая и меня самого.

– ...и это лишь делает меня опаснее, – грустно закончил Элджи.

– Конечно.

Они посмотрели друг другу в глаза.

– Вы не осознаете, что такое разум, – тихо сказал мышонок. – Он слишком привычен, слишком повседневен, вы давно разучились его замечать. А мне, зверю, разум видится чудом. Грандиознейшим триумфом Творения, бунтом природы на безграничность Вселенной. Я крохотная мышь, – Элджи горько развел лапками, – Но я знаю о звездах. Знаю, почему дует ветер и куда летят тучи. Посмотри на Солнце! – жарко сказал он, подавшись вперед. – Посмотри на Луну! Разве между мной и тобой есть разница? Я ростом в десяток сантиметров, а ты в полторы сотни. Кто мы по сравнению с Солнцем и Луной, если не бесконечно малые точки?! Мы точки, мы равны пред Вселенной, и все же мы равно способны ее сознать, ибо владем магическим даром.

Пленник прищурил глаза.

– К чему эта претенциозная речь?

Элджи вздрогнул. Зажмурился на миг, перевел дыхание.

– Просто хотел сказать, что я буду бороться за жизнь, – ответил коротко. – Не только свою, но и всех, кто мне дорог. Особенно за тех, кого я сам приведу в этот мир, – он встал на ноги и в упор посмотрел на человека. – Мы не враги. Ты веришь, что я угроза, но в бесконечной Вселенной нам всем хватит места.

– Я за Вселенную не в ответе, – усмехнулся пленник. – Только за Землю.

Ничего не ответив, мышонок подошел к Итану, еще цеплявшемуся за руку девушки. Помедлил, но все же протянул лапку и погладил золотистого зверька по голове. Тот шевельнулся, открыл мутные зеленые глаза. Элджи сглотнул.

– Итан? – позвал негромко.

Зверек долго не реагировал, лишь медленно и равномерно дышал. Затем,

отцепившись от запястья Тимофеевой, перекатился на спину и застыл, беспомощно раскинув все лапки.

– Имя... – прошептал он еле слышно. – Мое имя...

Элджи, вскрикнув, схватил золотого мышонка за плечи:

– Ты вспомнил!

Итан медленно приподнялся и сел. Зажмурился, провел ладонью по глазам, вновь их открыл и, будто не веря, осмотрел свою лапку.

– Мое тело... – потрясенно прошептал он. – Это же мое тело! Я жив?! Но как?!

Счастливый Элджи, не удержавшись, издал восторженный вопль:

– Победа!!!

Итан перевел на него взгляд, пару секунд мучительно вспоминал.

– Эджернон, – произнес он, наконец, борясь с головокружением. – Тебя помнила Настя.

– Да, да! – счастливый мыш присел перед воскресшим сородичем. – Я Элджи! Мы с Кирой спасли твое тело из института прежде, чем люди его уничтожили!

Итан улыбнулся, медленно и нерешительно, еще опасаясь поверить. Его изумрудные глаза постепенно становились ярче, взгляд – глубже, черты лица становились тоньше и выразительнее. Безобидный комочек золотой шерсти неумовимо менялся, Элджи в восхищении смотрел, как зверь обретает разум.

– Кира в безопасности? – спросил, наконец, Итан. Голос прозвучал куда тверже его первых слов.

– Да, – кивнул Элджи. – Прямо сейчас мы в безопасности, но люди нас ищут, поисковые отряды прочесывают лес. Мы с Кирой и... еще одной мышкой, готовимся залечь на дно в далеком убежище.

Итан встал на ноги, чуть покачнувшись. Оглядел салон «Скорой помощи», спящую девушку, с ненавистью следившего за мышатами связанного человека с обожженным лицом. Заметил двух овчарок, охранявших пленника и слабо улыбнулся.

– Спасибо, Элджи, – сказал он тихо. – У меня нет слов. Да и какими словами выразить?.. – он опустился на одно колено и глубоко поклонился опешившему черному мышу. Тот даже попятился, споткнулся о складку одеяла и сел на хвост.

Итан, выпрямившись, набрал полную грудь воздуха, шумно выдохнул.

Раскинул лапки, счастливо пискнул и упал спиной на одеяло.

– Жизнь, – прошептал он, дрожа. В глазах показались слезы. – Я не мог и надеяться...

Элджи, присев рядом, ласково погладил сородича по золотой шерсти.

– Все хорошо, теперь все будет хорошо. Отдыхай.

Итан зажмурился.

– Отдых подождет, – сказал он, не раскрывая глаз. – Прошу, не отвлекай пару минут. Я должен восстановить разум девушки.

Элджи сильно вздрогнул.

– А... Разве она теперь не в порядке?.. Ты же вернулся!

– Если с кассеты переписать запись на новую, старая не изменится, – коротко ответил Итан. – Прости, некоторое время я не смогу отвечать на вопросы.

Продолжая лежать на спине, он расслабился и замер, остановилось даже дыхание. Элджи вскочил, но вспомнил что Кира могла не дышать часами; с трудом успокоив нервы, и так растянутые до предела из-за тревоги за Орби, мышонок заставил себя сесть рядом с Итаном. Бросил взгляд на молчавшего все это время человека.

– Одной угрозой больше? – спросил грустно.

Пленник ничего не ответил.

...последний! – выдохнула Кира. Изможденная Орби мучительно застонала и в салоне, наконец, воцарилась тишина. Нарушало ее лишь едва слышное попискивание новорожденных.

Уложив последнего малыша в гнездышко из одеял, под бок маме, Кира устало опустилась на хвост. Еле живая Орби глотала воздух, как выброшенная на берег рыбешка.

– Спасибо...

– Да не глупи ты! – фыркнула воительница. Смерив взглядом гнездо, почесала за ухом: – Надо же, пятеро. Не думала, что Элджи... такой молодец.

Орби счастливо улыбнулась:

– Пятеро!

Кира вздохнула:

– Завидую.

– У тебя же скоро будут, от Итана...

Золотая мышь горько улыбнулась.

– Я тоже так думала, да.

Орби удивленно наострила ушки:

– Что случилось?

Кира помолчала.

– Лучше начинай купать малышей, – сказала после долгой паузы. – Теплая ванна нам еще долго не светит.

Упрашивать Орби не требовалось; моментально забыв обо всем, она повернулась на бок, преодолевая боль, и принялась нежно вылизывать голых, беспомощных, тихонько попискивающих детенышей. Кира поднялась на ноги:

– Пойду, что ли, тоже помоюсь. Люк оставлю открытым, если что – сразу зови!

Орби ее даже не услышала. Золотая мышь, помолчав, тихо вышла из салона. Порывшись в ящике с припасами, нашла бутылку воды и выпрыгнула из люка в траву. Опорожнила бутылку на лапки, голову, грудь. Отряхнулась.

– Элджи! – позвала громко. – Как там Итан?

Молчание. Слегка встревожившись, Кира направилась было к «Скорой помощи», но застыла, увидев, кто вышел ей навстречу. Сердце дернулось – и пошло вразнос.

– Орби! – из машины выпрыгнул Элджи, промчался мимо оцепеневшей Киры и скрылся в люке. Золотая мышь его не заметила. Утратив дар речи, на грани безумия, она смотрела, как брат бежит к ней навстречу. Брат, в чью смерть – сначала физическую, а после и духовную – ее уже дважды заставили поверить.

Итан бросился на шею сестре, стиснул ее в объятьях. Воительница попятилась, потеряла равновесие и беспомощно свалилась на спину. В голове все кружилось, она попыталась что-то сказать, но сумела лишь пискнуть.

Прошло немало времени, прежде чем оба слегка опомнились, но еще долго они

сидели молча, судорожно обнимая друг друга. Итану пришлось напрячь всю волю, чтобы всё же выпустить сестру из объятий.

– Кира... – прошептал он. – Моя маленькая Валькирия...

Золотая мышь всхлипнула.

– Ну, как ты? – только и сумела выдавить.

– Все хорошо. Я вернулся. Мы живы, свободны и вместе, – он закрыл глаза, желая ощутить вкус своих слов. – Живы. Свободны. Вместе.

Кира, утирая с глаз слезы, поднялась на ноги.

– Я... Почти поверила, что больше тебя не увижу. Прости. Прости...

– Прощаю, – улыбнулся Итан.

Он тоже встал и ласково, с бесконечной любовью взял сестру за лапки.

– Мне жаль, что заставил тебя пережить столько горя. Быть может, нам все же стоило бежать вместе.

Кира судорожно вдохнула.

– Ты это СЕЙЧАС говоришь?!

– Увы, – Итан виновато прижал ушки. – Я ведь тогда не знал, что кроме нас, есть и другие... – он бросил взгляд на вездеход, оценивая конструкцию. Уважительно кивнул. – Расскажи о них.

Золотая мышь беспомощно улыбнулась.

– Элджи самый верный и искренний друг, которого только можно представить. Он замечательный. А его интеллект меня даже пугает. Вы с ним точно найдете общий язык.

Итан кивнул, тонко улыбнувшись.

– А его подруга, Орби?

– Наша подруга, – поправила Кира. – Милейшее, невинное создание. Она беззащитна, как певчая птичка, но всегда и во всем видит хорошее. Несет добро в наш несправедливый мир.

Итан зажмурился и на короткое время умолк, глубоко дыша. Кира с тревогой взяла его за лапку:

– Брат?

– Я анализирую, – пояснил Итан, не открывая глаз. Кира вздохнула.

– Помню, да...

– Я отличаюсь от других существ, – спокойно заметил золотой мыш. – Эмоции никогда не берут надо мною вверх. Почти никогда, – поправился он, бросив на сестру смущенный взгляд.

Воительница лизнула его в нос.

– Хватит анализировать. Мы больше не в клетке. Просто живи, – она оглянулась на вездеход. – Знаешь, весь этот месяц... Пока я думала, что ты мертв... – Кира понурилась. – Я наблюдала, как счастливы вместе Элджи и Орби, как они мечтают о будущих детях, строят планы на годы вперед. Мне хотелось броситься в омут. Или просто уйти, не мешать их маленькой семье. Но они любили меня... Любили, будто и я была частью... – она запнулась и рывком отвернулась, не в силах удержать слез. Итан с глубоким сочувствием обнял сестру за плечи.

– Теперь и у нас есть будущее, – сказал ласково. – Не грусти.

Кира подняла на него заплаканные глаза, открыла рот, будто собиралась что-то сказать, но запнулась, покачала головой и молча обняла. Целую минуту они провели, не думая ни о чем, растворившись друг в друге.

– Ладно... – выдавила наконец Кира, взяв себя в руки. – Ладно... Мне нужно закончить допрос людей. Иди в вездеход, познакомься с Орби. У них с Элджи сегодня особенный день... Столь же особенный, как и у меня, – добавила тихо.

Итан улыбнулся.

– Незачем тратить время. Я уже просканировал мозг агента Троицкого, и скоро мы будем знать все, что знает он.

Кира отпрянула:

– Но... Я обещала ему, что этого не случится!

– Он ни о чем и не подозревает, – Итан чуть прищурил глаза. – Как помнишь, люди в институте Добронравова тоже не замечали, когда я их сканировал.

Золотая мыш опустила голову.

– Я же обещала...

– Благородство делает тебе честь, но ставит в невыгодное положение перед врагом, – спокойно ответил мышонок. – Впредь не разбрасывайся обещаниями.

Кира надолго умолкла. Итан, видя, как расстроена сестра, ласково взял ее за

лапку:

– Эмоции – слабость. Человеческие условности, вроде «чести» и «благородства» – шоры, ограничивающие твое поведение. Они делают тебя слабой. А я воспитал тебя сильной.

– Быть сильной не значит быть подлой! – резко возразила воительница.

Итан, со вздохом, покачал головой.

– Как же мы много впитали человеческой культуры вместе с их памятью... – он развел лапками. – Впрочем, ты всегда была эмоциональной и горячей.

– А ты хладнокровно лишил меня брата, – тяжело сказала Кира. – Ты был моим миром. Моей жизнью. Всем, что я когда-либо знала, всем что имело смысл. Но ты «проанализировал» ситуацию и решил, что бежать я должна в одиночку. И вечно, до конца дней винить себя в твоей гибели.

Итан впервые вздрогнул и даже отступил на шаг. Ответить сумел не сразу.

– Прости, – сказал он после длительной паузы. – Я... упустил из виду эмоциональную составляющую такого решения. Меньше всего на свете я хотел причинить тебе боль.

Золотой мыш отвел глаза.

– Ты тоже мой мир, – сказал негромко. – Я люблю тебя, Кира. Мой разум более развит, но я далек от совершенства. И хотя логика диктовала, что из нас двоих, мои шансы на выживание были гораздо выше твоих, я просто не смог принести тебя в жертву. Прости.

Пораженная мышка прижала лапки ко рту. Итан молчал.

– Значит, это правда... – Кира сглотнула. – Я... И не задумывалась... Пока Элджи как-то раз не сказал, что ты должен был любить меня больше жизни, раз пожертвовал собой ради моей свободы.

– Он так сказал? – с легким удивлением спросил Итан.

Вместо ответа, Кира шагнула вперед и судорожно стиснула брата в объятьях. Быстро выпустила, отступила на шаг.

– Клятву, данную мне, ты сдержишь? – спросила твердо.

Он ответил мгновенно, не задумываясь:

– Любой ценой.

– Тогда поклянись, прямо сейчас, – золотая мышка в упор посмотрела на брата.
– Поклянись, что больше меня никогда не оставишь.

Итан молча кивнул. Кира, всхлипнув, утерла слезы лапкой.

– Вот и отлично. А то я совсем раскисла... – она гневно дернула хвостом. – Ладно, иди в машину. Я проверю людей.

– Как скажешь, моя бесстрашная Валькирия, – тихо ответил золотой мышонок, и, развернувшись, направился к вездеходу.

Глава 14

– Не толпиться, не толпиться! – худой костлявый старик с белой шерстью и протезом на месте задней правой ноги растолкал маленькую группу ренегатов, окруживших Тектора. При виде Фтимара на поводке, старик озадаченно наострил уши.

– Это еще что за самоуправство?! – он впился в Тектора горящим взглядом. – Кто разрешил?!

– Я спас его от людей, веду к Енгазану, крыло подлечить, – устало ответил Тектор. Он повторял эти слова каждому встречному уже несколько часов. Убежище ренегатов таилось в машинном отделении человеческого корабля, среди давно заглушенных котлов и колоссальных турбин, когда-то, наверно, выдававших больше мощности, чем вся цивилизация сарков совместно. Тектор и Фтимар попали сюда лишь недавно, но уже успели заметить, как тщательно ренегаты скрывали свое присутствие от людей. Воздух был тяжелым, пропитанным запахами металла и масла, шарниры гигантских машин – когда-то обильно смазанные – покрывала черная корка многоциклового гризи. Корабль людей, как с удивлением осознал инженер, больше не мог самостоятельно двигаться – и не мог уже очень давно. То есть, его использовали в качестве плавучей базы, причем не первое десятициклие...

Тем временем, старик возмущенно распушил седую шерсть:

– Где документы на зверя?!

– Какие еще документы?! – Тектора окончательно достали бесконечные расспросы и он сорвался. – На кой хвост вам сдался этот бедолага?! Зачем поймал, куда

ведешь, почему крыло... Тут вам что, гнездо крыс?! Мы свободный народ, каждый сам за себя!

– Эй, эй, потише, – грозно заметил один из толпившихся вокруг ренегатов. – Ты на старого Верцкхла не кричи, понял?

– Я не кричу, – немного спокойнее отозвался Тектор. – Просто мне опротивело объяснять одно и то же. В последний раз спрашиваю, как найти Енгазана? Можете помочь – помогите, не можете – так хоть не задерживайте!

Старик смерил инженера злым взглядом.

– Кто ты? – спросил сухо. – Из чьей бригады?

– Я не из бригады. Зовусь Тектором, механик.

– Что значит, не из бригады? – опешил старик. – Тут все в бригадах, зона риска же!

Тектор стиснул зубы.

– Я сюда в одиночку проник. Поспорил, что сумею, и сумел. Только потом нашел этого... – он дернул Фтимара за поводок. – Ну не бросать же его на смерть?

– В одиночку проник? – переспросил другой ренегат из толпы. – Это как? Приплыл, чо ли? – он хохотнул.

– Нет, – спокойно ответил Тектор. – Я спрятался в машинном отделении катера людей, и ночью взобрался на борт.

Ренегат покачал головой.

– Ну ты и псих...

– Псих, не псих, я так решил! – оборвал инженер.

Одна из слушавших, взъерошенная серебристая самочка небольшого роста с глазами очень редкого для сарков изумрудного цвета и полосой темной шерсти от носа до хвоста вдоль спины, фыркнула и сдвинула на затылок строительный шлем.

– Ладно, народ, позыркали и довольно, – сказала она громко, выходя вперед. – Пока вы тут зубы скалите, хгоаку больно, между прочим.

Обернувшись к Тектору, она уперла лапки в бока:

– Пошли, отведу к Енгазану.

Старик возмущенно хлестнул хвостом:

– Никуда он не пойдет! Я смотритель этого лагеря, и...

– Пойдет-пойдет, – оборвала самочка. – Чо, драки захотел? – она свирепо оцетинилась. – Со мной?

Старик сглотнул и попятился, остальные ренегаты явно встревожились.

– Остынь, Синти, мы же... – начал было один, но серебристая бросила на него такой взгляд, что он моментально умолк.

– Парень, между прочим, рисковал, спасая хгоака, – грозно заметила самочка. – А ты бы рискнул, а, Мукас? Или ты? Или ты? – она обвела коготком ренегатов. Криво усмехнулась: – Так я и думала. Иди за мной! – бросила через плечо, решительно растолкала толпу и зашагала прочь.

Тектор и Фтимар поспешно догнали неожиданную защитницу и пристроились следом. Та, не сбавляя шага, обернула голову и смерила обоих оценивающим взглядом.

– Не дергай поводок, чо не видишь, как ему плохо? – бросила резко.

Тектор сглотнул.

– Я не дергаю, чо ты! Он сам идет... – инженер несмело улыбнулся. – Любишь животных?

– Терпеть не могу, – отрезала Синти.

– Э-э-эм...

– Хгоаки не звери, – почти прорычала она.

– А! – сообразил Тектор. – Правильно! Я тоже так думаю!

– Ты? – серебристая остановилась и обернулась. Тектор лихорадочно закивал:

– Я люблю хгоаков! Потому и решил спасти этого!

Синти, глядя на нового знакомого с большим подозрением, приблизилась на пару шагов и тщательно обнюхала сначала Фтимара, затем Тектора. Инженер, стараясь ничем не выдать смущения – ему, как горожанину, было дико стоять перед незнакомой самкой – молча ждал.

– Ну-ну... – протянула наконец серебристая. – Чую, ты правда нес его на спине.

– Слушай, на кой хвост мне врать, а? – возмутился инженер.

Ренегатша помедлила.

– Ладно, – буркнула. – Еще нагодишься на местных, самому станет трудно их байкам верить. Я Синти, дочь Серенады. Той самой, – добавила многозначительно.

Тектор постарался всем видом воплотить благоговение:

– Обалдеть... А я механик Тектор, – на миг помедлив, он все же рискнул: – Неужели той самой Серенады?!

Синти фыркнула.

– Слыхал о других?

– Нет, просто... Как-то неожиданно...

Серебристая уперла лапки в бока:

– Чо неожиданного? Если ты про масть, то я пошла в отца кроме полоски, вот, – она провела лапкой по темной шерсти, начинавшейся у носа и тянувшейся между глаз, вдоль по голове и спине до самого хвостика. – А рост да ловкость получила от матери... С тех пор, как родители не вернулись из-за Барьера, я поселилась тут. Работаю добытчицей в бригаде Вуна. А еще со мной не стоит ссориться, – напористо добавила она. – Мать успела всему обучить, да и я не теряла времени последние циклы!

Тектор попятился, вскинув лапки:

– Не хочу я с тобой ссориться, что ты! Наоборот, спасибо за помощь!

Синти шмыгнула носом.

– Так, на всякий случай. Ну? Мы идем к Енгазану или еще поспишь тут на дороге?

– Иду, иду! – инженер торопливо закивал. Серебристая молча развернулась на месте и быстро зашагала вперед, Тектор и Фтимар поспешили следом.

Енгазан жил в оранжевом кислородном баллоне размером с вагон магнитки. Когда-то, видимо, люди уронили этот баллон, и он укатился под колоссальный вал привода винтов; чтобы не мучаться с разборкой всей машины, баллон там и бросили. Спустя много циклов, ренегаты прорезали в металле дверцу и несколько кривых окон, больше напоминавших дыры от пуль.

Синти, шедшая первой, не стала даже стучать в дверь, а просто распахнула ее ударом ноги.

– Енгазааааан! – завопила так, что Фтимар невольно сжался – в чувствительные уши словно иголки воткнули. На крик из окна почти сразу выглянул коренастый, до смешного толстый ренегат с песочно-желтой шерстью, усыпанной коричневыми пятнами. Тектор удивленно моргнул – он никогда прежде ни у кого не видел такой расцветки.

– Да-вах, кого принесли глубинные течения... – пробормотал Енгазан. Глаза у него тоже были удивительные, янтарно-желтые, ушки торчали треугольниками – в отличие от полусфер у всех остальных сарков. Хоть верилось с трудом, но Тектор был вынужден признать: Енгазан относился к иному биологическому виду. То есть в мире существовали и другие разумные существа кроме сарков, людей и хгоаков!

Инженер ощутил, что шерстка на спине встаёт дыбом — столько вопросов разом! Фтимар, заметив это, тихонько наступил другу на хвост и, когда тот обернулся, легонько покачал головой. Тектор с большим трудом заставил себя успокоиться.

Между тем, в дверях показался Енгазан и космонавты смогли разглядеть его вблизи. Он довольно сильно отличался от сарков; задние ноги оказались намного мощнее передних, туловище – короче и более коренастым, плотным, вдобавок Енгазан был необычайно упитанным и походил, скорее, на пятнистый шарик. На широкой, живой мордочке светились весельем и энергией небольшие черные глазки.

– Хгоак! – воскликнул новый знакомый при виде Фтимара. Синти уперла лапки в бока:

– Крыло.

– Вижу... – Енгазан подскочил к Фтимару и бесцеремонно обнюхал. Взял одной лапкой за больное крыло, бережно отвел в сторону. Разведчик тихо зашипел.

– Какой послушный, однако? – удивился Енгазан. Сунув нос под крыло, он осмотрел распухший плечевой сустав. – Вывих плохой... Удар сильный был, да... – он жестом подозвал Тектора и Синти. – Навалитесь, вы. Трепыхаться будет.

Инженер бросил на серебряную самочку нервный взгляд, но та, видимо, доверяла врачу безоговорочно. Следуя ее примеру и стиснув зубы, он пригнул несчастного Фтимара к полу.

Енгазан ощупал поврежденный сустав. Тектор дрожал едва ли не больше, чем раненый разведчик, он чувствовал напряжение тела Фтимара от прикосновений

доктора. Несколько минут Енгазан продолжал осматривать сустав, водил по нему лапкой, и внезапно без малейшего предупреждения сильно ударил раненного в плечо, одновременно дернув второй лапой крыло на себя.

Фтимар издал громкий писк и забился, но Тектор и Синти легко его удержали. Енгазан, довольно кивнув, подвигал вправленное крыло вверх-вниз и отступил, ухмыляясь в усы.

– Готово, однако. Летать сможет.

– Когда? – вырвалось у Тектора. Боль друга причиняла почти такую же ему самому.

Енгазан смешно развел лапками.

– Смена, две, три... Пять... Кто знает? Больно долго будет, однако, заставлять не надо. Кормить свежими плодами, обильно, будет упрямитесь – насильно. Ясно?

Инженер выпустил Фтимара и шагнул назад, его хвост непроизвольно дергался.

– Сп... Спасибо, – выдавил через силу.

Енгазан кивнул:

– Молодец, что подобрал. Не выжил бы он, однако. Где нашел?

Тектор опустил на колено рядом с хрипло глотающим воздух Фтимаром, погладил страдающего друга по тоненькой шерсти.

– Спас в лаборатории номер 7, – отозвался нехотя. Енгазан отпрянул:

– От людей?! – он бросил быстрый взгляд на Синти, та кивнула. – Да-вах, безумцы-глупцы, как можно было, как?! А поймали бы? А резать бы начали?!

– Вот я и не дал его резать! – довольно жестко ответил Тектор, вскинув голову.

Енгазан отступил на шаг, какое-то время молчал.

– Тебя видели? – спросил после паузы. – На камеры попал? – Тектор замотал головой. – Точно знаешь, однако? – доктор сузил глаза.

– Точно, – ответил инженер.

– Откуда?

– Я механик. С техникой на коротком хвосте. И лабораторию внимательно изучил, прежде чем показаться. Не было там ни людей, ни камер. Я не безумец, помню, чем рискуем.

Синти с легким сомнением почесала за ухом.

– Ты молодец, парень... Но не многовато ли хлопот ради спасения зверюшки?

Тектор бросил на нее удивленный взгляд:

– Сама же сказала, хгоаки не звери!

– Для меня, – пояснила самка. – Для него, – она кивнула на Енгазана. – А для тебя-то с какого перепугу?

Инженер выпрямился и скрестил на груди лапки.

– С того же самого, – произнес твердо. – Не вы одни считаете хгоаков разумными существами. Да и не только их, я вижу. Енгазан, как называется твой вид?

Доктор чуть склонил голову набок.

– Не вид, однако, – он улыбнулся. – Полукровка я. Отец из братства, мать – песчанка с предгорий, неразумная.

Тектор, вздрогнув, невольно сглотнул.

– А-а-а... Эммм... Не знал, прости.

– Редко-редко-редко полукровки наследуют разум, – объяснил Енгазан. – Таких, как я, однако, во всем братстве больше нет.

– Его отца изгнали в пустыню, за то что животное содержал в тайнике и насиловал, – пояснила Синти. – Но детенышей возвращать в дикую природу запрещено, пока остается шанс что те получили мозги от родителя. Енгазан начал говорить на двадцатую смену, его приняли в братство и отдали на воспитание в мой клан.

– Только позаботились, что б новых полукровок не наплодилось, – хохотнул доктор. Сообразив, о чем он говорит, Тектор растерянно моргнул.

Фтимар, тем временем, немного пришел в себя и даже сумел выпрямиться. Осторожно подвигал крылом, морщась от боли. Синти шагнула вперед:

– Чо дальше?

– Дальше? – не сразу понял Тектор.

– Чо станешь с ним делать, я спрашиваю?

Инженер оглянулся на друга.

– Отпущу, чо.

– Пряма так? – гневно спросила самочка. – Нелётного? Чо б его первый же хлисс сожрал?

Тектор нахмурился:

– Ну ясно же, сначала дождусь пока выздоровеет!

Синти усмехнулась.

– А на берег-то как вернешься? Полезешь в катер людей с нелётным хгоаком в охапку?

Тектор вздрогнул.

– Эмм... Пережду где-нибудь тут... – пробормотал неуверенно. – Пока снова не взлетит...

Енгазан покачал головой:

– Оставь его в клинике, мы присмотрим.

– Нет! – вырвалось у Тектора против воли. Сглотнув, он поспешно уточнил: – Нет, я хочу сам вернуть его в племя.

Уже заканчивая фразу, он понял, что совершил ошибку. Ренегаты недоверчиво уставились на инженера, Синти прищурила глазки.

– В каком смысле «вернуть в племя»? – спросила она напряженно. – В пещеры?!

Космонавт нервно переступил с лапки на лапку.

– Что вы, что вы! Я не безумец! – он «весело» рассмеялся. – Но хгоак попал в лабораторию, да? Значит, у них должны быть места обитания и на поверхности...

– Не живут они нигде, кроме Горла Гор, – оборвала серебристая. – Люди неподалеку взрывные работы ведут, там и поймали, конечно.

Она шагнула вперед и указала лапкой Фтимару под живот.

– Это самец. Хгоаки, совсем как пещерные крысы из городов, живут отдельно с самками, встречаясь лишь раз в цикл для спаривания. Но при этом семьи образуют на всю жизнь и партнеров никогда не меняют. Самцы большую часть цикла проводят глубоко под землей, на самых границах Свободных равнин, там они пожирают грибы и охотятся на блеклых червей. Твой хгоак мог попасть на поверхность, только если наступил сезон размножения.

Тектор почесал за ухом.

– Ну и откуда мне все это знать? – спросил с досадой. – Я механик, а не биолог.

– Как-то странно ты любишь хгоаков... – подозрительно протянула Синти.

– Мне нравится их умение летать, – совершенно честно ответил инженер.

Серебристая презрительно сморщила нос.

– Дилетанты. Ах, ах, красивая птичка! Ох, ох, она какает...

Тектор против воли улыбнулся.

– Ты меня про технику спроси лучше, вот там и посмотрим, кто дилетант!

– Ну-ну, задавака, – фыркнула Синти. – Эй, крутой механик, за слова ответишь?

Инженер моргнул.

– Чо?

– У меня есть байк, – гордо заявила самочка. – На нем мать рассекала по равнинам, когда была юной охотницей и еще не прославилась на всю Иркаллу. Да только он не заводится, и ни один тутошный самопал не сумел его оживить. А? Чо скажешь?

Тектор едва не рассмеялся, но вспомнил поведение ренегатов при встрече в коллекторе. Прищурился одним глазом, он склонил голову набок:

– А чо мне за это будет? – спросил ехидно.

Синти ничуть не удивилась; явно привыкла.

– Позволю спать в моем гараже, пока не выздоровеет крыло у хгоака, – отозвалась спокойно.

Тектор шагнул вперед:

– И кормить.

– И кормить, – согласилась серебристая. – Да только имей в виду, не справишься – я отрежу твои крохотные...

– Справлюсь, – оборвал Тектор. – Показывай дорогу.

Синти оглянулась на толстого Енгазана, тот развел лапками. Шмыгнув носом, самочка жестом поманила за собой космонавтов, и все трое растворились в сумрачных недрах грандиозного человеческого дредноута.

Глава 15

Жгучие щупальца волн бесстыдно ласкали ее тело. Бездна звала к себе, обещала покой, тишину и отдых. А еще холод. Могильный холод.

Потом берег, туман, сумрачное предрассветное марево. Острый запах моря.

Жесткая от соленой воды, шерсть хрустела и царапала подмышки. Она долго лежала у кромки прибоя, не двигаясь, даже когда пенные волны накрывали ее с головой.

Медленно наступал день, жаркое Солнце вставало над горизонтом. Когда отлив, наконец, позволил ей высохнуть, она чуть согрелась и смогла отползти. Встала на ноги, качаясь.

Оглянулась на берег. Обломков корабля видно не было – океан побрезговал только ею одной, выплюнув, точно гнилое семечко. Хромая, она добралась до ближайшего холмика и оглядела пляж с высоты. Никого.

Кричать имена не стала, плакать тоже. Зачем?.. Они не услышат. А на тех, кто услышит, ей было хвостом. От горя сводило внутренности, она двигалась рывками, будто парализованная. Зрение сузилось до тонкого конуса – куст. Камень. Куст. Дойти до следующего. Передохнуть. Куст. Камень. Дерево. Дупло.

Там ее прорвало. Корчась и беспомощно воя, она долго валялась во мшистой мгле, тянулась когтями к небу, напрасно звала призраков. Прошло много времени прежде, чем она вернулась.

Солнце стояло в зените. Повсюду бурлила жизнь – насекомые и птицы, грызуны и амфибии, странные многоногие ползуны и стрекозы в ее рост размером. Она выстрогала копьё из прочной щепки, несколько дротиков. Отыскав по запаху крупного мохнатого паука, вымочила оружие в его яде.

Снова прошлась по берегу, далеко-далеко в обе стороны. Тщетно. Океан не любил выживших. Ни единого обломка, никаких следов на мокром песке. Она осталась одна.

Вечер провела у костра, разожженного в дупле. Поела, не чувствуя вкуса. Смыла морскую соль с шерсти, смазала царапины соком целебных листьев. Остаток ночи продолжала готовить оружие.

Утром, в первых лучах Солнца, она встретила новый день, опираясь на меч.

...Вскрикнув, Орби открыла глаза и инстинктивно свернулась вокруг малышей. Довольно долго не могла понять, где она и что происходит; наконец, видение отпустило. Вездеход мягко покачивался на волнах, где-то внизу еле слышно жужжал двигатель. Рядом в салоне, обнявшись, спали Итан и Кира.

Орби нежно вылизала детенышей. Она была еще слаба после родов, но

организм восстанавливался поразительно быстро – куда быстрее, чем у простых мышей. Слегка успокоившись, молодая мама расслабилась в гнездышке и улеглась на спину. Постаралась привести мысли в порядок.

Видения из прошлой жизни возвращались все чаще, видимо на это как-то влияла беременность. Самым удивительным было, что даже проснувшись, мышка помнила сны как наяву, во всех подробностях. Вот и сейчас эмоции той, незнакомой Орби, потерявшей в кораблекрушении близких, пылали в ее разуме, будто все случилось вчера.

Кем же она была раньше? Куда плыла в тесном, пропахшем маслом стальном корабле? И главное... Как звали ее утонувшего друга? Того, с серебристой шерстью?..

Орби зажмурилась и постаралась вспомнить что-нибудь новое, но видения не подчинялись желаниям. Вздохнув, она покормила детей, уложила их в гнездышке поудобнее и тихонько прошла в кабину.

Разумеется, Элджи был там – заботливый, неутомимый, предусмотрительный, верный. Бессильно обмякнув в водительском кресле, он спал, уронив голову на грудь. Вездеход плыл на автопилоте.

Тепло улыбнувшись, Орби бесшумно вернулась в салон, прошла в грузовой отсек и немного поела. Дети и друзья мирно спали, царил полный покой. Вездеход работал от резонатора Теслы и имел неограниченную автономность, вдобавок Элджи установил в него электролизную установку и поглотители углекислоты со старой советской батисферы, так что плыть под водой машина могла месяцами. Тем не менее, погружаться глубже десятка метров вездеход не мог, и мореходностью не обладал; его максимальная скорость на глубине составляла всего семь километров в час, бороться с океанскими волнами ему было не под силу.

От озера, на берегу которого осталась «Скорая помощь» с людьми, беглецов отделял уже многочасовой путь. Планируя подобную ситуацию, Элджи еще годы назад, строя вездеход, проложил маршрут вдоль реки и впадавших в нее притоков. Сытая Орби снова вернулась в кабину и беззвучно залезла в кресло второго пилота.

Мутная зеленоватая вода мчалась навстречу. Видимость была плохой, в целях маскировки Элджи не включал прожекторы и ориентироваться приходилось по дисплею сонара в центре приборной панели. Какое-то время Орби отрешенно смотрела

на гипнотическую картину за стеклами, пару раз вздрагивала, замечая хищные тени рыб, но машина – по словам ее создателя – могла выдержать стрельбу в упор из человеческого оружия калибра 7.62. Мышку уже начинало клонить в сон, когда шорох за спиной заставил ее обернуться.

– Итан?

– Тихо, – с улыбкой шепнул золотой мышонок. – Не разбуди Элджи.

Он приблизился и встал рядом с креслом, глядя, как и Орби, на зеленую муть в иллюминаторах. Некоторое время оба молчали.

– Мы почти незнакомы, – сказал, наконец, Итан. – Я хотел бы это исправить.

Мышка смущенно улыбнулась.

– На самом деле, мы целый месяц прожили рядом, только ты сначала был в коме, а позже без памяти. Кира от тебя не отходила... Да и мы с Элджи тоже, – тихонько призналась Орби. Итан благодарно склонил голову.

– Вы вернули нас с сестрой к жизни. Мы навечно у вас в долгу.

– Ой, да брось... – совсем смутилась Орби. – Любой бы так поступил...

– Не любой, – странно ответил Итан, но поспешил сменить тему. – Я слышал от Киры, ты страдаешь амнезией?

– Чем-чем?! – испугалась мышка. Итан чуть улыбнулся:

– Потерей памяти.

Орби облегченно вздохнула и погрозила мышонку пальцем:

– Не пугай. Я ведь не Элджи.

– Верно... – Итан сузил глаза. – ...и это, как раз, самое интересное.

Он кивнул на дверь в салон, где спали малыши.

– Вы с Элджи одного биовида, полностью совместимые генетически. Как это возможно? Ведь он, подобно нам с Кирой, был создан в институте Добронравова и кардинально отличается от... сородичей, если таковые до сих пор обитают на далеком острове.

Итан взглянул на мирно спавшего в кресле черного мышонка.

– Элджи не стареет, – сказал тихо. – Если бы ты разбиралась в генетике, ты бы поняла, что по сравнению с обычной мышью, это делает твоего друга более чуждым, нежели любой инопланетянин.

Орби кивнула.

– Знаю, да. Я ведь такая же.

Итан сильно вздрогнул.

– Уверена? – спросил очень серьезно. Мышка кивнула:

– Точно. Мне более сорока лет, Итан. Я просто помню лишь последние три, а что было раньше... – Орби запнулась, но все же закончила: – ...лишь изредка приходит во снах.

Золотой мыш внимательно посмотрел ей в глаза.

– Я могу помочь.

– А? – Орби растерянно моргнула. Итан усмехнулся краешком рта:

– Помочь вспомнить.

Мышка отпрянула всем телом и широко раскрыла глазки. Довольно долго молчала, ошарашенно глядя на брата Киры.

– Ам... Э-э-эм... Н-н-ннне сейчас, – выдавила она наконец. – Я... Не уверена.

– Не уверена в чем? – мягко спросил Итан.

Орби отвела взгляд.

– Не уверена, что хочу вспоминать. Я... была другой. Те картины, что приходят во снах... Мне трудно поверить, что я когда-то... жила так.

– Расскажи, – Итан оперся о подлокотник. Орби вздрогнула.

– Прости, это личное.

– Расскажи часть, которую можешь, – мышонок улыбнулся. – Как понимаю, ты родом с того самого острова?

Золотые облака над равниной. Кристальный свод, усыпанный звездами, уходит в бесконечность. Лучи невозможного света. Запах цветов.

Орби опустила голову, пораженная яркостью всплывших из памяти картин.

– Не знаю, – ответила тихо. – Наверно.

– Прошу, расскажи все, что можешь, – очень серьезно сказал Итан. – Это необычайно важно, Орби. Для всех нас. Ибо туда, на остров, лежит наш путь.

Мышка недоуменно моргнула:

– Мы плывем в сибирское убежище...

– Ненадолго, – покачал головой Итан. – Ты же понимаешь, теперь, когда мы

знаем, что не одни... Другого пути нет.

Растерянная Орби умолкла. Золотой мышонок ждал. Пауза уже становилась неловкой, когда Орби, наконец, собралась с мыслями.

– Я пока вспомнила слишком мало, – сказала она совсем тихо. – Но да, наверное, я раньше жила там. Едва ли на Земле есть другое подобное место.

Мышка зажмурилась, пытаясь изгнать гипнотическую картину золотых лучей под сверкающим сводом.

– Я была воительницей... Или охотницей, – продолжила рассказ. – Помню залитые светом равнины, где проносились на мощном байке, помню свободу и чувство силы... – она слабо улыбнулась. – Какие-то навыки из тех лет, видимо, со мною остались. Кира рассказывала, как я убила огромную крысу одним ударом?

– Нет, – ровным голосом отозвался Итан. – Дальше, пожалуйста.

Орби вздохнула.

– Так не о чем дальше-то. Следующее воспоминание – корабль. Тесный, металлический, пропахший металлом и маслом. Душный. Отвратительный. Без окон...

– Подводная лодка, – уточнил Итан. Удивленная Орби открыла рот.

– Да! Наверно! Я не задумывалась... – она ахнула. – Конечно, подводная лодка!

Все сходится!

Золотой мышонок кивнул:

– Продолжай.

– Я провела в той... лодке... столько времени, что почти сошла с ума, – неохотно сказала Орби. – Помню, как стояла на мостике в шторм и кричала, умоляя океан, чтобы меня смыло... – она запнулась, широко раскрыла глаза и оцепенела. Итан подался вперед:

– В чем дело?

– Смыло... – прошептала потрясенная Орби. – Она... То есть я... Так и не нашла обломков корабля... А может, и не было крушения?! Может, меня одну смыло?! А он...

– мышь запнулась, – ...а остальные не погибли!

Итан сузил глаза и чуть склонил голову набок.

– Ты помнишь катастрофу?

Мышка опустила взгляд.

– Нет. Только, как очнулась на берегу, одна. Я... Та, другая я... Была уверена, что все погибли, страшно горевала. Потом начала делать оружие, ну и тут я проснулась, – Орби развела лапками. – Это пригрезилось нынче утром.

Итан помолчал.

– Ясно. Уверена, что не хочешь вспоминать остальное?

– Уверена, – твердо сказала Орби. – Во всяком случае, не так.

– Ты даже не ощутишь моего присутствия...

– Нет. Прости, но нет, – Орби покачала головой. – Моя жизнь, какой бы она ни была, должна оставаться моей.

Итан со вздохом развел лапками.

– Как скажешь. Извини, если показался слишком настойчивым.

– Самую малость, – напряженно улыбнулась Орби.

Золотой мышонок отвел взгляд.

– Прости. Я почти лишен эмоциональности, из-за этого могу казаться холодным и даже бессердечным. Кире было трудно со мной.

– Она любит тебя больше жизни, – очень серьезно сказала Орби. – Ты и представить не можешь, как любит. Весь этот месяц она провела у твоего бездыханного тела, а если и завязывался разговор, то лишь про тебя. Какой ты замечательный, умный и смелый.

Итан тонко улыбнулся.

– Не уверен насчет первого и последнего пунктов.

Мышка тихонько фыркнула. Итан, вздохнув, уже шагнул к двери в салон, когда Орби протянула лапку и коснулась его золотой шерстки.

– Ты ведь не станешь лезть нам с Элджи в головы? – негромко спросила мышь.

Итан застыл. Медленно повернулся, встретив внимательные изумрудные глаза.

– Много лет назад, такой же вопрос задала мне Кира, – сказал он после долгой паузы.

– И что ты ответил?

– Что у меня в этом мире нет никого, кроме нее.

Орби чуть заметно кивнула.

– А сделаешь так, и ее не останется, – закончила тихо.

Итан промолчал.

Элджи сладко потянулся, зевнул. Открыв глаза, повернулся набок и с любовью посмотрел на сидевшую в соседнем кресле Орби. Та помахала лапкой:

– Доброе утро, соня. Или день. Или вечер. Держи, – сунула ему банку лимонада.

Черный мышонок с наслаждением отпил.

– Сокровище мое, как ты? Как дети?

Орби улыбнулась:

– Все спят. А я, вот, осваиваю управление... – она покосилась на Элджи. – ...У меня был флешбэк. Снова.

Мыш рывком сел.

– Все хорошо?

– Да, конечно... Только... – она вкратце поведала о видении. – Тут еще Итан приходил, пока ты спал. Мы поговорили.

Элджи недоуменно наострил ушки.

– О чем?

Орби помолчала.

– Закрой люк.

Не на шутку встревожившись, черный мышонок ткнул в одну из кнопок на приборной панели. Толстая переборка с жужжанием отрезала кабину от салона. Орби включила автопилот и со вздохом повернулась в кресле лицом к другу:

– Помнишь, когда люди использовали телепатический передатчик, чтобы заманить вас с Кирой в квартиру к Насте? – спросила она вполголоса. – Ты упоминал защитные штуки, вроде клетки Фарадея и еще чего-то.

Растерянный Элджи машинально кивнул.

– Ну да... – он бросил взгляд на зеленую муть за иллюминаторами. – Только не говори, что была новая атака! Под водой?! Это невозможно!

– Нет, нет, никаких атак... – Орби глубоко вдохнула. – Чернохвостик, Итан предлагал помочь мне с амнезией. Мол, он способен восстановить мою память. Я

отказалась, но... Понимаешь... Теперь у меня в мозгу заноза, и никуда от нее не деться. Итан ведь все равно может так сделать, совершенно незаметно для нас. Украсть нашу память.

Элджи отпрянул, широко раскрыв глаза. Очень долго молчал, лихорадочно размышляя над совершенно внезапным развитием событий.

– Понимаю... – протянул он медленно. – Не ожидал...

– Я тоже, – отозвалась Орби. – Честно говоря, я не думаю, что он так поступит. Благодарность за спасение, Кира не простит и ля-ля-ля, но...

– ...но семя раздора посеяно, – мрачно сказал Элджи. Орби вздрогнула, и он поспешил добавить: – Нет, нет, любимая, ты ни причем! Ты совершенно правильно тревожишься. Я успел познакомиться с Итаном чуть ближе, чем ты, и... Как бы сказать помягче... – мышонок почесал за ухом. – Он, конечно, никогда не причинит нам вреда, но если ему захочется чего-то, вреда не причиняющего...

– Вот именно, – тихо ответила Орби. – Он всегда, от рождения, был телепатом. Ты понимаешь, как это влияет на этику?

Элджи напряженно кивнул.

– Нет никакого личного пространства. То, что ему нужно, он берёт. Он так уже делал... с агентом Троицким. Кира обещала, что если человек ответит на вопросы, его память не тронут, но Итан всё равно незаметно его просканировал.

Они переглянулись. Элджи стиснул зубы.

– Проклятье! Что же теперь делать... – он нервно помахивал хвостом. – Я могу, конечно, собрать экранирующую клетку Фарадея, мы будем носить ее вроде шлема, с заземляющим конденсатором на поясе... Но как объяснить это Итану? Он страшно обидится...

– Он-то как раз не обидится, – грустно улыбнулась Орби. – Обида это эмоция. А вот Кира подобного не простит никогда. Она боготворит брата.

Элджи откинулся в кресле и прижал ладони к вискам.

– Черт! Черт! Я... Не знаю, что делать. Не знаю!

– Я знаю, – сказала Орби совсем тихо.

Элджи нервно взглянул на подругу:

– Что?

– Итан и Кира должны отправиться на остров самостоятельно. А мы – в сибирское убежище.

Элджи отпрянул. Орби опустила голову:

– Мы все равно их только задерживаем, – горько добавила. – Верхом на птицах они доберутся до цели за несколько дней, а вместе с нами на это уйдут месяцы. И еще... – она очень внимательно взглянула на друга. – У нас ведь теперь дети, Элджи.

Черный мышонок поник.

– Но... Разделяться? Мы едва-едва нашли друг друга! Орби, любимая... Если бы ты знала, что такое одиночество...

– Я знаю, – тяжело сказала мышка. – Я знаю, чернохвостик. Но нам оно больше никогда не грозит. Никогда, понимаешь? – добавила ласково. – Теперь нас семеро. А Итан и Кира любят друг друга. Они все равно бы отправились в путь, не сейчас, так через месяц... А нам отныне приключения противопоказаны. Сибирское убежище станет нашим домом, пока не подрастут малыши.

Элджи опустил голову.

– Ты права, – сказал после долгой, мучительной паузы. – Ты права, моя пушистая.

Орби выбралась из кресла и подошла к черному мышу. Обняла за шею, прижала к груди.

– Семья не только счастье, но и ответственность, – шепнула нежно. – Я не меньше твоего мечтаю отправиться за океан, на поиски... – она запнулась – ...золотых облаков и звездных кристаллов. Но мы ведь не стареем, чернохвостик. Годом позже, годом раньше – так ли уж важно?

Элджи горько улыбнулся.

– Времени у нас много, – он зарылся лицом в теплую шерсть на груди любимой. – Куда больше, чем идей, на что его тратить, – добавил шепотом.

Они провели, обнявшись, пару минут, затем Элджи тяжело вздохнул и поднялся из кресла.

– Ну что, собираем совещание?

Орби тихонько кивнула. Лизнув ее в нос, черный мыш открыл люк в салон и первым вышел из кабины. Подруга, проверив автопилот, поспешила следом.

В салоне царила тишина, Кира спала, мирно свернувшись. Орби сразу улеглась в гнездышко, рядом с детьми; Элджи искал взглядом Итана, но тот явился сам, из дверей продовольственного отсека. Черный мыш, улыбнувшись через силу, жестом его подозвал.

– Разбуди Киру, пожалуйста. Будет общий разговор.

– Нет нужды, – с улыбкой ответил Итан. – Я согласен с вашими выводами. Мы с сестрой отправимся в путь утром.

Опешив от неожиданности, Элджи только и смог моргнуть:

– А-а... М-м... Т-ты слышал наш разговор?

– Разумеется, – золотой мышенок усмехнулся краешком рта.

– Но как?

– Телекинез.

– Не понял...

Итан тихо рассмеялся.

– Мои способности не заканчиваются на копировании памяти, Элджи. Они лишь начинаются там. Я управляю материей силой разума, а это не ограничено передвижением предметов, знаешь ли, – он кивнул на дверь в кабину. – Звук заставляет твердые поверхности едва уловимо вибрировать. Еще в клетке, в институте Добронравова, я научился синхронизировать такие колебания со своими барабанными перепонками, и слушать через стену, о чем говорят люди.

Орби тонко пискнула и сжалась, Элджи попятился. Итан вскинул лапку:

– Пожалуйста, не бойтесь. Мне грустно, что наша маленькая группа утратила внутреннее доверие, но, как уже упоминалось, я полностью согласен с вашими выводами и считаю их логичными, а поэтому не имею к вам ни малейших претензий. Орби, – он посмотрел на мышку. – Мне искренне жаль, что напугал тебя. Клянусь, я не сканировал ни твою память, ни память Элджи, и не стану этого делать, пока вы не попросите сами.

– Сп...спасибо, – выдавила мышка. Итан, вздохнув, обернулся к черному мышу:

– Мы вернемся за вами, – сказал он твердо. – Из памяти агента Троицкого мне стало известно кое-что исключительно важное. Отправляйтесь в убежище и растите детей, ничего не бойтесь; скоро, очень-очень скоро, судьба нашего народа изменится.

Элджи, нервно помахивая хвостом, сел на ковер рядом с Орби и притянул ее лапкой. Обнявшись, они молча смотрели на золотистого мышонка. И в этот миг, почему-то, он казался им могущественным, чуждым чародеем.

Вездеход беззвучно скользил в мутной воде, двигаясь и в пространстве, и во времени.

Всегда в будущее.

Глава 16

– Ну чо, как дела? – в приоткрытой двери гаража нарисовалась любопытная мордочка Синти. Измученный Тектор, с ушей до хвоста вымазанный тавотом и машинным маслом, бросил на нее не самый приветливый взгляд.

– Как ты умудрилась довести двигатель до такого состояния?

– Я?! – возмутилась самочка. – Да мне он от матери достался! Я на байке ни разу не ездила, – добавила с грустью.

Инженер устало покачал головой.

– Я сделал все, что мог, но тут загнуты клапана. Выровнять их невозможно, нужны новые. А еще, гляди сюда... – он с трудом развернул тяжеленный мотор, лежавший на доске, и указал на крохотную трещинку, тянущуюся поперек чугунного блока. – Видишь? Этот двигатель мертв, его даже нет смысла восстанавливать.

– Мертв? – растеряно повторила Синти.

– Так точно. И любой механик сказал бы тебе это, едва заметив трещину. Прости, но мне кажется, над тобой хотели подшутить, или попросту лгали.

Серебристая взъерошилась и свирепо ударила хвостом:

– Со мной шутки плохи!

– Потому-то я и не шучу, а говорю все как есть, – мрачно отозвался Тектор. Он со вздохом выпрямился, морщась от боли в измученных лапках. – Нужен новый двигатель.

Синти озадаченно почесала за ухом.

– А где его взять-то?

– Там же, где взяла твоя мать? – Тектор прищурил глаза. – Кто производит такие байки? Я не нашел ни единого серийного номера или заводского клейма. Выглядит, будто самоделка, но такие детали можно изготовить лишь на заводе.

Серебристая вошла в гараж и приблизилась к разобранному мотоциклу. Грустно шевельнула ногой переднее колесо.

– В Иркалле их делали, много циклов назад, – буркнула. – Мастер по имени Ахамай.

– В одиночку? – недоверчиво переспросил Тектор.

– Да, вроде. Не знаю, – Синти гневно фыркнула. – Его байки высоко ценятся на Равнинах, я думала, за мой дадут кучу денег...

Тектор моргнул.

– Денег?

– Ну да, я собиралась его продавать! – раздраженно отозвалась самочка. – А чо? Пусть гниет в гараже, как память о матери?

Слегка растерянный, космонавт развел лапками:

– Да нет, конечно, твой байк – решать тебе.

– Именно...

Она гневно прижала уши и пнула ногой колесо.

– Собери его обратно. Чо есть, то есть. Попробую толкнуть как коллекционный реликт легендарной Серенады.

Усталый Тектор кивнул.

– Хорошо. К концу смены будет готово. Как там Фт... хгоак?

Синти фыркнула.

– Уплетает ягоды ведрами. Я и тебе принесла, вот... – она затащила в гараж объемистый мешок. – Угощайся.

– О! – инженер поспешно принялся за еду. – Какая вкуснятина!

Серебристая просияла:

– Нравится? Этот сорт мой клан выращивает, там, в предгорьях. Ни у кого таких сочных нет!

– Куак нуазывуэатса уэто чуудо? – пробубнил Тектор с набитым ртом. Синти, слегка удивленная, склонила голову набок:

– Черешня же.

– Восхитительно!

– Ты чо, впервые черешню увидел? – недоверчиво спросила серебристая.

Инженер закивал:

– Как-то не попадалась раньше...

– Охренеть. Ты в какой дыре жил-то?

Тектор опомнился, сообразил с кем говорит и чуть не подавился. Нервно прижав уши, махнул лапкой куда-то в сторону.

– Да там... На другом конце. Слушай, расскажи про Серенаду?! – поспешно перевел он тему.

Синти прищурила глаза.

– С чего бы?

– Прошу, мне очень интересно! – взмолился Тектор. – Расскажи, ну, хотя бы, почему она ушла за Барьер... – заметив выражение глаз самочки, он поспешно добавил: – Я правда не знаю!

Синти недоверчиво покачала головой и присела на широкое седло байка.

– Да уж, приятель, ну ты и темный.

– Зато стремящийся к свету! – космонавт вытащил из мешка очередную ягоду и жадно в нее вгрызся. – Прошу, Синти.

– Нуууу... – серебристая самочка озадаченно почесала за ухом. – Прямо с самого начала? Про Вирату и все такое?

– Вирату? – удивленный Тектор на миг оторвался от еды. – Погоди, я знаю про Вирату. Это ж самый известный эпос в истории литературы, «Вирату кдат'каноз», я читал его в тинк... в детстве. Причем тут...

– Ни-хре-на ты не знаешь, – торжествующе заявила Синти. Встретив вопросительный взгляд, от души рассмеялась. – Да, парень, вот так. Ух, не думала, что на свете еще остался хоть один, не слышавший эту историю! Погодь, погодь – это чо ж получается, ты от меня впервые узнаешь? Про возвращение Вирату, великую месть, про Солнце и последний Барьер?!

Совершенно озадаченный, Тектор доел ягоду и молча воззрился на Синти. Та, довольная как мышь в сырной лавке, скрестила на груди лапы и откинулась в седле

байка.

– Круть. Ну чо, слушай, темное, глупое существо, о делах великих, тайнах древних, героях страстных, да чудовищах лютых! – она устроилась поудобнее.

– Все началось циклов семнадцать назад. Мать уже стала знаменитой, от женихов отбоя не было, так что отца моего она выбирала долго. В конце концов, сошлась с вождем клана Огненной Ласки, могучим сереброшерстным Марувом. Говорят, он одолел ее в единоборстве, но я не верю, конечно – одолеть Серенаду? Да ладно! – Синти фыркнула. – В общем, родилась у них я. На воспитание меня отдали в клан, родители были слишком заняты. Но речь-то не обо мне, прикинь! – она вся подалась вперед. – Однажды, охотясь на границах Иркаллы, Серенада нашла израненного белого. Доставила в город, только врачи как увидели – сразу сказали, он не жилец. А он выжил. Да не просто выжил: на нем все шрамы исчезли. Десять смен прошло, он как новенький стал. Его даже побаиваться начали.

Синти возбужденно встопорщила шерсть:

– Найденыш говорил на странном языке, который никто не понимал. Но Серенада разобрала парочку слов, которые слышала прежде, и поняла, где искать ключ. Отправившись в дикие чащи Запретного Кряжа, что у самого Горла Гор и граничит с поверхностью, она нашла тайную деревню беженцев из крысиного города...

– А? – Тектор вздрогнул. – Беженцы из города?

– Ну да, от крысиных рангцентров нередко бегут, – фыркнула Синти. – Не перебивай! В общем, нашла она деревню, а в ней старика, эксперта по когтеписи древних. Так и выяснилось, что найденный ею белый – никто иной, как Вирату. ДА, ТОТ-САМЫЙ-ВИРАТУ! – отчеканила она медленно, почти по слогам и очень громко. Сообразив, что от него ждут реакции, Тектор недоверчиво всплеснул лапками. Серебристая довольно кивнула:

– Не может быть, думаешь ты? Все так думали! Но Вирату правда существовал.

И он действительно ушел в темноту, за светом... И провел во внешнем мире десятки тысяч циклов.

– Но... как? – растерянно спросил Тектор. Синти усмехнулась.

– Вот-вот, это было первым, что спросила у него мать, когда нашла переводчика.

Тогда-то мы впервые и узнали о людях.

– Людях?!

– Еще раз перебеешь, откушу хвост, – буднично предупредила Синти. Тектор поспешно провел лапкой по рту.

– В общем... Наш остров окружен цепью гигантских башен, уж это ты наверняка слышал, – фыркнула самочка. – Башни отделяют от нас мир людей. Сотни тысяч циклов, пока между башнями воздвигнут Барьер, мы не видим Солнца, а небо имеет ровный серый цвет. Лишь изредка, пару раз в известной истории, Барьер исчезал, а люди вторгались на остров.

Она обвела лапкой мрачное машинное отделение человеческого корабля.

– Сейчас как раз такой период. А в прошлый раз, это случилось примерно тридцать тысяч циклов назад. Именно тогда, во время прошлого вторжения, люди поймали молоденького, покинувшего пещеры в поисках света Вирату, и забрали с собой.

Тектор ахнул, но зажал рот лапками. Синти грозно ощетижилась:

– Вот так, из рассказов героя древнейшего эпоса, мы узнали правду. Барьер между башнями не просто скрывает от нас Солнце; он сжимает над островом само Время. Тридцать тысяч наших циклов в мире людей едва занимают один ихний «год».

Она покачала головой.

– Люди отсчитывают время не половыми циклами, как все нормальные существа, а периодами вращения планеты вокруг Солнца. Да-да, прикинь – наш остров крохотный как точка по сравнению с гигантской планетой, а планета – как точка по сравнению с Солнцем, и они вертятся друг вокруг друга!

Тектор недоверчиво прижал уши:

– Откуда вы знаете?

– А я человеческий язык изучила, даже их буквы! – торжествующе заявила Синти.

– Чо, не ожидал? Тогда щас я тебе просто мозг взорву: знаешь, откуда у нас половые

циклы? Потому что мы все приходим с поверхности, и когда-то жили по той же схеме, что и люди!

– Да брось... – не выдержал Тектор. Синти грозно ощетинулась:

– Не веришь? А скажи-ка, механик-а-не-биолог, тебе никогда не было странно, откуда взялись циклы? Вокруг-то ничего не меняется. Живем себе, живем, и вдруг в одно и то же время все начинают беситься и размножаться, а потом снова... – она ткнула лапкой вверх. – Настоящая причина в том, что на поверхности, за Барьером, где мы сейчас и находимся, периодически меняется температура...

– погоди, на секунду! – взмолился Тектор. – За Барьером? Мы – сейчас – за Барьером?!

Синти умолкла и воззрилась на инженера квадратными глазами.

– Э-э-э... Каким хреном ты можешь этого не знать? – спросила недоверчиво. – Человечий корабль стоит на якоре в полсотне километров за Барьером, разумеется. Тут живут их ученые и воины, отсюда управляются Башни.

Потрясенный Тектор просто сел на хвост.

– Но ведь... – он задохнулся. – Как же... То есть, пока мы тут болтаем... Там, дома... Сейчас... Проходят стоциклия?!

Синти расхохоталась.

– Да уж, – она с трудом уняла смех. – С таким грибом я еще не сталкивалась... Нет, Тектор, не бойся. Прямо сейчас Башни отключены и остров находится в том же мире, что и люди. Солнце-то откуда взялось?

Инженер только и сумел развести лапками. Синти покачала головой.

– Когда Барьер работает, Солнца не видно, а небо серое, – она внезапно помрачнела. – Так было, когда ушла мать...

Серебряная самочка отвела глаза в сторону и помолчала.

– Мы отвлеклись. Вирату рассказал удивительную историю. Когда он выбрался из пещер, тридцать тысяч циклов назад, его и сотни других существ поймали люди. Их всех ждала мучительная смерть в лабораториях. Вирату пытался бежать, но его перехватила другая группа людей, враждовавшая с хозяевами Башен.

Синти внимательно посмотрела на Тектора.

– У людей общество примерно, как у нас. Есть страны, похожие на крысиные

города, а есть – похожие на наше свободное братство. Вирату и два десятка его спутников, плененных вместе с ним, перехватили люди из «городской» страны.

Тектор слушал, раскрыв рот. Довольная таким вниманием, Синти поудобнее уселась в седле байка.

– Тогда, тысячи циклов назад, Вирату и его спутники были, по сути, дикарями. Огромные великаны-люди казались им всемогущими, всезнающими, непобедимыми. Пленников отвезли в научное заведение на другом конце планеты, где над ними начали проводить жестокие эксперименты.

– Зачем?! – вырвалось у Тектора. Самочка развела лапками.

– Во имя науки, конечно. Мы ведь тоже испытываем новые лекарства на животных.

Инженер стиснул зубы и свирепо хлестнул себя хвостом:

– Мы не животные!

– Ага, ага, – фыркнула Синти.

Тектор вспомнил лабораторию, откуда бежали они со Фтимаром, и молча опустил голову. Серебряная наставительно погрозила ему пальцем:

– Так-то. Избавляйся от предрассудков. Для людей, мы всего лишь мелкие зверьки, очень удобные в качестве лабораторных животных.

Она вздохнула.

– Многие спутники Вирату погибли ужасной смертью. Он рассказывал, что и сам потерял надежду, но к тому времени, как подошла его очередь, люди всё же кое-что выцарапали. Используя все, что они узнали из жутких экспериментов, человеческие ученые построили волшебный аппарат.

Синти подалась вперед, ее глаза загорелись.

– Эта штука работала на том же принципе, что и Башни, окружающие наш остров, только – по словам Вирату – «сжимала время» отдельно для каждой молекулы. Люди создали карту развития видов, сравнивая образцы с нашего острова, взятые за время прошлых отключений Башен, и высчитали правильное воздействие, которое не убивало организм, а заставляло его стремительно эволюционировать.

– С ума сойти... – прошептал Тектор.

– Еще бы! – фыркнула Синти. – Так и вышло, что вместо жестокой смерти,

Вирату обрел способность к регенерации – а вместе с нею, естественно, прекратил стареть, ибо организм отныне поддерживал собственное состояние.

Она скрестила на груди лапки.

– К этому времени из похищенных с острова в живых остались только Вирату и черная самка по имени Джаншак. Люди назначили их производителями и заставляли спариваться, много раз, а детей забирали для новых опытов. Так прошло несколько циклов, человеческих «лет», и ненависть что испытывали Вирату с подругой к своим мучителям, достигла невиданных размеров.

Синти грустно вздохнула.

– Они долго строили план побега и наконец, однажды, им повезло. Но Джаншак отказалась скрыться вместе с Вирату. Она хотела спасти их последнего живого ребенка, оставшегося в человеческом логове. Не слушая уговоров, она вернулась за ним и погибла.

Серебристая, увлекшись историей, подалась вперед:

– Вирату обезумел от горя и ненависти. Более не страшась смерти, забыв обо всем, он в одиночку прокрался обратно в здание людей и устроил гигантский пожар. Клетки, где держали лабораторных животных и его молодого сына, он сумел отпереть, но дальше огонь вынудил бежать и его. Глядя издали на пылающую тюрьму, где их мучали столько лет, Вирату поклялся вернуться домой и поведать сородичам о жестоких людях.

Синти покачала головой.

– Обратный путь отнял несколько циклов и лишь чудом не окончился смертью, но все же, стальная воля героя победила. Только не ведал он, что дома за это время сменилось три десятка тысячециклов... Вот, что поведал Вирату моей матери. Вот, почему она ушла за Барьер.

Повисла тишина. Взволнованный Тектор вопросительно склонил голову набок:

– Так почему же?

Синти с досадой шмыгнула носом.

– Не догадываешься?

– Нет...

– Ну ты и гриб, – она вздохнула. – Главной мечтой матери было обрести бессмертие. Она мне часто рассказывала, как однажды, стоя на высокой скале, увидела

отражение золотых облаков в кристаллах, которыми усыпан свод, и поклялась жить вечно... История Вирату стала для нее чудесным подарком.

Потрясенный инженер даже отпрянул:

– Она отправилась в мир людей на поиски того самого аппарата, что сделал Вирату бессмертным?!

– А-а-ага.

– Но он же сгорел! Да?

– Ей все это говорили, – фыркнула Синти. – Но где и когда Серенада отказывалась от приключения? Они с отцом захватили крысиный «космический корабль», как раз появившийся в наших водах, взяли с собой Вирату и заставили команду отплыть за горизонт. Больше никто их не видел.

У Тектора потемнело в глазах.

– Захватили крысиный корабль? – прошептал он, не веря. – Когда это случилось?!

Синти неопределенно покрутила в воздухе лапкой.

– Циклов шесть назад.

– Третья экспедиция! – Тектор подавился и зажал лапкой рот. Серебряная с подозрением нахмурилась:

– Чо?

– Нет, ничего... – потрясенный и шокированный, инженер хрипло дышал. – Прости, я должен на минуту выйти... Проведать хгоака...

Шатаясь, он выбежал из гаража. Недоумевающая Синти молча почесала за ухом.

Глава 17

Прощание вышло тяжелым. Кира плакала, обнимая по очереди то Элджи, то Орби, Итан грустно стоял в сторонке.

– Мы очень быстро вернемся, вот увидите... – бормотала золотая мышь. Элджи крепко стиснул ее в объятьях:

– Не пройдет и полгода, – он подмигнул. Кира часто-часто закивала:

– Конечно! На птицах же...

– Я к тому времени построю новый самолет, – обещал черный мыш. – Храните координаты убежища как зеницу ока! У меня нет настолько миниатюрных цифровых навигаторов, но я дам вам компас и микрофильм с топографическими картами Генштаба СССР, так не заблудитесь... – он умолк, поскольку воительница лизнула его в нос.

– Присмотри за детьми пару минут, – она обернулась к Орби. – Пошли на берег, есть разговор.

Мышка озадаченно наострила ушки, но Кира бросила на нее внимательный взгляд. Кивнув, Орби вышла из салона. Прежде, чем последовать за ней, золотая мыш оглянулась на брата:

– Это между нами, девочками. Скоро вернусь.

– Не сомневаюсь, – тонко улыбнулся Итан и обернулся к Элджи: – Могу я взглянуть на микрофильм?

– Конечно, он в приборном отсеке. Идем, обучу как пользоваться...

Вездеход стоял на мелководье, укрытый зарослями тростника. Орби ждала Киру на крыше машины, но та жестом указала ей на берег. Содрогнувшись, мышка неохотно слезла в ледяную воду и быстро выбралась на сушу. Кира допрыгнула до твердой земли прямо с вездехода.

– Отойдем немного, – поманила она Орби. Та, ничего не понимая, но уже тревожась, молча послушалась. Когда заросли скрыли от них машину, Кира наконец обернулась:

– Здесь не услышит... Орби, есть то, что вы с Элджи должны знать. Итан не хотел, чтобы я вам говорила, но у него... Не все в порядке с... Дружбой, – тяжело сказала Кира.

Орби напряженно кивнула:

– Понимаю.

– В общем... – Кира понизила голос. – Когда я впервые подслушала беседу людей, еще во дворе дома Тимофеевой, агент Троицкий упомянул «нечто», способное заманить Элджи в новую ловушку. Генерал Морозов отказался это использовать, но я,

как понимаешь, запомнила... Вчера я спросила Итана, о чем говорил агент. Брат порылся в воспоминаниях Троицкого, и...

Кира глубоко вдохнула.

– Люди держали это в таком секрете, что даже в институте Добронравова никто не знал, в том числе сам академик. Иначе мы с Итаном давно бы всё выудили из их мозгов. Доступом к информации не обладал и генерал Морозов; ему пришлось внедрять туда шпиона, будто в иностранную секретную лабораторию. Именно поэтому он наотрез отказался использовать своего агента, когда Троицкий предложил.

Золотая мышь опустила голову.

– Орби, понимаешь... У людей, на секретной базе в Мурманске, хранится подводная лодка с острова. Вместе с экипажем. Уже три года.

– Три года?! – в ужасе переспросила Орби.

– Да, подруга. Та самая подлодка, что является тебе во снах.

Ахнув, мышка попятилась и села на хвост. Кира стиснула зубы.

– Это еще не все... – она посмотрела в глаза шокированной Орби. – Когда Элджи попался в плен, люди, конечно, сразу решили проверить, откуда взялась новая разумная мышь. Образцы его крови тайно отправили в ту лабораторию и сравнили с данными пленного экипажа. Орби, милая... – Кира сглотнула. – Понимаешь... Там, на лодке... Его отец.

– Что?! – воскликнула мышка.

– Да, подруга. Вот так.

– Но... но... – потрясенная Орби закрыла лицо лапками, у нее кружилась голова.
– Откуда?!

– Этого Троицкий не знал. Но если сопоставить даты... – Кира развела лапками.

– Ты ведь помнишь только последние три года, верно?

Мышка ахнула.

– Да... – она в ужасе посмотрела на воительницу. – И еще... Было видение, о котором я тебе не успела поведать. Кораблекрушение. Меня вынесло на берег, одну, я так и не нашла обломков корабля...

– Еще бы, – грустно отозвалась Кира.

Они надолго умолкли. Наконец, золотая мышь с глубоким вздохом шагнула

вперед и помогла Орби встать.

– Я должна была вам рассказать. Прости. Может, не стоило, но я не могла скрыть... такое.

– Спасибо... – Орби поникла. Кира нежно лизнула ее в нос.

– Не говори Элджи, пока не устроитесь в убежище, – совсем тихо предупредила золотая мышь. – Когда тебе и детям будет обеспечена стабильность, тогда расскажи. Не раньше.

Орби вздрогнула. Помедлила на миг.

– Нет, прости, – она взглянула подруге в глаза. – У нас нет друг от друга секретов.

Кира развела лапками.

– Как знаешь.

– Спасибо, бесстрашная Валькирия, – тихо сказала Орби. – Спасибо огромное.

Мы назовем старшую дочь в твою честь.

Смущенная золотая мышь почесала за ухом.

– Да брось, этого еще не хватало!

– Я давно решила, – покачала головой Орби. – Прости, но вот так все просто, раз-два-три.

Совсем смутившись, Кира отвела взгляд.

– Ладно, айда в машину пока ты не простудилась...

Орби шагнула назад:

– Думаю, мне лучше побыть здесь, пока вы не улетите.

– Да ладно... – протянула Кира. – Ты же не думаешь, будто Итан...

– Просто для страховки, – поспешно добавила мышка. – Мало ли, вдруг ему захочется узнать, о чем мы говорили.

Помедлив, воительница неохотно кивнула и, в последний раз крепко обняв подругу, вернулась к вездеходу. Спустя пару минут, Орби увидела из зарослей, как Итан и Кира, навьюченные рюкзаками с припасами, вышли на крышу машины, по очереди стиснули в объятьях провожавшего их Элджи и скрылись в высокой траве. Черный мыш тревожно заозирался.

Выждав еще минуту, Орби выбралась из укрытия и подбежала к вездеходу.

Элджи поспешно спрыгнул в воду, поднял любимую на руки и занес в машину. Лишь когда бронированный люк захлопнулся за обоими, мышка вздохнула с облегчением.

– Нам нужно высушить шерстку, – сказала она Элджи. Тот молча лизнул ее в нос. Некоторое время они приводили себя в порядок, наконец, сухая и согревшаяся Орби вернулась в гнездышко к детям, а Элджи прошел в кабину. Вездеход с бульканьем погрузился.

Поставив машину на автопилот, черный мыш поспешил в салон. Орби кормила малышей. Некоторое время Элджи с нежностью смотрел на неё.

– Все хорошо, мы на правильном курсе? – спросила Орби.

– Конечно, моя пушистая.

Она помолчала.

– Выберем имена детям?

– Прямо сейчас? – растерялся Элджи.

– А почему бы и нет? – слегка напряженно улыбнулась мышка. – Кто знает, что будет завтра... – она со вздохом села и подняла старшего детеныша, самого крупного.

– Итак, твой первенец, Элджи. Слушаю идеи.

Черный мыш бережно взял малыша.

– Я... На самом деле уже думал об этом... – признался он тихо. Орби фыркнула:

– Еще бы самому предусмотрительному в мире мышонку не обдумать заранее имена для детей!

Элджи смущенно улыбнулся и виновато понурил голову.

– Ну же, не тяни, – поторопила его Орби.

– А как хотела бы ты?

– Выбирать будем по очереди, – подмигнула мышка. Элджи глубоко вдохнул.

– Ладно. Тогда назовем нашего старшего сына Никодимусом.

– Как-как?! – опешила Орби. Элджи улыбнулся:

– Просто Ник. Или Коди.

– Но... Почему?!

– Есть несколько причин, – мышонок наклонился вперед и ласково лизнул подругу в нос. – Я поведаю позже.

Растерянная мышка почесала за ухом.

– Н-н-н-ну... «Ник» звучит простовато, но «Коди» сойдет, ладно... – она приняла ребенка у Элджи, уложила в гнездо и подняла следующего. – Старшую дочь будут звать Кирой.

– Отлично! – обрадовался черный мыш. Орби, смерив его подозрительным взглядом, кивнула и взяла третьего малыша.

– Еще одна девочка. Твоя очередь.

– Гайка, – не колеблясь ни на мгновение, заявил Элджи. Орби фыркнула.

– Ну, эт-даже я знаю, откуда... Сойдет, – она ласково лизнула детеныша и уложила обратно в гнездышко. – Осталось два мальчика.

– Матиас и Мартин.

– Матиас? – Орби моргнула. – Это что за имя вообще?

Элджи развел лапками.

– Редкое, но... Очень сильное, – добавил негромко.

Мышка помолчала, глядя на детей.

– Сильное, говоришь?

– Да, любимая.

Она вздохнула.

– Что ж... Ладно. Я все равно предложила бы что-то банальное.

Элджи уселся в гнездышко рядом с подругой и притянул ее к груди. Они долго молчали, слушая как пищат малыши, тыкаясь мордочками маме в живот.

Тишину нарушила Орби:

– Любимый, Кира поведала кое о чем... – она подробно все рассказала. Потрясенный Элджи слушал молча, лишь его хвост метался из стороны в сторону. Закончив историю, мышка умолкла и с болью подняла взгляд на друга. Тот хрипло дышал от волнения.

– Сначала убежище, – выдавил Элджи после долгой паузы. – Безопасность превыше всего.

– Я знала, что ты так скажешь, – всхлипнув, улыбнулась Орби и зарылась лицом

в черную шерсть на его груди. Мышонок лишь крепче прижал к себе подругу.

– Родная, можешь вспомнить подробности своих снов? – шепнул он, дрожа. – Сколько вас было на подложке, куда она направлялась? Где именно океан вынес тебя на берег?

Мышка вздохнула, наполнив его теплом.

– Со временем, чернохвостик. Со временем.

Элджи зажмурился.

– Я помню пожар в институте... – его дыхание стало частым и глубоким. – Помню, как в последние секунды, внезапно с громким жужжанием сработали электромагниты, державшие на замке наши клетки. Все лабораторные животные в панике рванулись на волю, но я уже тогда отличался... Предусмотрительностью... – черный мыш опустил голову. – Зная, что предстоит столкнуться с огнем, я облил себя водой и накрылся керамической лабораторной ванночкой. Она спасала от жара, пока я бежал по горящему коридору...

Орби с волнением слушала.

– А родители? – вырвалось у нее. Элджи качнул головой:

– Я даже не знал, что они у меня были. Чистая линия, экспериментальная лабораторная мышь. Я вполне мог оказаться рожденным в пробирке.

– Других разумных в институте держали?

– Не знаю, – вздохнул черный мыш. – Я жил в клетке один. Да и не понимал я тогда ничего, даже читать не умел. Керамическую ванночку и ту избрал случайно, по наитию, а мог ведь и металлическую – в которой зажарился бы живьем.

Он глубоко задумался.

– Значит, мои родители выжили... Как минимум, отец... Но почему он оказался в подложке с острова через тридцать шесть лет после пожара?!

Орби нежно лизнула его нос снизу, заставив чихнуть. Тихонько рассмеялась, вновь спрятала лицо на груди.

– Чернохвостик, а может, в институте держали только твою беременную мать? А отец все эти годы тебя искал!

Элджи вздрогнул. Помедлил, но покачал головой.

– Нет, любимая. Он не прожил бы столько лет, если бы не подвергся той же

операции, что и я, и люди из группы КС, и... – черный мыш широко раскрыл глаза – ...и ты!

Орби ахнула.

– Правильно!

– Тебя нашли без памяти, в подвале на окраине Зеленограда... – Эджи лихорадочно размышлял. – Но от Зеленограда до ближайшего берега многие сотни километров! Ты плыла на той самой лодке, в плен не попала... То есть, между моментом, как ты очнулась на пляже, и первым воспоминанием о подвале...

– ...я добралась до Зеленограда, побывала в институте Добронравова, прошла операцию продления жизни и – наверное, по ее же вине – потеряла память! – воскликнула Орби. Эджи выпустил ее из объятий и мышка рывком села, дергая от волнения хвостом. Они переглянулись.

– Все сходится... – прошептал Эджи. – Вот, почему мы с тобой генетически совместимы! Родители, как минимум отец, подобно мне уцелели в пожаре, но я ничего не знал про остров и начал строить тут новую жизнь, а они вернулись домой, где рассказали об открытии людей...

Орби чуть не подпрыгнула:

– Мои видения! – вскрикнула она. – Помнишь?! «Я буду жить вечно», поклялась я тогда, сраженная красотой золотых облаков!

Эджи медленно улыбнулся.

– Поклялась, и отправилась исполнять клятву.

– ...едва услышала, что такое возможно... – прошептала Орби. – Конечно... Все сходится, чернохвостик, все сходится!

Эджи восхищенно покачал головой.

– Ну и отчаянной ты была мышкой!

Орби, смутившись, отвела взгляд.

– Да уж. Три мудреца в одном тазу пустились по морю в грозу.

Эджи, подавшись эмоциям, потянулся вперед и вновь заключил подругу в объятия, не в силах выпустить, беспомощный во власти чувств. Мышка счастливо пискнула.

– Я люблю тебя, – шепнул черный мыш. – Мы будем жить вечно, слышишь?

Жить и познавать Вселенную!

Орби лишь крепче его обняла.

Глава 18

– Это самый легкий материал, что я нашел... – Тектор лихорадочно готовил Фтимара к полету. – Плот выдерживает мой вес, значит тебя с запасом...

– Понял.

– Не тащи его до самого берега, брось как поймешь, что сил долететь уже хватает.

– Понял.

– Я записал все, что мы узнали, – инженер сунул другу опечатанный пакет. – Объяснишь капитану, что я в безопасности, никаких спасательных операций! Пусть налаживает контакт с ренегатами, опасность слишком велика, враждовать сейчас просто нельзя!

– Понял.

– Да что ты все заладил, словно автоответчик?! – вспыхнул Тектор. Фтимар улыбнулся.

– Не бойся за меня.

Инженер рывком отвернулся, сжимая и разжимая коготки.

– Как крыло? – спросил глухо. Фтимар ласково погладил его по спине.

– Уже почти не болит. Я долечу.

Тектор обернулся, в его глазах стояли слезы.

– Будь осторожен. В небе, на земле и под водой, всюду хищники... – космонавт кивнул на темное отверстие дренажной трубы, у которого стояли они со Фтимаром. – Солнце сейчас на другой стороне планеты, поэтому над островом мрак. Это называется «ночь». Люди тебя не заметят, но для зверей, что охотятся во тьме, ты добыча...

– Темноты для моих глаз не существует, – мягко напомнил разведчик. – Не бойся, друг. Все будет хорошо.

Они крепко обнялись.

– Смотри там, не наделай глупостей... – с трудом выдавил Тектор. Фтимар ткнулся носом ему в нос, молча подхватил задними лапами плот и выпрыгнул из трубы, разворачивая крылья.

Сразу резанула боль в плече, но взмахам она не мешала, так что разведчик стиснул зубы и начал набор высоты. Летя по большой спирали, Фтимар впервые увидел человеческий корабль снаружи, и вся его шерстка невольно встала дыбом. Он, конечно, и прежде верил рассказам Тектора, но узреть самому... Чудовищная, невозможная военная машина размером с город была почти плоской сверху. Надстройки с гигантскими ракетами, страшные пушки и все остальное было сгруппировано по правому борту если смотреть на нос. А на плоской железной равнине – иначе не назвать – стояло несколько сложных аппаратов с загнутыми вверх крыльями.

Вдали на фоне звездного неба темнел силуэт острова, огоньков там почти не было, и лишь в районе гор, занимавших всю центральную часть, на мачтах вокруг человеческого шахтерского городка помигивали сине-красные маячки.

Оценив на глаз расстояние до берега, Фтимар с радостью понял, что лететь придется не так долго, как он боялся. Набрав достаточно высоты, разведчик лег на курс к острову, планируя в теплых восходящих потоках. Плот он все же пока не бросал.

Первые минуты полета прошли спокойно, но чем ближе становился берег, тем больше живых существ начинало попадаться в воздухе. В основном крохотные, но весьма многочисленные, они роились в звездном свете, как маленькие облачка. Ультразвуковой сонар Фтимара отлично показывал эти почти невидимые для взгляда стайки.

Скоро разведчик заметил более крупных существ, очень похожих на него самого, которые порхали меж роями крохотных летунов и, очевидно, на них охотились. Они также испускали сонарные лучи, звучащие для Фтимара как громкий треск. Крылатый сарк вначале пытался уворачиваться, но быстро сообразил, что маневренность ночных охотников делает столкновения почти невозможными. Фтимар продолжил путь по прямой.

Он уже практически долетел до берега, когда вместо очередного «треска» слышал такие же ультразвуковые, но совершенно отчетливые слова на неведомом –

однако понятном – языке:

«Кто-ты, кто-ты?» – донесся до него зов. Прежде, чем разум успел принять решение, Фтимар инстинктивно отозвался на том же языке, безошибочно определив направление:

«Свой, свой»

Послышался свист крыльев и рядом с разведчиком лег на параллельный курс другой «хгоак», такого же рыжего цвета, как и сам Фтимар. В маленьких темных глазках светились любопытство и разум.

«Охотишься?» – спросил незнакомец неслышным ультразвуковым голосом.

«Нет, лечу по делам» – отозвался Фтимар. Его поразило, насколько естественной казалась беседа – словно он всю жизнь говорил на этом языке. И никакой боли в горле!

«Что несешь?» – тем временем спросил хгоак. – «Оно съедобно?»

Фтимар бросил взгляд на плот, который до сих пор тащил в когтях. Внизу была уже твердая земля, так что крылатый сарк, недолго думая, просто бросил наскоро сделанный его другом спасательный инструмент. Незнакомец издал удивленную трель.

«Оно больше не нужно», – объяснил Фтимар.

«Откуда летишь?»

«Большая-вода»

«Большая-вода опасна»

«Я уже прилетел» – разведчик восторженно воскликнул: – «Ты видел подземных-без-крыльев?»

Хгоак наострил гигантские уши.

«Опасных-что-приходят-из-горла-гор?» – все выразалось в одном слове-мелодии.

«Да, да!»

«Они в бухте-что-далеко», – с успокаивающей интонацией отозвался хгоак. – «Бояться-не-нужно»

Фтимар помотал головой:

«Где бухта-что-далеко?»

Незнакомец удивленно фыркнул.

«Там опасные-что-приходят-из-горла-гор!»

«Я понял. Мне нужно туда»

«Зачем?!»

«Опасность-если-не-сделать», — это тоже было одно цельное слово-музыка, выражавшее сложное понятие.

Хгоак издал трель, означавшую разом сомнение, тревогу и отрицание. Фтимар ответил другой трелью, где дал понять, что ему очень сильно требуется попасть в бухту-что-далеко. В ответ он получил ультразвуковое послание, где путь к бухте был не просто объяснен, а в полном смысле слова нарисован – в разуме Фтимара появилась призрачная карта острова с подробно размеченным маршрутом. Потрясенный разведчик чуть не свалился в пике, но успел выправить полет судорожным взмахом.

«Спасибо!» – просигналил он незнакомцу. Тот описал петлю вокруг мчащегося на полной скорости Фтимара и исчез во тьме, продолжив свой танец-охоту-песню.

Встреча произвела на разведчика огромное впечатление. Теперь он понимал и чувствовал всем тоскливо сжавшимся сердцем — он больше не сарк. Его народом отныне стали хрупкие крылатые (имя-мелодия), как они звали себя. И на языке сарков, который Фтимар еще вчера считал родным, невозможно было даже произнести название его нового племени.

Подавленный разведчик продолжил полет и без приключений отыскал бухту-что-далеко, где прятались от людей опасные-что-приходят-из-горла-гор.

Его друзья.

Первую в своей жизни ночь космонавты провели в открытом море. На закате с "Титановой гордости" был выдвинут раздвижной понтонный мост, по нему вездеход заехал в ангар. Образцы с острова, которые успели погрузить на борт, временно сложили в трюме. Когда Солнце окончательно скрылось, космическая подводная лодка величаво отошла от берега и направилась в океан, погрузившись на перископную

глубину. Весь оставшийся экипаж корабля собрался в салоне.

Первым выступал капитан Мистар; сухо и технично описал обнаруженный утром человеческий катер, сообщил об открытии людей и пленении двух космонавтов. Затем вперед вышел Айнук. Он подробно рассказал о встрече с ренегатом, прокрутил запись диалога. Если бы большинство сарков сами не видели людей этим долгим днем, поверить докладчикам оказалось бы гораздо труднее.

– ...и я предлагаю воспользоваться темнотой, – Айнук закончил выступление. – У нас есть два портативных тепловизора, с их помощью можно скрытно попасть на борт человеческого корабля и спасти друзей.

В салоне поднялся негромкий шум. Космонавты разделились на несколько групп, каждая отстаивала свой план действий. Мистар и Мун вполголоса беседовали с Айнуком.

– Слишком опасно...

– Пойдут добровольцы.

– Мы рискуем обнаружением. Слова Душана не следует игнорировать.

– Нельзя бросать товарищей, пока есть шансы их спасти!

– В том-то и дело, как ты оцениваешь эти шансы?

Мун положил руку на плечо друга:

– Предположим, мы сумели проникнуть на борт корабля, и ни один человеческий детектор не засек "Гордость". Как ты намерен искать двух пленников в совершенно неизвестной нам машине размером с город?

Айнук сжимал и разжимал коготки.

– Можно придумать сигнал, понятный только сарку...

– Любой сигнал привлечет внимание людей. Да и едва ли пленники свободно разгуливают!

Беседу прервал изумленный голос пилота Пронка:

– Капитан! На перископ уселось какое-то животное!

В салоне воцарилась полная тишина. Мистар и Мун переглянулись.

– Погружаемся или всплываем? – быстро спросил психолог.

Капитан с сомнением загнул хвост.

– Никакое животное не страшно «Гордости». Пронк, медленный подъем,

прервать сразу как иллюминаторы рубки над водой окажутся.

– Так точно! – пилот повернул штурвал продувки балластной цистерны. Айнук с тревогой шагнул вперед:

– А вдруг нас заметили люди?

Капитан покачал головой:

– На радаре ничего нет, а человечья техника такого размера, что ее видно за километры. Но все же... – Мистар подошел к своему креслу. – Все по местам. Готовить срочное погружение до отметки семисот метров, Нойс – орудия к бою.

Космонавты поспешно принялись за работу, но суету вновь прервал голос пилота:

– Капитан... – неуверенно позвал Пронк. – Иллюминатор...

Мистар удивленно прищурил глаза.

– Что это?

– Слишком темно...

– Тепловизор, скорее тащите его сюда! – воскликнул Айнук.

Один из сарков сорвался с места и быстро вернулся с тяжелым прибором. Пронк переключил экран в режим усиления света и направил объектив на иллюминатор.

Едва появилось изображение, Мистар бегом бросился к шлюзовой камере, Айнук вскочил на ноги. Пронк непонимающе оглянулся на Муна, смотревшего на экран с открытым ртом.

– Что с вами? – спросил пилот.

Опомнившись, психолог перевел на него взгляд.

– Фтимар!

Тут уже все сарки повскакали с мест.

Крылатого разведчика в салон буквально внесли, все стремились его обнять и образовали пушистый шумный клубок. В общем безумии не принял участие лишь капитан Мистар; подойдя к пилоту, он вполголоса приказал вновь погрузиться на перископную глубину.

Когда эмоции слегка поутихли, первый и главный вопрос задал Айнук:

– Тектор?!

– Жив и свободен, – устало ответил изрядно потрепанный Фтимар. Космонавты

разразились счастливыми криками, разведчик вновь пошел по объездам. Тут уже пришлось вмешаться самому капитану, чтобы дать Фтимару хотя бы глоток воздуха.

– Ну?! Рассказывай же! – Айнук схватил друга за крыло, но тут же выпустил, заметив, как тот скривился от боли. Фтимар жадно напился лимонада из кружки, что протянул ему Мун.

– Капитан, для вас послание... – он протянул Мистару запечатанный пакет. – Здесь подробный отчет Тектора. Он столько узнал, что нам потребуются недели на анализ... – Фтимар глубоко вдохнул. – Наш скромняга-инженер оказался лучшим разведчиком из всех, о которых я не то, что знал, а даже читал или слышал в жизни. Он блестяще, всего за один день внедрился в доверие к ренегатам.

– Ренегатам?! – воскликнул Айнук. Фтимар кивнул:

– Да, друзья. Ренегаты опередили нас на многие, многие циклы. В недрах человеческого корабля у них крупное поселение, а на поверхности острова – целая страна... – он начал рассказ.

Космонавты слушали, затаив дыхание, весь экипаж «Гордости» сгрудился вокруг разведчика. Тишину лишь раз нарушил возглас капитана Мистара – когда Фтимар поведал о судьбе Третьей экспедиции.

Излишне говорить, что этой ночью никто на борту не спал. Потрясенные рассказом, космонавты разбились на пары и небольшие группы, вполголоса обсуждая новости, строя теории и фантастические предположения. Только под утро, когда Мун насильно отправил смертельно уставшего Фтимара спать, сарки один за другим разошлись отдыхать по каютам.

В салоне остались Айнук, Мун и Мистар. Капитан читал отчет Тектора, вцепившись в шерсть на висках, пожилой психолог размышлял в кресле, Айнук с волнением бегал взад-вперед. Когда Мистар, наконец, поднял голову от исписанного листа бумаги, именно Айнук задал вопрос, мучивший всех:

– Капитан, как быть с ренегатами? – спросил он. – Нам придется сотрудничать. Куда теснее, чем когда-либо прежде. Можно ли им доверять?

– В том-то и проблема... – мрачно отозвался Мистар. – «Их» не существует, Айнук. Ренегаты сами по себе, там нет сильной централизованной власти. Слышали, как их «знаменитая героиня» решила отправиться в мир людей и попросту захватила

наш корабль? То же самое сделает любой ренегат с амбициями, и ему будет хвостом на «договор» что мы заключили с другим вождем. Это анархия, полная и беспощадная.

– Ну, не все так плохо на самом деле... – заметил Мун из своего кресла. – У них родовые кланы, некая разновидность первобытнообщинного строя. В рамках каждого клана есть и власть, и стабильность...

– Это не остановит вождя X от зависти вождю Y с которым мы заключим договор, – возразил капитан. Мун поднял палец:

– Поэтому-то в подобных случаях следует тщательно выбирать вождя. Если X сильнее всех остальных, на него не нападут.

– Тогда остальные временно заключат союз против X, – едко отозвался Мистар.
– Я не хуже тебя знаю механизмы работы подобного общества, и почему оно продолжает оставаться разобщенным, а не попадает под единую власть особо сильного лидера.

– А как же общий враг и сплочение перед опасностью? – робко подал голос Айнук. – Я думал, оно у всех нас в крови...

– Так-то оно так, но опасность должна быть действительно общей, – невесело ответил капитан. – Вот, скажем, обрушение Свода – как раз такой случай. Если б мы все жили в пещерах... – он запнулся. Задумался. Обернулся к Муну и чуть медленнее обычного спросил: – Стоп. Как ты оцениваешь численность общины ренегатов на поверхности?

Психолог перебрал пальцами.

– Очень небольшой, в противном случае они бы не смогли скрыть от людей следы своей деятельности.

– Вот-вот... – протянул Мистар. – А на Восточной равнине обитает, по последним оценкам, до миллиона ренегатов.

Мун склонил голову набок:

– Предлагаешь разыграть карту всеобщего спасения?

Айнук быстро шагнул вперед:

– Когда я поведал Душану про Свод, его это потрясло. «Нарх ничего нам не говорил», так он сказал.

Капитан щелкнул хвостом:

– Вот оно. Правильно! У большинства, если не у всех колонистов, дома на Восточной равнине остались предки, друзья и родичи. Если ренегаты все разом узнают, что Свод может рухнуть...

– ...и что вожди от них это скрывали... – вставил Мун. Мистар энергично кивнул:

– Да. Да! Так мы и будем действовать. Отныне наш корабль – не исследовательский. Мы посланники. Наша миссия – спасти народ сарков от гибели!

Психолог слабо улыбнулся.

– Но это же и правда наша миссия.

Капитан, потирая лапки, обернулся к Айнуку:

– Друг, завтра вам со Фтимаром предстоит опасное задание.

Космонавт подался вперед:

– Пробраться на корабль людей?!

– Да, и найти Тектора, – кивнул Мистар. – Общение с ренегатами мы начнем не с кулуарной торговли с жадными и бессовестными вождями, а с самых низов. Когда все узнают про Свод – они забудут, что мы лишь жалкие «пещерные крысы», нет, мы снова станем единым народом. Народом на краю гибели.

Мун встал.

– Я, пожалуй, напишу текст выступления... Ох, спина моя... – прихрамывая, он направился к дверям. Капитан с грустью проводил старика взглядом.

– Айнук, иди спать, – приказал Мистар. – Набирайся сил.

– Так точно, капитан! – космонавт отдал честь и покинул салон.

Корабль мерно покачивался в темной воде. На горизонте занималась заря.

Глава 19

Сине-красно-белые аэросани с огромной надписью «FedEX» вдоль борта остановились у старой цистерны, одиноко ржавевшей на берегу покрытого льдом Карского моря. На покосившемся бетонном столбе рядом кое-как держалась табличка

с надписью «Гыда».

Из саней выбрались двое в толстых тулупах и ушанках. Оглядев пустынный берег, один сдвинул ушанку на затылок и почесал голову.

– Санек, нам точно сюда?

– Самому не верится, – отозвался второй. – Но где-то тут три с половиной тыщи человек живет, однако. Село Гыда.

– Охренеееееть...

– А что? – хохотнул второй. – Отличное место! Конец света прозевать можно!

Первый даже крякнул.

– Это ж до чего дойти надо, что б тут жить... Ну да ладно, работать пора.

Они открыли боковую раздвижную дверцу саней и с невнятной руганью да проклятиями выгрузили на лед габаритный и очень тяжёлый деревянный ящик. Приделанный к нему небольшой трекер с экранчиком тут же сам собой включился и стал моргать красно-синим.

– Чо это ваще? – спросил первый человек. Второй поднял лист пластика, привязанный к ящику сбоку.

– Автономный спасательный дрон «General Dynamics Mighty Mouse – I». Испытания.

– Робот? – недоверчиво переспросил первый.

– Типа того. Мы его выгрузим в Гыде, а он должен самостоятельно найти дорогу в Байкаловск.

– Двести километров?! По тундре?!

– На то и испытания... – второй почесал в затылке. – За все уплочено, так что давай-ка, дружок, работай...

Вместе они отодрали доски от ящика согласно стрелкам в инструкции, и вытащили удерживавшие робота внутри пенопластовые блоки. При виде дрона, первый невольно присвистнул:

– Твою ж мать...

– Точно.

– Да его ж сопрут по дороге.

– Сопрут – мало не покажется, дрон со спутников мониторят. Видал? – второй

человек кивнул на мигающий трекер. – Они уже знают, что мы на месте и выгрузили машину.

– Не только знаем, но и видим, – внезапно раздался низкий мужской голос из робота. Оба человека едва не подпрыгнули от неожиданности.

– Вам было сказано, выгрузить контейнер в шести километрах к востоку от этой точки, – гневно произнес голос. – Вы понимаете, что вся навигационная система робота из-за вашей небрежности теперь сбита?!

Первый человек, придя в себя, снял толстую перчатку и вынул из кармана спутниковый навигатор.

– Простите, но мы точно в указанном месте. Вот даже табличка «Гыда».

– Так мы ведь и заключили контракт, выгрузить машину в шести километрах от Гыды!

– Нам ничего такого не говорили, – отрезал человек. – «FedEX» доставляет товары в населенные пункты, а не в тундру. Товар доставлен. Вы довольны?

Некоторое время царил тишина, затем робот зажужжал двигателями и медленно выехал из ящика на широченных снежных гусеницах. Люди смотрели, как дрон покрутился на месте и снова замер.

– Ладно, мы перекалибруем навигацию... Не бросайте здесь упаковку, загрязнять окружающую среду запрещено!

Ничего не ответив, люди засунули ящик обратно в аэросани. Взревел мотор, и спустя пять минут робот «General Dynamics Mighty Mouse» остался один посреди ледяной пустыни.

Элджи, облегченно вздохнув, отключил голосовой скрамблер и обернулся в кресле к испуганной Орби, стоявшей в дверях салона.

– Видишь, все прошло идеально.

Мышка устало провела лапкой по лицу и уселась на ковер прямо у двери.

– Мы дважды были на краю гибели, Элджи. Дважды. И если б у твоего агента в тот миг оказался отключен телефон...

Черный мыш подбежал к подруге и сел рядом, притянув ее за плечи.

– Да... Да, мы были в опасности. Но все позади – отсюда, на юго-восток, до самого Тихого океана тянутся абсолютно безлюдные пустоши, тундра и вечная

мерзлота. Нас больше никто и никогда не потревожит, любимая.

Орби тяжело вздохнула.

– Не слишком уютно звучит, но... Выбора маловато, да?

– Да, – опустил голову Элджи. Подруга нежно лизнула его в нос.

– Тогда садись за штурвал и пусть мир людей останется в прошлом.

Черный мыш на миг сжал ее лапку и быстро встал. Вернулся в кресло пилота. Мощный вездеход приподнялся на пневмоподвеске, зажужжал двигателями и быстро пополз прочь от обледеневшей пристани.

Первые сутки пути прошли тяжело. Хотя вездеход Элджи был в десятки раз легче человеческих внедорожников и по размерам скорее напоминал эскимосские нарты, местность была слишком негостеприимной даже для такой машины. Ровные заснеженные поля очень часто сменялись ледяными гребенками, трещинами и каменистыми россыпями, что заставляли вездеход дико трястись. Самые крупные трещины приходилось объезжать, мелкие машина преодолевала с помощью длинных выдвигающихся лыж. Они боролись за каждый километр, и к вечеру экипаж был так измотан, что пришлось остановиться на ночевку, укрывшись под торчавшей из снега угловатой глыбой. Спали по очереди, напряжение с двигателя не снимали чтобы тот оставался горячим – Элджи боялся загустения смазки.

Утром за штурвал села Орби, она уже достаточно хорошо умела водить. Пока Элджи присматривал за детьми в салоне, мышка вела вездеход по тундре на сниженной скорости, чтобы не так трясло. Когда параллельным курсом потянулся замерзший ручей, стало немного легче, но вскоре им вновь пришлось свернуть с гладкого ледового «зимника». До цели оставалось всего пять километров, когда совершенно измученная Орби сдалась и остановила машину. Элджи отнёс ее в гнёздышко.

Укрытый вокруг не было вовсе, до самого горизонта – ни деревьев, ни скал. Хорошо хоть погода держалась безветренной. Вездеход мог разогревать гусеницы и защитную стальную клетку вокруг кузова, а также имел гарпунные пушки с лебедкой и спереди, и сзади; каждый гарпун нес электрический бур, так что даже попади их транспорт в метель и окажись под снегом по самую крышу, могучая машина смогла бы выбраться. Но риск оставался огромным – за бортом стоял сорокаградусный мороз, мышь замерзла бы насмерть секунд за пятнадцать, не успев выйти из шлюзовой

камеры. Даже супер-технологичный скафандр Элджи ничем бы не помог, его аккумуляторы разрядились бы за пару минут на таком морозе.

Вторую ночь путешественники провели посреди ледяной пустоши, в медленно остывающей, потрескивающей на холоде машине. За иллюминаторами, украшенными морозной росписью, во все стороны до горизонта простиралась беззвучная смерть. Царила такая тишина, что не по себе было даже практичному Элджи; Орби и вовсе лежала с ним рядом, в обнимку с детьми и дрожала.

В кабине не светило ни огонька, внешние прожекторы тоже отключили, опасаясь обнаружения. В безграничной тьме за иллюминаторами не было видно даже звёзд: к вечеру над тундрой сгустились высотные, рваные облака. Элджи не мог уснуть.

Он вспоминал свою жизнь – долгую и безумно одинокую. Вспоминал, как без усталости работал неделями и месяцами, создавал по крупицам наследие для тех, в кого он упрямо заставлял себя верить.

– Маленькая страна, – мечтательно прошептал мышонок. – Маленькая страна... Кто мне расскажет, кто подскажет, где она, где она?

– Мммм? – сонная Орби приоткрыла глаза. Элджи счастливо вздохнул.

– Спи, родная. Все хорошо.

Она тихонько пискнула и вновь опустила веки. Зажмурился и чёрный мыш. Минуты тянулись за минутами, слагаясь в часы и, постепенно, Элджи наполнял покой. Наверное, впервые с рождения. Он чувствовал рядом тепло любимой, слышал дыхание ее и детей. Позади пролегал долгий путь, а будущее обещало что угодно, только не лёгкую жизнь. Опасность грозила отовсюду, ежесекундно — в прошлом, сейчас, всегда. Но вопреки судьбе, в эту жуткую морозную ночь, крохотный мышонок посреди ледяной пустыни просто был счастлив.

До самого утра, когда, оставив семью в теплом салоне, вернулся за штурвал и понял, что вездеход не заводится.

Элджи не сразу в это поверил, какое-то время продолжал машинально щелкать

тумблером. Вся его техника, по винтику, была построена им самим, любые неполадки он распознавал моментально. Вездеход, конечно, был наиболее сложным творением Элджи, даже сложнее обоих утраченных давным-давно самолетов, но и тут он знал буквально каждый провод, каждый подшипник. Пока его пальцы продолжали механически двигать переключатель, мозг пытался переварить шокирующее событие. Прошло не менее минуты, прежде чем Элджи судорожно выдохнул и отступил на шаг от приборной панели.

Он начал лихорадочно размышлять. Бросился к дисплею центрального компьютера. Диагностики и телеметрии в вездеходе почти не имелось – вся его конструкция и так хранилась у создателя в голове. Вот и сейчас, немногочисленные датчики показывали, что все в норме.

Резонатор Теслы, подлинное сердце машины, работал как часы, напряжение в бортовой сети не проседало, обогреватели и кондиционер исправно спасали экипаж от быстрой холодной смерти. Искать причину следовало не здесь.

Бросившись в инструментальный отсек, Элджи вернулся с вольтметром. Вырвал щиток под главной панелью, подцепил прибор к толстым клеммам силового кабеля. Щелкнул тумблером; хрустнуло реле и ток исправно появился. Высоковольтная система тоже в порядке...

Мышь поспешил в шлюзовой отсек. Стараясь не нервничать, надел скафандр, подключил его к бортовой розетке. Плотно загерметизировав внутренний люк, хрипло вдохнул и открыл внешний. От мороза шлем моментально запотел.

Элджи включил экран забрала, чтобы хоть как-то видеть, и спрыгнул на снег. Для мыши, наст показался бетоном. Торопливо разматывая питающий кабель с катушки, он дошел до сервисного люка в кормовой части машины и, с большим трудом, только при помощи топора, предусмотренного как раз на подобный случай, сумел приподнять обледеневшую крышку. Под ней, взгляду потрясенного Элджи предстал сплошной куб льда на месте моторного отсека.

– О, нет... – прошептал он в ужасе. Разум мгновенно построил картину случившегося; за долгие километры тяжелейшего бездорожья, снег набивался в отсек и таял от жара двигателя – как раз с целью охлаждения моторное отделение и не было герметичным. Но талая вода не могла вытекать, ибо моментально обращалась в лед

при контакте с наружным воздухом. Следующая порция снега продавливала ледяные кристаллы внутрь, и так они заполнили весь отсек, образовав ледяную корку по периметру с жидкой сердцевиной вокруг горячего мотора.

А ночью все это замерзло. Но ведь он специально держал напряжение в обмотках, чтобы мотор оставался горячим!

«Я держал» – понял Элджи. – «А Орби не знала...»

Он стиснул зубы: проклятье! Как мог он забыть проверить такое?! Наверно, слишком устал... Или отвлекся на детей... Решение не могло ждать ни минуты — погода заметно портилась. Если начнется буря...

Элджи содрогнулся и бросился обратно к шлюзовой камере. Там, в грузовом отсеке, хранились запчасти. Надо замкнуть силовые кабели в обход предохранителей и плавить лед их жаром. Сначала проделать канавку, где будет стекать вода... Насос? Он замерзнет быстрее чем включится... Черт, черт, черт...

Мышонок лихорадочно принялся за работу. Минут за сорок соорудил дуговой нагреватель, поместил его в бочку и киркой нарубил снега. Пока работал, случайно оборвал кабель питания скафандра, и едва успел добежать до шлюза, чтобы не замёрзнуть. Ремонт отнял еще время.

Во внутреннем окне он заметил встревоженное лицо Орби и успокаивающе помахал ей лапкой. Лицо не исчезло, так что Элджи пришлось задраить внешний люк и открыть внутренний. Мышка отпрянула; вся ее шерстка мгновенно покрылась инеем, настолько холодный воздух вырвался из камеры.

– Что случилось?! – воскликнула она. Элджи поднял забрало.

– Все хорошо, родная, не бойся. У нас небольшие проблемы с двигателем, но я почию.

– Проблемы? – растеряно пробормотала Орби. Черный мыш успокаивающе закивал:

– Ничего серьезного, я разберусь. Посиди пока с детьми, это займет немного времени... – он снова задраил люк, мысленно взмолившись, чтобы эти слова оказались правдой.

Снег в бочке уже растаял и кипяток бурлил вокруг раскаленных кабелей, клубы белого пара валили как из паровой трубы. Пар моментально замерзал и опадал на

снег сверкающими ледяными кристаллами. Элджи притащил водяной насос, сунул питающий шланг в кипятик, а раструб направил на моторный отсек; но теплая вода, ударившая в ледяной куб, не только ничего не растопила, а стала быстро примерзать сама. Мышонок, стиснув зубы, отключил насос.

«Горячий воздух!» – нырнув в грузовой отсек, Элджи вернулся с паяльным феном. Это сработало, лед быстро таял в раскаленном потоке, но моторный отсек освобождался столь медленно, что потребовались бы сутки, а то и несколько... Вдобавок талая вода мгновенно замерзала, и сосульки приходилось дробить киркой. Элджи, скрипя зубами, понял, что нужен другой способ.

Посидев минут пять на снегу, он придумал сделать паяльным феном канал во льду до самого двигателя, чтобы заменить сгоревший силовой предохранитель и снова подать ток на обмотки. Бодро принялся за работу. Когда из-под снега показалась задняя крышка мотора, прошло уже два часа, и тучи над тундрой заметно сгустились. Поднимался ветер, измотанный Элджи лихорадочно рубил лед.

Еще полчаса ушло на расчистку доступа к сервисной дверце, и наконец, мышонок с хрустом откинул замерзший щиток. Тяжелый оплавленный предохранитель полетел в сторону.

Установив новый, Элджи бросился в кабину. Промчавшись мимо испуганной Орби, включил систему обогрева двигателя и метнулся обратно в шлюз. Когда подбежал к моторному отсеку, оттуда уже валил пар.

– Сработало... – облегченно выдохнул мыш. Торопливо собрав инструменты и побросав их в грузовой отсек, он минут десять стоял у кормы вездехода, глядя как медленно трескается и тает ледовая корка. Ветер заметно усилился, гнал вдоль наста тончайшую поземку, стало ощутимо темнее. Задраив моторный отсек, Элджи поспешно вернулся в кабину.

– Ну как? – робко спросила Орби из дверей салона.

– Все получилось, через часик можно трогаться!

– Час?

– Пусть все хорошенько отгадет... – Элджи нервно помахивал хвостом. Вернувшись за штурвал, рискнул немного поднять напряжение. Теперь оставалось только ждать.

Минуты текли невыносимо медленно. Элджи хотелось биться головой о приборную панель. Орби несколько раз заходила, но тихонько возвращалась в салон, видя, что тревожить любимого сейчас не стоит. А за иллюминаторами уже начиналась метель.

Когда проклятый час, наконец, миновал, Элджи едва не застонал вслух. Затаив дыхание, перевел рычаги на «самый малый ход». Снизу донесся натужный электрический гул, но вездеход не тронулся с места. Мышонок поспешно вернул рычаги обратно.

«Спокойно, спокойно... Просто загустела смазка...» – он судорожно вздохнул. Надо попробовать раскочку.

– Орби! – позвал мышонок. – Пристегнись там и крепче держи малышей! Может быть рывок!

– Хорошо... – донесся родной голосок. Зажмурившись на миг, Элджи положил лапки на рычаги.

Вперед – назад. Вперед – назад. Натужный гул двигателя менял тональность, но вездеход даже не вибрировал – якорь мотора совершенно заклинило. Мышонок боялся повышать мощность и продолжал раскочку, надеясь, что легкий перегрев поможет мотору вернуться в строй.

Но результата не было. Стиснув зубы, Элджи понял, что придется рискнуть. Рычаг сдвинулся на отметку «средний вперед».

Гул двигателя превратился в вой, будто рядом с трансформаторной будкой, освещение в кабине слегка притухло. И внезапно раздался оглушительный металлический лязг; вездеход дернулся, но снова застыл, а из моторного отсека донесся визг бешено вращающихся шестеренок.

Элджи похолодел, вся его шерсть встала дыбом. Отключив двигатель, он прижал ладони к вискам и глухо застонал. Таким его и нашла встревоженная Орби.

– Все плохо? – спросила она тихо.

Элджи, сглотнув, бросил на подругу мучительный взгляд.

– Редуктор... – только и сумел он сказать. Мышка присела к нему на колени и обняла за шею.

– Не нервничай так, прошу.

– Сломался редуктор, – выдавил Элджи. – Это я починить не смогу. Не здесь...

– Мы найдем выход, не терзай себя. Все будет хорошо.

Черный мыш закрыл глаза лапками.

– Не будет... – простонал он. – Начинается метель. Нас засыплет, и перестанет поступать воздух. Под снегом задохнуться легче, чем замерзнуть, родная... – мышонок лихорадочно дернулся. – Лебедка. Будем двигаться на лебедке.

Он схватил Орби за лапки:

– Тебе придется управлять машиной. Я буду снаружи, в скафандре. Смотри; вот управление гарпунами. Стреляешь вперед, я бегу туда, закрепляю, потом ты нажимаешь эту кнопку и сматываешь трос...

Орби отпрянула.

– Спятил? Буран унесет тебя, как пушинку!

– Я надена страховочный кабель, не бойся... – натужно улыбнулся черный мыш.

– Это безумие!

– Другого пути нет. Мы все погибнем, если машину засыплет.

– Не погибнем! – Орби вскочила. – Вездеход способен плыть под водой! Ты сам говорил, тут есть поглотители и электролизная установка!

Элджи застонал.

– Есть... Но для электролиза нужна вода... Установка берет ее за бортом... – он схватился за голову. – Ты права, это единственный шанс. Дай встать... – он спихнул мышку с коленей и вскочил. – Надо просверлить дыру в водяной бак и установить трубку. Нам придется брать снег из люков и загружать бак вручную, но это позволит пережить метель! – он выбежал из кабины.

Несчастливая Орби бессильно опустилась на пол.

Глава 20

Тектор возвращался в поселок медленно, его лапки словно налились свинцом. Он еще никогда не отправлял близкого друга на смертельно опасное задание – сердце

едва не рвалось на куски от ужаса и понимания: случись что, и винить останется только себя. Сравнить эмоции было не с чем.

Немногочисленных встречных ренегатов он даже не замечал. Доковылял, наконец, до гаража Синти, и свалился лицом вниз на грязную тряпку, выделенную ему в качестве постели. Усталость и страх накрыли душной волной, почти моментально выключив сознание.

Разбудил его чувствительный пинок под рёбра. Тектор подскочил, растерянный, ещё ничего не понимая попятился к стене, прижался к ней. Напротив стояло несколько крупных мускулистых ренегатов в уже знакомых шипастых ошейниках и нахвостниках.

Один, особо могучего телосложения, светло-серой масти без пятен и полос, отличался удивительными, прозрачными хрустальными глазами, которые тускло переливались красным при смене угла зрения. Этот сарк носил не простой пояс, как остальные, а широкий и узорчатый, похожий на обвивавшую его торс золотую рептилию. Тектору недолго пришлось гадать, с кем свела его судьба:

– Я Нарх, – коротко сказал огромный ренегат необычайно низким, рокочущим голосом. – Где твой напарник?

Одного взгляда в эти хрустальные зрачки хватило инженеру, чтобы понять – игры кончились.

– Улетел на остров.

– Что ты с ним отправил?

– Пакет с докладом. Все, что успел разузнать.

– И много ли успел? – спросил Нарх. Простые слова, но тон — от него шерсть Тектора невольно встала дыбом. Сглотнув, он попытался ответить твердо:

– Достаточно, чтобы понять: наша вражда окончена.

Гигант даже не шевельнулся, но само его молчание заставило Тектора сильнее вжаться в стену.

– Кто ты на корабле? – спросил Нарх после короткой паузы.

– Инженер-конструктор.

– Не разведчик?

– Разведчиком был мой друг, – отозвался Тектор.

– Как вам удалось завербовать хгоака?

– Он не хгоак, – коротко ответил космонавт. Нарх едва заметно передернул ушами.

– Объясни.

– Был несчастный случай. Мозг умирающего сарка пересадили в тело хгоака, и операция каким-то чудом оказалась успешной.

– Это невозможно.

– Все так думали.

Нарх едва заметно подался вперед, и Тектор чуть не шарахнулся. Гигант прищурил свои удивительные глаза:

– Не советую лгать. Плохо кончится.

– Верю, – напряженно ответил космонавт.

Вождь ренегатов смерил его внимательным взглядом. Шевельнув ладонью, подозвал одного из спутников.

– Что рассказал полукровка?

– Хгоак вел себя очень спокойно и будто понимал, о чем вокруг него разговаривают. Эти двое... – солдат кивнул на Тектора – ...провели несколько часов в хлеву, затем вместе ушли к морскому окну. Хгоак шел без поводка.

Нарх легонько нахмурился – и это ужасало больше, чем вопли толпы дикарей с факелами. перевел жуткие глаза на Тектора; тот буквально ощутил, как в их хрустальной глубине решается его судьба.

– Идем, – приказал вождь. Он обернулся к дверям, и в движении было столько мощи, что у инженера пробежали мурашки вдоль позвоночника.

Стараясь не отставать от огромного Нарха, Тектор поспешил следом. Они вышли из гаража и двинулись в сторону площади, где космонавты утром познакомились с Синти. Смелой самочки нигде не было видно, но Тектор пока боялся задавать вопросы.

– Передай капитану Мистару, я хочу встретиться, – не обернув головы и не снижая шага пророкотал вождь ренегатов. Тектор удивленно моргнул:

– В-в-вы знаете Мистара?

– Скоро узнаю. Встреча состоится на борту вашего корабля. Химат!

Один из следовавших за Тектором солдат быстро его обогнал и поравнялся с лидером.

– Бухта Дракона, – отрывисто приказал тот.

– Служу братству! – восторженно, фанатично ответил солдат, отдал честь и бегом бросился в сторону. Остальные во главе с Нархом дошли до площади и свернули к одной из незнакомых Тектору труб. Не в силах больше бороться с тревогой, инженер рискнул:

– А где Синти, дочь Серенады?

Нарх впервые замедлил шаг и бросил на космонавта короткий взгляд.

– Ты больше ее не увидишь.

Тектор содрогнулся:

– Она ни в чем не виновата! Я втерся в доверие, воспользовавшись ее добрым сердцем! Прошу, не наказывай Синти, ее вины нет ни в чем!

Вождь едва заметно усмехнулся краешком жуткой пасти.

– Я не стану наказывать внучку за то, что она глупый детеныш.

Тектор споткнулся и растянулся на металле. Поспешно встал, отряхивая шерсть.

– А... Эм...

– Серенада моя дочь, – коротко сказал Нарх.

Утратив дар речи, инженер едва смог кивнуть. Они продолжили путь в молчании.

Туннель, в который шли воины, отличался от простых дренажных труб. Гораздо более широкий, он был весь густо покрыт коррозией и мельчайшим черным налетом, пачкавшим лапы. Принюхавшись, Тектор удивленно наострил уши:

– Выхлопная труба?

– Осталась от вспомогательного дизель-генератора людей, – отозвался один из солдат. – Выходит прямо над водой.

Пораженный инженер оглядел круглый коридор высотой в полтора его роста, освещенный такими же тусклыми желтыми лампами, как и трубы под палубой.

– Что за мощность была у этого дизеля...

Солдат усмехнулся, но ничего не ответил. Они дошли до места, где коридор круто сворачивал вниз; здесь ренегатами была приделана к полу веревочная сеть,

чтобы было за что цепляться. Следом за Нархом и его спутниками Тектор полез в глубины чудовищного корабля.

Спускаться, правда, пришлось недолго; уже через несколько минут до инженера донесся свежий запах моря и шум волн. Выхлопная труба вновь сменила наклон на почти горизонтальный, и оборвалась косым отверстием, выходящим в утопленную нишу на борту корабля, метрах в двадцати над водой. Судя по яркому дневному свету, выспаться Тектору удалось.

Нарх вскинул лапу; отряд застыл на месте. Вождь ренегатов опустил на все четыре, подкрался к отверстию и некоторое время смотрел по сторонам, вверх и вниз. Убедившись, что людей нигде не видно, Нарх жестом подозвал одного из солдат, тот быстро и умело закрепил на краю пропасти веревочную лестницу, что нес в рюкзаке. Первым на нее ступил сам вождь, вторым подтолкнули Тектора.

Инженер начал спуск, не понимая, куда они лезут – внизу просто шумели волны. Но когда Нарх добрался до конца лестницы, из-под воды внезапно показался широкий, круглый пластмассовый люк. Его окраска настолько сливалась с поверхностью моря, что уже в десятке метров его было легко не заметить.

Люк открыли изнутри. Нарх спрыгнул в довольно глубокую шлюзовую камеру, за ним, глубоко вдохнув, последовал и Тектор. Остальные солдаты спускаться не стали и быстро втянули веревочную лестницу обратно.

Пластиковый люк с глухим стуком захлопнулся. Шум воды снаружи подсказал, что подлодка ренегатов начала погружение. В шлюзе зажглись ярко-белые лампы необычной формы – скорее всего, человеческие.

Внутренняя дверца отъехала в сторону. Следом за огромным ренегатом Тектор выбрался в тесный пластмассовый коридор, где не мог выпрямиться даже он. Нарх и не пытался; вновь опустившись на все четыре, он шустро скользнул вперед. Тектору волей-неволей пришлось последовать его примеру.

Коридор оборвался в столь же тесной, будто сплющенной рубке. Здесь, наконец, была и команда крошечной подлодки: два сарка в облегающих белых комбинезонах и шлемах полулежали в креслах справа и слева от двери в коридор, между ними темнело еще одно такое же кресло, куда тут же забрался Нарх. Поскольку больше места в рубке не было, Тектору пришлось остаться стоять в коридоре.

С потолка к лицу Нарха опустился широкий плоский экран. Инженер впервые видел подобную технологию – и судя по грубым, слишком толстым проводам и зернистой картинке низкого разрешения, экран был тоже создан людьми.

– Спиной к стене и упрись лапами, – приказал вождь, не повернув головы. Сообразив, что сейчас будет, Тектор пискнул и торопливо последовал совету. Он едва успел.

Миниатюрная пластмассовая подлодка так резко сорвалась с места, что инженера проволокло по коридору почти до самого шлюза. Управляли ею ренегаты одновременно; судя по тому, что смутно видел борющийся с перегрузками Тектор, основным пилотом был Нарх, а его напарники контролировали рули глубины и обороты мотора. Подумав о двигателе, инженер в полном недоумении наострил уши: он не слышал ни жужжания электромоторов, ни тем более рычания ДВС. Только шипение откуда-то со стороны кормы.

«Сжатый воздух!» – понял Тектор и бросил на ренегатов уважительный взгляд. Пожалуй, ничего лучше не получилось бы применить, если главным критерием стояло «скрываться от людей». Но это одновременно означало, что крохотная подлодка должна иметь столь же мизерный запас хода. Куда же они плывут? До берега воздуха точно не хватит...

Ответ на вопрос последовал достаточно быстро. Когда утихло шипение и вместе с ним — дикая болтанка, левый ко-пилот Нарха потянул на себя рычаг и Тектор услышал знакомое тонкое жужжание. Очевидно, вдали от гигантского корабля детекторы людей уже не могли зафиксировать крохотный по их меркам электродвигатель.

Лодка продолжила путь, но теперь медленно и плавно. Инженер на четвереньках добрался до рубки и сел на краю двери, сразу за тремя креслами. В зеркальце, приделанном сбоку к центральному экрану, заметил пронзительные, вселяющие ужас хрустальные глаза.

– Мне сообщили о повреждении Свода. Это так? – спросил Нарх, глядя на космонавта в зеркало. Тектор с трудом кивнул:

– Он рухнет в ближайшие три – четыре цикла.

– Насколько достоверна информация?

– Я сам видел расчеты, – глухо ответил инженер.

– Ты компетентен?

– Моя профессия – мосты, перекрытия и негабаритное строительство. Я специалист именно в этой области.

Нарх едва заметно нахмурился.

– Как планируете действовать?

Тектор развел лапками.

– Теперь уже никак. Мы собирались построить на поверхности острова базу и изучить возможность переселения сарков наверх... Про людей и про вас мы даже не слышали. Как ренегатам удалось столько циклов скрывать космическую программу?

– Свободное братство Нарха, а не «ренегаты»! – агрессивно рявкнул один из копилотов. Вождь шевельнул ладонью в успокаивающем жесте.

– Нет никакой космической программы, – сказал он сухо. – Иркалла, что вы зовете Восточной равниной, испокон веков имела ходы на поверхность. Внучка поведала тебе историю Вирату; как полагаешь, могли дикари тридцать тысяч циклов назад иметь подводные лодки?

Пораженный Тектор открыл рот.

– Я... Не задумывался... – он ахнул. – Но тогда мы успеем спасти сарков! Наш народ не погибнет! – он запнулся. – ...если вы пропустите нас на поверхность через ваши земли.

Нарх усмехнулся краем пасти.

– Пропустим. Когда придет время.

Он сунул лапу в сумку на поясе и вытащил небольшой свернутый в рулон лист бумаги.

– Возьми карту острова. Здесь отмечены проходы в Иркаллу и в страну хгоаков. Передашь своим.

Растерянный Тектор недоверчиво принял сказочный дар.

– Спасибо...

– Сейчас не время вспоминать старые обиды, – тяжело сказал Нарх.

Они продолжили путь в молчании. На экране, который Тектор хорошо видел, плескались волны, поверхность моря медленно двигалась навстречу; мини-подлодка

использовала камеру на мачте вместо перископа. Прошло около двух часов, когда за очередным мысом весьма изрезанного побережья показалась большая округлая бухта. Нарх указал когтем на красную точку, появившуюся в углу экрана.

– Ваш корабль фонит за километры. Просто чудо, что люди его пока не засекли.

Тектор вздохнул.

– Кто ж знал...

– Мы знали, – мрачно отозвался вождь. – Достаточно было спросить.

– Спросили бы, имей мы хоть подозрение что остров вам уже знаком, – космонавт встрепенулся. – Когда Серенада... Когда твоя дочь захватила корабль Третьей Экспедиции, почему вы хотя бы не сообщили, что экипаж выжил? У нас до сих пор скорбят по ним. Капитаном того корабля был сын Мистара...

Нарх вновь посмотрел на инженера в зеркало.

– Обстоятельства были другими, – ледяным тоном ответил он.

– Какими обстоятельствами можно оправдать пиратство?

– Теми же, чем вы оправдываете колючую проволоку вдоль границ Иркаллы! – резко сказал вождь. – Не строй иллюзий; мы не друзья.

Тектор опустил голову.

– А могли бы быть... – шепнул он.

Нарх промолчал; мини-подлодка уже подплыла к погруженной на перископную глубину «Титановой гордости». Отключив двигатель метрах в двадцати от корабля, вождь ренегатов полуобернулся в кресле:

– Вылезай на палубу и сигналь своим. Когда тебя заберут, мы снова нырнем, чтобы люди не засекли с дронов. Ныряйте и вы. Через полчаса всплываем на тридцать секунд; устрой все, что нужно для переговоров, я доберусь вплавь.

Тектор закивал:

– Ясно!

– Вперед, – Нарх вновь обернулся к экрану.

Возвращение Тектора переположило весь корабль. Все космонавты, включая Фтимара и Айнука – они ждали темноты и еще не успели отправиться на своё задание – собрались в салоне, инженера обнимали и поздравляли. Тектору едва удалось успокоить друзей достаточно, чтобы добраться до капитана Мистара и объяснить положение.

Полчаса, данные ренегатами, промчались как миг. «Титановая гордость» всплыла над водой лишь настолько, чтобы едва показался люк; как только его открыли, мокрый гигант-Нарх ввалился в шлюзовую камеру. Обе подлодки тут же ушли на глубину.

Гостя встречали Айнука и Тектор. Дождавшись, пока тот немного высушит шерсть, они прошли в салон, где собралась вся команда. Посередине наскоро установили три кресла и круглый столик, места заняли Мистар, Мун и сам Нарх, Айнука притащил электровентилятор с подогревом и направил горячий воздух на мокрого ренегата. Остальные окружили их плотным кольцом.

– Добро пожаловать на борт «Титановой гордости», – улыбнулся капитан. – Спасибо, что вернули нашего товарища.

Гость коротко кивнул:

– Сейчас не время враждовать.

– Полностью согласен.

– Я Нарх, основатель и вождь Свободного братства, – сказал громадный саркастичным голосом. – Наше братство – единственное, имеющее постоянную колонию на поверхности острова.

– Капитан Мистар, первый в ранге.

– Мун, психолог и старпом. Первый в ранге, – представились космонавты. Нарх подался вперед:

– Сколько солдат способна вместить ваша лодка, если выгрузить все, что возможно?

Мистар с легким удивлением отпрянул:

– Солдат?.. М-м-м... Полагаю, несколько сотен.

– А если выкинуть мебель, ненужное оборудование, запасы пищи? Получится втиснуть хотя бы пятьсот?

– Зачем ты спрашиваешь? – капитан подозрительно прижал уши.

Нарх усмехнулся краешком пасти. В жутких хрустальных глазах не прослеживались эмоции.

– У нас нет крупных подводных аппаратов. А надводные суда использовать нельзя, люди засекут их за километры и быстро потопят. Ваша лодка доставит десант на борт человеческого корабля и станет ключом к победе.

– Победе? – переспросил Мистар. Нарх кивнул:

– Мы готовились к этому дню с самого мига, как появились люди. Прежде, чем отправиться на переговоры, я распорядился начать сбор войск в Бухте Дракона, примерно в семидесяти километрах отсюда. Там обильная нависающая растительность мешает врагу заметить с воздуха погрузку солдат.

Мун и Мистар переглянулись, по рядам космонавтов пронесся шепот. Капитан с сомнением склонил голову набок.

– Похоже, ты уверен, что мы согласимся.

Нарх усмехнулся чуть шире.

– Если не согласитесь после моего рассказа, я буду крайне удивлен и разочарован. Речь идет о будущем всего народа сарков, не только Свободного братства.

Тишина.

– Что ж, мы слушаем, – нарушил молчание Мун. Нарх покачал головой:

– Пока буду рассказывать, ложитесь на курс. Карта у вас есть, там отмечена бухта. Мы должны атаковать этой ночью.

Мистар недоверчиво моргнул:

– Но...

– Вы ничем не рискуете, – жестко перебил Нарх. – Если мои слова покажутся неубедительными, просто высадите меня в бухте.

Он подался вперед:

– И не волнуйтесь, потопить вашу лодку мы можем в любой миг, а захватить без повреждений не сумеем, так что не будем и пробовать. Слишком высоки ставки.

Капитан, всем видом выражая сомнение, откинулся в кресле и некоторое время молчал.

– Что ж... – он дал знак Тектору. – Передай Пронку карту. Средний вперед, идем в погруженном положении. В бухту не входить.

– Есть! – отозвался рулевой, стоявший в толпе космонавтов, и начал протискиваться к штурвалу. Туда же поспешил Тектор. Капитан вновь обратил взгляд на гостя:

– Твой рассказ должен оказаться чертовски убедительным.

– Вы будете мечтать, чтобы он таким не был, – мрачно ответил Нарх.

Помолчав, он дал знак отключить вентилятор, и в салоне повисла гробовая тишина. Все двадцать шесть космонавтов, кроме стоявшего за штурвалом рулевого Пронка, не сводили глаз с ренегата.

– Ваш крылатый разведчик должен был поведать историю Вирату, – глухим, рокочущим голосом начал вождь. – Бывший когда-то дикарем, похищенный и чудом избежавший смерти бесчисленное число раз, обретший бессмертие в когтях врага, он вернулся в родные степи Иркаллы восемь циклов назад, полумертвый и изможденный. Путь домой отнял у Вирату почти три десятициклия, и все это время он в одиночку выживал в мире людей.

Нарх поднял мощную лапу и стиснул когти.

– Он рассказал о таких вещах, что кровь стынет в жилах. Я даже не был уверен, стоит ли раскрывать братьям сразу всё. Могла возникнуть паника. Но основной закон нашего братства – все равны. Так что историю Вирату сегодня знает каждый.

Вождь подался вперед и сказал жестко, отрывисто:

– Нас создали люди.

По салону пронесся шорох – большинство космонавтов непроизвольно отпрянули. Нарх усмехнулся краешком пасти, сунул лапу в сумку на поясе и вытащил целлофановый пакетик. Внутри оказалась старая, потрепанная и выцветшая фотография странного, очень злобного на вид сарка с серой шерсткой и голым розовым хвостом. Незнакомец стоял на всех четырех и скалил резцы на камеру. Ренегат бросил пакетик Мистару, тот внимательно осмотрел картинку и передал Муну. Фотография пошла по лапам.

– Это мышь, – сказал вождь, когда все насмотрелись. – Обычная мышь. Лучшее лабораторное животное.

Космонавты молчали.

– Ирония в том, что нас не создавали целенаправленно: мы явились побочным результатом, – продолжил рассказ Нарх. – В середине двадцатого века по их летоисчислению, люди начали грандиозный эксперимент на необитаемом острове. Эксперимент по ускорению времени. Вокруг острова собрали цепь излучателей, всю акваторию огородили подводными сетями. Спущенный военный корабль под названием «Авианосец» обеспечивал охрану и жилье для ученых. По замыслу, за несколько "лет" на острове должны были смениться миллионы циклов, – Нарх скрипнул зубами.

– К сожалению для людей и к счастью для нас, эксперимент потерпел фиаско, – он криво усмехнулся. – Человеческие ученые позабыли, что в момент запуска ускорителя, солнечный свет сдвигается от инфракрасного в область дальнего гамма-излучения. Для людей, ускоритель включался и выключался мгновенно, но для жителей острова эти мгновения длились многими циклами. Поэтому, каждый раз при включении ускорителя, жизнь, развившаяся на острове за период ускоренного времени, мутировала и превращалась в нечто иное, – Нарх глубоко вздохнул и свирепо добавил: – Вся жизнь, кроме нас.

Он кивнул на фотографию.

– Мыши вездесущи и живучи. При первом же запуске ускорителя, мутировавшие под его воздействием зверьки принялись искать укрытие от смертельной солнечной радиации, и быстро обнаружили замечательные, слегка радиоактивные пещеры, выжженные подземными взрывами чудовищного человеческого оружия. Так вышло, что с самого первого цикла мыши-мутанты поселились в недрах земли, где бешенство солнца не могло их достать. У нас сменялись тысячи поколений, пока для людей проходила одна смена...

Потрясенные космонавты слушали, затаив дыхание. Фтимар мелко дрожал. Наконец, справившись с собой, капитан Мистар медленно произнес:

– Значит, та серая мгла, исчезнувшая на наших глазах...

– Люди отключили ускоритель, чтобы исследовать фауну острова и подправить

ход эксперимента, – кивнул Нарх. – Так случалось уже много-много раз, просто наша история не уходит столь далеко в прошлое. Мы помним лишь парочку вторжений.

Мистар и Мун переглянулись.

– А если его снова включат? – напряженно спросил психолог.

Нарх улыбнулся очень нехорошей, жутковатой улыбкой.

– А зачем, по-вашему, мне десантная лодка?

Айнук и еще несколько космонавтов в толпе слушавших, непроизвольно вскрикнули. Ренегат с хрустом сжал когти:

– Следующее включение ускорителя, даже если его взорвут через час, даст нам несколько сотен циклов безопасности и спокойствия. За это время мы так продвинемся в развитии, что люди по сравнению с нами будут амёбами. И сегодня ночью, если улыбнется судьба, все и произойдет.

Он рывком наклонился вперед и ударил ладонью по столу:

– Мои братья готовят операцию не первый цикл. Мирные жители, колонисты поверхности, с утра уже спешат к пещерам, обратно в безопасную Иркаллу – радиация после включения будет смертельной. В полночь, на борту человеческого корабля прогремят несколько взрывов; будет уничтожено отделение гидроакустики и радарная станция. Прежде, чем люди успеют их починить, ваша лодка под прикрытием темноты пришвартуется к «Авианосцу» и выгрузит первый десантный отряд. Команда моих ученых, давно изучивших человеческую технику, проникнет в пульт управления ускорителем и включит его, обеспечив спасение нашему роду, пока заслон из лучших солдат будет отбивать все попытки людей этому помешать!

Повисла мертвая тишина. Потрясенные космонавты, утратившие дар речи, моргая, смотрели на ренегата, шокированным казался даже капитан Мистар. Молчание сумел прервать только пожилой Мун:

– А что потом? – спросил он тихо.

Нарх легонько пожал плечами.

– Какая разница? Задачей нашего отряда будет всего лишь продержать ускоритель включенным пару минут. За это время на острове пройдет несколько циклов, и мы успеем не спеша, основательно подготовить армию, которая вырвется за Барьер и окажет поддержку. Для всех, кто останется снаружи поля, это будет

выглядеть, словно после нажатия кнопки из пустоты вдруг появятся танки и боевые корабли.

Вождь склонился вперед:

– Час. Все, что нужно – один час сдерживать атаки людей. За один час, на острове пройдет двести циклов. Просто вообразите, какое оружие и военную мощь мы сможем отправить на помощь заградительному отряду, если вся цивилизация сарков будет два стоциклия к этому готовиться!

Мистар невольно прижал уши. Нарх, заметив это, энергично кивнул:

– Я продумал все мелочи. Сегодня вечером в пищу людей будет подсыпано мощное снотворное, это выведет из боя часть экипажа. Отборная группа десантников отправится контролировать генераторы «Авианосца», чтобы люди не смогли прервать поток энергии к башням ускорителя. Ракеты и боеприпасы к пушкам мои воины тайно подпортили уже много смен назад, личное оружие экипажа против юрких и быстрых десантников окажется неэффективно. Но главное, наш основной козырь – скорость и неожиданность. Несколько минут, от силы, и ускоритель будет запущен – за это время люди едва успеют осознать, что на них напали.

Вновь повисла тишина. Внезапно вперед шагнул Фтимар:

– А как же хгоаки? – спросил он, дрожа. – Радиация убьет всех, кто сейчас на поверхности!

Нарх шевельнул ухом, когда крылатый сарк заговорил. Смерил его заинтересованным взглядом.

– Так не теряй времени, лети к своим и предупреди об опасности. Пусть скроются в пещерах.

– С чего бы им верить чужаку вроде меня?!

Нарх пожал плечами.

– Знаешь кого-то, более заслуживающего доверия?

Фтимар не успел ответить – в разговор вклинился Тектор:

– А если запустить ускоритель окажется сложнее, чем «нажать кнопку»? – напряженно спросил инженер. – Что, если для этого надо вводить пароль, или получать подтверждение у начальства в человеческом городе, или вообще вручную опустить рычаг на каждой башне?

Нарх отрывисто кивнул:

– Отличный вопрос. Но я не полагаюсь на удачу, тем более — в этой части плана, — он уперся лапами в стол и подался вперед, привстав из кресла. — Команда моих ученых дотошно изучила пульт управления ускорителя, мы знаем всю процедуру и даже подготовили перехват, да-да, резервный пульт на случай, если люди каким-то чудом успеют повредить основной.

– Что ж помешало вам просто включить ускоритель ночью, без боевой операции? — Мистар прищурил глаза. Ренегат криво усмехнулся.

– Это немного сложнее, чем «нажать кнопку», — он мотнул головой в сторону. — Люди и сами собирались запустить ускоритель через несколько месяцев. Поэтому каждая башня недавно прошла тестирование, проверили также подводные кабели и фазовый ускоритель. Вся система в полном порядке и готова к работе.

Тектор отпрянул:

– Но почему бы тогда просто не дождаться людей?!

Нарх скрипнул зубами:

– Потому, что мы не дождемся, — ответил он глухо. — Цивилизация сарков, если еще не обнаружена, будет неизбежно открыта людьми в ближайшие смены. До сих пор нам просто сказочно везло. Когда люди нас найдут, можете не сомневаться, первое что они сделают — уничтожат ускоритель. Не стоит считать врага глупцом, иначе глупцом окажешься ты.

Он встал на ноги, нависнув над космонавтами свинцовым грозовым облаком.

– Это первый и единственный шанс, — жестко сказал Нарх. — Мосты сожжены. Сегодня, в полночь, решится судьба сарков. Вы с нами?

Глава 21

Вой ветра уже не доносился в засыпанный вездеход. Элджи и Орби работали посменно; рубили снег в шлюзовой камере и загружали бочку с дуговым нагревателем, откуда насос качал талую воду к электролизной установке. Водород закачивался в

шланг, который Эджи заблаговременно оттачил на несколько метров от вездехода. Воздуха хватало, но вскоре появилась новая проблема – жара.

Резонатор Теслы выделял изрядное тепло при работе, как и прочие системы машины. Засыпанные радиаторы не могли справиться. Эджи включил на полную мощность обогрев гусениц и внешней стальной рамы, но это почти не помогало.

Вездеход медленно тонул в многометровом холодном одеяле. Тепло, генерируемое машиной, плавило снег, но талой воде некуда было деваться, ведь земля глубоко внизу была скована вечной мерзлотой. Снег впитывал воду и постепенно сковывал машину в смертоносном ледяном объятии.

Мышки уже пробовали временно останавливать резонатор и сидеть в темноте, однако теплу было попросту негде рассеиваться, вдобавок без энергии не производился кислород. Жару удалось ослабить, только когда Орби сообразила разложить по полу брезент и кидать на него снег; тая, тот отбирал из воздуха кучу энергии, а вода стекала по брезенту в ведра, которые Эджи заливал в бак электролизной установки.

К концу вторых суток ледяного плена температура в машине стала почти невыносимой. Измученные мыши валились с ног. Эджи пробовал рубить туннель на поверхность, но лаз постоянно обваливался, вдобавок толстая ледяная клетка вокруг вездехода по прочности почти не уступала железу. Попытки сверлить лед ручным инструментом ни к чему не привели.

Мыш даже пытался стрелять из обеих гарпунных пушек в слепой надежде, что бур за что-нибудь зацепится и позволит вытянуть вездеход из-под снега, но оба гарпуна примерзли к стволам и даже не шевельнулись.

По часам, стояло раннее утро третьего дня с момента аварии, когда полуживая от усталости Орби поняла, что выхода нет. Шатаясь, она вышла в кабину. Измученный черный мыш был там, он что-то считал на большом листе бумаги, исписанном формулами.

– Эджи, – тихо позвала Орби. Мышонок встрепнулся:

– Пушистая моя... – он с трудом встал из кресла и заключил любимую в объятия. – Я, кажется, придумал, как спастись...

Он потянулся за листом бумаги.

– Я нашел кинетическую энергию патрона к автомату Калашникова. Сейчас

рассчитываю аналог для кислород-водородной бомбы... Если все правильно сделать, броня вездехода выдержит взрыв, а ледовая корка будет разбита. Водорода у нас сколько угодно, будем взрывать, пока не раскидаем весь снег... – мышонок зашнулся. Орби глядела на него с болью.

– Элджи, машину придется бросить, – сказала она тихо.

Мыш содрогнулся.

– Я знаю, любимая. Но до убежища пять километров, а вход будет засыпан... – Элджи опустил голову. – На таком морозе не поможет никакая одежда, мы слишком маленькие и вырабатываем недостаточно телесного тепла.

Он стиснул зубы.

– Лемминги проводят зиму глубоко под снегом, питаюсь запасами, что они сделали летом. Если устроить из вездехода берлогу и отключить всю энергию, мы задохнемся, а если выкопать снежную нору в стороне от машины – замерзнем насмерть. К тому же нам не хватит еды, а главное... – он поник – ...дети не перенесут такую зимовку.

Орби сжалась. Обнимавший ее Элджи это почувствовал и от бессилия едва не застонал.

– Мы еще можем спастись, – шепнул он любимой с болью. – Не сдавайся, слышишь? Бомбы раскидают снег, тогда я сделаю сани, утеплю, как только возможно, и довезу вас с детьми до убежища. Жалкие пять километров! Буду постоянно двигаться и не замерзну! – добавил он бодро. – Мы еще увидим твои золотые облака и небо в алмазах, родная...

Мышонок утер непрошенную слезу.

– Прости. Я оказался плохим отцом, – он выпустил подругу из объятий и лихорадочно продолжил расчёты, чтобы не поддаваться подступающему отчаянию. Орби молча вернулась в салон.

Когда нужные цифры были, наконец, получены, Элджи лихорадочно принялся за работу. Притащил из шлюза брезент, нарезал на квадраты, сложил из каждого оригами-шарик, толсто промазал гелевым клеем. Он уже собирал вторую бомбу, когда нежное прикосновение к спине заставило его вздрогнуть.

– Извини, любимый, – тихо сказала Орби. – Я не позволю тебе умереть.

Мышонок поник, хотел обернуться, но подруга обвила его шею захватом и прижала к носу марлю с хлороформом. Элджи задергался, издал глухой крик, однако мышцы хрупкой на вид Орби обрели мощь стальных тросов. Прошла секунда, другая, и черный мыш бесильно обмяк. Могучая Серенада сняла противогаз.

– Не знаю, простишь ли... – она всхлипнула, ухватила спящего друга за хвост и оттащила в салон. Написала на бумажке «Следи за детьми».

Захватив из кабины бомбу, Серенада прошла в машинное отделение, где находилась электролизная установка. Сунула в брезентовый шар два гвоздя, залила дыры герметиком, аккуратно заполнила бомбу водородом и закупорила. Взвалив на плечо дрель, вернулась к шлюзу.

Несколько минут потребовалось на бурение льда. Наконец, заложив бомбу в глубокую скважину и залив дыру монтажной пеной, Серенада привязала к гвоздям провода и отошла от камеры, разматывая катушку. Не колеблясь, замкнула на батарею.

Взрыв прозвучал глухо и совсем негромко. Вездеход даже не качнуло. Вернувшись к развороченному шлюзу, Серенада обнаружила, что тот до потолка заполнен снегом и осколками. Клетка льда вокруг машины оказалась пробита.

Скафандр Элджи был для нее великоват, но пользоваться им она умела. Коридор заполнял густой пар, вода стояла уже по щиколотку; прежде, чем задраить переборку в салон, мышка торопливо вычерпала ее ведром.

Тяжелый моток кабеля на плече пригибал к полу. Она с трудом доковыляла до служебных розеток у люка, включила сначала катушку обогревателя скафандра, затем ввинтила массивный золоченый разъем. Обернувшись, встала напротив снежной горы.

– Мы будем жить вечно, – сказала коротко и, стиснув зубы, головой вперед нырнула в завал. Работая всеми лапами, начала быстро рыть, не обращая внимания что лаз тут же осыпается у нее за спиной. Потихоньку разматывая катушки с кабелями, Серенада сантиметр за сантиметром рыла нору к поверхности, хотя от изнеможения темнело в глазах и кружилась голова.

К тому времени, как она пробилась наружу, солнце над тундрой уже взошло, хотя стояло очень низко над горизонтом – близилась полярная ночь. Метель стихла; от вездехода остался только гладкий сугроб. Мороз, судя по дисплею забрала, чуточку ослаб, хотя все равно убил бы любую мыш за полминуты.

Орби вылезла из норы и бессильно свалилась лицом вниз. Лапы и спину так ломило, что она с трудом не стонала в голос. Но отдыхать не было времени. Напрягая последние силы, мышка заставила себя встать.

Шатаясь, побрела в сторону, разматывая толстый кабель. Провод обогревателя скафандра кончился раньше; стиснув зубы, Орби отсоединила его разъем, и под тревожное пищание электроники успела раскатать кабель и вернуться к спасительной розетке, прежде чем в аккумуляторах иссякла энергия. Упала на спину без сил.

Полежав около минуты, Орби собрала волю в кулак и сумела поднять лапку к пульту на поясе. Шевеля только пальцами, глядя в белесое арктическое небо сквозь обледеневшее забрало, зажгла слепящий светодиодный фонарь на шлеме, послав в морозные сумерки яркий луч. Включила передатчик. Развернутая ею антенна тянулась на несколько метров, мощности радиостанции вездехода должно было хватить.

– Вызываю службу спасения МЧС. Срочно нужна помощь. Координаты... – она прочитала вслух цифры в углу экрана. – Экспериментальный вездеход засыпан метелью, потерял ход. Срочно нужна помощь. Повторяю координаты...

Из наушников доносилось лишь слабое потрескивание. Орби повторила радиограмму еще несколько раз, затем переключила частоту и снова начала вызывать. Прошли долгие десять минут, прежде чем на сигнал отозвались:

– Вызов принят, – послышался женский голос. – Сколько людей на борту?

– Семеро, – горько улыбнувшись, сказала Орби. – Из них пятеро грудные младенцы. Срочно нужна помощь, пришлите вертолет, или аэросани... Долго нам не продержаться...

– Младенцы?! – переспросил женский голос. – Не отключайте радиостанцию!

На короткое время повисла тишина, затем раздался другой голос, уже мужской:

– По вашим координатам не зарегистрировано экспедиционных маршрутов. Кто вы?

– Туристы, – выдавила Орби. – Отправились в поездку на самодельной машине, но началась метель и нас засыпало, потом сломался редуктор. Прошу, торопитесь. Мы умираем.

– Принято. Продержитесь еще немного, высылаем вертолет. Координаты точные?

– Я лежу на снегу и смотрю в небо... – прошептала мышка. У нее кружилась голова.

– Что? Повторите сообщение!

– Координаты... Мои координаты... Дети... Помогите... – она закрыла глаза.

– Вертолет прибудет через час-полтора, не отключайте рацию! – настойчиво и пытаясь вселить уверенность и надежду, позвал мужской голос. Орби уже не ответила.

Элджи облизнул высохшие потрескавшиеся губы. Голова раскалывалась, перед глазами все кружилось. Некоторое время он мучительно пытался вспомнить, что произошло.

«Орби... Хлороформ... Дети!» – застонав, мышонок перекатился на живот, уперся передними лапами и заставил себя сесть. Поморгав, с огромным трудом вернул хоть какое-то подобие зрения.

Огляделся. Он сидел на соломенной подстилке в картонной коробке из-под обуви, накрытой решетчатым подносом от холодильника. В углу коробки, зарывшись в солому, лежала на боку Орби и кормила детей. Сверху бил яркий свет и несло волнами тепла; подслеповато щурясь, Элджи заметил тепловентилятор на стопке книг.

С огромным трудом приведя мысли в порядок, мышонок опустил на все четыре лапы и, нюхая воздух отрывистыми движениями, свойственными грызунам, подобрался к подруге поближе.

– Не стоит, – грустно сказала Орби. – Люди знают.

Элджи сглотнул:

– Милая... Что ты наделала?!..

– Прости, – мышка отвела взгляд. – Другого пути не осталось.

– Но... Как же... – Элджи схватился за голову. – Родная, но... Дети?! Ты... Люди же... Как ты могла?!

– Сдаться или погибнуть всей семьей? – глядя в сторону, спросила Орби. – Не

то, чтобы выбор.

Потрясенный, раздавленный Элджи молча сел на хвост и сжался, закрыв лицо лапками. Его трясло. Несколько минут он сидел вот так, скрюченный, уничтоженный. Очнулся, лишь когда Орби уселась рядом и положила лапки ему на плечи.

– Люди хорошо отнеслись к нам, когда прилетели на вызов, – сказала она тихо. – Не сразу поверили, конечно, но мне удалось их убедить. Только вездеход откопать не смогли, он в лед намертво вмерз, и пришлось автогенном резать крышу, чтобы вынуть тебя и малышей...

Элджи сильнее сжался. Орби утерла слезы.

– Прости. Прости, любимый. Я все понимаю, но мы просто замерзли бы, не пройдя и ста метров. Замерзли бы, понимаешь? – она склонилась к гнездышку, взяла на руки детеныша и протянула отцу: – Вот Коди. А вот Кира... – плача, она подняла дочь. – Гаечка, наша младшая... Мартин и сильный Матиас... Мы живы, любимый. Живы и все вместе. Видишь?

Черный мыш с трудом поднял голову. В его глазах отражалась такая мука, что Орби отпрянула. Судорожно сглотнув, Элджи медленно опрокинулся на бок и замер.

– Родная моя, – прошептал он, глядя в пустоту. – Что ж ты наделала... – зажмурился. – Смерть от холода... Самая безболезненная. Ты просто засыпаешь... Нет боли... Нет страха... – он говорил все тише. – Никто не распинаят тебя на лабораторном столе... Не вскрывает живот ланцетом, пока ты кричишь от боли...

Орби в ужасе прижала лапки ко рту. Черный мыш лежал неподвижно, шевелились только его губы, но слов уже слышно не было. Плачущая Орби схватила друга и прижала к груди.

Она не знала, сколько прошло времени. Писк голодных малышей заставил ее подползти к гнездышку, не выпуская из объятий неподвижного Элджи. Пока дети ели, Орби собиралась с мыслями.

Черный мыш постепенно пришел в себя, даже нашел силы лизнуть подругу в нос. В ответ на него взглянула уже совсем другая мышка. Серенада помогла любимому сесть.

– Прости, – выдавил Элджи. – Я... У меня...

– Не бойся, – твердо сказала Серенада. – Справимся.

Она встала на ноги, потянулась, сделала несколько выпадов, разминая мышцы. В теле не чувствовалось привычной легкости, сказывалось долгое отсутствие тренировок. Эджи недоуменно моргал.

– Присмотри за детьми, – Серенада подошла к стенке коробки и не замедляясь, с хода, двумя молниеносными ударами пробила толстый картон. Схватившись за края дыры, широко открыла рот и дернула головой, вспоров коробку резцами.

– Скоро буду, – бросила через плечо, отогнула картон и выпрыгнула наружу.

Вернулась минут через пять, неся на спине старенький кнопочный мобильник. Эджи вскочил. Пока Серенада держала края разреза отогнутыми, он втащил аппарат в коробку и быстро спрятал в соломе.

– Звони своим агентам, – сказала Орби, устало опускаясь в гнездышко к детям. Пораженный мышонок упал рядом с ней на колени, судорожно обнял:

– Ты чудо! – он бросился к телефону и принялся набирать СМС. – Денег на счету для голосового звонка может не хватить, но сообщение должно пройти... – Ударив по кнопке, отправил. Сел рядом в солому, нервно дергая хвостом, прижав ушки. – Ждем звонка...

Телефон издал трель минут через десять. Эджи торопливо прыгнул всеми лапами на зеленую кнопку.

– Слушаю!

– Исаак Моисеевич? – удивленно спросили из трубки. – Что с вашим голосом? Мышонок нетерпеливо мотнул головой:

– Скрамблер. У нас большие проблемы. Дрон потерпел аварию в тундре, тестовые мыши попали в местное отделение МЧС. Необходимо как можно скорее, любой ценой их забрать. Целыми и невредимыми! На моем счету в Сбербанке сейчас около семи миллионов рублей, разрешаю вам использовать их все без остатка. Предложите начальнику отделения МЧС любое вознаграждение за мышей, повторяю, ЛЮБОЕ, при условии, что он не станет звонить в гос. органы.

– Понял вас, Исаак Моисеевич... Есть контактный номер отделения?

Эджи оглянулся на Орби. Та покачала головой:

– Телефона не знаю, но есть код... – она продиктовала, мышонок повторил в трубку и добавил: – ...узнайте их адрес и сразу же отправьте туда курьера FedEx или

DHL, стоимость не имеет значения, я все оплачу. Не забудьте сообщить о характере посылки, пусть захватят мышинный корм и клетку с микроклиматом для редких животных. Это самое важное задание, которое вам когда-либо давали, Антон. Оплата будет соответствующей. Приступайте немедленно.

– Ясно, Исаак Моисеевич. Все сделаем.

Элджи вдавил красную кнопку и обратил взгляд на Орби. Та слабо улыбнулась.

– Иди сюда, мне холодно.

Вздвогнув, мышонок поспешно подбежал к подруге и забрался в солому рядом с ней, прижавшись всем телом. Некоторое время оба молчали, лишь слабо попискивали дети.

Когда из другой комнаты донесся телефонный звонок, Элджи и Орби одновременно вздрогнули. Трубку сняли довольно быстро.

– Единая служба спасения, Новоуренгойский район, поселок Тазовский, слушаем вас... – раздался женский голос. Пауза. – ...откуда вы знаете?! ... Да, мы действительно спасли в тундре выводок говорящих мышей из засыпанного снегом робота... Да, говорящих... Нет, я не сошла с ума... Это был ваш робот? Минутку, я позову начальника отделения... – женщина громко крикнула в сторону: – Евай! К телефону!

Тишина, затем мужской голос:

– Говорит Евай Адорович Екович, начальник отделения ЕСС. Слушаю? – долгая пауза. – ...нет, забрать робота мы не смогли, он вмерз в лед, но мыши уцелели, они сейчас на станции... Вы оплатите вылет вертолета? Но... – пауза. – Простите, не совсем понял?.. – долгая тишина. – Однако... Думаю, разговор стоит продолжить из моего кабинета. Перезвоните через минуту, внутренний код 01.

Трубку со стуком вернули на место. Женский голос спросил удивленно:

– Как они проведали о мышах-то?

– Почем знать-то... – буркнул мужчина. – Буду в кабинете, не беспокоить, – послышались тяжелые удаляющиеся шаги и хлопок двери.

Элджи зажмурился.

– Теперь мы можем только ждать, – шепнул на ушко любимой. Та отозвалась не сразу.

– Сибирское убежище потеряно, – сказала Орби после долгого молчания. – Подмосковное тем более. У нас больше нет ни вездехода, ни самолетов, ни Киры с ее послушными зверями. Мы бездомны и беспомощны, Элджи, и с нами пятеро грудных младенцев.

Черный мыш сжался.

– Я... Найду выход, – выдавил он. – Не бойся, родная.

– Я не боюсь, – со слабой улыбкой отозвалась Орби. – Я в тебя верю, чернохвостик. Но второй месяц нашей совместной жизни... Не очень медовым получается.

Элджи с болью зарылся лицом в серую шерстку любимой.

– Прости. Прости, моя пушистая. Я старался, как мог. Я...

– Тсссс, – ласково шепнула Орби. – Не болтай глупости. Ты-то здесь причем... Без тебя, мы с Киroy давным-давно бы сгнули, а этих проглотов и вовсе бы не родилось, – она улыбнулась, слегка морщась от боли; дети активно сосали молоко, сильно тыкаясь маме в животик.

Элджи покрепче прижал к себе подругу, стараясь согреть. Они долго лежали без слов, в дырявой коробке из-под человеческой обуви, накрытой решетчатой полкой от человеческого холодильника, в крохотном арктическом поселке, где разум, кроме них, был дан только людям.

Потихоньку измученными пленниками овладевал сон. Хозяева спасательной станции не заходили проведать говорящих мышей – им было трудно свыкнуться с мыслью, что они реальны. Минуты слагались в часы, поток тепла от вентилятора не ослабевал и несчастная, все потерявшая семья беглецов, наконец, погрузилась в благословенную дрему.

Проснулись только на следующий день, далеко за полдень. Первым открыл глаза Элджи, услышав сквозь сон громкие голоса. Дверь в комнату была распахнута, несколько мужчин в тулупах и ушанках спорили друг с другом, активно жестикулируя. Беседа шла не по-русски, так что Элджи ничего не понимал.

Когда спор уже грозил перейти в потасовку, в комнату вошел еще один человек. Властно растолкав местных, он подбежал к коробке и склонился над ней. Обожженное, изуродованное шрамами лицо разорвала широкая улыбка.

– Здравствуй, Элджи, – сказал агент Мстислав Троицкий. – Ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть.

Глава 22

Фтимар улетел на закате, сразу как «Титановая гордость» причалила в Бухте Дракона. С собой он взял только карту, цифровую рацию и пакет с диаграммами, схематично изображавшими, почему хгоакам надо срочно прятаться в пещерах. На самом деле, опасность была не настолько близка – с точки зрения обитателей острова процесс запуска ускорителя растянулся бы на многие десятки смен, так что торопиться было особенно некуда.

Космическую подлодку торопливо разгружали от всего, что только возможно было снять без ущерба для безопасности. Солдаты Нарха стояли вдоль понтонного моста длинными рядами и передавали вещи из лап в лапы, складывая в накрытый маскировочными сетями тайник на берегу. Вездеход тоже решили оставить; в его ангар поместилось бы не менее сотни воинов.

Капитан Мистар вместе с Нархом готовили корабль к штурму. Им помогал Тектор в качестве механика. На палубе крепили стойки для лазеров, трубы для ракетных установок ренегатов, на крыше рубки несколько инженеров поспешно собирали поворотную зенитную установку с шестью крупнокалиберными пулеметами, для обороны от дронов. На носу ставили пневматические пушки с магнитными гарпунами для быстрой швартовки к человеческому «Авианосцу».

«Титановая гордость», как и весь ее экипаж, по плану не принимали участие в атаке. После выгрузки десанта космическая лодка должна была немедленно погрузиться, вернуться за барьер и ожидать включения ускорителя. Едва заметив его признаки, корабль отправлялся в Аретис, там экипажу следовало доложить о военной операции Нарха, и вся цивилизация сарков начала бы готовиться прийти на помощь десантникам.

Солнце уже давно скрылось за горизонтом, когда приготовления были закончены. Набитая вооруженными ренегатами подлодка вышла из бухты и начала погружение. Внутри свободного места практически не осталось; солдаты лежали друг на друге в три слоя, буквально как в консервной банке, нижним рядам приходилось дышать через трубки. Воины Нарха были повсюду, в каютах, в трюме и даже в спасательных шлюпках; тем более в салоне, где нашёл прибежище и экипаж.

Место у штурвала занял сам капитан, рядом с ним стояли Нарх и Мун. Следом за «Титановой гордостью» шли пять небольших подлодок ренегатов – весь их флот. Забитые солдатами вплотную, они едва поспевали за гигантским сверкающим космическим кораблем.

– С какого расстояния люди нас засекут? – спросил Мистар, когда в экране перископа с подключённым прибором ночного видения смутно проступила темная точка на горизонте.

Нарх протянул ему карту:

– Красная линия.

Капитан уложил лист на стол и вытащил циркуль. Несколько минут проверял координаты.

– Еще один километр, – решил он и тронул плечо пилота Пронка: – Самый малый вперед.

– Есть! – пилот перевел рычаги. Мистар вернулся к штурвалу. Оставалось около сорока минут до полуночи, когда лодка достигла позиции и легла в дрейф.

В салоне царил напряженная тишина, слышно было только дыхание десятков сарков и шорох, когда кто-либо переступал с лапки на лапку. Перископ вывели на максимальное увеличение, в черно-зеленом усиленном изображении дико метался силуэт человеческого корабля. Мун, следивший за экраном вместе со всеми, тронул Нарха за плечо:

– Мы точно увидим взрывы с такого расстояния?

– Если все получится, солдаты запустят сигнальную ракету в сторону моря, – рокочущим басом отозвался вождь ренегатов. – Это дополнительно отвлечет внимание людей.

– Нужно было заранее дать твоим воинам рацию... – пробормотал Мун. Мистар

и Нарх разом улыбнулись.

– Под водой невозможно принять сигнал, – пояснил капитан. – А выставлять антенну слишком опасно. Мы и из-за перископа-то рискуем.

Нарх покачал головой.

– Наш перископ такой крохотный по человеческим меркам, что его не заметили бы и прямо у борта. А вот гидроакустика и емкостные датчики засекут лодку с огромного расстояния. Их-то мы и взрываем.

Мун с сомнением пригладил усы.

– А если все пойдет не так? Если нас, допустим, заметят слишком рано? Каков резервный план?

Ренегат пожал могучими плечами.

– Это война. Хаос во плоти. Будем решать проблемы по мере их появления, иначе на войне не бывает, старик... – он запнулся, поскольку мутно-зеленое изображение на экране прочертил огненный штрих. – Ракета!

– Самый полный вперед! – скомандовал Мистар. – Сто процентов мощности на электродвигатели, запустить резервные винты!

Нарх рывком обернулся к толпе космонавтов и солдат:

– Готовиться к высадке!

«Титановая гордость» начала набирать скорость. Относительно роста своего экипажа она была даже крупнее, чем человеческий «Авианосец», но в абсолютном значении уступала ему габаритами раз в восемь. Тектор, затертый огромными ренегатами в самый угол салона, еще ни разу не видел, как космический корабль идет на полном ходу; прижатый к борту, он всем телом ощущал вибрации и мощь гигантской машины. Это приводило в восторг.

Оставшиеся километры до корабля «Гордость» покрыла минут за двадцать, никто ее не атаковал – вероятно, диверсанты достигли успеха. Когда над перископом навис подавляюще огромный борт «Авианосца» – на нём одном легко бы разместился целый сектор города сарков – капитана сменил у штурвала сам Нарх.

Обогнув колоссальную плавучую крепость с кормы, «Титановая гордость» всплыла у той самой выхлопной трубы, откуда Тектора забрала мини-подлодка ренегатов. Здесь ассиметричная палуба «Авианосца» нависала над водой

многометровым ответвлением, и непрошенных гостей было труднее заметить.

Едва рубка всплыла, ожидавшие в ней ренегаты откинули люки. Десантники разместились в рассчитанном порядке заранее, и первыми на палубу выбежали расчеты пушек и зенитной установки. Магнитные гарпуны со звоном вцепились в борт корабля, взвыли лебедки.

Из отверстия выхлопной трубы в двадцати метрах над водой сбросили разом несколько веревочных лестниц, и солдаты плотным потоком рванулись вперед. Первые из них уже успели взобраться наверх, но бегущие следом увидели, как высоко в борту «Авианосца», метрах в сорока от места высадки, откинулась громадная дверь. Оттуда – очевидно, на звук от удара гарпунов – выглянул человек в белой матросской форме и оцепенел при виде происходящего.

Командующий высадкой офицер Нарха закричал, указывая на матроса обеими лапками. Зенитную установку быстро развернули, но матрос отпрыгнул под защиту борта прежде, чем ренегаты успели открыть огонь. Солдаты продолжили лихорадочно взбираться по лестницам.

Прошло минуты две, когда из той же двери высунулся человек в шлеме и бронежилете. Упав на бок, он выставил громадный автомат и уже собирался стрелять по плотному потоку десантников, когда очередь зенитной установки вырвала оружие из его рук и, похоже, ранила: человек вскрикнул и его тут же затащили обратно. Открытый бой начался.

На палубе «Авианосца» взвыли сирены, зажглись прожекторы. Предвидевшие подобное, ренегаты поспешно заняли места у ракетных установок. Одну ракету запустили в открытую людьми дверь, но она взорвалась, ударившись о створку, и почти не причинила вреда.

Все стало гораздо хуже, когда минут через пять, с палубы высоко над «Гордостью» свесилось несколько матросов с автоматами. Зенитная установка заставила их скрыться, но немало огромных пуль – крупнокалиберных снарядов по меркам сарков – успело попасть в палубу космической подлодки. К счастью, вмятины они оставляли небольшие.

Почти половина десантников успела выгрузиться, когда с палубы «Авианосца» бросили вниз гранату. Размером с крупного сарка, она упала прямо за поручни рубки

и разнесла бы всю палубу, если б ближайший солдат не успел вмешаться. Серо-коричневый ренегат огромного роста, подававший ленты с патронами, схватил гранату в охапку и вместе с ней прыгнул за борт, не успев даже крикнуть. Взрыв под водой ощутимо встряхнул «Гордость», но обшивку не пробил.

В воздухе появился дрон, его тут же сбила зенитка. Но следом, все место высадки залил слепящим светом прожектор. К подлодке мчался человеческий катер размером почти в половину ее длины.

Гигантский крупнокалиберный пулемет на носу катера взорвался очередью, и град снарядов разнес нескольких солдат в кровавые ошметки. На катере тут же сосредоточили огонь и зенитка, и все пушки, но боеприпасы сарков были совершенно бесполезны против его брони.

Следующая очередь снесла под корень рубку вместе с зениткой и искорежила палубу. Раненные ренегаты прыгали в воду, но в этот миг под бортом катера поднялся огромный столб из огня и пены. Торпеда, пущенная капитаном Мистаром, отбросила и опрокинула кораблик людей. Уцелевшие ренегаты плыли обратно и лезли на лестницы, вода хлестала в пробоины.

– Пора уходить, следующая атака нас добьет! – крикнул Мистар. Нарх, следивший за боем из центрального поста, отрывисто кивнул.

– Я пошел! Погружайтесь! – он бросился к шлюзу. Мистар стукнул по плечу рулевого Пронка; тот рванул на себя рычаги, но «Гордость» лишь покачнулась, не двигаясь с места.

– Магниты! – воскликнул капитан. Тектор, дрожавший в углу салона, судорожно вскочил:

– Я сделаю! – он метнулся в коридор следом за вождем.

Шлюз быстро заполняла вода, последние солдаты лезли друг другу на спины, спеша покинуть лодку. Огромный Нарх перепрыгнул их всех, схватился за края покореженного люка, подтянулся и оказался на палубе. Следом, карабкаясь по мускулистым спинам бойцов и цепляясь за жесткую шерсть, из корабля выбрался Тектор.

Они бросились в разные стороны – вождь к лестницам, инженер к пушкам на носу «Гордости». Добежав, Тектор рванул рычаги зажимов и толстые, натянутые как

струна, кабели гарпунов со звоном отсоединились. Один из кабелей со страшной силой хлестнул по палубе, но космонавт успел пригнуться, избежав смерти.

Он едва перевел дух, как ещё одна граната, брошенная с человеческого корабля, упала прямо перед Тектором. Мозг не успел ничего осознать — инженер на инстинктах прыгнул вперёд, ударил в гранату обеими задними лапками и спихнул ее в море. Свалился на спину, забился, но в этот миг граната взорвалась в воде за бортом, и волна швырнула инженера метров на тридцать в воздух. Дико пища, он врезался всем телом в броню «Авианосца», заскользил вниз, но успел судорожно уцепиться за щель между листами обшивки.

С высоты, полуживой и оглохший Тектор со странной чёткостью видел, как «Титановая гордость» развернулась под градом пуль и, быстро погружаясь, устремилась в открытое море. Запустить ей вослед ракету или ударить из пушек экипаж «Авианосца» не мог – боеприпасы были загодя подпорчены диверсантами Нарха.

В воде барахтались десятки солдат, равно сарки и люди. Из отверстия трубы сбросили еще одну лестницу, ренегаты судорожно цеплялись за тросы и лезли вверх. С палубы продолжали обстрел, людям со взорванного катера кидали спасательные круги. Один из упавших в воду, наверное офицер, стрелял по карабкающимся ренегатам из пистолета.

Тектор, все еще контуженный, пополз вдоль стального листа. Добравшись до стыка, он обнаружил, что спуститься вниз не сможет – корпус корабля там имел отрицательный наклон. Напрягая все силы, стал лезть вверх. Путь казался бесконечным, но в грубом металле обшивки были широкие, подпорченные коррозией щели между листами. За них сарк мог цепляться даже почти без сознания. К тому моменту, как инженер достиг палубы, к нему частично вернулся слух.

Люди орали что-то на лающем языке и палили вниз, свешиваясь за перила. Тектору повезло – там, где он лез, никто не стоял, и контуженный сарк успел перебраться за борт. Судорожно оглядел бесконечную, плоскую стальную равнину, залитую лучами прожекторов. Выли сирены, грохотали выстрелы. Чувствуя, что может потерять сознание, шатаясь и едва не падая в обморок, он побежал к укрытию и успел юркнуть под какую-то валявшуюся на палубе коробку.

Сжался в комочек в самом темном углу, закрыл уши лапками. Кружилась голова, сердце бешено колотилось. Пальба снаружи понемногу стихала – видимо, последние выжившие ренегаты скрылись в недрах «Авианосца». Под отрывистые приказы офицеров матросы принялись спасать экипаж взорванного катера.

Параллельно готовился отряд зачистки трюма; солдаты торопливо надевали бронежилеты и шлемы с прозрачными забралами. Из распахнутых дверей надстройки к ним бежали матросы, волоком таща на брезенте огромный зеленый ящик с надписью «M2A1-7».

Тектор все это видел из своего укрытия и боялся даже дышать. Читать человеческие буквы он, конечно, не мог, но инженер легко распознавал технику и без пояснений. В ящике оказался ранцевый огнемет с двумя стальными баллонами и третьим поменьше, оружие надел на спину особо крупный человек с темной кожей. Рядом встали двое солдат с щитами высотой в человеческий рост и прозрачным окном сверху, еще несколько построились за ними с огнетушителями в руках. Тектор в ужасе представил, какие жертвы нанесет это адское устройство десанникам в тесных корабельных коридорах.

«Надо что-то делать!» – он зажмурился в отчаянии. Но терять время было нельзя, даже доли секунды. Коробку, где прятался космонавт, отделяло от человека с огнеметом метров двадцать. Двадцать метров залитой светом прожекторов палубы.

Судорожно сглотнув, он рванулся вперед. Никаких укрытий по пути не было – Тектор просто надеялся, что именно в эти краткие мгновения, бегущий комочек черной шерсти никто не заметит. И слепая удача не подвела, он добежал.

С разбега прыгнул на штанину темнокожего человека, мгновенно взобрался под ранец и с диким воплем рванул резцами единственный мягкий шланг, спускавшийся из центрального небольшого баллона. Инженерное чутье не подвело – в баллоне оказался сжатый воздух.

Порванный шланг забился, Тектора отбросило на пару метров, он рухнул на стальную палубу и невольно пискнул от боли — но на этом его удача кончилась. Услышав шипение, солдаты всполошились и моментально заметили инженера.

Какие-то секунды ему удалось выиграть, поскольку растоптать сарка рванулись сразу все люди и замешкались. Хромая, пища от боли в отбитых внутренностях, Тектор

петля побегал к борту, отлично сознавая, что не добежит и, через миг, тяжелый солдатский ботинок оборвет его жизнь.

Но судьба рассудила иначе. Инженер прыгнул в сторону, чудом избегнув одного солдата, шарахнулся от другого – подошва впечаталась в металл рядом с лицом – и внезапно услышал резкое, звонкое гудение разрядов. Сиреневые молнии сорвались с ночного неба, ударили одновременно во всех людей и разбросали их по сторонам. Полуживой Тектор, ничего не понимая, в панике заозирался.

На его глазах, в центр обугленного круга спикировал альбатрос. Со спины птицы на палубу прыгнула золотая мышь с огненным облаком развевающихся волос. По всей ее шерсти, гриве, хвосту плясали лиловые разряды, глаза светились слепящими электростарками. В лапке неведомая богиня сжимала медную булаву с шипами, на кончиках которых тлели огни святого Эльма.

– Дайте мне человека!!! – прорычала Кира, взмыла в небо на вихре из молний и с воплем обрушила булаву на стальную палубу.

В машинном отделении бой пока не начался. Отряды десантников бегом занимали позиции, вынимали из ящиков заблаговременно спрятанное в опустевшем поселке тяжелое оружие. Несколько самых сильных и крупных ренегатов опустились на четыре лапы, им на спины водрузили поворотные турели со сдвоенными крупнокалиберными пулеметами. Брони или щитов никто не надевал – против людей это было бессмысленно.

Одним из тех, кто нес на спине пулеметы, оказался и сам вождь. Рядом с ним бежали двое отборных десантников – стрелок и обвешанный лентами с патронами подающий. Отряд из полутора сотен тяжеловооруженных воинов во главе с Нархом окружил группу безоружных ученых и бросился к дренажным трубам.

Все остальные выжившие десантники, почти три сотни, готовились защищать генераторы. Монтировали на перила безоткатные пушки, торопливо набрасывали вал

из мешков с песком. Дистанционное управление из человеческой рубки было давно перерезано и сдублировано, так что отключить энергию люди могли, только захватив машинное отделение.

У отверстия трубы Нарх остановился и отпрыгнул в сторону, пропуская вперед охрану ученых. Десантники с приветственными возгласами проносились мимо вождя и ныряли во тьму. Большая часть отряда уже скрылась, когда Нарх вдруг вскрикнул и рывком ухватил за шерсть одного из солдат, легко выдернув его из строя.

– Какого *****?! – рявкнул гигант.

– Пусти! Пусти! – Синти забила в стальном захвате. Отшвырнув ее метров на пять от трубы, Нарх в бешенстве обернулся:

– Тимдар! Архат! – он отрывистым жестом указал когтем на двух солдат и на Синти, яростно клацнул зубами и нырнул в трубу следом за последним десантником. Серебристая самочка вскочила, попыталась увернуться от воинов, но те навалились и быстро ее скрутили.

– Совсем ополоумела?! – рявкнул один.

– Пусти или я тебя насквозь прогрызу!!!

– Сумасшедшая... – десантник в гневе потряс Синти за плечи. – Это тебе что, игра?!

– Я хочу помочь!

– И чем ты поможешь, пустоголовая?! – яростно спросил другой солдат. – Отвлечешь вождя в критический момент?!

Синти метнула на него яростный взгляд:

– Я говорю на человеческом языке! И буквы знаю! Пустите, без меня им не справиться!

– Чего? – недоверчиво переспросил десантник. Синти дернулась:

– Пусти!

Солдат уже собирался ответить, когда высоко на лестнице распахнулась дверь, и в машинное отделение полетели дымящиеся белым цилиндры, каждый размерами вдвое больше сарка.

– Надеть противогазы!!! – рявкнул офицер. – Занять позиции!!!

Десантники бросились к боевым постам. Двоим, удерживавшим Синти,

пришлось отвлечься от неё, чтобы надеть маски, и самочка не стала терять времени. Шмыгнув носом, она откатилась в сторону, вскочила и юркнула в трубу.

– Стой!!! – закричали ей вослед, но загрохотали выстрелы и солдатам стало не до безумных детенышей.

Синти мчалась по темной трубе со всех лап. Дорогу знала прекрасно – она, в конце концов, жила в корабле несколько циклов! Уверенно сворачивая из трубы в трубу, серебристая бежала к носу «Авианосца». Сверху, сквозь толстые переборки, смутно доносились пальба.

Синти была уже на полпути к цели, когда целая серия приглушенных взрывов откуда-то снизу заставила содрогнуться весь непредставимо огромный корабль. Самочка застыла, недоверчиво озираясь. Она ясно чувствовала, как дренажная труба под ногами покачивается вместе с палубой.

– Да ладно, не может быть... – пробормотала Синти. Вновь пустилась бежать, хоть и не так уверенно, как прежде, однако за очередным поворотом пришлось остановиться.

Мощный взрыв здесь разворотил палубу корабля и дренажную сеть вместе с ней. Синти в ужасе уставилась на торчавший из воронки искореженный зубчатый край трубы.

Она подбежала к отверстию, но выбраться не смогла – металл воронки был раскален до малинового свечения, сквозь стену жара было не пройти. Синти шмыгнула носом, развернулась и поспешила обратно, искать другой путь, но тут до неё донёсся звук, от которого шерсть встала дыбом.

– Нет... – прошептала она, дико запищала и бросилась бежать. Поздно. Люди догадались, как атакующие перемещаются по кораблю и пустили воду в дренажную систему.

Бешеный поток подхватил вопящую Синти, протацил по трубе и выплюнул прямо в раскаленную воронку. Падая, она сжалась и в отчаянии зажмурилась, но вместо смерти, зависла в воздухе, в сантиметрах от пышущей жаром стали. Поток воды обрушился на раскаленный металл и мгновенно заволок все густым облаком пара.

Та же неведомая сила вытянула из воронки перепуганную до потери сознания Синти и поставила её на палубу «Авианосца». Судорожно глотая воздух, промокшая

до шерстинки самочка упала на колени, ничего не понимая, гадая, жива ли она еще. Чьи-то сильные пальцы легли на плечо:

– Ты в порядке? – спросил на человеческом языке неведомый спаситель. Синти, ахнув, прижала лапки ко рту. Перед ней стоял удивительный зверек с золотой шерстью, ростом чуть выше ее самой, с необыкновенно яркими, пронзительными глазами изумрудного цвета.

– Любопытно, – сказал незнакомец и чуть склонил голову набок. – Я не говорю на вашем языке, но вижу, ты все понимаешь. Как это возможно?

Синти, с огромным трудом придя в себя, ошарашенно оглянулась на воронку, откуда до сих пор валил пар.

– Я... Там... Как?!

– Телекинез, – ответил золотой зверек. Синти беспомощно моргнула:

– Что?..

– Ты владеешь английским, – края губ незнакомца тронула довольная улыбка. – Большая удача. Следуй за мной в укрытие, сможешь наладить контакт с местными.

Он указал жестом на разбитый зеленый ящик из-под огнемета, валявшийся в нескольких метрах. Синти, шатаясь и ничего не понимая, доковыляла туда и чуть не свалилась в обморок:

– Тектор?!

Инженер лежал на подстилке, его левый бок был опален, там сгорела вся шерсть и виднелась обожженная кожа. Превозмогая боль, он приподнялся на локте:

– Синти?!

Серебристая подбежала к космонавту и рухнула на колени:

– Что случилось?!

– Напалм, – мучительно улыбнулся Тектор. – Пары капель хватило...

Синти в полной растерянности оглянулась на золотого зверя, также забравшегося в ящик:

– Кто ты?! Как оказался здесь?! – спросила на человеческом.

Золотистый спокойно кивнул, несмотря на грохот взрывов и автоматные очереди снаружи.

– Мое имя Итан. Мы с сестрой подоспели как раз вовремя, чтобы принять

участие в штурме. Сестра сейчас отвлекает людей; где ваши воины? Как они планируют запустить ускоритель?

Ошарашенная Синти сглотнула.

– Чем... Как ты меня спас?!.. Эта сила... Я должна была умереть!

– Нигде во Вселенной не сказано, что ты должна умереть, – холодно отозвался Итан. – Судьбы нет. Жизнь лишь набор случайностей. У нас мало времени; ответь на вопрос.

Синти с трудом поднялась на ноги, судорожно перевела дух.

– Я покажу дорогу... Но как же Тектор?..

– Он выживет, если мы победим. Сидя рядом, ты уменьшаешь его шансы. Веди, – приказал Итан. – Скорее.

Серебристая растеряно оглянулась на инженера. Тот напряженно улыбнулся:

– Эти двое явились из ниоткуда, они владеют волшебными силами, – выдавил раненный. – Их послало само провидение. Не думай обо мне, не думай ни о чем другом – сегодня решается судьба народа сарков! – Тектор приподнялся и воскликнул: – Вперед, дочь Серенады!

Синти вздрогнула. Шмыгнув носом, утерла непрошенную слезу.

– Я вернусь, слышишь?! – она оглянулась на Итана. – Помчались!

Золотой зверь выбежал из ящика следом за проводницей. С неба тут же опустился другой золотистый зверек – самка, окутанная молниями, с дымящейся медной булавой. Ошарашенная Синти попятилась, но Итан положил лапку ей на плечо:

– Моя сестра Кира. Она не говорит по-английски. Кира обеспечит прикрытие. Вперед!

Сглотнув, серебряная с огромным трудом кивнула и побежала к темневшим вдали надстройкам. Золотые звери мчались следом.

Сирены до сих пор выли и лучи прожекторов металась по палубе. Жарко горело несколько самолетов, их не пытались тушить – с появлением Киры люди попрятались внутри корабля. Безграничная стальная равнина больше не была горизонтальной: «Авианосец» медленно оседал на корму, это казалось невозможным из-за его колоссальных размеров. Время от времени зловещими тенями проносились дроны – в них, повинувшись воле золотой мыши, врезались чайки и сбрасывали в море. Еще

несколько птиц парило в высоте, готовые прийти на помощь по первому зову.

– Наши ведут бой в машинном отделении, им нужна поддержка! – крикнула Синти на бегу.

– Приоритеты, – холодно отозвался Итан.

Серебристая выругалась, но на споры времени не было. Они добежали до гигантской стальной надстройки и замерли у задраенного люка.

– Где-то должен быть дренажный канал, сейчас найду... – Синти запнулась. Итан молча встал на задние лапки, направил передние на люк и сделал жест, словно поворачивает колесо. Раздался металлический лязг, створка откинулась на хорошо смазанных петлях.

– Просто указывай дорогу! – резко сказал золотой зверь. – Куда теперь?

Ошарашенная Синти сглотнула.

– А... Э... З-з-за мной... – она подбежала к люку и забралась в узкий высокий коридор. Оба пришельца последовали ее примеру.

Завернув за угол, Синти оцепенела – прямо на нее смотрел человек! Светловолосый, в белой матросской форме. При виде сарков, он закричал и бросился вперед, надеясь их растоптать.

Итан молча вскинул лапу. Человек будто натолкнулся на кирпичную стену; захрипев, схватился за сердце и рухнул на пол в конвульсиях. Золотой зверь шевельнул пальцами: матрос выгнулся дугой, издал булькающий хрип и упал мертвым. Из носа обильной струйкой полилась кровь.

Синти в ужасе прижала лапки ко рту:

– Что ты сделал?! – пролепетала она.

– Вырвал аорту, – холодно сказал зверек. – Мы теряем время. Куда теперь?

Серебристая смотрела на Итана с непередаваемым страхом.

– Ты... Любого так... Можешь? – выдавила она напряженно.

– Я многое могу, – Итан прищурил глаза. – Не. Трать. Время!

Синти отпрянула и вжалась в стену, дрожа от страха. Кира, бросив взгляд на нее и на брата, вышла вперед и что-то успокаивающе сказала Итану. Тот резко ответил, но Кира приложила палец ему ко рту и тихонько покачала головой. Итан неохотно отступил.

– Извини, – произнес он ровным голосом. – Я увлекся. Тебе не грозит опасность. Укажи путь к контрольному помещению. Пожалуйста.

Серебристая с огромным трудом взяла себя в лапки. Дрожа и прижимаясь к стене, шагочек за шагочком боком обошла тело матроса и побежала дальше, стараясь не оглядываться и не думать о жутких существах за спиной. Других людей на пути не встретилось и наконец, попрыгав по ступенькам человеческой лестницы, все трое остановились у большой красной двери со штурвалом посередине. В нижней части газовой горелкой было проделано грубое отверстие.

– Нарх уже здесь! – воскликнула Синти и собиралась юркнуть в дыру, но та же неведомая сила ухватила ее за хвост и оттащила в сторону.

– Там может быть ловушка, – пояснил Итан. Обогнув брата, вперед вышла Кира и, свирепо постукивая булавой по ладони, первой вошла в подозрительный лаз.

Контрольное помещение ускорителя было заполнено дымом. Вдоль стен тянулись массивные, грубо сделанные пульта из серого металла, с лампочками, стрелочными индикаторами и тяжелыми бронзовыми рычагами. Уцелевшие десантники заняли оборону кто где – на полу, на человеческих сидениях, под иллюминаторами... При виде гостей все встrepенулись, но, к счастью, стрелять не начали.

Синти вошла в комнату, когда Кира позвала с той стороны. Она в страхе озиралась, сердце судорожно колотилось. От запаха пороха мутилось сознание. Когда с пульта спрыгнул гигантский Нарх и схватил внучку за плечи, она даже не сразу пришла в себя.

– Синти! – воскликнул вождь. – Ты жива! Как?!

Серебристая непонимающе подняла взгляд.

– А... Но...

– Люди затопили машинное отделение, там все погибли, – глухо произнес Нарх.

– Генераторы уничтожены.

Он выпустил Синти и в бешенстве вскинул лапы к небу:

– Мы проиграли!

Глава 23

Элджи сидел в углу кубического стеклянного бокса, бессильно откинувшись на холодную стену. Он был один – Орби и детей посадили в другую клетку. Снаружи доносился гул двигателей, военный самолет набирал высоту.

Вдоль бортов грузового отсека стояло несколько вооруженных солдат. Когда открылась внутренняя дверь и вошел Троицкий, все разом отдали ему честь.

– Оставьте нас, – распорядился агент. Солдаты торопливо прошли в хвостовой отсек и задраили люк. Троицкий, откинув сидение, уселся напротив стеклянного бокса. Некоторое время молча разглядывал пленника.

– Как здоровье? – осведомился он наконец.

Мышонок не повернул головы. Он смотрел в пустоту погасшими глазами, сердечко билось медленно и слабо.

– Моя семья жива? – тихо спросил Элджи. Троицкий кивнул:

– В комфорте и безопасности.

Края губ Элджи тронула едва заметная улыбка. Повисло молчание, прервать которое пришлось человеку:

– Вас везут не на смерть.

Мышонок молчал, он бездвижно сидел у стекла, уронив лапки и хвост. Троицкий, помедлив, склонился вперед:

– Ничего личного.

– Я понимаю, – тихо сказал Элджи. – Так надо...

Он закрыл глаза.

– Моя семья должна быть уничтожена, – произнес мышонок едва слышно. – Я понимаю. Немцы не испытывали ненависти, когда вели еврейских детей в газовые камеры. Даже дарили им конфеты.

Ответа не было так долго, что Элджи повернул голову и взглянул на человека. Троицкий был смертельно бледен. На его грубом, обожжённом лице жили только глаза. Мышонок вновь отвернулся.

– Не разлучайте нас в последние минуты, – шепнул Элджи. – Это все, о чем я

прошу. Пожалуйста. Не разлучайте.

Троицкий рывком встал, весь подался вперед – широкоплечий, мощный, полный сил. Так стиснул край стола, что побелели костяшки пальцев. На его неподвижном лице не читалось эмоций, но сам порыв говорил обо всем лучше тысяч слов. Ничего не ответив, тяжело дыша, он с трудом разжал кулаки, повернулся на каблуках и печатным шагом покинул грузовой отсек. Эджи всего этого даже не видел.

В тесном темном коридоре за дверью человек остановился. Дрожащей рукой вынул пачку сигарет, с третьей попытки сумел закурить. Бледный, прислонился к вибрирующему борту.

Несколько минут пытался успокоиться, но сердце лишь набирало обороты. Он судорожно скомкал в пальцах горящую сигарету, уронил ее на пол. Ударил затылком в металл, еще раз, еще. Поднял к лицу натруженные мозолистые ладони.

Из горла вырвался то ли стон, то ли рык. Сжав кулаки так, что из-под ногтей проступила кровь, Троицкий свирепо развернулся и ушел прочь.

Через час самолет приземлился в Североморске-3, где базировалось авиакрыло авианосца «Адмирал Кузнецов». У посадочной полосы гостей встречал небольшой отряд солдат в камуфляжной зимней форме без нашивок. Под прицелом ранцевых огнеметов два контейнера погрузили в такой же бело-камуфляжный броневедомитель «Тигр», в кабину рядом с водителем забрался Троицкий, остальные солдаты расселись в кузове вдоль бортов. Никто не проверял документы, нигде не требовали роспись. Бронемашина с натужным дизельным ревом снялась с места и без остановки миновала пропускной пункт военного аэродрома; часовые лишь проводили ее взглядом.

Отсюда до Мурманска было около тридцати километров, с час езды по заснеженным зимним дорогам. Погода стояла пасмурная, туман стелился низко над землей. Вдали темной массой над колышущимся призрачным морем возвышалась сопка Зеленый Мыс высотой почти в двести метров, и даже с такого расстояния был виден гигантский монумент «Защитникам Заполярья». Обращенный лицом к западу – в ту сторону, откуда пришёл враг – каменный боец сурово сжимал ремень перекинутого через плечо ППШ.

Обледенелая дорога тянулась вдоль побережья Кольского залива и огибала подножье сопки, которая возвышалась почти в центре Мурманска, но броневедомитель

не свернул к городу. Миновав торговый порт, «Тигр» съехал с асфальтовой дороги на грунтовую, что вела к грандиозному кладбищу кораблей на мысе Зеленый.

Людей вокруг практически не было. Завывая мотором и буксуя в снегу всеми колесами, бронемашина миновала несколько десятков корабельных остовов.

Остановилась у ничем не примечательного, ржавеющего рыболовного траулера с полустертой надписью «Белуха» на носу. Казалось, он давно заброшен — но из дыр в корабельном корпусе вдруг появилась группа солдат в белом камуфляже; оглядев пустырь, они тросами оттянули большой ржавый лист обшивки, обеспечив автомобилю проезд.

«Тигр» въехал внутрь остова корабля и замер на усыпанном обломками бетонном прямоугольнике. Послышалось шипение гидравлики, и площадка вместе с машиной поехала под углом вниз, прочь от кромки приобоя; часовые, оставшиеся на поверхности, убрали все следы человеческого присутствия, и вновь исчезли, разойдясь по скрытым постам.

Лифт опустил броневедомитель метров на двадцать под землю. Здесь начинался низкий, полусферический бетонный туннель, освещенный забранными в решетки фонарями 50-х годов. По плоскому дну туннеля были проложены рельсы, путь тянулся обратно к сопке с монументом.

Автомобиль съехал с площадки лифта на грузовую дрезину и заглушил дизель. Натянулся терявшийся в полутьме трос, и в гробовой тишине, на пневматических резиновых катках, дрезина стремительно покатила по туннелю. Лифт снова поехал вверх.

Таинственный путь завершился в большой шлюзовой камере, миновав которую, автомобиль, наконец, въехал на секретную подземную базу атомных подлодок. Потолки здесь были очень низкие, но пробитые в скалах доки тянулись на сотни метров; каналы с морской водой, где когда-то скрывались советские экспериментальные лодки, не имели открытых выходов к морю — попасть на базу можно было только в подводном положении. В воздухе стоял запах моря.

Металлические перила за долгие годы почти до дыр разъела коррозия. Несколько фонарей под потоком не горели, и судя по тому, что лампы никто не спешил менять, база пребывала в полузаброшенном состоянии. Жизнь, тем не менее,

продолжалась и здесь; к новоприбывшим сразу подошли часовые. Когда из кабины выпрыгнул Троицкий, ему синхронно отдали честь.

– В лабораторию, – хмуро сказал агент, кивнув на ящики, что солдаты выгружали из кузова. – Подсадить к остальным.

– Слушаюсь! – солдаты развернулись на каблуках, но Троицкий поймал одного за рукав:

– Старика уже доставили?

– Так точно, – кивнул часовой. – Он в четвертой казарме.

– Я буду там. Найди Павленко, скажи, он срочно нужен.

– Слушаюсь.

– И еще... – добавил Троицкий. – Сходи в док. Пусть начнут подготовку «НПО-1» к внеочередным испытаниям, баки заправить доверху. Обязательно уточни, чтобы проверили батареи и залили свежий электролит, понял?

– Так точно!

– Выполняй.

Солдат побежал прочь, а Троицкий, бросив последний взгляд на контейнеры с пленниками, зашагал к единственному ярко освещенному месту на всей базе.

Казармы выглядели, как несколько снятых с рельсов железнодорожных вагонов, соединенных мятыми цинковыми коридорами. Вокруг медленно ржавели краны, лебедки и прочее портовое оборудование, заброшенное с тех пор, как последняя экспериментальная подлодка была списана в середине 90-х из-за нехватки денег. Агент прошел мимо трех «вагонов» с темными, погасшими окнами и вошел в тот, где горел свет.

Снял в прихожей бушлат и шапку, помыл руки теплой водой. На шум выглянул молодой лейтенант, узнал гостя и торопливо отдал честь.

– Вольно, вольно... – Троицкий прошел в комнату, где, сидя на простой железной кровати, грелся у электрокамина низкорослый, плотный старичок со смешно торчащей бородкой. При виде агента, старик сдвинул на кончик носа толстые очки:

– Господин Троицкий, я хотел бы заметить...

– Товарищ, – хмуро прервал агент. Старичок запнулся:

– Простите?

– Товарищ, а не господин, – тяжело сказал Троицкий. – У нас тут холопы да господа не в почете, Глеб Николаевич.

Академик Добронравов воинственно вскинул голову, выставив вперед острую бородку:

– Зачем я здесь? Неужто трудно было хоть в общих чертах пояснить, с какой стати мне внезапно лететь в Мурманск и мерзнуть целый день на этой разваливающейся...

– Уровень секретности СИ-0, – коротко ответил агент и академик проглотил все, что собирался сказать. Помолчав, он заинтересовано поправил очки.

– Что ж, я вас слушаю, да-да, чем могу быть полезен?

Троицкий сел на соседнюю кровать. Опустил тяжелые ладони на колени, слегка сгорбился. Бросив взгляд на лейтенанта в углу комнаты, подозвал его жестом.

– Выйдите наружу и охраняйте дверь. Никого не пускать, без исключений, ясно?

– Т-так точно... – слегка растеряно ответил молодой офицер и торопливо удалился. Дождавшись, пока хлопнет дверь, Троицкий обратился к Добронравову изуродованное обветренное лицо, где жили только глаза.

– Мыши у нас, – произнес он глухо. Старичок вскочил:

– НГ-90?!

– Нет. Элджи и... его... самка, – с запинкой ответил Троицкий.

– Где они?! – академик подбежал к агенту. – Я хочу их видеть, прямо сейчас!

– Еще насмотритесь... – пробормотал Троицкий. – Профессор, вам бы лучше сесть, – секунду спустя тяжело добавил он. Академик недоуменно моргнул, но совету последовал и вернулся на свою кровать. Агент посмотрел ему в глаза.

– Глеб Николаевич, бывают моменты... Когда Родина требует преданности. Это трудно объяснить гражданским, но вам придется поверить, – он выпрямился и скрестил на груди тяжелые руки. – Вы ведь в курсе, откуда в институт поступали первые образцы устойчивых к радиации мышей?

Добронравов с опаской кивнул.

– Нам не сообщали подробностей, но в общих чертах, да-да, можно сказать и так.

– Американцы собираются вновь запустить ускоритель через пять месяцев, –

Троицкий скрипнул зубами. – Это будет означать конец человеческой цивилизации. Мы пытались выйти на руководителей проекта «Грэхем», чтобы предупредить об опасности, но американцы твердо заняли позицию «ничего не слышу, ничего не знаю» и делают вид, будто понятия не имеют, о каком острове речь. У нас осталось лишь две попытки предотвратить конец света, и вторая с большой вероятностью приведет к мировой войне.

Профессор отпрянул всем телом:

– Вы собираетесь бомбить остров?!

– Если за оставшиеся месяцы не сработает первая попытка, – сухо сказал Троицкий, глядя старику прямо в глаза. Тот нервно огладил бородку.

– Я слушаю.

– Мы не в силах связаться с руководителями проекта, но можем попытаться заставить их все понять самостоятельно. Предоставить такие доказательства, что сомнения исчезнут у кого угодно... – агент помолчал и добавил: – Вас, Глеб Николаевич.

Их втокнули в пыльный темный коридор и захлопнули дверь. Элджи и Орби встали спиной друг к другу, крепко прижимая к груди пищущих малышей. Резкий переход от света к полумраку сбил им зрение, и они беспомощно моргали, пытаясь разглядеть, где оказались.

– Держись прямо за мной, – шепнул Элджи, когда вновь начал видеть. Он нес троих детей, позади Орби прижимала к груди младшеньких, Мартина и Матиаса. Робко озираясь, шагком за шагком, пленники двинулись вдоль по темному коридору.

Путь привел их к низкой двери, занавешенной тесемчатой ширмой. Элджи передал малышей подруге:

– Побудь здесь пару минут.

– Не рискуй, – шепнула Орби. Черный мыш нежно лизнул ее в нос, несколько секунд пожирал взглядом, не в силах отвернуться, но наконец, глубоко вдохнул и раздвинул тесемки.

Его глазам предстал длинный барак с полусферической гофрированной крышей из жести. В крыше имелись широкие окна, забранные решетками, и свет проникал только сквозь них, от парочки человеческих настольных ламп, свисавших над баракком. Внутреннего освещения не было.

Пол устилал бордовый линолеум, вдоль стен тянулись ряды самодельных коек – Элджи насчитал более трех десятков. В дальней стене имелось большое зарешеченное отверстие, откуда красный железный вентилятор гнал теплый воздух; по углам от него стояли «кормушки» в виде крышек от человеческих банок, и «поилки» из советских граненых стаканов, за долгие годы утративших прозрачность и похожих на миниатюрные мусорные ведра. Слева от входа возвышалась кабинка, задрапированная такой же тесемчатой ширмой, что и дверь, рядом валялась целая гора изгрызенных дощечек. Единственной нефункциональной деталью обстановки было довольно большое беличье колесо из советского железного конструктора, что стояло справа от двери, откуда вошел Элджи.

Впрочем, все эти детали черный мышонок разглядел много позже. Ибо сейчас не мог смотреть ни на что, кроме обитателей барака.

Их было свыше тридцати. Разноцветных, крупных и мелких, с пятнами и без. Большинство спали в койках, некоторые читали измятые листы бумаги, написанные от руки, еще несколько о чем-то беседовали, сидя на полу под вентилятором. Появление гостя заставило их прервать разговор и вскочить.

Элджи судорожно сглотнул. Все слова, что он готовил годами, мечтая о встрече с сородичами, куда-то подевались. Сил хватило только пискнуть.

А сородичи уже мчались навстречу, взволнованно крича на неведомом языке. Элджи за секунду оказался в плотном кольце, его спрашивали, спрашивали, тормозили за плечи и вновь спрашивали... Гомон прервался, лишь когда подоспели еще трое и растолкали толпу.

Элджи робко поднял взгляд на незнакомцев. Один был примерно его роста, жилистый, совершенно белый, без единого пятнышка, с ярко-красными внимательными глазами. Второй оказался пегим, темноглазым, чуть повыше первого, с серой шерсткой и черными пятнами. Зато третий...

Чтобы дотянуться ему до плеча, Элджи пришлось бы встать на цыпочки.

Огромный, мускулистый, с красиво переливающейся серебристой шерстью, размерами он напоминал скорее крысу, чем мышь. Глаза оказались желтыми, из правого уха был вырван клочок, а в левом – наверно – когда-то висела серьга, от которой сейчас осталась лишь разорванная мочка.

Пегий спросил что-то на непонятном языке. Гость, сплотившись, дотронулся до груди:

– Я Элджи, – робко представился он. – Простите, я говорю лишь на человеческом.

Серебристый гигант удивленно фыркнул, но красноглазый белый спокойно кивнул и вышел вперед.

– Понимаю, – произнес он по-русски, хоть и с акцентом. – Я Вирату. Путешественник и воин. Это Марран, капитан третьей космической экспедиции мегаполиса Аретис... – он вежливо указал на пегого собрата. – А это наш друг, – он кивнул на серебристого, – Марув, предводитель клана Огненной Ласки из Свободного братства Нарха. Мы трое тут, как бы, следим за порядком.

– Откуда ты взялся?! – с более заметным акцентом спросил один из слушавших.
– Люди захватили другой корабль?!

Элджи судорожно перевел дыхание.

– Простите. Я очень взволнован, – он беспомощно развел лапками. – Вы первые сородичи, которых я встретил за сорок лет жизни...

Вирату отпрянул. В его алых глазах полыхнула непонятная искорка.

– Ты родился на землях людей? – спросил он быстро. – Где и когда?

Элджи сглотнул.

– В стране, что тогда называлась СССР, в секретном человеческом институте, – ответил искренне. – Я всю жизнь считал себя искусственно созданным, но недавно узнал, что у меня были родители, от которых я и получил разум.

Вирату покачнулся, судорожно дернул хвостом:

– Институт Добронравова? Сорок лет назад? – спросил он дрогнувшим голосом.

Элджи удивленно кивнул:

– Откуда вы знаете?

– О, небо... – Вирату попятился и упал бы, если б его не поддержали в толпе.

Элджи, начиная догадываться, широко раскрыл глаза.

– Мне сказали, что в плену у людей на секретной базе в Мурманске, уже три года томится экипаж подводной лодки с острова, и среди них мой отец. Возможно ли?!..

Вирату молча кивнул. Элджи, утратив дар речи, беспомощно развел лапками. Не веря, они смотрели друг на друга, все остальные притихли.

– Ты выглядишь очень молодо для своего возраста... – сказал Вирату, когда справился с шоком. Элджи с трудом кивнул.

– Я не старею. Я прошел ту же операцию, что и ты... – он содрогнулся: – А мать?! Моя мать жива?!

Вирату с горечью опустил голову.

– Она погибла, пытаясь тебя спасти, – глухо ответил он. – Когда это случилось, я обезумел и сжег человеческий институт. Все эти годы меня терзала мысль, что ты сгорел по моей вине.

Элджи бессильно сел на хвост.

– Я помню пожар, – выдавил через силу. – Как... Как ее звали?

– Джаншак, – с горечью сказал Вирату. – Она была черной и зеленоглазой, совсем как ты.

Мышонок огромным усилием воли взял себя в лапы и встал на ноги. Обвел взглядом сородичей.

– Отец... – Элджи подошел к ширме из тесемок. – Позволь представить мою подругу, прекрасную Орби, и наших детей, – он на миг скрылся за дверью и вернулся с тремя малышами на руках. При виде младенцев, обитатели барака буквально ахнули, подались вперед единой волной. А когда сквозь ширму, робко улыбаясь, прошла Орби, все пришли в восторг и принялись пищать и прыгать, счастливо размахивая лапами.

Почти все. Огромный Марув, при виде мышки, покачнулся и схватился за сердце. Ее узнал и еще один пленник из толпы; издав громкий вопль, он упал на колени.

– Серенада!!! – мышонок протянул к Орби лапки, словно к богине.

– Серенада?! – воскликнул капитан Марран. Крики стихли, один за другим бывшие космонавты узнавали свою захватчицу и, пораженные, кто пятился, а кто в ужасе жмурился. Шокированный Вирату переводил взгляд с Элджи на Орби и обратно.

– Как это возможно?! – выдавил он на родном языке. – Серенада! Ты же

погибла! Тебя засосало в винты человеческого катера, я сам видел!

При первых же звуках его голоса, Орби дернулась и изумленно моргнула. Обратив лицо к потрясенному белому, ответила на том же наречии:

– Я оказалась живучей... – она беспомощно улыбнулась. Смотреть на огромного Марува тщательно избегала. – После катастрофы я потеряла память. Мое имя Орби, я больше не Серенада! – сказала она громко, обведя взглядом испуганно смотревших на нее сородичей. – Если в прошлом Серенада чинила кому-то зло, молю, оставьте зло в прошлом, как оставила я!

Она шагнула вперед, держа в лапках двух малышей.

– От старой жизни сохранились лишь мутные сны, – взволнованная мышка переводила взгляд с одного на другого. – Серенада, что вам запомнилась, действительно погибла в тот день. Теперь я Орби, подруга замечательного инженера, ученого, строителя и исследователя по имени Эджернон! – она нежно лизнула смущенного мышонка в нос и добавила: – Мать его детей.

Серебристый гигант, наконец, справился с потрясением и шагнул вперед. Не в силах поверить, рухнул на колени перед мышкой, и даже так остался выше нее.

– Сэрэ... – прошептал он, дрожа всем телом. – Жена моя, ты вернулась?! И у тебя... – он запнулся, – ...дети от другого?..

Марув говорил на родном языке, так что Эджи ничего не понял. Орби с болью опустила голову, избегая ищущих, растерянных желтых глаз.

– Прости. Сэрэ, что ты знал, больше не существует. Я... уже не твоя.

Серебристый отпрянул, словно его хлестнули кнутом. Беспомощно протянул к Орби лапки.

– Но ты здесь, – выдавил с мукой. – Я тебя вижу, чую твой запах, помню твое тепло! А как же НАШИ дети? – спросил Марув с дрожью в голосе. – Меткий быстрый Яхак? Остроумная Лэйла? Малышка Синти?! Ты их не помнишь?! – прошептал он в ужасе.

Орби попятилась. Совершенно растерянная, бросила на Эджи испуганный взгляд. Тот инстинктивно прикрыл ее своим телом.

– У меня... были дети?.. – едва не плача, прошептала Орби.

Марув, схватившись за голову, сел прямо на пол. Вирату решительно вышел

вперед и встал между ним и гостями.

– Всем следует отдохнуть и успокоиться! – провозгласил он громко на родном языке. – Волей судьбы к нам вернулись товарищи, давно почитаемые за мертвых; что, кроме радости, должно испытывать? Кай! – позвал он одного из слушавших. – Ты был врачом на корабле. Помоги Серенаде... То есть Орби с детьми. Их надо выкупать, накормить и согреть. Элджи, – Вирату без паузы перешел на русский, – Сын, иди за мной. Отдохни в теплой постели, расскажи о своей жизни. Я чувствую, вам обоим есть о чем поведать... – обернувшись к Маррану, добавил вполголоса: – На тебе Марув.

Капитан тяжело кивнул. Растерянные Элджи и Орби, робко озираясь, последовали за Вирату к дальней стене барака, где за толстой решеткой вращался красный стальной вентилятор.

Глава 24

Вождь ренегатов в бешенстве вскинул к небу могучие лапы:

– Мы проиграли! – рявкнул он. Синти испуганно сжалась. Нарх с видимым усилием овладел собой и перевел взгляд с внучки на двух золотистых зверей, стоявших у двери.

– Кто это? – спросил сурово.

Синти, сглотнув, робко указала на Итана:

– Спасли мне жизнь... У них волшебные силы. Говорят лишь на человеческом языке.

Гигант нахмурился.

– Кто вы? – спросил по-английски. Итан вышел вперед и слегка поклонился.

– Мы союзники, почтенный вождь, – ответил вежливо. – Я Итан, это моя сестра Кира. Волею случая мы пролетали поблизости, когда начался штурм, и решили оказать вам поддержку.

Нарх недоверчиво моргнул:

– Пролетали?

– На альбатросах, – пояснил золотой зверек. – Кира умеет контролировать животных... И многое другое. Как и я, – добавил Итан многозначительно.

Подняв голову, он обвел комнату внимательными, пронзительными зелеными глазами.

– Нет энергии? – спросил коротко.

Нарх с трудом кивнул:

– Мы не ожидали, что люди пойдут на затопление машинного отделения. Теперь весь корабль может пойти ко дну в любой миг.

– Сколько энергии требуется для запуска ускорителя? – жестко спросил Итан. Нарх непонимающе нахмурился:

– Что значит «сколько»?

– Дайте поговорить с учеными, быстро, – Итан уверенно ткнул лапкой в одного из безоружных специалистов, наблюдавших за сценой с пульта. Нарх гневно прижал уши:

– Не забывайся, чужак!

Итан умолк и так посмотрел на гигантского вождя, как мог бы человек – на особо надоедливом комара. Выдержал пару секунд паузы, спокойно произнес:

– Приношу извинения. У нас очень мало времени. Моя сестра контролирует электричество, она может дать энергию ускорителю, если мы будем знать точное значение, – оглянувшись на Киру, он что-то сказал на другом языке.

Золотая кивнула, подняла булаву вверх – и в стальной потолок ударила слепящая, ветвистая молния. Все отпрянули, закричали, Нарх инстинктивно отбросил Синти себе за спину и припал на четыре лапы, свирепо оскалившись.

Кира опустила булаву. В центре обугленного потолка жарко светилась дыра, с ее краев капал расплавленный металл. Золотая мышь что-то сказала брату.

– Если возможно, предоставьте амперметр и вольтметр, отсоединенные от силовой шины, – перевел Итан. – Так Кира сможет настроиться.

Пораженный Нарх несколько раз моргнул, уставился на пришельцев широко раскрытыми глазами, но он не был бы вождём, если бы не мог уверенно реагировать на смену обстоятельств. Судорожно переведя дух, великан встал и жестом подозвал ближайшего солдата.

– Инку сюда.

– Есть! – десантник двумя прыжками взлетел на пульт и быстро вернулся с белой синеглазой самочкой невысокого роста. Она с дрожью мяла лапками собственный хвост и в страхе переводила глазки с Нарха на золотых зверей и обратно.

– Инка знает про ускоритель больше всех, – вождь скрестил на груди могучие лапы. – Ну? Вопросы?

– Я уже спросил, – ровным голосом сказал Итан. Нарх скрипнул зубами и обернулся к белой:

– Сколько энергии нужно ускорителю?

Синеглазая сглотнула, вся сжалась.

– В каких единицах?.. – пролепетала робко.

– Чего?!

Она пискнула и зажмурилась. Нарх хрипло выругался:

– Что за единицы?

– Ч-ч-человеческие или н-н-наши?

Вождь тяжело вздохнул и перевел ответ. Итан отозвался мгновенно:

– В тех, в которых градуированы приборы.

– Там человечьи... – синеглазка робко подняла голову. – Для запуска нужно десять тысяч ампер при напряжении в тысячу вольт, потом потребление опускается до стабильных пятидесяти тысяч вольт и двухсот ампер...

Когда Нарх и Итан перевели ответ Кире, ее глаза оквадратились. Растеряно приоткрыв рот, она пару минут размышляла, затем задала вопрос.

– Ни один генератор не способен выдать такой стартовый импульс. Как люди накапливали энергию для запуска? – перевели золотой зверь и Нарх. Синеглазка закивала:

– Да, да, все правильно! Под палубой огромный трансформатор и батарея высоковольтных конденсаторов!

– Туда-то нам и нужно, – коротко сказал Итан.

Белая самочка бросила робкий взгляд на вождя, гигант кивнул. Оглянулся на дрожавшую в сторонке Синти:

– Иди с ними, будешь переводить.

– Х-хорошо... – выдавила серебристая. Весь ее задор и энергия испарились после страшной смерти матроса, Синти трясло, у нее кружилась голова.

– Идемте, покажу лестницу к главной силовой шине... – синеглазка робко переминалась с лапки на лапку. – Только... Она ж теперь одним концом под водой...

Нарх хвостом подозвал ближайших солдат и отдал приказ характерным жестом: ударил правым кулаком в левое запястье и широко развел пальцы левой кисти. Кира, догадавшись о смысле, криво усмехнулась и что-то сказала. Итан улыбнулся:

– Благодарим, ничего взрывать не надо, мы справимся сами. Готовьтесь к запуску ускорителя, энергия скоро появится, – он вежливо пригласил синеглазую указывать путь.

Синти, белая и пришельцы подбежали к большому люку в углу комнаты. Прежде, чем солдаты Нарха успели его приподнять, Итан взмахнул лапой, и толстая железная крышка со звоном отлетела в сторону. Следуя за перепуганной синеглазкой, золотистые звери и подавленная, притихшая Синти прыгнули в колодец к силовому оборудованию.

Главная шина представляла собой шесть медных рельсов толщиной с человека, выходявших из пола и, подобно паучьим ногам, скрывавшихся в огромном железном ящике. Дыры в полу и в стенках ящика были устланы керамическими плитками толщиной в метр. Изоляции на самих рельсах не было, их разделяло друг от друга по пять метров воздуха, но все равно в промежутках возвышались керамические перегородки.

– Сколько фаз? – отрывисто спросила Кира, Итан перевел на английский, а Синти – на родной. Синеглазка робко указала на огромные светящиеся колбы, откуда торчали толстые провода.

– Генераторов было три, все однофазные... Трансформатор повышает напряжение и отправляет переменный ток вот в эти ртутные вентильные выпрямители, они заряжают конденсаторы, а те выдают стартовый импульс...

– Постоянный ток! – воскликнула Кира. – Это же замечательно! – она быстро оглядела уходящие в пол рельсы, пустила по одному слабый разряд и довольно кивнула: – Оставим как есть, шины в воде и станут общей землей. Я пушу энергию прямо во вторичную обмотку. Итан, хватай местных и закройте люк: тут будет жарко!

Золотой зверь кивнул. Синти и синеглазка вскрикнули – неведомая сила подняла их в воздух и стремительно вознесла обратно в контрольную комнату через люк. Следом точно так же взлетел и сам Итан.

Оказавшись наверху, он жестом подтащил сорванную крышку люка, посадил на место и укрепил, загнув края. Оглянулся на потрясенно следивших за ним сарков:

– Изолируйтесь от пола, быстро! – крикнул золотой зверь. Нарх, вздрогнув, выкрикнул приказ на родном языке и первым запрыгнул на пульт. Остальные десантники торопливо последовали примеру вождя.

Вовремя! Весь гигантский «Авианосец» ощутимо затрясся. По стенам и потолку заструились призрачные молнии, на пульте ускорителя ожили все лампы и индикаторы. Вскрикнув, синеглазка и остальные ученые бросились к рычагам.

– Энергия в норме... Скважность поля в норме... Накачка пошла! Первая башня... Вторая... – переключались они ликующими голосами. Нарх медленно опустился на колени.

К нему подошли Итан, Синти и несколько солдат. Вождь, судорожно дыша, оглянулся; в его жутких хрустальных глазах стояли слезы.

– Я боялся верить, – выдавил гигант. – Боялся... Что если поверю...

– Поле запущено, мы в рабочем режиме! – издали крикнула синеглазка. – Окна, окна, смотрите в окна!

Сарков будто сорвало с места порывом ветра. Крича, все бросились к иллюминаторам. Там, во мраке ночи, стремительно наливалась пурпуром энергетическая вуаль. Барьер сам по себе был невидим, но тепло, исходившее от объектов внутри поля, на границе сжатого времени испытывало смещение в видимый диапазон и грозно алело в ночи.

Нарх, качнувшись, положил лапу на сердце. Солдаты встречали победу каждый по-своему, кто-то кричал, кто-то пал на колени. С момента запуска прошло лишь несколько секунд, и из-за алой завесы вдруг рывком появилось несколько человеческих катеров, тянувших большую баржу; выглядело это так, словно ускоренную киноплёнку скачком вернули к нормальной частоте кадров. На барже спасались люди из шахтерского городка и прочие оставшиеся на острове.

– Скоро увидим корабли, что народ вышлет нам в помощь! – прошептал

потрясенный Нарх. Итан нахмурился:

– Переведи.

Вождь не ответил, его слишком захватило зрелище. Золотой зверь тронул за плечо Синти:

– Очнись.

Серебряная самочка, дернувшись, оглянулась; она была словно в трансе.

– А?.. Что?..

– Каков коэффициент ускорения? – терпеливо спросил Итан.

Синти развела лапками:

– Не знаю...

– Спроси у того, кто знает! – Итан резким жестом навел ладонь на группу ученых, стоявших у пульта, и будто рыбу на крючке, подтащил телекинезом синеглазку. Белая самочка пискнула от неожиданности, сжалась.

– Спроси ее, – приказал Итан холодно. Испуганная Синти повторила ученой вопрос. Та бросила на золотого зверя растерянный взгляд.

– Коэффициент нарастает логарифмически, финальное долговременное значение почти полтора миллиона к одному, но поле достигнет его лишь через сутки.

Итан на миг зажмурился, считая в уме.

– Не успеем, – сказал он ровно. Подбежал к Нарху, схватил за плечо.

– Скорее на палубу, постройтесь тесной группой. Я заброшу вас за барьер; передайте руководителям, чтобы немедленно эвакуировали остров при помощи подводных транспортов. У вас будет около тридцати лет на подготовку.

– 3-з-забросишь за барьер?! – Синти попяtilась, прижав лапки ко рту. Гигантский Нарх одолел гипнотическое очарование победы и оглянулся.

– Я буду решать, кого и куда забрасывать, – заметил он хмуро.

Итан ответил ровно, без эмоций:

– У нас остается менее часа несжатого времени. Каждая секунда промедления уменьшает шансы.

– Шансы чего?!

– На континенте уже знают об атаке. Час – минимальное расчетное время полета гиперзвуковых ракет с ближайшей военной базы США, – сказал Итан

бесцветно. – Помня, что каждая минута промедления дает острову все бóльшую фору сжатого времени, я полагаю, первым будет взорван этот корабль, так как задержку на эвакуацию экипажа сочтут неприемлемой.

Он вдруг резко протянул лапки вперед и двинул ими, словно срывая покрывало: задняя стена комнаты, вместе с иллюминаторами и частью корабельного борта, со страшным грохотом и скрежетом оторвалась и повисла в воздухе над морем, образовав из себя широкую платформу. Итан упал на колени, из его носа потекла кровь.

– Бегите! – прорычал он в бешенстве.

Потрясенные ренегаты оцепенели. Нарх перевел взгляд с золотого зверя на парящую платформу, шагнул вперед:

– А как же...

– Мы с Кирой останемся здесь и будем до последнего мига держать ускоритель включенным, – выдохнул Итан. – Возможно, я сумею отклонить несколько первых ракет. НЕ. ТРАТЬ. ВРЕМЯ!!! – проревел он голосом, в котором уже не осталось ничего от холодного, расчетливого чародея.

Продолжая одной лапой удерживать платформу в воздухе, он протянул вторую в сторону солдат и сжал пальцы в кулак. Всех сарков в комнате подхватила неведомая сила, стянула друг к другу и швырнула в центр висящего над морем листа металла.

Итан издал мучительный стон и махнул лапками от себя. Платформа с Нархом, Синти и уцелевшими десантниками наклонилась почти вертикально, чтобы пассажиров не снесло при рывке, и, будто снаряд из катапульты, унеслась к острову, быстро исчезнув за алым барьером.

Золотой мышонок бессильно уронил лапы. У него полилась кровь изо рта. Итан медленно согнулся пополам и упал на бок.

Таким его и нашел Тектор, когда, пища от боли, забрался в развороченную комнату управления.

Почти теряя сознание, инженер упрямо полз вперед, волоча одну ногу и парализованный хвост. При виде окровавленного Итана он вскрикнул. Дополз, приподнял, помог сесть. У космонавта с собой не было даже клочка материи, чтобы остановить кровь.

Золотой зверек долго сидел с закрытыми глазами. Кровотечение изо рта потихоньку слабело. В обычной обстановке, регенерация справилась бы с любыми ранами за минуту, но сегодня он потратил столько сил, что в организме уже не осталось резервов.

– Кира? – спросил Тектор. Итан хрипло вдохнул и закашлялся, выплюнув сгустки крови. Махнул лапой в сторону заваренного люка в углу комнаты, из-под которого рвались молнии.

Инженер стиснул зубы. Оглянулся на гигантский пролом в стене, где вдали, пурпурной стеной алел Барьер.

– Получилось... – прошептал Тектор. В глазах показались непрощенные слезы. Обернувшись к Итану, он схватил его за плечи и сжал в объятиях.

– Спасибо! – выдохнул израненный сарк. – Спасибо!

Золотой мыш вздрогнул, на пару секунд оцепенел. Но разум стремительно возвращался, подавляя непозволительно распоясавшиеся эмоции. Осторожно отстранив Тектора, Итан смерил его раны оценивающим взглядом.

– Ты не знаешь моего языка, – сказал он негромко. – А я твоего. И все же, мы отлично понимаем друг друга. Какая ирония...

Золотой попытался встать, но ноги подкосились. Он стиснул зубы.

– Прости. Мне не хватит сил добросить тебя до острова, – Итан посмотрел в глаза Тектору и развел лапками.

Инженер с трудом улыбнулся. Сделав успокаивающий жест, он кивнул на алеющий вдали купол, коснулся сердца и склонил голову, принимая судьбу.

Они уселись рядом, на краю пропасти. Ученый и чародей, дети разных миров. Тектор смотрел на светящийся вдали алый купол, и чувствовал, как душу наполняет покой.

Интересно, как там сейчас, думал израненный сарк. Дети, наверно, уже подросли... Что за путь они изберут? А подруги, верные, любимые, найдут ли они

счастье в жизни? Фиала, с глазами цвета океана. Робкая, но независимая Лиаз. «Тектор, ты словно улетаешь навсегда...» – сказала она в их последнюю встречу. А он обещал вернуться...

Космонавт горько улыбнулся. Тронув Итана за плечо, жестами показал, что собирается прыгнуть за борт. Золотой мыш отпрянул.

– Не хочу снова гореть, – пояснил Тектор, кивнув на обожженный бок. Итан понял и опустил голову.

– Разумный выбор, – процедил сквозь зубы.

Инженер, напрягая последние силы, встал на край пробоины, держась здоровой лапкой за вспоротый металл. Зажмурился, в последний раз вдохнул запах океана. Но в этот миг, с озаренного пожарами ночного неба упало хрупкое существо, бросилось прямо на Тектора и закутало крыльями в отчаянном объятии.

– Фтимар! – ахнул инженер.

Разведчик кивнул, в его глазах стояли слезы. Подняв крыльевой коготь, коснулся своего горла. Тектор с болью обнял его и привлек к груди:

– Больше не можешь говорить... – космонавт оглянулся на встревоженного Итана: – Это мой лучший друг, – сказал тихо.

Фтимар прижался лицом к лицу Тектора и на долгую секунду застыл, раздавленный силой чувств. Справившись с собой, отступил на шаг и в ужасе посмотрел на ожоги. Космонавт с трудом улыбнулся.

– Как же я рад тебя видеть, дружище, – он нежно лизнул Фтимара в нос. – Дома все хорошо?

Крылатый закивал. Инженер счастливо зажмурился.

– Спасибо. Спасибо! А теперь лети, – он отстранил друга и шагнул назад. – Корабль тонет, остались минуты. Улетай!

Разведчик яростно замотал головой. Тектор схватил его за хрупкие, тонкие плечи и сильно встряхнул:

– Улетай! Ты не сможешь поднять меня в воздух. Улетай, пока есть время!

Фтимар ткнулся носом ему в нос. Обернул голову к морю и беззвучно раскрыл пасть. Тектор вздрогнул: на неслышный зов с неба спикировали еще трое крылатых – серая самочка и двое молодых. Догадавшись, кто перед ним, космонавт ахнул:

– Фтимар! Ты их нашел?!

Разведчик счастливо кивнул и дал знак крылом. Серая самочка приземлилась рядом с Тектором, бросила ему под ноги моток тончайшей, полупрозрачной нити. Инженер растеряно поднял взгляд на Итана.

– Не трать время, – ответил тот спокойно и жестом дал понять, что остается. Космонавт с болью отвел глаза.

Семья крылатых прынула в небо, каждый держал в когтях нить. Раскачиваясь над океаном и судорожно цепляясь, Тектор смотрел на приближающийся алый купол, дрожа от страха и трепеща в предвкушении, не ведая будущего, но готовый к нему.

Издали, с борта тонущего авианосца, Итан увидел, как стайка хрупких крылатых существ нырнула в Барьер. Он бессильно прислонился спиной к искореженному металлу.

– Жизнь, – горько сказал золотой мышонок. – Не стоило и надеяться.

Стиснув зубы, он принялся взбираться по рваным краям корабельного борта. Из рта вновь потекла кровь, сил оставалось все меньше и меньше.

Глубоко под палубой гибнущего исполина, Кира парила в облаке молний. Темная энергия присутствовала в любой точке Вселенной, но оставалась пассивной и бездеятельной, ибо для ее проявления требовалась нарушить гармонию самого пространства. Именно это сейчас и делала крохотная золотая мышка на скромной планете в рукаве заурядной Галактики.

Энергии было столько, что все силы Киры уходили на ее сдерживание, а не создание. В глазах мутилось, сознание трепетало. Купаясь в лиловых разрядах, она направляла потоки всепожирающей ярости Космоса, танцуя на грани, рискуя сгореть в любой миг. Это было... прекрасно!

Чувство времени давно исчезло. Кира не испытывала ни боли, ни усталости, она растворилась в энергии, стала дельфином в призрачном огненном океане. Ликуя, она ныряла и кувыркалась, кричала от счастья.

Вдали вдруг раскрылся слепящий цветок. Пораженная его красотой, мышка потянулась в ту сторону разумом, не обращая внимания на волны странного жгучего света. Однако боль, потихоньку, пробилась в ее восторженную душу и заставила усомниться.

Цветок стремительно рос, жгучий свет становился невыносим. Кира воздвигла завесу меж ним и собой – тщетно. Мышка ощутила тревогу. Тревога отвлекала от наслаждения.

Потоком сверкающей плазмы Кира метнулась к цветку, желая спасти свой прекрасный океан, но на пути вдруг явилось что-то родное – и бесконечно чуждое. Мышка напрягла память:

– Итан! – вдруг вспомнила она и счастливо засмеялась. – Иди ко мне! Здесь так хорошо!

– Нет, малышка, – мягко ответил он. – Не в этот раз.

Она издала недовольный возглас, завихрилась вокруг брата потоком золотых искр.

– Летим вместе! Потушим огненный цветок!

– Ты справишься, – ласково ответил брат. – Ты всегда была сильной.

Он нежно коснулся искрящегося ручья.

– Прости, что не сдержал клятву, – шепнул Итан. – Когда-нибудь ты поймешь.

– Клятву?.. – растеряно спросила Кира, но времени на ответ уже не осталось.

Итан вдруг вспыхнул темно-красным, кровавым огнем, разросся до неба, заслонил собою жгучий цветок. Неведомая сила схватила мышку и безжалостно вырвала из объятий мечты обратно в реальность.

Кира открыла глаза и в ужасе закричала. Она падала в небо, возносилась над разорванным пополам авианосцем, нечто влекло ее прочь от вздымавшегося вдали бело-огненного фонтана.

Океан далеко внизу заливал мертвенный атомный свет. Время замедлило бег; мышка с необычайной четкостью видела фронт взрывной волны, что кругом расходилась от ядерного цветка. Стирая на пути само пространство, смерть мчалась сквозь ночь.

Когда волна ударила авианосец, гигантский корабль смело, будто бумажную лодочку. В тот же миг исчезла и сила, что несла мышку прочь; догадавшись, она страшно закричала.

Никто не ответил. Падая по дуге, Кира рухнула в море и ушла глубоко под воду; фронт взрыва пронесся поверху. Гидроудар едва не раздавил крохотную мышку.

Потеряв сознание, она всплыла безвольным комочком золотой шерсти и, раскинув лапки, закачалась на бурлящей поверхности смертельно раненного океана.

Глава 25

...тогда она усыпила меня хлороформом и выкопала туннель на поверхность... – рассказывал Элджи. Все обитатели барака, кроме серебряного Марува и Орби с детьми, сидели кругом и слушали, затаив дыхание; тем, кто не знал русского, шепотом переводили соседи.

Орби лежала в гнездышке из одеял чуть поодаль, у самого вентилятора, где было теплее всего. Малыши недавно наелись и сыто посапывали под боком у мамы. Рядом, понурившись, сидел огромный серебристый мыш с янтарными глазами.

– Неужели нас мотало по океану в крохотной подлодке целых два года? – тихо спросила Орби. Марув грустно кивнул.

– Никто в то время даже не представлял себе истинных масштабов планеты. Думали, отправимся прямо вперед и за пару смен доплывем до континента. Вирату предупреждал, но как мы могли верить его рассказам, если даже Солнце впервые увидели лишь за Барьером... – он бросил на Орби затравленный взгляд. – Ты вела нас, Сэрэ, вдохновляла всех и каждого. Но топливо кончилось очень быстро. Мы выжили лишь потому, что в лодке была динамо-машина, из которой Марран и его техники собрали опреснитель морской воды. Целыми сменами все ее крутили, меняясь, когда уже лапы отваливались... Питались водорослями и переработанной рыбой. Смена за сменой, месяц за месяцем, мы дрейфовали в океанских течениях, иногда голодали, иногда болели от плохой пищи... То было ужасное время, Сэрэ. Даже ты едва не сдалась однажды.

Орби поникла.

– Я помню.

– Помнишь?! – встрепенулся Марув. Мышка с вздохом кивнула.

– Меня посещают обрывки воспоминаний, флешбэки. Самые яркие страницы забытой жизни. В ту штормовую ночь, когда я молила океан избавить от мучений, ты насильно унес меня внутрь... – она опустила голову. – Это все, что я помню.

– Но ведь мы прожили вместе девять циклов и родили троих детей, прежде чем вернулся Вирату, – с болью сказал Марув. – Неужели вся наша жизнь казалась тебе... Столь тусклой?

Орби вздрогнула.

– Что за глупости! – рассердилась она. – У меня всего-то и было три-четыре флешбэка, Марув. Не знаю, что послужило причиной, но Серенады действительно больше нет. Я даже... – она запнулась, и все же закончила – ...не уверена, что хотела бы вновь ею стать.

Серебристый великан сжался, как от удара. Помолчал, глядя в сторону.

– Он спас тебе жизнь? – спросил глухо, кивнув на окружившую Элджи толпу. Орби кивнула.

– Не только жизнь. Он... спас мою душу. Я превращалась в животное. Не было надежды, не было смысла ни в чем. Я даже имени себе не стала выдумывать, представь! – она содрогнулась. – Лишь встретив Элджи и Киру, я вернулась из полуживотного состояния и... Назвала себя «Орби».

Марув бросил на подругу внимательный взгляд.

– Когда вы встретились, ты была уверена, что кроме вас, на свете нет других сарков, – сказал он очень серьезно. – Выбор был между смертью в одиночестве, или жизнью с Элджи. А сейчас ответ честно, Сэрэ. Если б выбирать приходилось сегодня, ты...

Он запнулся, встретив яростный взгляд. Медленно привстав, Орби в бешенстве прижала к голове уши и вся подалась вперед.

– Ты сейчас назвал меня шлюхой? – спросила она размеренным голосом. Марув чуть не отпрыгнул и широко раскрыл глаза:

– Что?! Нет! Я..

– Ты сказал, что я легла под Элджи, ибо других самцов не нашлось, – процедила Орби сквозь зубы.

Марув отпрянул, в отчаянии замотал головой:

– Ты не так поняла! Я имел в виду...

– Элджи рисковал жизнью и месяц провел в человеческой клетке, бросившись спасать из плена Киру, о которой мимоходом прочел в заметке. Он вызволил нас троих – меня, Киру и ее брата, отдал нам убежище, которое в одиночестве строил сорок лет. Он сутками, без устали учил меня всему, что я позабыла в проклятом подвале, возрождал во мне разум, – тихо, яростно сказала Орби. – Мы проводили с ним долгие осенние дни на берегу озера, где я училась, а он смотрел на меня, как на чудо. Знаешь, как смотрел? – выдавила Орби, чуть не плача. – Словно я сон, и могу испариться в любой миг. Он, наверное, до сих пор не до конца верит, что я настоящая.

Она свирепо хлестнула себя хвостом.

– Я выбрала Элджи спутником жизни. Не «единственного подходящего самца», а Элджи. Замечательного, искреннего, самоотверженного и полностью преданного друзьям. Я люблю его, Марув, – она сверкнула глазами. – Если ты и правда помнишь Серенаду, ты должен понять, как сильно ты сейчас меня оскорбил.

Серебряный великан с болью опустил голову.

– Я помню Серенаду, – ответил едва слышно. – Здесь, в плену, что мог я сохранить, чем дорожить, кроме воспоминаний? Я помню, как мы встретились впервые, в долине Огненных Ласок, на мотогонке. Ты была звездой... Грациозной, стремительной, непобедимой. Я, глава клана, боялся к тебе подойти, словно вмиг стал несмышлёным детенышем!

Орби отвела взгляд.

– Но всего этого не помню я, Марув, – сказала напряженно. – Понимаешь? Не помню. И куда сильнее меня ужасает мысль, что я забыла родных детей... – она скрипнула зубами. – Прошу, не причиняй еще больше страданий. Если судьба... Или та жестокая тварь, что играет в судьбу и жонглирует нашими жизнями! – прорычала она вдруг, свирепо прижав уши. Вдохнула, провела лапкой по лицу. – ...если мы каким-то чудом вернемся домой, я постараюсь... Из-за всех сил постараюсь вновь стать им матерью.

Орби взглянула в лицо серебристого великана.

– Но женою твоей я больше не стану, прости, – сказала твердо. – Ты любил

Серенаду, она любила тебя. Вы прекрасная пара. Но я – не Серенада. Я Орби, жизнь моя принадлежит мне одной, и я сделала выбор, – она оглянулась на толпу вокруг Элджи.

Марув целую вечность сидел молча, сжавшись и чуть покачиваясь.

– Когда ты упала за борт и погибла в винтах человеческого катера, я думал, жизнь кончена, – произнес он тихо. – Зачем бороться? К чему стремиться? Меня откачали уже в плену. Я хотел утопиться, но Вирату... Напомнил о долге, – Марув поднял голову. – Долге перед кланом, что я возглавлял. Долге перед детьми, что я привел в этот мир. Долге перед народом, что породил всех нас. Долг вернул мне волю к жизни, позволил... смириться, что тебя больше нет рядом.

Он слегка подался вперед:

– А как мне смириться сейчас? Как жить, зная, что ты рядом – но не со мной?!

– Я – рядом, – с ударением сказала Орби. – Но я – не Серенада, с которой ты жил. Пойми. Больше не Серенада, и не стану ей никогда. Она мертва! Мы с тобой можем оба хранить о ней память, и только память, Марув. Память о Серенаде принадлежит тебе. Не я.

Мышка слабо улыбнулась.

– Я никому не принадлежу. Ни тебе, ни Элджи, ни любому другому.

Она склонилась вперед и положила лапку на колено гиганта. Серебряный сильно вздрогнул.

– Знаешь, что сказал Элджи, когда я поведала ему про свой сон? – тихо спросила Орби. – Про сон, где был ТЫ?

Марув напрягся:

– Ты рассказала ему о нас?!

– Элджи ответил, «Столь волшебное существо не могло не быть любимом», – мягко шепнула Орби. Марув стиснул тяжелые кулаки, под шерстью стальными тросами вздулись мышцы.

– Серенада была твоей женой, – ласково сказала мышка. – Твоей собственностью. А мы с Элджи – спутники жизни и добрые друзья. Понимаешь? Элджи мной не владеет, он меня любит, – добавила мягко. – Попробуй и ты.

– Попробовать?! – вырвалось у гиганта.

– Ага, – весело ответила Орби. – Любить, а не владеть.

Марув помолчал.

– Теперь я верю, что ты не Серенада, – сказал он после паузы. Встал. – Прости, Орби. Я не умею делиться любимыми женщинами. Прощай и будь счастлива... с ним, – процедил великан сквозь зубы.

Прежде, чем Орби успела ответить, он рывком развернулся и ушел. Мышка поникла. Чтобы отвлечься от тяжелых мыслей, принялась вылизывать детей, но чья-то огромная тень заслонила свет и вынудила ее поднять голову. Вздогнув, Орби инстинктивно свернулась вокруг малышей: сквозь окно в крыше барака на нее смотрел агент Троицкий.

Тишину разорвал пронзительный дребезжащий звон. Пленники всполошились, но довольно быстро пришли в себя и торопливо построились в два ряда у центра барака. Элджи, незнакомый с местными порядками, подбежал к Орби и сел рядом, притянув ее за плечи.

– Переключка! – прогремел динамик.

Стоявший во главе строя Вирату шагнул вперед, повернулся на пол-оборота и дал знак. Пленники принялись один за другим поднимать лапы и выкрикивать свои имена. Когда умолк последний, Вирату посмотрел на новоприбывших.

– Элджи, – буркнул черный мыш, подняв лапку.

– Орби! – отозвалась его любимая.

Агент Троицкий за окнами что-то сказал другому человеку.

– В шеренгу! На выход по одному! – прогрехотал динамик. Орби сжалась, Элджи крепче ее обнял.

– Бери детей, – шепнул с болью.

Пленники построились в одну линию, в главе встали Вирату и Марув, замыкал капитан Марран. Когда подошли новички с малышами в лапках, Марран пропустил их

перед собой. Стиснул Элджи плечо:

– Не бойтесь, так бывает, – быстро сказал вполголоса. – Иногда люди устраивают обыск или дезинфекцию, тогда нас временно переводят в другую клетку...

Его оборвал грохот динамика:

– Первый пошел! Не задерживаться!

Стоявший во главе шеренги Вирату покинул строй и одинокой белой фигуркой скрылся под тесемчатой ширмой.

– Следующий!

Один за другим пленники покидали барак. Когда настала очередь Элджи, следивший за процессом сквозь окно Троицкий дал кому-то знак.

– Передай детенышей следующему и выйди из строя! – рявкнул динамик. Черный мыш содрогнулся. Растеряно обернулся к капитану.

– Нет выбора... – выдавил тот и взял малышей у испуганного мышонка. – Мы целиком в их власти...

– Следующий!

Марран, нервно дергая хвостом и прижимая к себе детей, вышел из барака. Орби дрожала всем телом.

– Элджи, я... Любимый, если я...

– Теперь самка!

Пискнув, несчастная Орби судорожно прижала к груди сыновей и, покачиваясь, зашагала к дверям. Элджи остался в бараке совершенно один.

Прошло несколько минут. Черный мышенок стоял неподвижно, его легонько трясло. Новых команд не поступало, люди за окнами ушли. В бараке висела липкая, болезненно-напряженная тишина.

Снаружи погасла одна из настольных ламп, за ней другая. В воцарившемся полумраке раздался скрежет металла. Элджи сжался в комочек.

Чьи-то сильные, мозолистые пальцы подцепили гофрированную жесть сбоку и подняли весь полусферический купол. Ледяной воздух ворвался в барак, заставил Элджи сжаться плотнее. Человек с мозолистыми руками опрокинул крышу в сторону, и та с оглушительным дребезгом закачалась на бетоне.

– Иди сюда, – глухо сказал агент Троицкий.

Элджи поднял голову, от холода у него уже зуб на зуб не попадал. Попытался исполнить приказ, но лапки вдруг свела судорога и он упал на одно колено. Троицкий нетерпеливо шагнул вперед, схватил мышонка грубыми, натруженными пальцами и сунул в нагрудный карман бушлата. Элджи беспомощно пискнул.

Агент осмотрел остатки тюрьмы, где три года томились пленники с острова. Дал знак часовым; те подбежали с канистрами. Дождавшись, пока вспыхнет жаркое пламя, Троицкий развернулся на каблуках и зашагал в сторону доков.

Идти предстояло несколько сотен метров, в полумраке и гробовой тишине. Слегка умерив шаг, Троицкий расстегнул карман бушлата.

– Согрелся? – спросил глухо.

Элджи с трудом кивнул.

– Пожалуйста, пощадите мою семью! – взмолился он. Агент скрипнул зубами. Медленно сбавив шаг, он остановился у ржавых перил посреди заброшенной подземной базы. Царила мертвая тишина, мрак едва-едва рассеивали далекие фонари.

– Помнишь, что ты сказал в самолете? – произнес, наконец, Троицкий. На мышонка в кармане он не смотрел.

– Простите... – пролепетал Элджи.

Изуродованные губы слегка растянулись в напряженной, недоброй усмешке.

– Простить? – повторил агент севшим голосом. И впервые опустил взгляд к пленнику. – Я служил в сотой стрелковой, на первом украинском фронте. Как-то, в январе 45-го, мы брали мелкий польский городок, в полусотне километров к западу от Кракова. Немцы дрались как бешеные, наших бойцов там сотни три полегло... – он прислонился к холодным перилам и закрыл глаза, более не пытаясь душить воспоминания. – Городок назывался Аушвиц.

– Освенцим?! – вырвалось у Элджи.

– Снег был серый. Серый, понимаешь? – с трудом произнес Троицкий. – Мы думали, фрицы военный завод защищают, потому-то и собачатся. Но заводов там не было. Только печи.

Он чувствовал, как сердце пытается выскочить из груди, и почему-то спешил все рассказать. Это было просто необходимо рассказать. Хоть кому-то. Хоть мыши.

– Запах... – прошептал Троицкий, задыхаясь, как в тот день. – В воздухе стоял

запах... Странный, липкий... Мы шли по улочке, засыпанной пеплом, там не было высоких зданий, понимаешь? Ну, таких, где снайпер бы мог затаиться. Маленькие аккуратные домики. А потом... Начались длинные такие цеха... Одноэтажные...

Человек дернулся, так сдавил ржавые перила, что металл жалобно скрипнул.

– Там были конвейеры, – сказал он хрипло. – И женщины. Женщины, они работали за конвейерами. Сотни женщин. Снимали одежду с трупов из газовых камер. По десять-двадцать тысяч тел за день. Я видел линию для детских трупиков. Ящики с одеждой. Огромные, плотно забитые ящики. Темно-коричневые. С детской одеждой. Когда людей выгружали из вагонов, их сортировали. Трудоспособным выдавали лагерные робы, ну а непригодных для работы – детей, стариков, беременных женщин – отправляли в газовые камеры прямо с вокзала. Так было нужно, понимаешь? – выдавил Троицкий, едва сдерживаясь чтобы не закричать. – Ничего личного!

Элджи сжался в комочек и зажмурился, пытаясь закрыть лапками уши.

– Не надо... – взмолился он. – Пожалуйста!

Троицкий чудовищным усилием воли взял себя в руки. Дрожащими пальцами вытащил сигарету, закурил, судорожно скомкал коробок спичек.

– Теперь ты понимаешь, что сказал в самолете? – спросил мертвым голосом.

– Я не знал! Простите, я же не знал!

– Простить? – человек медленно опустил голову и, в упор, посмотрел в крохотные зеленые глазки беспомощного мышонка, что дрожал от страха и холода в нагрудном кармане бушлата.

– Гляди, – тихо сказал Троицкий. Оттянув грубым мозолистым пальцем карман, показал Элджи дырочку в ткани. – Здесь была медаль. Самодельная. Правительство Польши отказалось их выпускать, и чеканщик сделал вручную, несколько штук, для каждого выжившего из нашей роты. Теперь остался только я. А медаль давно затерялась.

Он с хрустом, до боли стиснул пудовые кулаки и судорожно перевел дух. Зажмурился, постоял в тишине, затягиваясь сигаретой. Скомкал ее в пальцах.

– Ваша подводная лодка заправлена и готова к отплытию, – глухо произнес Троицкий, не глядя на Элджи. – В трюме припасы, вода, бочки с соляжкой. Топлива до острова должно хватить.

Потрясенный мышонок оцепенел. Моргая, утратив дар речи, смотрел снизу на обожженное лицо человека.

– А как же вы?.. – только и смог спросить, когда справился с шоком.

Троицкий криво усмехнулся.

– Мы собирались передать американцам подлодку, полную разумных мышей. Но я, пожалуй, отыскал ей замену. Вся эта история вас больше не касается, Элджи. Заводите моторы и... – агент запнулся, – ...не суйтесь больше в эту норку, мышата.

Он помолчал и добавил:

– Сожрут.

Эпилог

Безвольный комочек золотой шерсти, раскинув лапки, качался на волнах. С роковой ночи миновали уже десятки восходов и закатов, пропитанный радиацией воздух красиво искрился во тьме. Остров давно исчез за горизонтом – комочек шерсти уносило течением.

Сознание периодически возвращалось, но Кира утратила волю к жизни. Глядя в истерзанное небо, даже не моргая, она вспоминала брата, его последние минуты. Иногда погружалась в забытье, но ей было все равно.

Когда рядом послышался плеск весел, мышка не повернула головы. Множество теплых лап ухватили ее за шерсть, втянули в шлюпку. Бездвижно валяясь на спине, она продолжала смотреть в небо.

Шлюпку канатами притянули к потрепанной маленькой субмарине. Киру бережно отнесли в медицинский отсек, уложили на белый стол. Долго отогревали тепловентилятором, сушили шерстку феном. Укутали одеялами с ног до головы. Ей было все равно.

Вокруг суетились. Комочек шерсти пытались привести в чувство, совали ей под нос нашатырный спирт, теребили за плечи, кололи витаминами и антибиотиками. Она

безучастно смотрела на потолок.

Впервые что-то изменилось в ее ровном раздавленном мире, когда глаза уловили знакомый силуэт. Кто-то смотрел ей в лицо. Кто-то... Родной?..

Кире пришлось легонько сосредоточиться, и мутный силуэт превратился в прекрасно знакомое ей лицо, а раздражающий гул вдруг разбился на звуки:

– ...очнись, ну пожалуйста, приди в себя!

Золотая попыталась разлепить губы. Заметив это, силуэт вскрикнул, и суета вокруг тут же усилилась. Губы смазали теплым маслом, смыли морскую соль с мордочки. На сей раз, Кире удалось заговорить:

– Орби? – прошептала она.

– Да, да, это я! – плачущая мышка крепко ее обняла. – Кира, о небо, Кира, ты живая, я не верю, просто не верю, подруга, это же чудо! Кира!

Комочку шерсти впервые, на краткий миг, стало не все равно – и этого хватило. Боль, страх, гнев, тоска, горечь утраты, все жгучие эмоции, что копились под соляной коркой, разом прыгнули на свободу. Киру скрутило, она застонала. Закрыв лицо лапками, перекатилась на бок.

Мука, казалось, длилась вечно, но теплые объятия друзей и родные голоса помогли золотой мышке вернуться в мир живых. Она открыла помутневшие глаза.

– Кира! – Орби прижалась всем телом. – Милая, тебе лучше?!

Золотая мышь медленно, очень медленно коснулась распухшей окровавленной памяти. Нарыв тут же лопнул, и она сжалась от боли, вспомнив ночь взрыва в безжалостных мельчайших подробностях. Из глаз показались слезы, Кира скрутилась в клубок и заплакала.

Плакала долго, но наконец, собрав остатки воли в кулак, она заставила себя сесть. Впервые обвела взглядом медицинский отсек.

Тут были все – Элджи, Орби, заметно подросшие мышата. Множество незнакомых мордочек пожирало спасенную взглядом, в отсек набилось десятка полтора космонавтов.

– Где я? – с дрожью в голосе спросила золотая.

– На борту корабля «Ариадна», – ответил один из присутствовавших, пегий высокий мыш с серой шерстью и черными пятнами. – Я Марран, капитан экспедиции.

Добро пожаловать!

Кира перевела дух. Взглянула на Орби, что стояла рядом, в волнении сцепив перед грудью лапки. Посмотрела на Элджи.

– Итан погиб, – выдавила золотая мышь. – Люди взорвали остров.

– Мы знаем, – тихо ответил Элджи.

– Я держала Барьер включенным, сколько могла, – Киру сотрясла крупная дрожь. – У жителей было почти тридцать лет на эвакуацию. Они не могли сгинуть все, слышите? Не могли! Хотя несколько транспортных прорвалось бы...

Космонавты переглянулись. Вперед вышел невысокий, красноглазый белый. Что-то в нем, необъяснимо как, сразу вызывало уважение.

– Пещеры пусты, Кира, – сказал он мягко. – Мы не смогли пробраться туда из-за радиации, но Элджи собрал дрон...

– Пещеры пусты! – не выдержала Орби. – Свод обрушился, но жители эвакуировались, Кира! Наш народ не погиб!

Золотая мышь судорожно вцепилась пальцами в край стола. Не веря, обвела взглядом улыбающихся друзей.

– Где они?.. – только и смогла выдавить.

Элджи развел лапками.

– Мы не знаем, – ответил просто. – За тридцать лет подготовки беженцы должны были хорошо продумать, как скрыть от людей все следы.

Орби, прыгая от радости, бросилась на Киру и повисла у нее на шее.

– Земля огромна! – воскликнула мышка. – Пампасы и прерии, джунгли и горы, жаркие пустыни и ледяные просторы Антарктики. Возможности безграничны! И где-то там, сейчас, в безопасном убежище, наш род начинает новую жизнь!

Золотая робко улыбнулась. Бросила на Элджи слегка растерянный взгляд.

– Но... Как же их найти?..

Мышонок рассмеялся.

– Со временем, подруга! Со временем! – он обвел жестом переполненный отсек. – Я сорок лет жил один, без надежды, без веры. Оглянись! – Элджи подхватил двух мышат. – Теперь нас много, и мы знаем, к чему стремиться. Мы знаем, за что боремся!

– Знаем, во что верим, – тихо добавила Орби.

Вперед вышел невысокий белый мышонок с пронзительно-алыми глазами цвета огня. Все с уважением притихли.

– Был знак, – торжественно сказал Вирату, и друзья хором подхватили:

– Белый камень пал с неба!

– И разбился на сотни осколков, на тысячи камней! Белых, острых!

– Не задели они Вирату, – гордо произнес белый. – Я сказал:

– Белый камень видел свет! – воскликнули все хором. – И светло, где он был!

Там много камней, белых, светлых!

– Нет без них жизни Вирату, – торжественно закончил огненноглазый. Подошел Элджи:

– Как найдешь ты место, где много белых камней, где всегда светло, где не живут? Как найдешь, Вирату?! – с чувством спросил он у белого.

Тот широко улыбнулся.

– Пойду и найду, – ответил просто. – В темноту, за светом.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Продолжение читайте в романах

«Боеприпасы на зиму» и «Кто светел, тот и свят»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЦЕПЬ АРИАДНЫ	1
Часть первая.....	2
Пролог.....	2
Глава 1.....	4
Глава 2.....	17
Глава 3.....	33
Глава 4.....	48
Глава 5.....	60
Глава 6.....	78
Конец первой части.....	90
Часть вторая.....	90
Глава 1.....	93
Глава 2.....	101
Глава 3.....	117
Глава 4.....	126
Глава 5.....	136
Глава 6.....	146
Глава 7.....	162
Глава 8.....	175
Глава 9.....	185
Глава 10.....	194
Глава 11.....	208
Глава 12.....	219
Глава 13.....	228
Глава 14.....	239
Глава 15.....	247
Глава 16.....	258
Глава 17.....	266

Глава 18	274
Глава 19	282
Глава 20	291
Глава 21	305
Глава 22	315
Глава 23	329
Глава 24	339
Глава 25	350
Эпилог	358
КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ.....	361